

Л. Э. КАЛНЫНЬ

ТИПОЛОГИЯ
ЗВУКОВЫХ
ДИАЛЕКТНЫХ
РАЗЛИЧИЙ
В
НИЖНЕ-
ЛУЖИЦКОМ
ЯЗЫКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Л. Э. КАЛНЫНЬ

ТИПОЛОГИЯ
ЗВУКОВЫХ ДИАЛЕКТНЫХ
РАЗЛИЧИЙ
В НИЖНЕЛУЖИЦКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1967

Книга, построенная на материале, собранном автором во время диалектологических экспедиций, посвящена выявлению типологии звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. Эта задача решается на основе фонологического описания частных диалектных систем, позволяющего установить состав фонем, их распределение, фонетическую реализацию и сравнительную частоту употребления.

Ответственный редактор
член-корр. АН СССР Р. И. АВАНЕСОВ

ВВЕДЕНИЕ

I. Предлагаемое исследование имеет своей целью выявить типологию звуковых диалектных различий, включенных в состав нижнелужицкого диалектного языка. Эта задача решается на основе фонологического описания частных диалектных систем (минимальная территориально ограниченная единица), устанавливающего состав фонем, их распределение, фонетическую реализацию и сравнительную частоту употребления.

Как внутренние, так и экстраглавистические особенности, присущие нижнелужицкому диалектному языку, делают его весьма интересным объектом для исследования диалектных различий.

Занимая сравнительно небольшую территорию в ГДР, нижнелужицкий диалектный язык легко обозрим в качестве объекта исследования. Он распространен в районах Котбус, Люббенау, Шпремберг, Хойерсверда, Вайсвассер и частично в районах Губен и Форст округа Котбус (по административному делению 1952 г.). Расстояние между наиболее удаленными точками с севера на юг — от дер. Шейнейда (*Schöhnehohe*) до г. Шпремберг (*Spremberg*) 54 км, с востока на запад — от дер. Рогов (*Horno*) до дер. Страводов (*Stradow*) — около 40 км. На этой территории, по данным официальной статистики, в 1933 г. проживало 57 000 лужицких сербов, по данным частной статистики — в 1936—1938 гг. — 111 000¹. На нижнелужицком языке говорит их меньшая часть.

¹ E. Tschernik. Die Entwicklung der sorbischen Bevölkerung von 1832 bis 1945. Eine demographische Untersuchung. Berlin, 1954, стр. 43.

Будучи распространен на столь небольшой территории, нижнелужицкий язык отличается в то же время значительной диалектной дробностью.

Мука, давший первую классификацию нижнелужицких говоров, выделил восемь наречий (среди них вымершие или почти вымершие) и пять поднаречий². В дальнейшем, правда, эта классификация подверглась критике, указывалось, что некоторые выделенные Мукой диалекты в действительности не противостоят другим диалектным массивам, а являются их составной частью³. Большую диалектную дробность нижнелужицкого языка подтверждают и новейшие исследования⁴.

Причины такой диалектной дробности объясняются теми историческими условиями, которые на протяжении веков определяли развитие и функционирование этого языка.

Начиная со средних веков происходит насильственная германизация лужицких сербов. В области серболужицкого языка это выражалось в том, что его функции оказались ограниченными рамками сельской и семейной жизни. В городской и официальной жизни господствовал немецкий язык⁵. По замечанию Р. Енча, церковный приход — это тот максимум, которым была ограничена общественная жизнь лужичан⁶. Поэтому вплоть до XIX в. лужицкий язык использовался только в деревне и в церкви⁷.

Стоит заметить, что и в настоящее время лужицкие лингвисты одну из первых задач в культурно-языковом

² K. E. M u c k e. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache. Leipzig, 1891, стр. 35.

³ Zd. S t i e b e r g. Stosunki pokrewieństwa języków Łużyckich. Kraków, 1934, стр. VI.

⁴ См., например, карты в кн.: H. F a ß k e. Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964. — Менее показательны в этом отношении карты Вирта и первого выпуска Серболужицкого диалектного атласа, которые в основном отражают лишь лексические различия. См.: P. W i r t h. Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas. Leipzig, Lief. 1—1933, Lief. 2 — 1936; «Sorabischer Sprachatlas, 1». Bautzen, 1965.

⁵ E. T s c h e r n i k. Указ. соч., стр. 9—10; M. K u b a š e c. Spočatki serbskeho pismowstwa. «Serbščina». Listowy studij za wucherjow. Wud. Maly Wjelkow, (б. г.), стр. 28 (далее «Serbščina»).

⁶ R. J e n č. Stawizny serbskeho pismowstwa 1 dízel. Budyšin, 1954, стр. 29.

⁷ H. Š e w c. Stawizny hornjeje a delnjeje serbščiny. «Serbščina», стр. 500.

строительстве видят в том, «чтобы из языка, который до сих пор был главным образом ограничен сельской и семейной жизнью, создать более широкий и хорошо функционирующий орган общения»⁸.

Ограничение функционирования языка рамками небольших диалектно-территориальных групп способствует консервации диалектных особенностей. В рассматриваемом случае крайняя консервативность языка усугублялась укладом жизни лужицких сербов в условиях экономического угнетения и национально-культурного неравноправия. Г. Шустер, анализируя звуковую систему, отраженную в одном из нижнелужицких памятников XVI в., не находит в ней существенных отличий от современного нижнелужицкого языка⁹. Интересно также замечание Р. Енча о том, что язык Присяги будышиных горожан (XV в.) и Присяги города Любороза (XVI в.) по существу не отличается от современных диалектов¹⁰. Р. Енч спрашивливо отмечает, что вплоть до XVIII в. ни один официальный институт, в том числе и церковь, не поддерживал и не развивал национальное самосознание лужицких сербов. Все было направлено на онемечивание этого народа. Единственной опорой серболужицкой национальности была народная традиция¹¹.

Натуральное хозяйство, отсутствие промышленных центров, особенно на территории Нижней Лужицы,— все это способствовало тому, что лужицкая деревня до XX в. вела очень замкнутый, обособленный образ жизни¹², исключало возникновение каких-либо предпосылок для нивелирующего взаимодействия между диалектами, для расширения одного диалекта за счет других.

Сказанное характерно для Нижней Лужицы в большей степени, чем для Верхней. Нижняя Лужица находилась

⁸ H. Schuster - Šewc. Die Geschichte der sorbischen Schriftsprachen. «Славянска филология», т. III. София, 1963, стр. 145.

⁹ H. Schuster - Šewc. Vergleichende historische Lautlehre der Sprache des Albin Moller. Berlin, 1958, стр. 94.

¹⁰ R. Jenč. Указ. соч., стр. 13, 14.

¹¹ Там же, стр. 187.

¹² Именно об этом свидетельствует следующее наблюдение Муки, сделанное им в 1876 г. во время поездки по Нижней Лужице: «Корчмарева невеста придет из Яншойц (в Мост — Л. К.), до которых пути два часа, а все просто не могли нам описать, как это далеко» (A. Muka. Pućowanja po Serbach. Budysin, 1957, стр. 13).

в худших экономических условиях и была к тому же объектом значительно более безоговорочной германизации.

Карта сравнительного распространения серболужицких языков в XVII, XVIII, XIX вв. показывает, что особенно быстро сужалась территория распространения нижнелужицкого языка: за этот период она уменьшилась более чем вдвое¹³.

Последовательное запрещение серболужицкого языка в школе, церкви, государственных учреждениях, искоренение национальных традиций — все это резко тормозило развитие национально-культурной жизни в Нижней Лужице.

Первые серболужицкие письменные памятники были написаны на нижнелужицком языке, но в дальнейшем нижнелужицкая письменность развивалась очень слабо. Если сравнить количество памятников, написанных на нижнелужицком и верхнелужицком языках, то станет очевидным большее развитие последнего. Например, для XVI в. известно пять нижнелужицких памятников и десять верхнелужицких, не считая целого ряда мелких списков¹⁴. Историк литературы К. Е. Еич с целью выявления памятников письменности обследовал всю Нижнюю Лужицу. Ему удалось обнаружить их всего 115, причем в это число входят наряду с книгами и тетрадями также и разрозненные листки¹⁵.

Слабое развитие литературы в Нижней Лужице, ничтожное количество печатных изданий — все это мало способствовало развитию нижнелужицкого литературного языка, как нормированной формы общенационального языка. Даже в XIX в., в период серболужицкого культурного подъема, в Нижней Лужице не наблюдается заметного укрепления и расширения письменного языка. Но и в том виде, в каком он складывался, нижнелужицкий литературный язык в своем употреблении был ограничен узким кругом местной интеллигенции и практически никакой роли не играл в жизни крестьян — основных носителей нижнелужицкого языка.

¹³ Н. Šewc. Указ. соч., стр. 498, 499. См. также: R. Jenč. Указ. соч., стр. 112.

¹⁴ Н. Šewc. Указ. соч., стр. 632.

¹⁵ M. Kubášec. Указ. соч., стр. 37.

Даже в настоящее время, когда в ГДР уделяется большое внимание развитию серболужицкой национальной культуры и создаются для этого необходимые условия, роль нижнелужицкого литературного языка среди сельского населения все еще очень невелика.

Р. Енч справедливо отмечает, что для большей части лужицких сербов родной язык выполняет функцию, которая на одноязычных территориях падает на долю диалекта. Поэтому отношению *диалект : литературный язык* у лужицких сербов соответствует отношение *серболужицкий язык : немецкий литературный язык*¹⁶.

Вследствие того, что серболужицкие языки были исключены из городской и официальной жизни, лужицкое население было поставлено перед необходимостью овладения немецким языком.

В окраинных районах нижнелужицкой территории немецко-лужицкое двуязычие существовало уже в 1800 г.¹⁷ Однако центр Нижней Лужицы, окрестности Котбуса и Блоты еще и в конце XIX в. были, по наблюдениям Муки, целиком лужицкими и по населению, и по языку¹⁸. Решительное распространение двуязычия происходит в основном в течение последнего пятидесятилетия.

Для судьбы нижнелужицких диалектов определяющим оказалось не столько то, что немецкий язык стал языком официальной жизни (суд, торговля, город) в Нижней Лужице, сколько то, что на немецком языке постепенно стало осуществляться всякое общение за пределами своей деревни¹⁹. В этих условиях немецко-лужицкое двуязычие стало новой преградой на пути нивелирующего взаимодействия между диалектами. Система диалектного языка в каждом населенном пункте на каком-то этапе консервировалась в том смысле, что даже ситуация, способствующая проникновению инодиалектных черт, стала маловероятной.

¹⁶ R. Jenč. Dwojorěčnosć Serbow a serbska lingwistiska terminologija. «Lětopis Instituta za serbski Judospyt», Rjad A, číslo 11/1, Budyšin, 1964, str. 22.

¹⁷ A. Mučka. DeInjołužicke serbowstwo w lěće 1880. «Časopis maćicy serbskeje», Iět. XXXVII, Budyšin, 1884, str. 104.

¹⁸ Там же, стр. 76 и далее.

¹⁹ Следующий за этим этап — это уже полное вытеснение серболужицкого языка немецким. Именно такая судьба и постигла многие деревни на окраине нижнелужицкой территории и в окрестностях Шпремберга.

В то же время немецко-лужицкое двуязычие способствовало осуществлению влияния немецкого языка на нижнелужицкий диалектный язык. В области фонетики это выражается в ослаблении лужицких артикуляционных навыков, что в некоторых случаях может иметь последствия на фонемном уровне. Насколько сильно влияние немецкой артикуляции, видно, например, из того, что Михалк, исследуя судьбу звонких согласных в условиях сандхи в серболужицких языках, счел возможным использовать данные, полученные от информаторов только до 1890 г. рождения²⁰.

Важно также подчеркнуть, что распространение немецко-лужицкого двуязычия способствовало дальнейшему сужению рамок использования нижнелужицкого диалектного языка. Если раньше его использование было ограничено диалектно-территориальными группами в пределах церковного прихода, то теперь оно практически сведено до пределов одной деревни. В связи с тем, что во многих деревнях молодое поколение стремится полностью перейти на немецкий язык, к территориальным ограничениям в использовании нижнелужицкого языка добавляются ограничения генерационные²¹.

Общеизвестно, что предпосылкой стирания диалектных граней и диалектного смешения является развитие капиталистических отношений на соответствующей территории. Для Нижней Лужицы такая ситуация начинает складываться во второй половине XIX в., достигнув определенного расцвета к концу века (это было связано прежде всего с разработкой залежей бурого угля в районе Шпремберга и Зенфтенберга).

Однако для Нижней Лужицы всякий прогресс в области индустриализации означал в то же время усиление германизации, в ходе которой насильтвенное насаждение немецкого языка играло не последнюю роль²². Харак-

²⁰ S. Michalk. Zur Frage des sorbischen Sandhi. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. IX, N. 2, 1964, стр. 222.

²¹ О том, что в настоящее время двуязычие расширяется вопреки отсутствию тенденции насильтвенной германизации, см.: R. Jenč. Dwojorěčnosť..., стр. 2.

²² A. Grapkačk. Serbia w dobie wuwića Němskeje z kapitalizmu swobodnej konkurencji do monopolowego kapitalizma. «Serbščina», стр. 948; «Chrestomatija dolnoserbskego pismowstwa», II zwězk. Berlin, 1957, стр. 9 и сл.

терно, что именно окрестности Шпремберга, единственные среди внутренних районов Нижней Лужицы, оказались полностью германизированы, так что в настоящее время территория распространения нижнелужицкого языка представляет собою два острова, соединенных между собою узким перешейком: первый — окрестности Котбуса и Блоты (Шпревальд), второй — территория к югу и юго-востоку от Шпремберга.

Таким образом, те предпосылки к нивелирующему взаимодействию диалектов, которые создаются развитием капиталистических отношений, в Нижней Лужице не могли реализоваться, так как на пути их осуществления вставало обусловленное той же индустриализацией немецко-лужицкое двуязычие.

По-настоящему трагическим положение серболужицкого населения в Германии стало в период фашизма. Подвергая лужицких сербов как представителей славянства жестокой дискриминации, фашисты в конечном счете имели в виду их полное физическое уничтожение²³. Справедливо заметил один из авторов, пишущих о лужицких сербах: «Если бы Гитлер победил, вероятно, Лужица была бы сегодня таким же кладбищем славян, как вся полабская область»²⁴.

Деятели лужицкой культуры с сожалением отмечают пренебрежительное отношение к родному языку и национальным традициям, встречающееся и в настоящее время среди сельского населения Нижней Лужицы²⁵.

Из сказанного вытекает, что развитие и функционирование нижнелужицкого диалектного языка определяют следующие обстоятельства:

²³ B. Nowak. Die Doppelrolle der Führung der sorbischen nationalen Bewegung in der Zeit der faschistischen Diktatur in Deutschland. «Lětopis Instituta za serbski ludošpyt», Rjad B, číslo 7, Budysin, 1960, str. 7, 13. — Ср. также замечание Вирта, сделанное им в начале 30-х годов, о том, что область распространения серболужицких диалектов катастрофически сужается (P. Wirth. Beiträge..., Lief. 1, Textband, str. VI).

²⁴ W. Kochański. Dole i niedole Serbołužyczan. Warszawa, 1962, str. 154.

²⁵ Problem šulstwa w Dolnej Łužycy a perspektwy założenia Serbskich šulow B. «Serbska šula», Berlin, 1954, № 4, str. 93. K.I.-P. Janaš. Kšac po kšacu. K stawoju šulstwa Dolneje Łužyce w šulskem lěše 1962/1963. «Serbska šula» (б. м.), 1963, № 3, str. 141.

- 1) ограниченность его функционирования пределами сельской и семейно-домашней жизни;
- 2) сужение территориально-диалектных групп как сферы использования нижнелужицкого диалектного языка в связи с распространением немецко-лужицкого двуязычия;
- 3) отсутствие нивелирующего воздействия со стороны литературной формы языка.

Совокупность этих обстоятельств привела к тому, что характерной особенностью современного нижнелужицкого диалектного языка является изолированное функционирование включенных в него частных диалектных систем. В отношении нижнелужицкого диалектного языка нарушается представление о диалектном языке как о континууме. Актуальными остаются: структурная непрерывность — диалектный язык в каждой точке своего распространения наряду с особенностями специфическими обладает чертами, общими для всего диалектного языка; территориальная непрерывность — нижнелужицкий диалектный язык занимает более или менее компактную территорию²⁶. Непрерывность же функционирования, когда территориально ограниченный вариант диалектного языка используется его носителями и за пределами своего коллектива, в частности при общении с носителями иной частной диалектной системы, — такая непрерывность в нижнелужицком диалектном языке нарушена.

Следует заметить, что вообще непрерывность функционирования диалектного языка на определенной территории — это явление, развивающееся по мере того, как начинают действовать различные факторы, обусловливающие в конечном счете консолидацию родственных племен в народность. На территории же распространения нижнелужицкого языка развитие непрерывности функционирования тормозилось факторами, порождаемыми политикой германизации.

II. Наука о серболужицких языках, возникнув в середине XIX в., к 30-м годам XX в. насчитывала ряд серьез-

²⁶ Ср. в то же время замечание Р. Енча о том, что «само определение „серболужицкая языковая территория“ в настоящее время нельзя понимать в абсолютном смысле, так как повсюду имеются более или менее значительные вкрапления немецкого населения» (R. Jenč. Dwojoréčnosć..., стр. 1).

ных исследований, авторами которых были как лужицкие, так и иностранные лингвисты²⁷.

Среди этих исследований видное место занимали работы, посвященные серболужицким диалектам. Это прежде всего труды Щербы, Штибера и Вирта²⁸. В конце 30-х годов Шредером было проведено также исследование слепянского диалекта, опубликованное лишь в 1958 г.²⁹

В указанных работах можно ознакомиться с разными аспектами исследований серболужицкого диалектного материала. Щерба дает монографическое описание диалекта с преимущественным вниманием к его звуковому и фонемному составу. Штибер сосредоточивает основное внимание на вопросах истории формирования серболужицких диалектов и в связи с этим — на генезисе серболужицких языков. Большое значение имеют составленные Штибером карты распространения некоторых диалектных явлений, в том числе и звуковых.

Вирт впервые в сорабистике подвергает диалектный материал лингвогеографической интерпретации. Однако принципы, положенные Виртом в основу картографирования и заключающиеся в том, что картографируется слово, а не явление, обусловили то, что созданные им карты отражают в основном территориальное распределение лексических различий. Что же касается звуковых различий, то они показаны лишь на уровне фонетики одного слова. В собрании Вирта имеется лишь одна фонетическая карта, посвященная явлению, а не произношению одного слова. Это карта произношения *t/u*³⁰.

В условиях фашистского режима в Германии, начиная с 30-х годов не только изучение серболужицких языков, но и получение материала по этим языкам стало почти невозможным.

²⁷ H. Schuster - Šewc. Stand und Aufgaben der sorbischen Sprachwissenschaft. стр. 99 и сл. «Lětopis Instituta za serbski Judospyt», Rjad A, číslo 8, Budyšin, 1961; С. Б. Бернштейн. Русское славяноведение о серболужицких языках. «Серболужицкий лингвистический сборник». М., 1963, стр. 5 и сл.

²⁸ Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915; Z. Stieber. Указ. соч.; P. Wirth. Beiträge...

²⁹ A. Schröder. Die Laute des wendischen (sorbischen) Dialekts von Schleife in der Oberlausitz. Lautbeschreibung. Tübingen, 1958.

³⁰ P. Wirth. Beiträge..., Lief. 1, Kartenband, карта № 7.

Лишь после 1945 г., когда в результате победы Советской Армии над гитлеровской Германией образовалось первое социалистическое немецкое государство, внутри которого лужицкие сербы получили равные с остальным населением политические и экономические права³¹, были созданы все условия для развития науки о серболужицких языках. Центром их изучения в настоящее время является Институт лужицкого народоведения в Бауцене (Будышине).

Лужицкие лингвисты одну из центральных задач, стоящих перед ними, видят в создании серболужицкого диалектного атласа³², первый том которого вышел в 1965 г. (*Sorbischer Sprachatlas 1, Bautzen, 1965*). Еще в начале 30-х годов Вирт считал это научное мероприятие не терпящим отлагательства.

В ходе работ над атласом широко развернулось обследование серболужицких диалектов³³, в первые же годы давшее богатый диалектный материал, который уже частично введен в научный оборот³⁴.

Настоящее исследование также стало возможным благодаря тому, что автор имел возможность познакомиться с живыми нижнелужицкими диалектами и материалами, собранными лужицкими лингвистами и хранящимися в архиве Института лужицкого народоведения. За представление этой возможности автор приносит глубокую благодарность дирекции Института лужицкого народоведения. Автор также сердечно благодарит научных сотрудников Института лужицкого народоведения

³¹ Закон о правах серболужицкой народности принят Саксонским ландтагом 23 марта 1948 г. Конституция ГДР в 11-й статье закрепляет этот закон.

³² Я. Ш ол та. О работе Института лужицкого народоведения (ГДР). «Кратк. сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР», 35, 1962, стр. 104.

³³ P. N o w o t n y. *Předsłowo. «Studije k serbskej dialektologiji»*. Budyšin, 1963, стр. 5—15.

³⁴ S. M i c h a l k. *Der obersorbische Dialekt von Neustadt. Bautzen, 1962; H. F a ß k e. Указ. соч.; D. P e t r o v á —J. P e t r. Beispiele sorbischer Dialektaufnahmen. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. VIII, N. 1, 1963, стр. 62 и сл.; «Sorbische Dialekttexte», I. Spohla. Kreis Hoyerswerda. Bearbeitet von H. F a ß k e und S. Michalk Bautzen, 1963; II. Nochten. Kreis Weißwasser. Bearbeitet von H. J e n t s c h und S. Michalk Bautzen, 1964; III. Schmogrow. Kreis Cottbus. Bearbeitet von H. F a ß k e und H. J e n t s c h. Bautzen, 1965; «Studije k serbskej dialektologiji». Budyšin, 1963.*

д-ра З. Михалка и Г. Енча за ценные консультации по вопросам нижнелужицкой диалектологии.

Выбор материала, на котором строится исследование, определен тем, что нас интересует лишь типологический аспект диалектных явлений в отличие от лингвогеографического аспекта, целиком остающегося за пределами нашего внимания. В связи с этим для нас не играло существенной роли количество материала в том смысле, что мы не стремились получить диалектную документацию со сплошных территориальных массивов. В то же время необходимо было получить сведения из максимально большего количества диалектных типов.

При чисто условном делении нижнелужицкого языка на диалектные типы мы исходим из классификации нижнелужицких говоров, предложенной Мукой³⁵, во многом несовершенной, но очень подробной. Именно в подробности этой классификации мы видим ее преимущество и удобство для наших целей: чем из более подробного диалектного деления мы исходим, тем большее количество диалектных различий окажется в поле зрения.

Таким образом, в настоящем исследовании мы оперируем материалом из следующих населенных пунктов, сгруппированных нами в соответствии с диалектной классификацией Муки.

1. Восточнокотбусский диалект — деревни Мост, Барбук, Грожице, Лишков.
2. Восточнопайтцкий диалект — деревни Яншойце, Дрейце, Тауэр.
3. Восточношпрембергский диалект — деревни Матыёйце, Котлов.
4. Западнокотбусский диалект — деревни Ус, Нова Яс, Рогозна, Шкодов, Брязын, Горы, Бабов, Мышин, Дебск, Радуш, Нябожкойце.
5. Западнопойтцкий диалект — деревни Прявоз, Смогорев.
6. Губинский диалект — дер. Рогов.
7. Среднепограничный диалект — деревни Блунь, Заброд, Терпе, Бяздов, Парцов.
8. Восточнопограничный (слепянский) диалект — деревни Слепо, Брезовка, Требин, Милораз.

³⁵ К. Е. Миске. Указ. соч., стр. 3—5.

9. Мужаковский диалект — деревни Яблоньц, Вускинь.

Выделяемые Мукой западнопограничный и западно-шпрембергский диалекты в настоящее время уже не существуют, территория их распространения полностью германизирована. Сведениями о шреевальдском диалекте мы не располагаем.

Диалектный материал большей части перечисленных населенных пунктов почерпнут нами из ответов на «Программу», созданную в Институте лужицкого народоведения (*Frägenbogen für den regionalen sorbischen Dialektatlas*, Т. I, II). В ряде случаев в составлении ответов на «Программу» принимала участие и автор данной работы. Это относится к говорам деревень Мост, Барбук, Грошице, Рогов, Блунь, Заброд, Терпе, Бяздов, Парцов, где автор делала также наблюдения, выходящие за рамки названной Программы.

Другим источником сведений о говорах перечисленных населенных пунктов явились сделанные в них магнитофонные записи диалектных текстов, которые нередко используются нами в сочетании с материалом ответов на «Программу». Эти магнитофонные записи хранятся в фонотеке Института лужицкого народоведения в Бауцене. И лишь в отношении говоров немногих населенных пунктов даны сведения, почерпнутые из печатных источников.

Говоря о той или иной территориально ограниченной группе говоров, мы будем пользоваться теми названиями диалектных групп, которые предложены Мукой. Однако используем мы их как рабочие термины, отнюдь не выражая тем самым своего отношения к существу и содержанию этой классификации.

В то же время по отношению к говорам окрестностей Котбуса и Блот (по Муке — это восточно- и западнокотбусский, восточно- и западнопойтцкий, шреевальдский и губинский диалекты) в некоторых случаях мы употребляем название «основные нижнелужицкие диалекты» или «диалекты основной нижнелужицкой территории».

III. Настоящая работа содержит синхронный анализ фонемной системы нижнелужицкого диалектного языка. В качестве объекта исследования взят диалектный материал в пределах одного хронологического среза — это современные нижнелужицкие говоры.

Исходя из представления о диалектном языке как о языковом континууме, сочетающем в каждой точке своего распространения особенности общие и различающиеся, мы хотим выявить звуковые особенности как фонетического, так и фонемного уровня, общие для всех диалектных систем, включенных в состав нижнелужицкого диалектного языка, и особенностей, на основании которых те же частные диалектные системы различаются. Это дает возможность интерпретировать звуковой материал нижнелужицких диалектов как единую систему, отдельные звенья которой образованы соответственными явлениями³⁶, т. е. элементами, которые в отдельных диалектах выступают в неодинаковых проявлениях.

При классификации нижнелужицких диалектных различий мы исходим из типологии звуковых диалектных различий, предложенной Р. И. Аванесовым³⁷. Звуковые диалектные различия сведены им к трем основным типам: 1) звуковые диалектные различия, относящиеся к фонетическому слову как целому — это различия, касающиеся ударения; 2) звуковые диалектные различия, относящиеся к отдельной кратчайшей звуковой единице (фонеме), но не относящиеся к фонематической системе языка — это различия в фонемном составе слов (морфем); 3) звуковые диалектные различия, относящиеся к отдельной кратчайшей звуковой единице и имеющие отношение к фонемной системе.

При анализе нижнелужицкого диалектного материала мы основное внимание обращаем на различия, связанные с кратчайшей звуковой единицей и имеющие то или иное значение для фонемной системы, т. е. на различия в составе фонем, их фонетической реализации и дистрибуции. Различия в фонемном составе отдельных слов (морфем) нас также интересуют, однако вряд ли мы можем дать их полный реестр.

Различия, имеющие значение для фонемной системы, в дальнейшем группируются следующим образом.

1. Различия в составе фонем.

2. Различия в составе дифференциальных признаков,

³⁶ О понятии «соответственное явление» см. сб.: «Вопросы теории лингвистической географии». М., 1962, стр. 13.

³⁷ Там же, стр. 28—64.

использованных в фонемной системе того или иного говора.

3. Различие в сфере использования того или иного дифференциального признака.

4. Различие в составе позиций различия одних и тех же фонем, а в связи с этим — различие в составе позиций нейтрализации противопоставлений одних и тех же фонем.

5. Различия в фонетической реализации одних и тех же фонем.

6. Различия в функционировании одного и того же звукового элемента.

7. Различия в частоте употребления отдельных фонем и их сочетаний.

**СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ,
ГОВОРЫ КОТОРЫХ ОТРАЖЕНЫ В ИССЛЕДОВАНИИ,
С УКАЗАНИЕМ НА ИСТОЧНИКИ СВЕДЕНИЙ О НИХ**

- Бабов | лужицкое название Bobow³⁸ | немецкое Babow — сведения взяты из ответов на Программу Института лужицкого народоведения (далее — Институт ЛН)
- Барбук | Barbuk | Bärenbrück — ответы на Программу; личные наблюдения автора
- Блунь | Bluń | Blunow — ответы на Программу; магнитофонная запись текста из фонотеки Института ЛН (без номера); личные наблюдения автора
- Брязын | Brjazyn | Briesen — публикация: D. Petrová—J. Petr. Beispiele sorbischer Dialektaufnahmen. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. VIII, N. 1, 1963
- Бяздов | Bjezdoly | Klein-Partwitz — ответы на Программу; личные наблюдения автора
- Веска | Wieska | Lugknitz — статья: Z. Stieber. Resztki dialekta mužakowskiego na prawym brzegu Nysy. «Lětopis Instituta za serbski ludespyt», Rяд A, číslo 2, Budysín, 1954
- Вускиль | Wuskidź | Weißkeissel — ответы на Программу; монография Л. В. Щербы «Восточнолужицкое наречие» (Пг., 1915)
- Горы | Góry | Guhrow — публикация: D. Petrová—J. Petr. Beispiele sorbischer Dialektaufnahmen; магнитофонная запись текста из фонотеки Института ЛН (без номера)
- Грожище | Grožišće | Gretsch — ответ на Программу; магнитофонная запись текста из фонотеки Института ЛН; личные наблюдения автора
- Дебск | Debsk | Döbbrick — магнитофонная запись текста из фонотеки Института ЛН (без номера)
- Дрейце | Drejce | Driewitz — ответ на Программу; магнитофонная запись текста из фонотеки Института ЛН (без номера)

³⁸ Лужицкое и немецкое названия деревень даются по списку Муки: E. M u k a. Statistika serbow Sakskeho kralestwa. «Časopis maćicy serbskeje», lět. XXXIX, Budysín, 1886.

- Жилов | Žylow | Sielow — Zd. Stieber. Stosunki pokrewieństwa językówłużyckich. Kraków, 1936
- Заброд | Zabrod | Sabrodt — ответ на Программу; магнитофонная запись текста из фонотеки Института ЛН (без номера); личные наблюдения автора
- Котлов | Kótłow | Kathlow — ответ на Программу
- Лишков | Liškov | Gross Lieske — ответ на Программу; личные наблюдения автора
- Матыёце | Matyjojce | Mattendorf — ответ на Программу
- Милораз | Miłoraz | Mühlrose — ответ на Программу
- Мост | Móst | Heinersbrück — ответ на Программу; магнитофонная запись из фонотеки Института ЛН, № SIL 60/11; личные наблюдения автора
- Мышин | Myšin | Müschen — ответ на Программу; магнитофонная запись из фонотеки Института ЛН, № SIL 60/24A, 24B
- Новая Яс | Nowa Wjes | Neuendorf — ответ на Программу
- Нябожкойце | Njabožkojce | Naundorf — монография: H. Faßke. Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964
- Парцов | Parcow | Groß-Partwitz — ответ на Программу и магнитофонная запись из фонотеки Института ЛН (без номера); личные наблюдения автора
- Прявоз | Prjawoz | Fehrow — ответ на Программу
- Радуш | Raduš | Raddusch — H. Faßke. Die Vetschauer Mundart
- Рогов | Rogow | Horno — ответ на Программу; личные наблюдения автора
- Рогозна | Rogozna | Wilmersdorf — ответ на Программу
- Слепо | Slépo | Schleife — монография: A. Schroeder. Die Laute des wendischen (sorbischen) Dialekts von Schleife in der Oberlausitz. Tübingen, 1958
- Смогорев | Smogorjow | Schmogrow — ответ на Программу
- Терпе | Terpe | Terp — ответ на Программу, личные наблюдения автора
- Требин | Trebin | Trebendorf — монография: A. Schroeder. Die Laute des wendischen (sorbischen) Dialekts von Schleife; магнитофонная запись из фонотеки Института ЛН (без номера)
- Турей | Turej | Tauer — магнитофонная запись из фонотеки Института ЛН, № SIL 08B/60
- Ус | Us | Maust — ответ на Программу
- Шкодов | Škodow | Skadow — магнитофонная запись текста из фонотеки Института ЛН, SIL/14A, 14B, 14C
- Яблонец | Jabłońc | Gablenz — ответы на Программу; магнитофонная запись из фонотеки Института ЛН, SIL 57/10

Кроме того, по отдельным вопросам Программы есть сведения еще из нескольких населенных пунктов: Борковы | Borkowy | Burg, Вербно | Werbno | Werben, Дрешнице | Drěžnice | Drieschnitz, Охоза | Ochoza | Drachhauzen, Рубын | Rubyn | Ruben, Шейнейда | Šejnejda | Schönhöhe.

В том случае, если мы располагаем лишь одним источником сведений о говоре, мы приводим примеры из этого говора без специального указания на источник. Если же данные о говоре

содержатся в нескольких источниках, мы специально оговариваем их при примерах. При этом в ряде случаев используем сокращения:

м. ф. — магнитофонная запись текста из фонотеки Института ЛН

Отв. на Пр. — ответ на Программу Института ЛН — Fragenbogen für den regionalen sorbischen Dialektatlas

Щ. — Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915

Sch. — A. Schroeder. Die Laute des wendischen (sorbischen) Dialekts von Schleife in der Oberlausitz. Tübingen, 1957

Цифры, помещенные в скобках после примеров, обозначают страницу цитированной работы.

Примеры, цитированные нами по работам других авторов, мы даем в нашей транскрипции, за исключением специально оговоренных случаев.

В целях удобства пользования предлагаемым исследованием мы прилагаем русский перевод транскрибированных примеров, извлеченных нами из ответов на Программу и из магнитофонных записей текстов. Примеры, цитированные по работам других авторов, даны без перевода.

ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СОСТАВЕ ВОКАЛИЗМА

Вокализм нижнелужицкого диалектного языка организован на основе различия ступеней подъема, с одной стороны, и локализации по ряду — с другой. Максимально различаются четыре ступени подъема. В отношении ряда возможна лишь бинарная оппозиция — передний — непередний (или задний — незадний) ряд. При этом локализация в непереднем ряду сопровождается наличием лабиализации.

Значение позиционных условий, определяющих дистрибуцию и фонетическую реализацию отдельных гласных фонем, в нижнелужицком диалектном языке имеет качество соседних с гласными согласных, причем не только предшествующих, но и последующих. В значении позиционных условий могут выступать твердость или мягкость согласного, его велярность или невелярность (под велярными согласными имеются в виду губные и задне-небные). Кроме того, выделяется еще позиция начала слова.

Отношение к ударению не всегда может быть включено в состав позиционных условий, определяющих употребление гласных фонем. Лишь в системах, располагающих четырьмя подъемами, можно констатировать различие между ударенным и безударным вокализмом.

§ 1. Фонема [i]. Во всех нижнелужицких говорах имеется фонема [i] — передний ряд ([i] — [u]), верхний подъем ([i] — [e] — [a]), употребляющаяся как после твердых, так и после мягких согласных, в ударенных и безударных слогах. В позиции после мягких согласных эта

фонема реализована гласным переднего ряда верхнего подъёма нелабиализованным *i*.

Гро́жище: *kvíšina*, *'braći* a *'soći*, *cela'ziny*, *'ždžimas*, *níš*, *grí'mańe*, *'lipy*, *šker'piny*, *sua'biny*, *kro'micka*, *'sviňa*, *'víu'laty*, *'filník*, *'skiba*, *se'gibaś*, *'basájčk*.

Рогов: *psíš*, *kle's:iki*, *'xójžis*, *'kôník*, *ńew'eřicka*, *ob'lico*, *'gol'i*, *'spíwaś*, *'vino*, *'ruki*, *'mloğí ras*, *zek'xiny*.

Бяздов: *se'cínjo*, *'cižrebna*, *'dzibawy*, *'zdžimać*, *gańik*, *to se 'kuři*, *'liwy bok*, *'pisańe*, *bić*, *'sprowicka*, *mír*, *'ros'kiduć*, *ta 'giždžela*, *pxi* и т. п.

Особого замечания требует гласный *i* в словах немецкого происхождения. В связи с тем, что дистрибуция гласного *i* в серболужицких и немецком языках различна — в первых *i* сочетается с предшествующими мягкими согласными, а во втором — с твердыми, — немецкие по своему происхождению слова, содержащие сочетание согласного с *i*, в серболужицких диалектах могут подвергаться некоторому преобразованию сообразно с нормами серболужицкой фонетики.

Это преобразование может осуществляться в двух направлениях: или согласный смягчается перед *i*, или *i* изменяется в сторону *u*. Гро́жище: *'krysbrut*, *'krys-bom*, *štryck*, *peter'zylija*, *'šymel*, *št·ifme'ter'xiny*; Парцо́в: *'strykząć*, *ta štr·iknodla*, *'kul'tivater*, *'n·ixte*, *v apryle*; Блунь: *ko'z·ina*, *ge'r·ixt*, *ta t·inta*; Матыё́йце: *špusc*; Яблоньц: *dwe vert'iko*, *t'inta*.

Гласный *i*, изменяясь в направлении к *u*, может не совпасть с этим последним. В результате произносится гласный, производящий акустическое впечатление среднего между *i* и *u*. Шредер в слепянском диалекте определяет подобный гласный, как «опущенный к границе среднего подъёма, широкий, передвинутый назад»¹. Ср. в говоре дер. Рогозна: *'jadēn 'vertý'koū*, *ta by'lda*, *šry't*, *by'rken py'lc*; Заброд: *sty'rca*, *'bakšy's:el*; Парцо́в: *'šni'ylaǔx*, *'sti'ryka*, *ta 'ri'ygka*, и т. п.

Этот гласный, артикуляционно близкий к *u* и употребляющийся после твердых согласных, функционально тождествен гласному *u*.

Вместе с тем в нижнелужицких говорах передки случаи произношения в немецких словах гласного *i*

¹ A. Schröder. Die Laute des wendischen (sorbischen) Dialekts von Schleife in der Oberlausitz. Tübingen, 1958, стр. 16.

после твердых согласных. Блунь: '*špintebal*, '*rixtix*', '*šnitlaux*'; Заброд: '*gripa*', '*razirwaš*', '*tinta*', '*kulti'viro-waš*'; Шкодов: '*fertiš*', '*pasirowaš*', *teore'tik*, *mutiš*'; Парцов: '*trixtar*, *bak'šis:el*', '*ſtif'muterxin*', '*retix* и т. п.

По наблюдениям Шредера, гласный *i* после твердых согласных, помимо заимствований, может также произноситься в подражаниях и детских словах. В связи с этим Шредер замечает, что «гласный *i* не может уже расцениваться как безоговорочно мягкий гласный»², т. е. употребление гласного *i* позиционно не ограничено качеством предшествующего согласного.

Однако в данном случае более справедливой представляется точка зрения З. Михалка, расценивающего случаи произношения *i* после твердых согласных как иносистемные³. Нет сомнения, что иноязычные заимствования, коль скоро они не преобразовались согласно фонетическим нормам новой языковой среды, принадлежат фонологической системе языка-источника. Характерно, что гласный *i* после твердых согласных обычно встречается в произношении людей, пользующихся в повседневном общении немецким языком и в связи с этим ослабивших лужицкие артикуляционные навыки. Что касается лексики экспрессивной, включая различные подражания, нередко она организуется по особым фонологическим нормам, находящимся за пределами основной системы.

Здесь уместно сделать некоторые замечания по поводу того, как мы оцениваем место иноязычных заимствований в процедуре синхронного фонологического анализа. В ходе дальнейшего изложения с этим не раз придется столкнуться.

По нашему мнению, система иноязычных заимствований, организованная на основе иных, чем основная система, принципов, вряд ли может быть выделена в диалектном языке при его синхронном анализе. Система иноязычных заимствований устанавливается нормами литературного языка и усваивается по мере овладения этими нормами. В диалектном же языке, где внешненормирующие факторы отсутствуют, система иноязычных заимствований не образуется. Попадая в диалектный язык, заим-

² A. Schroeder. Указ. соч., стр. 47.

³ S. Michalk. Der obersorbische Dialekt von Neustadt. Bautzen, 1962, стр. 35.

ствованное слово, как правило, преобразуется согласно нормам среды, воспринявшей слово.

До тех пор, пока слово своим звуковым оформлением не соответствует нормам новой среды, оно принадлежит фонологической системе языка-источника (например, *tinte*). В том же случае, если звуковое оформление заимствованного по своему происхождению слова преобразуется согласно фонологическим нормам новой среды (например, *t'inta*, *tynta*) или же в своем первоначальном звуковом оформлении не противоречит (или перестает противоречить) нормам новой среды (например, *bona*, *bort* после того как перестало быть актуальным изменение **o* после губных и задненебных не перед губными и задненебными, см. об этом ниже), в этом случае заимствованные по своему происхождению слова в рамках синхронного фонологического анализа могут быть использованы с таким же правом, как и слова незаимствованные.

В позиции после твердых согласных фонема [i] реализована гласным среднего ряда, нелабиализованным *y*. Подъем гласного, обозначаемого знаком *y*, по говорам может варьироваться. Так, в слепянском и мужаковском диалектах для гласного *y* характерен скорее средний, чем верхний подъем. В мужаковском, по определению Щербы, гласный *y* — это «отодвинутое назад *e* закрытое»⁴, в слепянском — гласный *y* локализован в повышенном среднем подъеме⁵. В основных нижнелужицких диалектах гласный *y* образуется верхним подъемом, подобно тому, как в русском языке. В среднепограничных говорах положение языка при образовании *y* является еще более высоким, а также передним, язык не оттянут назад.

Барбук: '*styři*, '*dyxas*, *na'sypaš*, '*zyma*, '*pyře*, '*do-bytk*, '*ňimy*, '*suyńco*, *te 'pxy*, *ros'xytowaš*, '*uocys*, *žycá*, '*pytšauk*, '*spydny*, '*zbyžo*, *se 'byjaš*, *myi*, '*mydrak*, '*vytšy*, '*kysmy*, *kyrc*, '*gyneš*, '*gydy*, '*gyiup*, *do xys'e'buza*, '*xyjna*; Рогов: *za'tykel'c*, *dyx*, '*syty*, *la's'ycka*, *zy* (род. ед.), *kal'dyny*, '*pudrys*, '*sćakly*, *mlyn*, *ko'pyto*, '*dobytk*, *se mys*, *sta'siwy*, *one 'smugy*, '*šixy*, '*žyla*, '*šyšé*, *klocys*; Парцов: '*tykańc*, *dyž*, *wôsym*, *se 'vobesýć*, '*sydriškata*, '*vozymy*, '*sma-*

⁴ Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915, стр. 17.

⁵ A. Schroeder. Указ. соч., стр. 20.

zyc̄, 'strycel, 'woryš, 'wobyć, 'wobmywać, 'lagu, 'xytać, 'uožyš:o, 'sycko, zes cym.

Как было упомянуто, в словах, заимствованных из немецкого, фонема [i] после твердых согласных может быть реализована в гласном *yⁱ* (*i^y*). Кроме того, в некоторых говорах фонема [i] после твердых согласных может быть представлена гласным *y^ə* (см. об этом ниже).

В позиции начала слова фонема [i] по говорам имеет неодинаковую фонетическую реализацию. Во многих говорах основной нижнелужицкой территории представителем фонемы [i] в начале слова является гласный *y*, обычно с твердым приступом.

Гро жище: '*namšu ys̄*, *ys̄ na 'faru, 've'lika 'yca* (< Hitze); Бар бу к: '*ykawa, 'ykaš, 'taka 'yca* (а также '*hyc̄a*), *ys̄, 'gyrei 'yse*; М о с т: '*ykawa, 'yca, 'ys̄*; Миши н: *io bič̄ 'ynakšy, su 'ynacεi byč̄o, ja som ys̄:e 'moda* и '*yfta, hyc̄a*; Б а б о в: *ydřiškate mloko, utrača, ympaš*; Рогоз на: '*y'kača, ta y'nzɛl, ys̄če, 'y'ca, 'ys̄*; Р о г о в: '*ykawa, 'yca, ys̄, 'ympaš*.

Подобная реализация фонемы [i] в начале слова определяет не совсем обычную для славянских языков иерархию гласных *i* и *y* как представителей фонемы [i]. Гласный *y* в этих говорах — основной вариант фонемы [i], так как именно гласный *y* может выступать в позиции, не обусловленной качеством предшествующего согласного. Таким образом, в говорах, подобных приведенным выше, распределение гласных, реализующих фонему [i], можно представить как *t'i—ty—y* (начало слова). В такой ситуации обозначение [i] становится данью традиции, более точным было бы [y].

Возможность употребления гласного *y* в начале слова — следствие некоторых фонетических процессов, имевших место в нижнелужицких диалектах. В связи с тем что сочетание **jy* в начале слова утратилось (*gua, gras, skřicka, spa, té*), гласный *i* в начале слова произносится лишь в немногих словах. Но и в этих случаях перед начальным *i* развился протетический задненебный звонкий спирант *h*. Нижнелужицким говорам чуждо употребление гласного *i* после задненебного спиранта не на стыке морфем (ср. '*xysis, xyla*'), поэтому произошло изменение *i > y* после *h*. Изменение это было облегчено тем, что гласные *i* и *y* функционировали как представители одной и той же фонемы. В дальнейшем произошла

утрата протетического *h* и стало возможным употребление гласного *у* в начале слова. Гласный *у* сохранился в начале слова, так как ко времени утраты протезы распределение гласных *у* и *i* было совершенно одинаковым и связано с качеством предшествующего согласного элемента.

В говоре дер. Шкодов фонема [i] в начале слова представлена обычно гласным, близким к *i*, а иногда и гласным *i*, протеза появляется редко: *ty deiš ^hiš, i^hnakše 'spíwaňe, i^hiš:e ras* и *^hyš:e, éele 'inacəi*, а также *ja iš:e 'ytrō^au*. Здесь основным представителем фонемы [i] является скорее *i*, чем *у*.

В некоторых говорах, входящих в состав пограничного диалекта, фонему [i] в начале слова обычно представляет гласный *у* с протезой *h*. Заброд: *na 'měru ^hyš, ^hympas, ^hys:er 'možo*, а также *'fort yš, kus'ynacei* и *wot ^hito^u (< Hütte)*; Терпе: *^hykawa, ^hyš, ^hyžno, ^hytca* и *tu comy yš*. То же и в мужаковском диалекте: *jo dřal hyč* (Щ., 12).

Имеются и такие говоры, в которых в начале слова возможен как гласный *у* с протезой, так и гласный *i* с протезой. Бяздов: *^hyč, ^hykačka, ^hica, ^hič, ^hinac*; Блунь: *^himpráć, ^hica, ^hynak, ^hysče, na 'měru ^hyš*; Яблоньц: *^hica, na 'měru ^hyč, ^hykača, ^hinčač*; Брезовка: *hyč, hyši* и *hiši* (Sch., 82, 83, 87).

Наконец, в говоре дер. Парцов фонема [i] в начале слова представлена главным образом гласным *i* с протезой, ср. *^hinak, ^hička, na mšu, ^hič, ^hižno* и *kus'ynak*.

Как видно из приведенных примеров, в говорах возможны случаи, когда протеза артикулируется не как призвук при последующем гласном, а как самостоятельный согласный. Однако этот согласный выполняет ту же функцию, что и протеза, так как в нижнелужицких диалектах ни в каких других позициях, кроме начала слова перед гласными, согласный *h* не употребляется. Поэтому в тех говорах, для которых характерна утрата протезы *h*, к этой последней приравнивается и согласный *h* в словах немецкого происхождения. Протеза, как и твердый приступ, является сигналом начала слова.

Таким образом, в нижнелужицких говорах фонема [i] включена в диалектное различие, связанное с ее неодинаковой фонетической реализацией в некоторых позициях.

С употреблением фонемы [i] связаны также различия, не затрагивающие фонемную систему, т. е. различия,

чия в фонемном составе отдельных слов. Различие такого рода демонстрируют слова, содержащие в одних говорах фонему [e], в других — [i]. Это различие связано с неодинаковой заменой *ě после отвердевших согласных. Пары: 'syno, 'syck, 'syče, 'сүнү, 'шүре и 'сөнү, шыто 'seli; Ус: 'seno и 'synoqe, se'kañe, seck, te'сёру, 'сөнү; Мост: 'seno, smy 'sel'i, sek'l'i, s ce'pati, 'cela; Блунь: 'syno, 'сурати, 'шүре 'юсы, 'сүнү, ja 'sykat и 'seck, 'сөнү и т. д.

Неодинаковой частотой употребления фонемы [i] сопровождаются по говорам результаты нижнелужицкого изменения гласного *o после губных и задненебных. Если результатом этого изменения является y, то частота употребления фонемы [i] в этом говоре значительно повышена —ср. говор дер. Барбук, где произносят *pylo*, *vys*, *myro*, *kyza*, *gylc*, *xyica*.

Фонема [i] может быть также включена в диалектное различие в составе фонем {[e]—[i]} : [y^ε]), о чем см. ниже.

В некоторых говорах гласный y может утрачиваться в конце прилагательных мужского рода на -owu перед следующим словом.

Горжище: 'mlińcoū 'kameń, 'klsau̯ kau̯, 'kulkoū 'sał-żoyk, 'rçotoū pal, 'kruškoū bom, 'véršnoū bom, 'doisou̯ 'šamlik, 'zmiatanou̯ garnc; Барбук: 'gnojou̯ 'jabřik, 'brázou̯ 'grip, 'xromou̯ 'gibel, 'vaboū stuu̯, 'ciukou̯ korp, 'vyřehou̯ bym, 'mlińcoū kameń; Мост: 'cołkoū 'kašćik; Рогов: 'colkoū roj, 'potoū slup, 'jablukou̯, 'kruškoū, 'véršnoū bom, 'mlyňikoū, 'pakařou̯ 'borša; Заброд: 'kosou̯ bom, 'ryboū gat.

Вследствие этого названная форма прилагательных мужского рода в контексте может выступать в двух фонетических вариантах — с гласным y в окончании и без него.

§ 2. Фонема [e] имеется во всех нижнелужицких говорах, ее общими дифференциальными признаками являются передний ряд ([e] — [o]); локализация по подъему неодинакова и зависит от общей организации вокализма: если вокализм различает четыре ступени подъема, то фонема [e] принадлежит третьему сверху подъему, если три ступени подъема — то второму сверху подъему.

Фонема [e] употребляется как после твердых, так и после мягких согласных в любом слоге слова, под ударением и без.

В реализации фонемы [e] могут принимать участие гласные, для обозначения которых в работах, посвященных лужицким диалектам, обычно используются знаки *ɛ*, *e*, *ē* (ē). Звуки, обозначаемые через *ɛ* и *e*, определяются как «широкое *e*» и «узкое *e*»⁶. Более детальную характеристику этим гласным дает Шредер: в слепянском диалекте гласный *ɛ* — это передний ряд, нижний до пониженного среднего подъем, *e* — передний ряд, средний до верхнего подъем⁷.

Фаске специально оговаривает лишь артикуляцию *e* (открытый гласный, образованный с незначительным подъемом языка, при этом перед твердыми согласными несколько более широкий, чем перед мягкими)⁸, но не *ɛ*.

Различие между гласными *ɛ* и *e* в том их позиционном распределении, как это констатируют лужицкие лингвисты, видимо, не всегда фиксируется исследователями, для которых серболужицкий — неродной язык. Различие между этими гласными может восприниматься как связанное с качеством предшествующего согласного. Так, Штибер, описывая один из верхнелужицких говоров, где лужицкие лингвисты также различают *e* и *ɛ*, замечает: «Можно было бы еще выделить ударенное *e* после твердого и мягкого согласного. Второе *e*, несомненно более узкое, разница, однако, незначительна и трудно уловима...»⁹ Тополиньска, анализируя вокализм ряда нижнелужицких говоров, вообще не фиксирует различия между *e* и *ɛ*¹⁰.

Между тем из диалектных записей, сделанных лужицкими лингвистами, и данных ими же определений вытекает, что дистрибуция гласных *ɛ* и *e* определяется качеством последующего звукового элемента: перед мягкими согласными — *e*, перед твердыми и перед Ø звука,

⁶ См., например, объяснение транскрипции в работах: H. Faßke. Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964, стр. 11; «Sorbische Dialekttexte», III. Schmogrow, Kreis Cottbus, bearbeitet von H. Faßke und H. Jentsch. Bautzen, 1965, стр. 8, 9; «Sorbischer Sprachatlas», 1. Bautzen, 1965, стр. 17.

⁷ A. Schröeder. Указ. соч., стр. 18, 19.

⁸ H. Faßke. Указ. соч., стр. 21.

⁹ Z. Stieber. Fonetyka górnoluzickiej wsi Radworja. «Lud słowiański», t. IV, zesz. 1, 1938. Dział A: Dialektologia, стр. A 4.

¹⁰ Z. Topolińska. Przyczynek do rozwoju *o w kilku wsiach dolnołużyckich. «Studije k serbskej dialektologiji», Budysin, 1963, стр. 81—85.

т. е. на конце слова — *ε*¹¹. Так как в конце слова за гласным не следует никакой согласный, можно считать гласный *ε* основным позиционно необусловленным представителем фонемы [ε] (*iars*, *rełne*, *kokošε*, *na drućε*, *šycke*, *wel'ε*, *xl'ěše* в слепянском диалекте). В положении после согласных гласные *ε* и *e* находятся в отношениях дополнительного распределения. Ср. чередование *e:ε* в зависимости от изменения позиции в говоре дер. Брезовка: *ćemēriła:ćeprašala*, *do šeŋki:ho teł řeńce* (Sch., 82).

Однако позиционное разграничение гласных *e* и *ε* в нижнелужицких говорах не имеет абсолютного характера. Гласный *e* может появляться в позиции для *ε* и наоборот. В слепянском диалекте при вообще довольно последовательном позиционном разграничении гласных *e* и *ε* возможны отдельные случаи употребления *e* перед твердыми и *ε* — перед мягкими согласными: *hupékla* (Sch., 87), *cerkweł* (99), *ńeļo*, *dźeinsa* (18), *ćemēšala* (19). В диалектных записях из деревень Брязин и Горы¹² гласный *ε* не зафиксирован лишь между мягкими согласными (где только *e*), а гласный *e* — лишь в конце слова (где только *ε*). В говоре дер. Хаазов, судя по записям, опубликованным Виртом¹³, почти во всех фонетических позициях зафиксированы как узкий, так и широкий варианты переднего гласного среднего подъема. Нет примеров лишь на употребление гласного *ε* между твердым и мягким согласными.

Вирт в своих записях детализирует качество узкого варианта, различая «нормальное *e*» и «узкое *e*» (обозначается Виртом через *ē*). Употребление этих двух видов узкого *e* также позиционно строго не разграничено: лишь в позиции перед *i* преобладает гласный, обозначенный Виртом через *e*.

Сходное распределение гласных *e* и *ε* представлено в говоре дер. Дрейце, расположенной на основной нижнелужицкой территории. Судя по записям (ответ на Программу), сделанным З. Михалком, гласный *ε* возможен

¹¹ A. Schröeder. Указ. соч., стр. 18, 19.

¹² D. Petrová — J. Petř. Beispiele sorbischer Dialekt-aufnahmen. «Zeitschrift für Slavistik», Bd. VIII, N. 1, 1963, стр. 64—72.

¹³ «Slawische Texte», bearbeitet unter Leitung von Max Vasmer. Berlin, 1932.

здесь во всех позициях независимо от качества предыдущего и последующего согласного. Гласный *e* не отмечен лишь в позиции между твердыми согласными и на конце слова (один раз — *mē* ‘имя’). Однако сопоставление сравнительной частоты употребления гласных *e* и *ɛ* показывает, что перед мягкими согласными произносится предпочтительно гласный *e*, а перед твердыми и на конце слова — гласный *ɛ*. Ср. примеры, взятые из упомянутого ответа на Программу: после мягких перед твердыми согласными — *f'ega*, *r·ezaš*, *sćepa*, **yš na m·eru*, *pešegn̄jone*, *r·eka* и *z̄et*, *kñez*, *dúe řednej*, *úera*, *úeršo mē*, *předny*, *gúestka*, *pétk*, *súetkožníca*, *umřel*, *úeročaňe*, *górcy*, *kuřecy* *gl'edam*, *dr·emáš*, *gréšyš*, *zamřety*, *se 'obesys*, *řecník*, *súet* и т. п.; перед мягкими согласными: *zel'eny*, *z̄eň*, *se 'uženjš*, *reža*, *feřfa*, *cešć*, *uete'béraš*, *šeše'nica*, *úeriš*, *kšeščian*, *spoúešć*, *súeženj*, *keřxoř*, *gól'ý*, *nežela*, *l'eúicař*, *kružel*, *jasel'e*, *cerěne*, *pšešć*, *paždzeře*, *l'epej*, *zémeš*, *peřina*, *sćešiny*, *m·eríš*, *sejžes* и *zasešć*, *nežesta*, *nažyžejn*, *zapejedaňe*, *se žeňš obeř drušče*, *deř* (3 л. ед. ч.), *my z̄eňské*, *nejluběř*, *ja peřdu*, *zeřgraš*, *uyeſešć*, *žeřerska apa*, *gměinā*, *deříšć*, *Křameřnica*, *zeřger*, *zeřma*, *šeřko*, *přiřašel*, *měňši*, (местн. ед.), *přeš*, *směřeš*, *dup·eňe* и т. д.

Связь употребления гласных *e* и *ɛ* с твердостью или мягкостью последующего согласного констатирует Фаске для говора дер. Дешно¹⁴.

Л. В. Щерба в своем описании мужаковского говора выделяет по степени открытости три гласных «типа *e*». Это гласный *e*, произносящийся между мягкими согласными, *ɛ* — после мягких перед твердыми¹⁵ и *æ* — между твердыми¹⁶. Л. В. Щерба несколько иначе определил условия употребления гласного *e*. Переоценивая тенденцию к диспалатализации в мужаковском диалекте, он утверждал, что категория мягких согласных, а в связи с этим и противопоставление по твердости—мягкости в этом диалекте редуцировались до минимума¹⁷. Поэтому согласные в положении перед *e* он расценивал как немягкие и, определяя условия употребления *e*, писал, что «предшествующие согласные никогда не бывают палата-

¹⁴ Н. Фа́ске. Указ. соч., стр. 30.

¹⁵ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 47.

¹⁶ Там же, стр. 17, 47.

¹⁷ Там же, стр. 30.

лизованы»¹⁸. Однако ошибочность мнения Щербы о судьбе мягких согласных в мужаковском говоре, в частности перед *e*, показывает современное обследование этих диалектов¹⁹.

Все три вышеназванных гласных Щерба считает самостоятельными фонемами. В качестве аргумента фонемной самостоятельности *e* и *æ* по отношению друг к другу Щерба выдвигает все то же ошибочное положение об утрате категории твердости—мягкости в мужаковском диалекте, приведшей якобы к фонологизации первоначально варианного различия²⁰. В действительности же мягкость согласных перед *e* в мужаковском говоре, даже и незначительная, вполне фонематична и, напротив, различие между *e* и *æ* позиционно обусловлено и находится полностью за пределами различий фонемного уровня (в терминах «московской школы» это различие находится всего лишь на уровне вариаций).

Основание для квалификации *e* и *e* как самостоятельных фонем Щерба видит в случаях употребления *e* перед твердыми согласными, хотя и единичных: *pejk* и *škobřejk*, *ten*²¹. Можно привести еще примеры, взятые из текстов: *josem* (7), *nesmy* (18), *ja səm petrus* (10), *ta ženska* (11), *delerajtoval* (14), *žensa* (17), *zeger* (21).

В текстах имеются также и примеры на употребление *e* перед мягкими согласными: *rešći* (13), *rozmešanə* (15), *budžeš*, *kireš* (17). Даже в том случае, если эти записи отражают реальное произношение, они свидетельствуют лишь о нарушении позиционных норм употребления гласных *e*, *e* и о возможности их параллельного использования, но не об их фонемной самостоятельности²².

Таким образом, и в мужаковском диалекте фонема [e] реализуется в гласных *e* (= *e* и *æ* у Щербы) и *e* (= *e* у Щербы), позиционное распределение которых связано

¹⁸ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 47.

¹⁹ S. Michalk. Указ. соч., стр. 41, 52.

²⁰ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 15.

²¹ Там же, стр. 14.

²² Цифры обозначают страницы «Приложения» к книге Л. В. Щербы «Восточнослужицкое наречие».

²³ Критические суждения по поводу мнения Щербы о фонемной самостоятельности *e* и *e* см. также: S. Michalk. Указ. соч., стр. 41–43; H. Schuster - Šewes. [Рец.] A. Schroeder. Die Laute des wendischen (sorbischen) Dialekts von Schleife. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. IV, N. 5, 1959, стр. 776.

с твердостью—мягкостью последующего согласного. Именно такое позиционное распределение широкого и узкого гласного, реализующих фонему [e], подтверждается и новейшими записями²⁴, сделанными в говоре дер. Яблонец, входящем в состав мужаковского диалекта. Здесь гласные *e* и *ɛ* в своем распределении определены преимущественно правилом: *e* — перед мягкими согласными, *ɛ* — перед твердыми и на конце слова. В то же время нередки случаи нарушения этого правила. Так, в записях, сделанных З. Михалком в рамках ответа на Программу, встречаем *e* перед мягкими согласными: '*dže'úizna rečε'nica, jašče'r·ica, guse'nica, žeňet, e'zela, ūobej* 'обуй' (и — *hobej* 'оба'), *ȳe'sel'e, r'eněze, l'eprej, se dręc, se šeríć, súerbi*; *e* — перед твердыми согласными и на конце слова: *rozdže, na kôlenkax, ȳe'sel'e, jašcerp, pełkań'oca*.

По-иному определяет распределение гласных *e* и *ɛ* Фаске в нижнелужицком диалекте Ветшау. Здесь гласный *e* произносится лишь между мягкими согласными и после твердых согласных перед тавтосиллабическим *j*²⁵, в остальных позициях — гласный *ɛ*²⁶. Однако, судя по приложенным к исследованию текстам, нередки случаи нарушения этого правила. Так, в записях из дер. Радуш²⁷ встречаем: *żaseš* (315), *teke* (333), *teke* (332), *hōpencē* (315), *lěše* (322), *ɔ tym bɔše* (326), *'serske'cerkýe* (331).

Из сказанного можно сделать вывод, что распределение гласных *e* и *ɛ*, реализующих фонему [e], образует в нижнелужицком диалектном различие. В реализации фонемы [e] может принимать участие передний гласный верхне-среднего подъема *é* (ë), дистрибуция которого в разных говорах определяется неодинаковыми условиями.

В говоре дер. Мышина гласный *é* (ë) в качестве реализациатора фонемы [e] произносится в неначальном слоге между мягкими согласными. В начальном слоге, где употребление гласного *é* (ë) не связано с качеством последующего согласного, гласный *é* (ë) реализует фонему [e]²⁸. Ср. распределение гласного *é* (ë) в этом

²⁴ Ответ на Программу, хранящийся в архиве Института ЛН.

²⁵ Н. Фаске. Указ. соч., стр. 30.

²⁶ Там же, стр. 22.

²⁷ Там же, стр. 315 и сл.

²⁸ О фонеме [é] см. ниже.

говоре в примерах, взятых из магнитофонной записи²⁹: '*rozgréli* (но — *rozgréu*), '*kuzél'u*, *te* '*kriŋgeli*, *pérēi*, *cəp·el'tuxy*, *nízélu*, *tyžěn*, *uyměřiš*, но в первом слоге — '*vězal'i*, *psězu*, *zběrany*, '*zéwali*, *klěp*, *zět*, *měki*, *věks*, *kseli*, *věrna*, *měš*, *měli*, *ježone*.

Как в начальном, так и в неначальном слоге наряду с *é* (*ě*) может употребляться гласный *e*. Однако характер параллелизма в этих двух позициях неодинаков. В неначальном слоге употребление гласного *é* (*ě*) не ограничено определенным кругом морфем. В принципе здесь на месте каждого *e* перед мягкими согласными возможен *é* (*ě*) и наоборот, что, собственно, и делает невозможным противопоставление *e* и *é* в неначальном слоге. В начальном слоге, напротив, употребление *ě*, хотя и параллельное с *e*, связано с определенным кругом морфем (на месте любого *ě* может быть *e*, но не наоборот).

Система, в которой отсутствует фонема [ě], а гласный *é* (*ě*) реализует фонему [e], имеет тенденцию распространяться и на первый слог. Именно такая ситуация представлена в диалекте Ветшау, как об этом можно судить по приведенным Фаске примерам³⁰. То же в говоре дер. Шкодов, где произносят³¹: '*zénsa*, *mědvěze*, *l'ět*, *měu*, *mě*, *jeu*, *io ksěpo*, *na svěše*, *měš*, *'dalěi*, *'pšejěs* (и — *pšejedu*), *mědvěze*, *věžěs*, '*zabyšěu*, '*mazaňěu*, '*pěnes*, *věle*, *pl'ěl'i*, *zévěs*, *věl'ike*; во всех приведенных случаях вместо *é* (*ě*) может быть произнесен гласный *e*.

Если эти произносительные варианты мы выстраиваем в ряд — *l'ět*, *jeu*, *měu*, *na svěše*; *pl'ěl'i*, *zeves*, *velike*, *dalei*, *pěnes*, *pšejěs* и т. д., то мы должны констатировать, что гласный *é* (*ě*) реализует фонему [ě]. Напротив, в ряду *l'et*, *jeu*, *měu*, *žensa*; *na svěše*, *pl'ěl'i*, *zévěs*, *věle*, *dal'ěi*, *pšejěs* гласный *ě* (*ě*) реализует фонему [e] в позиции между мягкими как в первом, так и в непервом слоге слова. В говорах подобного типа существуют две вокальные системы, в одной из которых есть фонема [ě], в другой — нет.

Дальнейшее развитие экспансии гласного *é* (*ě*) как реализатора фонемы [e] представлено в говорах, вокализм

²⁹ Запись хранится в фонотеке Института ЛН, № SIL 60/24A, 24B.

³⁰ H. F a s k e . Указ. соч., стр. 22.

³¹ Примеры взяты из магнитофонной записи, хранящейся в фонотеке Института ЛН, № SIL 60/14A, 14B, 14C.

которых, не располагая фонемой [ě], имеет гласный ē (ě) только в качестве реализатора фонемы [e] в позиции между мягкими согласными. Примером говора такого типа является говор дер. Горы, где произносят ³²: žěn̄, pěšix, věle, věl'iki, pěřej, 'vízěš, ta 'kuzěl'a, scélane, 'na něželu, čěši žěn̄, 'umřěš (но — umřeu), 'klěp·lakl'i; перед твердыми же согласными ē (ě) зафиксирован лишь в слове nět.

Аналогичная ситуация, по свидетельству Тополинской, представлена в говоре дер. Дрейце: нет фонемы [ě], а гласный ē (ě) выступает как факультативный представитель фонемы [e] в позиции между мягкими согласными в любом слоге слова ³³. Надо сказать, что какие-то реликты системы с фонемой [ě] имеются и в этом говоре. Записи, сделанные З. Михалком в рамках ответов на Программу, содержат примеры: grěx, ūězaš, na'rězaš, kl'ěu, sl'ědny, gl'ědaňe. То же в говорах деревень Жилов ³⁴ и Дешно ³⁵.

Иная дистрибуция характерна для гласного ē как реализатора фонемы [e] в мужаковском диалекте. Здесь гласный ē ограничен в своем употреблении позицией в первом слоге слова после мягких согласных не перед мягкими согласными (т. е. перед твердыми согласными, а в односложных словах и на конце слова). В записях из говора д. Яблоньц, сделанных сорабистом З. Михалком (ответы на Программу), имеются следующие примеры употребления гласного ē: důě, se drě, džě (3 ед.); iěš, l'ětač, sl'ěrcę, mětel', pěs, běle, iědnɔ, něsc, změtana, rězač, šmřěk, džěmej, iěpč, grěbač, směrč, pěrsčen, dřěmač, grěšyč, nětěgū, l'ěžač, těš, súěrc, ūěcř, džěržač и т. п.

Случаи отклонения от сформулированных выше правил позиционного распределения гласного ē очень немногочисленны. В тех же записях З. Михалка встречаем: nědoryť, ūedroqa, těkče, běcač, klěšč, mlěč; звуковые дублеты: le'žaňe и lěžaš, gýeski и gýeská.

Записи Щербы из дер. Вускиль содержат большее количество примеров на e в позиции для ē ³⁶. Однако

³² Примеры взяты из магнитофонной записи текста, хранящейся в фонотеке Института ЛН (без номера).

³³ Z. Topolińska. Указ. соч., стр. 82.

³⁴ Z. Sieberg. Stosunki połkrewieństwa języków Łużyckich. Kraków, 1934, стр. 72.

³⁵ H. Faßke. Указ. соч., стр. 30.

³⁶ Л. В. Щерба. Указ. соч., Приложение, стр. 7—21.

при сравнении с современными записями из мужаковского диалекта оказывается, что часть примеров, в которых Щерба фиксирует *e* перед твердым согласным, в действительности содержат этот гласный перед мягкими. Ср. *žensa* (Щ., 42), *ženska* (19), *nevət* (24) и *džēnsa*, *žēnska*, *nēvət* (Яблоньц).

В мужаковском диалекте широко распространено позиционное чередование гласных *ě* и *e/ε*. Ср. в говоре дер. Яблоньц: *l'ětač : lebēč*, *rězač : չiřezač*, *měru : měfič*, *lětɔ : leče*, *nal'ěto*, *ūěsc : dčūěsc*, *ūědro : neūědro*, *se dřem : se dřeč*, *se dřě* (3 л. ед. ч.): *kopě* (3 л. ед. ч.) и т. д.

Гласные *ě*, *e*, *ε* находятся в отношении дополнительного распределения и реализуют одну фонему [e]: *ě* — в первом слоге слова после мягких согласных перед твердыми и в конце односложных слов; *e* — перед мягкими согласными, независимо от качества предшествующего согласного и места слога в слове; *ε* — в первом слоге слова между твердыми согласными, в непервом слоге — перед твердыми согласными и на конце слова, независимо от качества предшествующего согласного.

Может возникнуть вопрос, почему именно ступень подъема гласных *e*, *ε* в отличие от *ě* локализованных ниже средневерхнего подъема, принимается за дифференциальный признак реализуемой ими фонемы, а не подъем гласного *ě*. Тём более, что мужаковский вокализм в пределах заднего ряда различает четыре ступени подъема. Ср. примеры на противопоставление [o] — [ö] в записях Щербы: *rəjedač* — *rōjěte* (Щ., 12), *rəsoval* (14) — *rōslac* (16), *bort* — *bōrgujiět* (19). Ответ состоит в следующем. Гласные *e*, *ε* в отличие от *ě* располагают более широкими комбинаторными возможностями — ср. *t'ě*, *t'ět* и *te*, *tet*, *tet'* в начальном слоге слова. Поэтому именно ступень подъема гласных *e*, *ε* (ниже средне-верхнего подъема) входит в состав дифференциальных признаков фонемы, реализуемой этими гласными.

Неодинаковую фонетическую реализацию по говорам имеет фонема [e] и в начале слова. Во многих говорах основной нижнелужицкой территории фонема [e] в этой позиции представлена гласным *e* несколько более широкого образования, чем после мягких согласных, но более узким, чем после твердых согласных. Нередко гласный может быть снабжен более или менее интенсивным твердым приступом. Гро жи ще: *ei'dyša*, *'eňgst*, *'ela*, *'eňki*,

erd'berry, 'ekawa; Рогов: 'eήki, 'eήgst, 'ezel, 'endryška, ezt'bery.

Имеются говоры, в которых гласный *e* в начале слова в отдельных случаях может сопровождаться слабым придыхательным протетическим звуком *h*: Барбук: *"eblowaš* и *ten 'eblik*; Мост: *"ela* и *'ela*; Мышин: *"eήe-'b'ina, "eblovaš, "eft* и *'el'eīn, ezeel*. В подобных случаях протеза является возможным, но не обязательным элементом фонетической реализации фонемы [e].

В пограничных говорах гласный, реализующий фонему [e] в начале слова, всегда сопровождается протетическим призвуком.

Протеза входит как обязательный элемент в способ образования звука, представляющего фонему [e] в начале слова. Отклонение составляют лишь некоторые слова немецкого происхождения, имеющие в начале гласный *e* без протезы. Ср.: Заброд: *"hekačka, "eleń, "herébina, "eida, 'eimter, 'erdberry*; Терпе: *"eyngst, "eida, "eleń*; Бядлов: *"eygst, "erébina, "eida // "eida*; Парцово: *'heida // "eida, ta'hela, 'eimtar, ert'berε*; Блунь: *'heblōwaš, 'her·ečicka, 'helen, 'heidysa, 'hekačka* и *ja 'ergeriu, 'eim'er, 'erdberry*.

В слепянском диалекте фонема [e] в начале слова также реализуется как в гласном с твердым приступом, так и в гласном с протезой³⁷. То же и в мужаковском; ср. Яблоньц: *'ezel, eimter, eidyš*.

Как было отмечено, в нижнелужицких говорах согласный *h* в начале слова немецкого происхождения функционально отождествляется с протезой, так как, кроме как в начале слова, согласный *h* в этих говорах не известен. Именно в качестве протезы выступает согласный *h* в слепянском диалекте в словах *heja, heksówaňe, hermaŋk* (Sch., 109, 110). Как протеза, так и твердый приступ перед *e* выполняют функцию сигнала начала слова.

В нижнелужицких говорах с употреблением фонемы [e] связаны многочисленные различия в фонемном составе отдельных слов (морфем), т. е., по терминологии Аванесова, «диалектные различия, не относящиеся к фонематической системе языка»³⁸. Эти различия вызваны

³⁷ A. Schröeder. Указ. соч., стр. 44, 47.

³⁸ «Вопросы теории лингвистической географии». М., 1962, стр. 43.

целым рядом фонетических изменений, имевших неодинаковое проявление в разных нижнелужицких говорах.

В научной литературе³⁹ неоднократно отмечалось, что в нижнелужицких диалектах изменение *e > o* после мягких согласных не только позиционно не унифицировано, но и в тождественных позициях проявляется в неодинаковом круге лексики. Существует даже мнение, что в случае лингвогеографической интерпретации изменения *e > o* в нижнелужицких говорах нельзя получить общую изоглоссу этого явления, так как в разных словах (морфемах) оно распространено неодинаково⁴⁰. Позже это нашло подтверждение при картографировании явления перехода *e > o* в говорах севера нижнелужицкой территории⁴¹. Поэтому в нижнелужицких говорах многочисленны случаи, когда одно и то же слово (морфема) в одном говоре содержит фонему [e], а в другом фонему [o], хотя в принципе результаты изменения *e > o* известны как тому, так и другому говору. Аналогичное различие в фонемном составе отдельных слов может быть сопряжено и с изменением *o > e* перед мягкими согласными.

Различие в фонемном составе отдельных слов, содержащих в одних говорах фонему [e], а в других — [a], вызвано непоследовательным проведением характерного для нижнелужицкого языка изменения *e > a* после мягких согласных. Особенно широкий круг лексики в сравнении с другими говорами охватывает это различие в мужаковском и слепянском диалектах, полностью оставшихся за пределами изменения *e > a*⁴². Кроме того, мужаковский диалект противостоит другим благодаря наличию в нем слов, имеющих *a < *č*, в то время как в других говорах те же слова содержат ē (ě)⁴³.

³⁹ K. E. M u c k e. Historische und vergleichende Laut-und Formenlehre der niedersorbischen Sprachen. Leipzig, 1891, стр. 57; А. А. Ш а х м а т о в. Заметки по истории звуков лужицких языков. — ИОРЯС, 1916, т. XXI, кн. 2, стр. 266; Л. В. Щ е р б а. Указ. соч., стр. 167—170.

⁴⁰ H. F a ſ k e. K пагеčným rozděļam a jich kartografowanju. «Studije k serbskej dialektologiji». Budyšin, 1963, стр. 6.

⁴¹ H. F a ſ k e. Die Vetschauer Mundart, карты № 18—25.

⁴² Z. S t i e b e r. Stosunki . . . , стр. 65.

⁴³ H. Š e w c. Stawizny horneje a delnjeje serbščiny. «Serbščina». Listowy studij za wučerjow. Mały Wjelkow. (б. г.), стр. 625.

Отнюдь не претендуя на полноту выявления слов (морфем), охваченных различием {[e]:[o]}, {[e]:[a]}, в качестве иллюстрации можем привести следующие примеры.

Различие {[e]:[o]}

łogna (Заброд, Парцов) : *łegła* (Мост), *łegna* (Грожище);
śrewa (Мост, Барбук) : *śrowa* (Блунь, Бяздов); *śrowa* //
śrewa (Заброд); *kryśo* (Мост) : *kryše* (Терпе); *xyćo* (Барбук);
xyće (Вускиль, Щ., 15); *zel'ony* (Брезовка, Sch., 90);
zel'eny (Рогов, Мост, Заброд); *daloko* (Барбук, Бяздов,
Брезовка, Sch., 80) : *daleko* (Вускиль, Щ., 8); *ziona* (вин.,
им. п. Брезовка, Sch., 77) : *zvено* (Мост); *cronak* (Терпе,
Бяздов) : *crenak* (Барбук); *gr·ioblo* (Рогов) : *gřebuo* (Пар-
цов); *žaćolc* (Вускиль, 18) : *žišelc* (Мост), *džećelc* (Слепо,
Sch., 106); *połoç* (Грожище) : *poŕeç* (Заброд); *se'kaño* (Ро-
гов) : *sykańe* (Мышин); *břemō* (Мышин) : *břemē* (Грожище);
'sroda (Ус) : *sreda* (Рогозна).

Флексия 3-го лица единственного числа настоящего времени: *żero*, *żo*, *kryńo*, *żeńo* (Заброд) : *żeńe*, *żeńe*, *ćiże* (Вускиль, Щ., 13). *łason* (Заброд) : *'łasevn* (Бяздов); *połoica* (Мост), *tu połovicu* (Вускиль, Щ., 13), *poçoica* (Барбук) :
počeica (Заброд); *jaloiça* (Мост), *jaloiça* (Рогов), *jalowice* (Брезовка, Sch., 77) : *jaweica* (Блунь, Бяздов, Барбук);
połneńe (Мост), *poñneńe* (Барбук) : *pelneńe* (Рогов), *pelneńe* (Бабов), *p·elneńe* (Бяздов), *połka* (Мост), *počka* (Грожище) :
pelka (Рогов); *łasoły* (Мост); *łasouy* (Блунь, Бяздов) : *łaseuy* (Парцов); *susot* (Бяздов) : *suset* (Мост); *mytovíidlo* (Мост),
mōtovíidlo (Рогов), *my'tovíiduo* (Барбук) : *mōteiduo* (Парцов),
mōteiduo (Блунь); *domoj* (Барбук, Мост) : *domel* (Мышин, Горы); *uoica* (Бабов) : *vejca* (Рогов).

Суффикс страдательных причастий настоящего времени *-en*. **М о с т:** *zgułony*, *najeźony*, *opukńony*, *obwańone*,
ucyścone, *zlu'b'iona*, *że'nony*, *opsl'ěpony*, *so'l'ony*, *ska'zona*; **Р о г о в:** *orxoł'żona*, *pa'żona*, *ra'żony*, *oba'żone*, *vęn gő'ńona*,
so'l'one; **М ыш и н:** *'żerńony*, *'kośony*, *'iężone*, *'var'jone*, *pše-żone*, *żeńone* и *'zamęseny*; **Б р е з о в к а:** *sušony* (Sch., 83),
rozmešony Sch., 79), *dżerńony* (Sch., 83), *cyńony*, *ważone* (Sch., 81); **П а р ц о в:** *'solone*, *'pćedżone*, *'narosćone*, *'mo-ćone*, *wob·elone*, *wobważone* и *'zamkńeny*, *vařeny*, *'moćene*, *'skazena*; **Б л у н ь:** *vęn gőńena*, *'wařena*, *'som 'najeżena*, *'ze-śy'reny*, *'soleny*, *'zmerzńeny*, *'sili'eřeny*, *'żerńene*, *'mośene* и

zestuþona, 'þiacone; Бядо в: 'wařena, 'namošene, 'rozmud-
ženy, 'wobgrodženy, vən 'gôňena, 'soleny, 'wobnosena; Ву-
скидъ: scyńene, zamesene, namoceny (Щ., 15) и т. д.

Различие {[e]:[a]}

obl'akla, obl'a'kawa (Рогов) : 'obl'ekua, oblekár'nica (Бар-
бук); *kôl'aso* (Рогов), *ky'l'aso* (Мост) : 'küleso (Заброд);
m'jakoco (Рогов, Парцов) : 'mekoco (Бяздов) : 'mákoco // 'mę-
koco (Мост); *ze'l'azo* (Рогов) : 'zeleno (Ус, Бяздов); *klapaš*
(Рогов, Мост) : *klepaš* (Заброд, Блунь), *klepać* (Парцов);
m'jasé (Бабов) : 'mesé (Парцов), 'mesć (Рогов, Мост); *r'ap*
(Мышин, Бяздов), *r'iap* (Заброд, Блунь) : *r'ep//r'ěp* (Ро-
гов), *r'jer* (Ус); *karcma* (Рогов) : *do kerstu* (Парцов); *żar-
żaś* (Рогов, Брязын)⁴⁴ : 'żerżaś (Заброд), *dżeržać* (Бяздов);
żar'žańik (Рогов) : 'żeržanik (Блунь); *r'eśaz* (Мост, Ус) :
r'eſez (Барбук, Грожище), 'reſens (Рогов); *m'jadvethk* (Терпе) :
medvět (Барбук); *m'jadvěs* (Блунь, Бабов) : 'medvěs (Мост);
p'saseda (Барбук, Ус) : 'p'sesada (Бяздов); 'wićapali (Блунь) :
'wićepany (Парцов); *karmuša* (Мышин), *uot k'jarmuše*
(Горы)⁴⁵ : *po 'kermuše* (Блунь), *py kermušy* (Мост); *k'jarl'iż*
(Брязын)⁴⁶ : *jan 'kerl'iš* (Блунь); 'b'jaxar (Блунь) : 'bexar·
(Бяздов); *żaseś* (Мост) : *żesaś* (Заброд); *ta'żesyna* (Грожище) :
jeno dżasno (Бяздов); *bas, bazoñki* (Блунь, Бабов) : *bes*
(Мост) и т. д.

Некоторые слова могут демонстрировать тройное раз-
личие в своем фонемном составе, а именно, {[e]:[a]:[o]},
например: *bōson* (Блунь), *bōcon* (Заброд) : *bōšen* (Бабов) :
byšan (Барбук); 'počkaś (Барбук) : *pełkas* (Рогов) : *račkać*
(Бяздов); *šeñ* (Заброд) : *šaç* (Мышин, Терпе) : *šoç* (Рогов);
{[e]:[o]:[i]} — *skobr'eñk* (Бабов) : *škobróñk* (Барбук) : 'škob-
riñk (Терпе).

Как уже было сказано, в слепянском и мужаковском
диалектах в словах, которые в других говорах в резуль-
тате изменения *e* > *a* после мягких согласных содержат
фонему [a], представлена фонема [e] и никогда [a]⁴⁷.
В то же время мужаковский диалект имеет гласный *a*
в группе слов (морфем), которые в других нижнелу-

⁴⁴ D. Petrová - J. Petr. Указ. соч., стр. 69.

⁴⁵ Там же, стр. 70.

⁴⁶ Там же, стр. 68.

⁴⁷ См. тексты из дер. Брезовка и других в кн.: A. Schröder. Указ. соч., стр. 74—88. — Тексты из дер. Вускидъ в кн.: Л. В. Щеба. Указ. соч., стр. 7—21.

жицких говорах содержат гласный *e* (или *ě*): *p̄iatk*, *zapščag*, *m̄iaso*, *p̄iac*, *załazać*, *radny*, *pôd'iazak*, *pôćańens*, *dżak*, *ńerat*, *s̄adżeń* (Яблоньц): *petk*, *spšegas*, *m̄eso* // *m̄eso*, *peś*, *p̄si'uezaś*, *redny*, *p̄ed'veski*, *segnuś*, *żek*, *ńeret*, *s̄ežeń* (Грожище).

Фонема [e] включена в диалектное различие, связанное с фонемным составом местоименной флексии местного падежа единственного числа: *na 'starem*, *na tom 'l'ubem*, *na 'goṇem*, *na 'liwem*, *na 'prawem* (Заброд): *na 'goṇnym*, *na 'starym*, *na 'l'ubym*, *na 'by'sym* (Грожище).

Различия, связанные с употреблением фонемы [e] в отдельных словах, не касаются ни фонемного состава соответствующих говоров, ни фонетической реализации отдельных фонем. С этими различиями, однако, сопряжена неодинаковая частота употребления в разных говорах фонемы [e] или другой фонемы, заменяющей ее в отдельных словах.

Частота употребления фонемы [e] повышена в том случае, если в говоре результатом изменения гласного *o* после губных и задненебных может быть *e*. Именно такую замену гласного *o* демонстрирует говор дер. Гро же, где произносят *zberk*, *veika*, *reł'o*, *ves*, *teřo*, *keza*, *geňis*, *xe'dota*, в то время как в других говорах те же слова вместо [e] содержат другую фонему (см. об этом ниже).

Фонема [e] может быть включена также и в состав диалектных различий, имеющих непосредственное отношение к фонемной системе соответствующих говоров. Это различие в составе фонем {[ě] — [e]:[e]}, {[e] — [i]:[y^ɛ]}, о чем см. ниже.

§ 3. Гласный *u^ɛ* и его место в фонемной системе. Во многих нижнелужицких говорах имеется гласный среднего ряда средне-верхнего или верхне-среднего подъема — *u^ɛ* (*ɛ'*), который производит акустическое впечатление гласного, среднего между *e* и *u*, с различной степенью приближения к тому или другому и употребляется в позиции после твердых согласных.

Этот гласный в разных говорах развился в результате различных фонетических процессов, поэтому позиционные условия его появления и степень распространения по говорам неодинаковы.

В большей части основных нижнелужицких диалектов упомянутый гласный своим происхождением обязан прежде всего делабиализации гласного *ō* (который в свою

очередь развился на месте *^o⁴⁸, в позиции после губных и задненебных согласных не перед губными и задненебными, ср. *ry^eceraš*, *by^ešan*, *wy^eset*, *te^est*, *ky^eza*, *gy^ela*, *xy^ery*; в современных говорах в этих же случаях может произноситься гласный *у* или *ε*). Фаске вообще считает, что *ð* делабиализовался только в гласные *у* или *ε*, но не *y^e*⁴⁹. Однако мы с этим согласиться не можем, так как это противоречит нашим наблюдениям над нижнелужицкими говорами, хотя нет сомнения, что в каждом из говоров в качестве гласного, употребляющегося параллельно с *y^e* < *ð*, преобладает или *у* или *ε*.

В некоторых исследованиях, посвященных нижнелужицким диалектам, для обозначения гласного, развившегося в результате делабиализации гласного *ð*, используется знак, долженствующий указывать на сохранение элементов лабиальной артикуляции в образовании гласного, заменившего *ð*. Знаком *ɛ* обозначен гласный, средний между *е* и *о* в публикации текстов из дер. Брязын⁵⁰. В публикации диалектных текстов из дер. Смогорев использованы знаки *ɛ^o* (широкое, лабиализованное *е*) и *e^o* (узкое, лабиализованное *е*)⁵¹. В этом говоре гласные, обозначенные через *ɛ^o* и *e^o*, употребляются параллельно с *e^o*⁵². Нельзя согласиться с утверждением Шустера-Шевца, что гласный, развившийся вследствие делабиализации *ð*, всегда содержит лабиальную артикуляцию как обязательный элемент⁵³. Наблюдения над нижнелужицкими говорами этого не подтверждают.

Первоначально гласный, развившийся на месте **o* (через ступень *ð*), будучи позиционно ограниченным в своем употреблении, функционировал как представитель фонемы [о]⁵⁴. В случаях типа *skokaš* — *sky^ecys*, *bog* —

⁴⁸ Z. Stieber. Stosunki . . . , стр. 58.

⁴⁹ H. Faßke. Die Vetschauer Mundart, стр. 27, карты № 2—4.

⁵⁰ D. Petrová — J. Petr. Указ. соч., стр. 62 и сл.

⁵¹ «Sorbische Dialekttexte», III. Schmogrow. Kreis Cottbus. Bearbeitet von H. Faßke und H. Jentsch. Bautzen, 1965, стр. 9.

⁵² Там же, стр. 4.

⁵³ H. Schuster - Šewc. Rozwój fonologiczny dolno-łużyckiego systemu wokalicznego. «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 1965.

⁵⁴ Ср. подобное утверждение: H. Schuster - Šewc. Vergleichende historische Lautlehre der Sprache des Albin Moller. Berlin, 1958, стр. 27.

by^ežy в корнях слов одна и та же фонема была представлена разными гласными.

В современных говорах употребление гласного *y^e* (*ε^y*) по отношению к *o* перестало быть позиционно обусловленным: гласный *o* возможен в позиции перед зубными согласными, а употребление гласного *y^e* (*ε^y*) не ограничивается лишь позицией не перед губными и задненебными согласными, т. е. в современных говорах гласные *y^e* (*ε^y*) и *o* образуют фонемную оппозицию.

Среди обстоятельств, способствовавших фонологизации оппозиции *o—y^e*, прежде всего следует назвать изменение *t>u*. Развившийся на месте *t* спирант *u* не только по своей артикуляции является губным, но и функционирует как представитель фонемы [v]. Вместе с тем губной спирант *u* в большей части случаев относится к факту делабиализации гласного *ō* как негубной согласный. В позиции перед *u<t* могут быть представлены результаты делабиализации *ō*. При этом говоры различаются в зависимости от того, представлены результаты делабиализации в позиции только после задненебных, или же имеют место также после губных. Пример первого дают говоры дер. Грожище: *gu^eu*, *kēuo'-rotne*, *kēuožei*, *kēu*, но *uo̯u*, *stōua*; дер. Барбук; *guu*, *'xuuoł*, *kyuožii*, *kyu*, *kyuack*, *wō̯u*, *rō̯oñ*. Пример второго — говор дер. Горы: *geu*, *ueu*⁵⁵. В части приведенных примеров *u<t* по отношению к предшествующему гласному выполняет ту же роль, что и согласный *t* в тех говорах, где он сохранился, например, в говоре дер. Мост: *'kyłorot*, *'ky^ełožei*, *kyt*, *'gyły*, *wyt*. Вообще отсутствует изменение *ō>y^e* перед *u<t* в диалекте Ветшау, где произносят — *stōua*, *uo̯u*, *gō̯u*⁵⁶.

Приведенные примеры разной замены гласного *ō* перед *u<t* могут свидетельствовать о неодинаковой хронологии изменения *ō>y^e* в разных говорах (хронология устанавливается по отношению к изменению

⁵⁵ H. Fask a. [Рец.] Серболужицкий лингвистический сборник. «Lětopis Instituta za serbski Judospyt», Rjad A, číslo 11/1, Budyšin, 1964, стр. 109.

⁵⁶ Примеры взяты из работы: H. Faßke. Die Vetschauer Mundart, стр. 21. — Наш транскрипционный знак *ō* соответствует используемому Фаске знаку *o*. Об артикуляционной близости гласного *ō* к *ō*, а в применении к некоторым говорам — и об их фонематической тождественности см. ниже.

$\dot{t} > \dot{u}$): 1) gy^euy , $uy^e\dot{u}$ — $\dot{o} > y^e$ до изменения $\dot{t} > \dot{u}$; 2) $gōuy$, $\dot{u}\dot{o}\dot{u}$ — изменение $\dot{t} > \dot{u}$ произошло до начала делабиализации \dot{o} ; 3) $gy^e\dot{u}y$, $\dot{u}\dot{o}\dot{u}$ — делабиализация \dot{o} после задненебных происходила до изменения $\dot{t} > \dot{u}$, после губных — после изменения $\dot{t} > \dot{u}$.

Иные толкования этому явлению предлагает Фаске. В одном из них он расценивает \dot{o} (о в транскрипции Фаске) перед $\dot{u} < \dot{t}$ как следствие более поздней делабиализации (einer späteren Delabialisierung), которая в разных говорах имела место в разных условиях⁵⁷. Согласно другому объяснению, \dot{o} перед $\dot{u} < \dot{t}$ обязан своим появлением позднейшей новой лабиализации (rezultat pozdžišeje relabializacij)⁵⁸, под чем, вероятно, подразумевается изменение $y^e > \dot{o}$ (?). По поводу этих объяснений трудно что-либо сказать, так как они даны a priori, без всякой аргументации.

Сохранение гласного o в таких словах, как *pouka*, '*poūny*, *poū'neēe*, не связано с относительной хронологией изменения $\dot{t} > \dot{u}$. В этих словах гласный o сохраняется и в тех говорах, где согласный \dot{t} не подвергается изменениям. Мост: '*połny*, '*połku* '*połkaś*, *po'łożyś*, '*połon*, *poł'neēe*, *połoịca*.

Изменение $\dot{t} > \dot{u}$ создало возможность употребления гласного o после губного согласного не перед губными и задненебными, так как гласный o после $\dot{u} < \dot{t}$ обычно делабиализации не подвергался. Грожище: *tuco'zina*, *kuośk*, *ia'uoịca*, '*suołki*, '*suońcko*, '*syuoị*, *puot*, *uo'żyśco*, '*zuoto*, '*zuożii*, '*xuođność*, *uoñi*, *uoịś*, *cuonk*, '*tuoçys*, *uoł*, *kuołiś*, *guot*, '*wocys* и др.; Барбук: *kuo'ńica*, *puoś*, *tucošk*, *xuołk*, '*douołi*, '*uonko*, '*guodny*, *vys'uoony*, *kuołiś*, *puot*, *guos*, '*tuoda*, '*obuoł* и т. д. В этих случаях согласный \dot{u} по отношению к последующему гласному функционирует так же, как согласный \dot{t} в говоре дер. Мост, где произносят *łoi*, '*glōezy*, '*złoto*, '*łosy*, *złość*, *ża'łosnë žni*, '*młody*, '*kłoski*.

Появлению гласного o после губных не перед губными и задненебными способствовало и то, что в положении после губных согласных перед лабиализованным гласным спирант \dot{u} может утрачиваться, ср. Мышина: *kosk*, *mośc*, *gos*, *do uosou*, *xotk*, *pośica*, *mody*, *pot*, *mośiś*, *kośony* (<*kuośony*), *kołiś*, *kołńica*, *bośco*.

⁵⁷ Н. F a s k e. Die Vetschauer Mundart, стр. 21.

⁵⁸ Н. F a s k a. [Рец.] Серболужицкий лингвистический сборник, стр. 109.

Таким образом, в результате изменения $\dot{l} > \underline{u}$ создалась возможность противопоставления гласного о и гласного, развившегося в результате делабиализации ô в позиции после губных и задненебных.

Однако имеются и другие, не связанные с изменением $\dot{l} > \underline{u}$, случаи противопоставления гласных о и у*, в частности в тех говорах, где согласный \dot{l} сохранил свое качество. Так, имеется целая группа слов, в которых гласный о, несмотря на то, что находится в позиции после губных и задненебных согласных не перед губными и задненебными, не подвергся делабиализации.

Г р о ж и щ е: 'polo, 'zagoyk, kojk, ja'gody, riz'gotaš, 'gy*spodař, ges'poza, 'muxořas, 'rybo'rak, sy'korka, ɻasko'l'icka, 'kurwota, 'kokot, te ko'košy, 'zogol, zo'goliš, 'maugot, pískoř, 'pxoř, ko'lawa, ku'moda, pia'pora, 'ambos, ko'lander, mor'dowaš, 'f'ingorot, 'na tym 'boce, pa'xorka.

Б а р б у к: 'polo, 'na tym 'boce, do ja'god, kojk, 'kokotk, 'zagon, ɻasko'licka, kor'nikel, korp, to'pořiščo, 'bola, 'kyza má'koco, 'kokoš gá'koco, 'kolapka, 'pxoř, 'rogoš, 'pískoř, 'pia'pora, 'cukor, muxořas, spo'kojom, pa'kostny, 'gyspoza, ten piaš ví'koco s tym o'gynom, kur'wota, 'řigotaš, nawožeňa, ma'kojce, топонимические названия — pot'gyla, 'xoňna, 'zaga'gora, 'ugořk.

М о с т: 'polo, 'na polo, 'ja'gody, 'około, 'na tym 'boce, sy'korka, stro'koška, 'gy*spodař, gy's'poza, kur'wota, 'ɻasko'l'icka, 'kokoš, 'zogol / zo'goliš, 'pakosny, makojca, 'zagoyk, 'rogoš, 'pxoř, 'nawožeňa, 'šćerkotawa, ro'gojska, liš'kojska, uměn'kojska, 'řigotaš, 'gja'gotaš, 'kl'apotaš, 'mákotaš, 'xrapotaš, 'kiagotaš, 'dybotaš, mako'cuca 'kyza, 'muxoras, 'ryborak, 'f'ingorot, 'pia'pora, ku'moda, švon, kor'nikel, 'bona, spo'sarski, 'borša, 'konzum; фамилии — 'sexojč, 'nagora; топонимические названия — pša'xody, vyt pša'xoduy.

М ышин: 'naqoi, 'konope, 'bola, 'klapotos, 'pytpora, cukor, boce byl'e, pxoř, polske luže, šuqor, io po'rowau// 'poroqua, muxornaki, rogož, 'maugot, makojca, 'gyspodař, kortaqa, borša.

Среди приведенных примеров много слов немецкого происхождения, в которых, естественно, нельзя ожидать результатов делабиализации ô. Что касается слов, не иноязычных по своему происхождению, то в некоторых из них сохранение гласного следует, вероятно, расценивать как следы того состояния, когда делабиализация гласного ô происходила только в начальном слоге

слова⁵⁹. Следует заметить, что в современных говорах результаты делабиализации гласного *ō* возможны и в неначальном слоге.

Г р о ж и щ е: *so'bēta*, *no'bēda*, *roz'meda*, *'na dveře*, *sro'-meta*, *'nabezac*, *'ogen*, *vȳtgeto'vane*; Б а р б у к: *pšiwy'rane* *'nabyzac*, *opxȳl'zona*, *sro'myta*, *s tym o'gynom*, *'nagyru*, *'samý'setk*; М о с т: *pse'pyraš*, *'sromȳta*, *'ugȳn*, *'ogȳn*, *'sobyta*, *na'byiny*, *obwy'rowaś*; Ш к о д о в: *'obgȳtowany*, *'nebev'iazne*, *'pšeskȳcyl'i*, *'naperaś*, *'rytęscy* (род.), *'na dvȳr*, *'do škev'-dowa*; М я ш и н: *zame'cyli*, *'ogen*, *'topȳriquo*, *nežgyrkše*, *rozmēda*, *pytgev'toqaś* и др.

В случаях типа *'rogojski* гласный *o* сохранился благодаря последующему *v̄*, который в дальнейшем изменился в *i*.

Гласный *ȳ < ō* не перед зубными согласными встречается реже. Кроме приведенных выше примеров с делабиализацией *o* перед *u < t̄*, названный гласный отмечен в случаях *ro'megał*, *ja som 'megua* (Грожище), *'pomygař* (Барбук), *'pomegal'i*, *'mȳguei* (3 л. дв. ч.), *'mȳgu* (3 л. мн. ч.), *su 'megl'i* (Шкодов), *'na mȳgu* (Мост).

Таким образом, в нижнелужицких говорах, переживших некогда делабиализацию гласного *o*, в настоящее время возможно противопоставление гласных *o* и *ȳ* в одном и том же положении. Важно подчеркнуть, что это противопоставление свойственно не только говорам, в которых *t̄ > u*, но и тем, где согласный *t̄* сохранил свое качество.

Г р о ж и щ е: *gquot — zwȳn*⁶⁰, *piapora — 'pšepȳraš*, *'ambos — 'bȳsy*, *mošk — mȳst*, *koyk — kȳń*, *jasko'l'icka — kȳv'lasko*, *'kowal' — kȳu*, *ja'goby — 'gȳdy*, *'mixořas — 'opxȳi-żone*, *ja som 'mȳgua — 'mokry*; Б а р б у к: *wosy — 'wȳsa*, *kuosk — wȳsk*, *'polo — 'pȳl'a* ('около'), *topo'řis:o — pȳce'-rali*, *na 'boce — 'nabyzac*, *bola — 'bȳli* (3 л. ед. ч.), *moš — 'mȳžo* (3 л. ед. ч.), *pa'kostny — 'kȳska*, *'kowal — 'kȳuack*, *'zagón — 'ogȳn*, *'puxor — xȳzyšćo*; М о с т: *kur'wota — vȳtapeś*, *švon — zwȳn*, *'pol'o — 'pȳlak*, *'šposarski — 'pȳ-*

⁵⁹ Cp. об этом: K. E. M u c k e. Указ. соч., стр. 99; H. Schuster-Sewc. Vergleichende..., стр. 27; Zd. Stieber. Stosunski..., стр. 72.

⁶⁰ В этом случае и ниже знаком *ȳ* мы обозначаем гласный, возникший в результате делабиализации гласного *ō*, без учета конкретного его качества в перечисленных говорах.

stawa, 'borša — zby^erk, ku'moda — 'my^edry, 'około — ky^ełóżeł, ścerko'tawa — ky^etk, jasko'l'icka — ky^ełaso, 'pakośny — ky^e-sysćo, 'konzum — ky^elńc, sro'koška — 'ky^ešul'a, ro'gojska — gy^eic, zo'golis — 'gy^el'a, 'zagon — 'ugy^en, 'cexojc — xy^elna, pśa'xody — xy^edota.

Таким образом, в перечисленных говорах первый слог слов *skokaś — sky^ecys, bog — by^ežy* различается гласными фонемами: гласные *o* и *y^e* являются представителями разных фонем.

Между прочим, и в говоре дер. Дреице, где, по мнению Тополиньской, гласный, развившийся вследствие делабиализации *ō*, находится в вариантовых отношениях с гласным *o*⁶¹, эти гласные в действительности реализуют разные фонемы. Ср.: *bona — by^esa, 'nauy^eżeiñ — kur'çota, ku'moda — sro'my^eta*⁶².

Фаске считает, что в качестве иллюстрации противопоставления *o — y^e* не могут быть использованы: 1) слова, являющиеся по своему происхождению немецкими заимствованиями (*bona, mordowaś*); 2) префиксальные образования типа *orxy^eiżona*, так как в этих случаях *y^e* в непервом слоге появляется под влиянием форм, содержащих *y^e* в первом слоге; 3) слова, содержащие результат делабиализации в непервом слоге (*soby^eta, ogy^en, sromy^eta*) на том основании, что их мало и что нелабиализованный гласный в непервом слоге развился здесь в результате иного процесса делабиализации гласного, восходящего к **o*, чем в первом слоге. Свое мнение о различии этих процессов Фаске аргументирует тем, что в ряде говоров, по его наблюдению, на месте **o* в первом слоге, с одной стороны, и в непервом слоге, с другой, представлены неодинаковые гласные — *y* и *e*⁶³, хотя неясно, почему для гласного *e* непервого слога надо отрицать предшествующую стадию *y^e*, принимаемую для гласного *y* первого слога (?).

Доводы Фаске не могут быть приняты во внимание при фонемной интерпретации гласного *y^e*, так как все они стоят за пределами фонологических доказательств,

⁶¹ См.: Z. Topolińska. Przyczynek do rozwoju **o* w kilku wsiach dolnołużyckich. «Studije k serbskej dialektologiji». Bautzen, 1963, стр. 81—85.

⁶² Из ответа на Программу, составленного З. Михалком.

⁶³ Н. Faska. [Ред.] Серболужицкий лингвистический сборник, стр. 110.

используемых в рамках синхронного анализа, для которого существенным является позиционное распределение звуковых элементов, а не их генезис. Что касается слов, заимствованных по своему происхождению, то уже сама словообразовательная структура таких слов, как *bona*, *mordowaś*, *borša*, *spo'sarski* и т. п., свидетельствует о том, что эти слова организованы в соответствии с правилами диалектной системы и могут быть использованы при фонемной интерпретации гласного u^e . Кстати, Фаске так и делает, когда в цитированной статье использует слово *eimter* для иллюстрации противопоставления *helein* // *elein* — *eimter*⁶⁴.

Позиционное распределение гласного $u^e < \delta$ различно по говорам. Различие состоит в том, что в одних говорах упомянутый гласный выступает как после губных, так и после задненебных согласных, в то время как в других — только после губных. Пример первых дают говоры деревень Мост, Грошище, Барбук, пример других — говоры деревень Турей, Дрейце. Ср. Турай: *wy^elniki*, *wy^eda*, *re^el'ica*, *zvet*, *zberk* и *ko'l'aso* // *kō'lasko*, *'gody*, *'gořeł*, *kō'ryto* (м. ф.); Дре́йце: *u^e tui^eim*, *my^eřio*, *by^esa*, *zby^ežo*, *go'spy^eza*, *ta 'svěžba*, но — *korp*, *'g^eole*, *'xořecy*, *škorka* (ответ на Программу). См. также карту этого диалектного различия, составленную Фаске⁶⁵.

С фонологизацией противопоставления *o* — u^e гласный u^e стал реализовать фонему, употребление которой ограничено лишь позицией после губных и задненебных согласных. В этих условиях, естественно, должна была проявиться тенденция присоединиться к другой фонеме, употребление которой не столь сужено позиционно.

В связи с артикуляционной спецификой гласного u^e , лежащего на границе между *u* и *e*, названная тенденция осуществлялась в двух направлениях: гласный u^e мог примкнуть или к фонеме [e] или к фонеме [i].

К числу говоров, в которых гласный u^e изменился в *e*, относится, например, говор д. Грижище (ср. приведенные выше примеры на употребление *e* после твердых согласных, среди которых есть и такие, где гласный *e* развился на месте u^e).

⁶⁴ H. Faska. Указ. соч., стр. 111.

⁶⁵ H. Faßke. Die Vetschauer Mundart, карта № 4.

В говорах деревень Барбук и Мост гласный *у*^т склонен изменяться в *у* (ср. ниже примеры на употребление *у* после твердых согласных).

Вследствие изменения гласного *у* появляются новые случаи омонимии. Ср. Барбук: *mi 'ruka 'byl'i* и *tu smy byl'i, te se 'myiu* и *ja gyńim myiu 'krogu*; Грожище: *vet 'beje* и *te se 'beje*.

При этом следует заметить, что изменение как в сторону *ε*, так и в сторону *у* ни в одном из говоров не проведено настолько последовательно, чтобы сделать невозможным произношение *у^т* или *у* (при преимущественном *ε < y^т*), *ε* (при преимущественном *y < y^т*).

В качестве иллюстрации сосуществования *ε*, *y < y^т* и *y^т* приведем примеры, извлеченные из магнитофонной записи текста в дер. Шкодов: *'pejdu* (3 л. мн. ч.), *tej nan, 'mecne // 'my^тcne, 'vestali, 'dvery^т* (им. мн.), *'gel'ku, pen, 'vedy, jo 'vetpl'eū, mest, 'doqoł 'peras, 'zberki, 'sobetu, 'skency* (3 л. ед. ч.), *'škerne, 'spedobañe, 'gelycy, 'veňi, z 'velijom, 'xeļžis, 'getowal'i, 'keňimí, na 'mेřiu, 'pomecy* (род.); *smy šli pen 'gyřei, som 'xyļžiū; 'my^тcne, 'vy^тzom, 'gy^тl'a, 'gy^тtoqaś, 'na py^тjetk, my^тl nan, 'xy^тice* (им. мн.), *py^тn, 'ky^тnii, 'vy^тdy* (род.), *'vy^тsepane, vy^тstaili, 'na dvy^тr, 'gy^тrej, 'xyļžiš, 'svy^тle* (им. мн.), *ky^тnc, naše 'vy^тlse^тnske, ky^тl'asa* (мн.); *'ne beļazne, 'peļzytny, 'do ške^тdowa, 'geļlc, 'geļtowanе, z 'veļl'iļom, vet 'luži, 'geļl'esoiu* (дат.), *te 'veļze 'keļl'asa* (им. мн.), *peļledau*.

Аналогичные примеры содержит магнитофонная запись из дер. Мышино: *do 'wedy, vēn, pšed 'gedamī, 'peļsy, zamecyl'i, 'getual'i, peļedaū; 'gyřei, 'kyl'asko, pyn, 'xyļžil'i, 'vydu* (вин.), *'vysem, te 'gylcy, 'kytra, 'mytanе, 'spuzy, 'svylo, 'dvyiće; py^тn, vy^тsemix, gy^тdóqne, ky^тšul'e, su 'xy^тlžil'i, my^тtaiduo, 'my^тžo, som 'wy^тstača*.

Параллельность в употреблении гласных *у^т* и *ε*, *y^т* и *у* не ограничивается теми случаями, когда гласный *у^т* может быть возведен к **o*.

Во многих нижнелужицких говорах гласный *у^т* (*e^т*) может произноситься на месте *у* и реже *ε*, не восходящих к **o*. И это как в говорах, переживших делабилизацию *ö*, так и в говорах, не знавших этого процесса.

В некоторых говорах гласный *у* в своем образовании вообще тяготеет к среднему подъему, в известной мере

сближаясь с ε⁶⁶. Однако мы, анализируя изменение *y* > *y*^ε, имеем в виду еще более явственное сближение *y* с ε. Иными словами, гласный, обозначаемый через *y*^ε, акустически не может быть отождествлен с *y*, даже если этот последний характеризуется большой степенью открытости.

Мост: *dy^εjsć*, *'šy^εra* 'garona, *ny^εp*, *'vyzy^ε* (им. мн.), *'ty^εke*, *ry^εi'towaś*, *'ry^εpańki*, *'na gyru* 'gyry^εi, *'škopy^εjk*, *my smy* 'xudy^ε, *'gercy^ε* 'gral'i, *'na łucy^ε*, *pŕet* 'te^εju; *'sedy^εm*, *'ry^εiny*, *'spy^εdny^ε* zec, *ten* gęsyr io 'suxy^ε, *'vysy^εm*, *'redny^ε*, *'carny^ε* kuń, *pé'gaty^ε*, *zmarz'ńony^ε nos*, *'sy^εpaś*.

Барбук: *'by^εla*, *'na tei* 'decy^ε, *'šy^εla* и *'šeja*, *'ty^εke*; *'ry^εiny*, *ten* io 'sy^εršy, *vyt* 'kysy^ε, *sty^εr'naścō*, *'obry^εc*.

Грожище: *'te^εżeń*, *ja* 'myse^εm, *'bry^εtweł*, *'sy^εpnuś*, *ten* šy^εla wi, *py^εsk*, *'xy^εla*, *by^εck*, *'doby^εtk* io 're^εiny, *ge^εnimy^ε* (1 л. мн. ч.), *be^εsk* и *besk* < *błysk*; *my smy* naie'żony^ε, *'keza* 'zmeio 'mody^ε, *te* 'gy^εlcy^ε.

Рогозна: *bl'edy^ε*, *šy^εška*, *py^εtaś* || *pytateł*, *'cašy^εduo* || *cašeduo*, *žy^εvíca* || *žywica* || *ževica*, *su* 'kry^εnuli || *krynuś*, *by^εk*, *my* 'zreiomy^ε, *kšy^εuo*, *kšy^εlc*, *zagasy^εs* || *zagaseś*, *uasy^εcka*, *nedopy^εŕ*, *xy^εśis* и даже *zmarznone nos*, *spy^εdne zec*, *uy^εn* šylávi, *zuy^ε*, *nimy^ε*, *te* 'gercy^ε (им. мн.), *brytwy^εi*, *rosocy^ε-souak*, *te lapy^ε* (вин. мн.), *rozy^εu*.

Мышин: *'stašiwy^ε*, *'ordowaū* 'xytany^ε, *ugibany^ε* cy^εuki; *l'an* io buć żerńony^ε uxytany^ε, *'upa^εukany^ε* py^εn io buć, *'ożerńone*, *suxe*, *vězane*.

Шкодов: *'my^εsli*, *'dverry^ε* (им. мн.), *my^ε*, *na'uceyś*, *zve'zany^εx*, *ty^εn*, *šy^εu*, *tyk'*, *'žy^εneie* vy^εdy, *s te^εje* (тв.).

Рогов: *'ry^εba*, *'re^εabar*, *'mlotšy^ε*, *'kñigly^ε*, *'žy^εjo* (3 л. ед. ч.), *sy^εkorki*, *vy^ε*, *'umy^εte*, *do* 'ucby^ε, *'xy^εla*.

Заброд: *ten* 'duxouny^ε, *'biuy^ε*, *'žy^εca* и даже *'žeca*, *ryś* || *re^εś*, *my^ε*, *'sy^εta*, *'cy^εsćiś* || *'cesćiś*, *dy^εm*, *my^εš*, *'sy^εśim*, *ja se* 'my^εju, *'rosxy^εtwaś*, *ten* žy^εt, *'sy^εcko*, *'sy^εška*, *by^εd'lis*, *te* 'gl'iny, *py^εsk*, *vôt* 'tuny^ε, *'svíñecy^ε* šmalc, *ta* 'víšy^εna, *'cy^εbula*, *my^ε smy^ε*, *'do spey^ε*, *'stašowy^ε*, *'kçobuśk*, *'xolowy^ε*, *'žy^εto*, *'jaguś*, *'sy^εkuany*, *'sy^εbazny*, *by^εś*, *zy^εś*; *'cycy^ε*, *kry^εi*, *te* šy^ε, *'květki* su 'zeskńety^ε, *'sy^εnus*, *'sy^εry*, *se^εtk*, *te* 'stauē // *'staūy^ε*.

⁶⁶ Так, в слепянском диалекте гласный *y*, по словам Шредера, локализован в повышенном среднем подъеме (A. Schröder. Указ. соч., стр. 20).

Т е р п є: *te 'zy^šlzy, psy^šk, se 'žy^švíš, 'žy^što, sy^šn, 'ce^žsta, 'dy^šbzak, 'řidny^š 'mantl, te 'nožy^šce, 'vesy^š, do 'tuny^š, šty^šrjo, 'čišny^š, 'sklaržy^š* (3 л. ед. ч.), *'žy^šdke, 'stry^šcyl, gry^šiny, teł 'wôcy^š, 'sliny^š, 'strowy^š, vy^š, ty^š'kníguy^š, 'maužy^š, 'wopy^šs, my^š, na 'by^škox, 'sy^škaňe, 'sy^šno* (в этом случае *y*^š на месте *y*, который является в этом говоре заменой *ě после твердых согласных).

Б я з д о в: *'sy^špnuć, psy^šk, 'kôry^što, 'wôtcy^šnić, šy^šć* и даже *šeioš, 'žy^šua, 'žy^što, 'cy^šsćić, 'pešy^š, 'sy^šroki, 'pruty^š* (им. мн.), *'žy^švíca, šy^šška* и даже *'ževíca, 'šeška, 'sy^šdriški, 'py^štateł, my^š 'by^šdl'imi, 'džomy^š, py^šsk, ja se 'my^šju, 'ko-py^što, 'xolowy^š, by^šk, 'sy^šta 'trajda* и *'syta, šy^šreļo* и *'šyreć, sy^šć, sy^štuo* (в этом говоре заменой *ě после твердых согласных является *y*); *'sy^šra // 'séra, 'nožycę^š, 'jasyn // 'jase^šn, šy^šla*.

Б л у н й: *'xy^šsiś, 'wopaki y^šs, by^šs, to by^š 'kuždy žéń, we'šy^šjče, 'wobmy^šwaś, zes 'tucny^šm, 'víšy^šnowy bom, 'cervény^š kau, by^šk, 'sty^šři by^ški, šy^šr̄, zy^šu, te 'my^šše, ry^šs, 'sušy^šs, ky^šrk, 'luby^š nan, 'sy^šcke, cy^šsćiś, 'cy^šxí (и 'cexi, 'cyxi), 'by^šrcy (и 'bercaś), zy^šte (и 'zete), 'hy^škauka (и 'hekauka), mōjo 'bezwocys.*

П а р ц о в: *'snopry^š* (им. мн.), *ze 'zry^šwaǔkamí, 'sy^špal'i, 'zary^šwal'i, 'by^šdl'il'i* (и *bedl'il'i*), *'cy^šsćić, 'koby^šua, by^šck, dy^šm, prec zy^šć mīcu, šy^šć, šy^šće, ten psy^šk, 'še^šška, 'žy^švíca; te 'knę^špl'e, 'cy^šukki, šy^š 'все', prec zy^šć, šy^šre.*

Во всех приведенных случаях наряду с гласным *у* может произноситься гласный *у* или *ě*, а иногда даже и оба этих гласных.

В мужаковском диалекте гласный *у*, по определению Щербы, вообще по своему качеству «похож на э», это «отодвинутое назад е закрытое»⁶⁷. Следствием такой артикуляционной специфики гласного *у* являются случаи совпадения *ě* (у Щербы *æ*) и *у* (у Щербы *ě*) в безударном положении⁶⁸. В текстах имеются примеры такого совпадения: *na 'xójce // na xójcy* (8), *te re-nezy* (вин. мн., 10), *ćicy* (12), *'styrnuł* (10, в этом случае *ě > u* под ударением), *vy scē gôtovy* (20).

К этому можно добавить примеры из дер. Яблоньц: *šy^šiar'nica, s ty^šmí, losy^š rězać, xôžy^ššćo, ty^šgel, 'ty^ška'ńc, stry^šcel, né'dopy^šr, 'ciušy^š*.

⁶⁷ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 17.

⁶⁸ Там же, стр. 48.

В слепянском диалекте Шредер не отмечает случаев изменения *у* в сторону *ε* и наоборот. Однако именно о сближении *у* с *ε* свидетельствуют орфографические ошибки в опубликованном Виртом тексте, автором которого является житель дер. Брезовки⁶⁹.

В этом тексте имеются следующие случаи написания *e* вместо *y*: *rozem*, *nanoseli*, *zeme* // *zyme*, *naš stare nan*, *krenuć*, *heši* // *hyši*, *petana*, *wen noseć*, *ja sebi meslich*, *sena* (род. 'сына'), *dlemoka*, *wot starech ludzi*.

Какое же место в системе вокализма нижнелужицких говоров занимает гласный *у^ε*?

Фонемная характеристика гласного *у^ε* неодинакова и зависит от того, находится гласный *у^ε* в параллельном употреблении с одним из гласных *у*, *ε* или же с обоими этими гласными.

В говорах деревень Рогов и Терпе гласный *у^ε* зафиксирован в параллельном употреблении только с гласным *у*. Во всех тех случаях, где произносится *у^ε*, может произноситься и *у*. Гласные *у^ε* и *у* не образуют смыслоразличительного противопоставления; гласный *у^ε* противопоставлен гласным, реализующим другие фонемы, так же, как им противопоставлен гласный *у* (*byk* // *by^εk* — *bok* — *buk* — *'baska* — *'beļa*). Гласные *у^ε* и *у* в этих говорах, будучи функционально тождественными, являются возможными представителями одной фонемы и могут оформлять фонетические дублеты слов.

В тех же говорах, где гласный *у^ε* находится в параллельном употреблении с двумя гласными *у* и *ε*, нельзя считать гласные *у^ε* и *у*, с одной стороны, и *у^ε* и *ε*, с другой, функционально тождественными.

Различие между *у^ε* и *у* состоит в том, что *у* противопоставлен гласному *ε*, в то время как гласный *у^ε* этого противопоставления не образует. Аналогичное различие существует между *у^ε* и *ε*: гласный *ε* противопоставлен гласному *у*, а гласный *у^ε* — нет. Ср. в говоре дер. Барбук: *'by^εzy* // *'byžy* — *'beļa* // *'by^εla*.

Таким образом, гласный *у^ε*, употребляясь параллельно с *ε* и *у*, функционально не тождествен ни тому, ни другому, а образует самостоятельную функциональную единицу.

⁶⁹ P. Wirth. Ze Slepjanskeje narěče. «Časopis maćicy serbskeje», lět. LXXXIX, Budyšin, 1936, str. 456—461.

Гласный y^e реализует фонему, которая может употребляться параллельно с фонемами [e] и [i]. Признаками, определяющими эту фонему, являются ненижний подъем, незадний ряд, нелабиализованность. Употребляется в позиции после твердых согласных. Обозначаем эту фонему через $[y^e]$.

В том случае, если, как это имеет место в мужаковском диалекте, изменение y в сторону ε и, наоборот, ε в сторону y происходит только в безударном положении, то это дает основание констатировать различие между ударным и безударным вокализмом. Последний характеризуется возможностью нейтрализации противопоставления [e] — [i] после твердых согласных. Однако, по записям Щербы, слабая фонема в этом случае реализована гласным y или ε , но не y^e .

Фонема $[y^e]$ факультативна в своем употреблении. Однако уже сама возможность параллельного употребления $[y^e]$, с одной стороны, и [e], [i], с другой, ведет к тому, что противопоставление [e] — [i] после твердых согласных утрачивает свою четкость, вследствие чего появляются такие случаи произношения ε вместо y , как приведенные выше ' $\check{z}eca$ ', ' $\check{s}eška$ ', ' $cesciš$ ', ' $dəbzak$ ', а также sme , ' $steřix$ (Шкодов), $cesta$, $pšeča$ (Мышин), $ceři$, ' $zete$ (Блунь), ' $\check{s}eška$ ', ' $bedl'il'i$ (Парцов), se ' $\check{se}zemetníča$ (Заброд), и y вместо ε , как это зафиксировано в говоре дер. Мост в случаях типа ' $wypse$ '.

Интересно в этом отношении окончание мужского рода страдательного причастия, которое в некоторых говорах недифференцированно передается через y , y^e , ε . Ср. в магнитофонной записи текста из дер. Шкодов: $l'an\;jo\;'ordonoù\;sety^e\dots\;zagrabane\dots\;plane\dots\;ryty^e\dots\;pšešcerany^e\dots\;ušušone\dots\;zezberane\dots\;ožerňone\dots\;\check{s}ušony^e\dots\;šerl'ikane\dots\;cesanε\dots$ (букв. 'лен был сеян... заграблен... полот... дерган... стелен... высущен... собран... обдерган... сушен... мята... чесан...').

В тех говорах, где имеется фонема $[y^e]$, существуют две системы вокализма: в одной из них имеются фонемы [e] и [i], в другой — нет.

Из сказанного можно сделать вывод, что нижнелужицкие диалекты различаются: 1) дистрибуцией гласного y^e ; 2) тем, какую фонему реализует гласный y^e ; 3) наличием или отсутствием фонемы $[y^e]$; 4) возможностью или невозможностью нейтрализации противопо-

ставления [e] — [i] в безударном положении; 5) наличием или отсутствием особой системы вокализма после твердых согласных.

Идею о наличии фонемы [y^e] в нижнелужицких диалектах решительно отвергает Фаске, расценивая гласный *y^e(ε^y)* только в качестве возможной реализации фонемы [e] одних говоров и фонемы [i] — других⁷⁰. Подобное утверждение предполагает, что гласный *y^e* в каждом говоре может употребляться или только параллельно с *y*, или только параллельно с *ε*, что, как было показано выше, не соответствует действительности. В говоре дер. Грожище Фаске на основании *xegy // xe^yry* считает гласный *ε^y* представителем фонемы [e]⁷¹. К сожалению, Фаске не сообщает своих соображений относительно того, с какой фонемой следует идентифицировать гласный *y^e(ε^y)* во встречающихся в том же говоре примерах *by^eck // byck, be^ysk // bysk, xy^ela*. Бряд ли сам Фаске допускает мысль, что в одном и том же говоре гласный *y^e(ε^y)* в тождественных позициях может реализовать две разные фонемы. То же можно сказать о говоре дер. Мост, где, по мнению Фаске, гласный *y^e* реализует фонему [i]. Но в этом же говоре произносят, например, *dε^yišć // dyišć* (пример взят из м. ф. № SiL 60/11). Точка зрения Фаске не дает возможности решить, какая гласная фонема входит в состав этого слова.

§ 4. Гласный ё и его место в фонемной системе. В нижнелужицком диалектном языке имеется гласный переднего ряда верхне-среднего подъема, закрытый ё. Степень закрытости этого гласного может быть разной — от очень закрытого ё до слегка суженного гласного ē, который, однако, достаточно четко отличается от гласного e.

Нижнелужицкие говоры различаются в зависимости от того, какую фонему реализует гласный ё (ē). Как было показано выше, в части говоров этот гласный реализует фонему [e] между мягкими согласными, а в мужаковском диалекте — в начальном слоге слова после мягких согласных перед твердыми. В других

⁷⁰ Н. F a s k a. [Рец.] Серболужицкий лингвистический сборник, стр. 109—110.

⁷¹ Там же, стр. 109.

говорах гласный *ě* (*ē*) реализует фонему [ě] — передний ряд ([ě] — [ô], [o]) верхне-средний подъем ([i] — [ě] — [e]). Фонема [ě] употребляется главным образом в начальном слоге слова, а в непачальном слоге — лишь в приставочных образованиях. В говорах, имеющих фиксированное ударение на первом слоге, фонема [ě] возможна, таким образом, только под ударением.

Распределение фонемы [ě] образует в нижнелужицком диалектном различие.

Во многих говорах основной нижнелужицкой территории фонема [ě] в своем употреблении безразлична к качеству последующего согласного, выступая как перед твердыми, так и перед мягкими. Таков, например, говор дер. Мост, где нами записано произношение: *dřes*, *'řepa*, *'předny*, *'l'ěto*, *'zělaš*, *łěšć*, *sňek*, *l'ěšć*, *sěsto*, *sňěs*, *'stšelaš*, *'běgaš*, *'pěšy*, *'wěra*, *sňěgul'a*, *řězařna*, *ny'jl'-lěpšy*, *'optřes*, *'spy'jěž*, *opsl'ě'pony*, *'naměšane*, *dvě*, *'dvěju*, *řep*, *ja* *'tšesu*, *'sěške*, *kňěs*, *spšěk*, *pšěza*, *měso*, *'svěžeń*, *'věceń*, *mě*, *żě'kowaš*, *my* *svěšimy*, *glědal'ko*, *pšěd'nica*, *'neřešny*, *'zapěš*, *'rozvězany*, *my smy* *'wumětl'i*, *ięś*, *'jěleń*, *'zběraš*, *'l'ěmjas*.

В некоторых говорах южной части нижнелужицкой территории фонема [ě] имеет склонность ограничиваться позицией перед твердыми согласными. Так, в слепянском диалекте, по наблюдению Шредера, гласный *ě*, попадая в позицию перед мягкими согласными, обычно изменяется в *e*⁷².

В говоре дер. Блунь гласный *ě*, хотя и возможен перед мягкими согласными, но чаще выступает перед твердыми. В речи отдельных информаторов зафиксировано даже чередование *ě*:*e* в зависимости от качества последующего согласного. Так, нами записано: *zězo*, *'řědny*, *vězal'i*, *nět*, *řěcnik*, *zwěře*, *slědy*, *běgaš* и *pěta:na* *'pěse*, *lěto : leše*. При этом примеры на оппозицию [e] — [ě]: *změtlizny* — *měra*, *dřewo* — *řězás*, *ščerpy* — *ćězo* // *šězo* и т. п.

Наконец, третий тип дистрибуции фонемы [ě] характеризуется ее употреблением только между мягкими согласными. Именно такое распределение фонемы [ě] констатирует Фаске в говоре дер. Шмогорев, иллюстрируя противопоставление *ě* — *e* в позиции между

⁷² A. Schröeder. Указ. соч., стр. 17.

мягкими согласными примерами: *lěše* — *lešeš*, *wěžeš* — *wěžom*⁷³.

В нижнелужицких говорах фонема [ě] обычно находится в параллельном употреблении с [e]. Почти в каждом говоре, имеющем фонему [ě], параллельно функционирует система вокализма, в которой отсутствует фонема [ě] и ей соответствует фонема [e]. Система с [ě] является более архаической и реализуется преимущественно в речи старшего поколения носителей говора.

Экспансия системы, не имеющей фонемы [ě], в разных говорах достигает разной степени интенсивности. Например, в говорах деревень Гро́жище, Шкодов фонема [ě] реализуется очень редко, будучи почти полностью вытеснена фонемой [e]. То же можно сказать о говоре дер. Бядов, где, по нашим наблюдениям, многие носители говора почти совсем не употребляют фонему [ě]. И, напротив, в говорах деревень Мост, Блунь, Заброд, по нашим наблюдениям, фонема [ě] употребляется довольно широко и последовательно. Параллелизм в употреблении фонемы [ě] и [e] есть и здесь, но преимущество имеет система, содержащая фонему [ě]⁷⁴.

В тех говорах, где фонема [ě] реализована особенно высоким гласным, возможны случаи изменения *ě > i*, следствием чего является параллельность в употреблении [ě] и [i]. Ср. Парцов: '*ćěške* // *'ćiško*', '*džěwać* // *džiwaty*, *sn'ik*'; Блунь: '*dřěne* // *'driňe*, *sřěwa* // *spřiwa*', '*rědny* // *te su 'řidne*, *veři 'wěstej* // *'wistej*, *běcę* // *bíce*, *'věcej* // *'vícej*, *'zěška* // *wōt tej* *'zíšcę*, *na 'lěwym* // *'l'iwy*.

Параллельность в употреблении [ě] и [i] известна не всем нижнелужицким говорам, располагающим фонемой [ě], а там, где известна, распространена значительно меньше, чем параллельность в употреблении [ě] и [e].

Таким образом, с фонемой [ě] связаны следующие диалектные различия:

- 1) в составе фонем: {[ě] — [e]} : {[e]};
- 2) в дистрибуции фонемы [ě];
- 3) в частоте употребления фонемы [ě];

⁷³ H. Fäbke. Die Vetschauer Mundart, стр. 29—30.

⁷⁴ О соотношении [ě] и [e] см. также: Л. Э. Калнынь. О нижнелужицком вокализме. «Серболужицкий лингвистический сборник». М., 1963.

4) различие, связанное с возможностью или невозможностью параллельного употребления [ě] и [i].

С употреблением фонемы [ě] связаны и некоторые различия в фонемном составе отдельных слов, например: *l'ěwy* (Блунь): *l'owu* (Рогов); *xl'ěci* (Слепо, Sch., 111): *xloū* (Рогов): *xl'eči* (Грожище).

§ 5. Фонема [a]. В нижнелужицких говорах имеется фонема [a] — нижний подъем ([i] — [ě] — [e] — [a]). Фонема реализована нелабиализованным гласным непереднего ряда нижнего подъема, который употребляется как после твердых, так и после мягких согласных, под ударением и без ударения.

Г р о ж и щ е, Б а р б у к, М о с т, Р о г о в: *'stary, 'dawaš, 'prosař, cazař, naš, 'kražnik, spaš, 'bardo, 'mažu // mały // maly, 'uamaš // łamaš, // lamaš, 'svažiba, 'kacka, dgaš, pxa, 'tšaşa, 'žaba, jařica, cart; 'šaŋki, 'šćaška, 'żaseś, žaš, ňaść, 'kuřawa // 'kurawa, l'an, 'ksebiat, pác // pjiac, śmaś // smiąś, 'mīaza, 'gīargawa, pšeš'kīaržyś, jacob, jadēn.*

З а б р о д, Т е р п е, Б я з д о в: *'sota* (Бяздов — éota), *daš* (*dać*), *cesak*, *'naletna*, *'prajiš* ('prajić), *'zibawy* ('dzibawy), *'babu*, *pas*, *'kapal'ica*, *'matny*, *pusat*, *'nítkaty*, *pxa*, *šant*, *žaga*, *'carny*; *'šaŋki* (Бяздов — 'čaŋki), *'ćaška* (Терпе — 'šćaška), *'šćakuy* (Терпе — 'pšakuy), *'žiaseś* (Бяздов — 'dżaseć), *'sukña*, *nījasć*, *řiap*, *'jacerlia*, *plas* (Бяздов — *plać*), *'ksebiat* (Бяздов — 'šćebiat), *pjasć*, *mīac*, *'seskīaržyś* (Бяздов — 'šeskīaržyć), *'gīarsć*, *'jasel'e*, *'jare* и т. п.

В некоторых говорах гласный *a* в соседстве с губными согласными, чаще всего с *v* (*w*), приобретает довольно значительную лабиализованность, иногда даже полностью совпадая с *o*. Шкодов: *'ul'icowa⁹u*, *ja mo⁹u biu*, *jo se⁹ u fescy⁹cowā⁹u*, *som 'ordouoū*, *som 'ymro⁹u*, *jo 'rejōwo⁹u*, *jo 'psigl'edowoū*, *jo ge'towou*, *'olowou* *'z'l'odowoū*, *l'upkowou*, *'jacmeň 'pla⁹u* (м. ф.); Мышина: *'ordoua⁹u*, *'ipa⁹ukany* (м. ф.); Турей: *dy'ba⁹ua*, *ma⁹la*, *pece'rea⁹ua* (м. ф.).

В говоре дер. Горы лабиализованность гласного *a* встречается не только в соседстве с губными согласными. Ср.: *'doma⁹ce*, *'pša⁹sal'i*, *do 'sl'etka⁹*, *pšidu 'na⁹ ta⁹rk*, *ŕednek 'zbeža⁹*, *z me'tyku 'kopo⁹ne*, *'ky⁹r'biko⁹mi* (м. ф.).

В слепянском диалекте Шредер фиксирует наличие лабиального элемента в артикуляции гласного *a* в позиции перед *u/w*⁷⁵.

⁷⁵ A. Schröeder. Указ. соч., стр. 21.

Гласный a^o (o)^a является факультативным представителем фонемы [a], так как во всех говорах наряду с a^o (o)^a в соседстве с губными произносится и гласный *a*. В случае изменения $a > o$ следует констатировать возможность произносительных вариантов.

В начале слова фонема [a] употребляется, не считая союзных слов, преимущественно в словах немецкого происхождения и апеллятивах. Она может быть реализована в гласном *a* в одних говорах и в гласном *a* с протезой *h* — в других. Сообразно с этим согласный *h* в немецких словах или утрачивается или функционально отождествляется с протезой.

Шкодов: *aš*, *ale*, *abo*, *drejane* 'akse, *io* 'pšišeu akle
'na te 'stašiwy, *ak ja ma⁹u buu*; Мышин: *smy ten* 'zapust
'andl'ōwal'i, *my smy* 'děli 'antwortowaś, 'arteršokn, *adřík*,
antfeiğeř, *ancaigouaś*; Барбук: *'adřík*, *'amstrař*, *antwal*,
'ambos, *'aster*, *'anglowaś*, *'ampo*, *'andryški*, *'ajta-'aita*; Заброд:
'abo, *aš*, *šeřu*^h*aš do...*, *'taiki art* 'měxa, *ale*, *^hadřík*, *^hamster*,
^halster; Блунь: *ak* 'šidu vôt teje kul'i, *'kaf-ejoj* 'ajnlodwaś,
'jana 'aster, *'astma*, *^hamřík*, *^hamster*; Парцов: *ve* apryle,
al'e, *perej* *ak smy*, *'aby*, *^hadřík*, *^hamer*, *^hauba*, *'ancuk*,
'jana aster, *^hajta-^haita* и т. д.

В слепянском диалекте фонема [а] в начале слова представлена гласным *a* как с протезой, так и без нее. Шредер приводит примеры: *ai*, *afa*, *aby*, *aikać*, *anbrać* (44), *ako* // *hako*, *akl'e* // *hakl'e* (96), *hałba*, *hayka* (109). В диалекте Ветшай также в начале слова произносится гласный *a* как с протезой, так и без нее. Сравнительную частоту появления того и другого Фаске определяет как 78% к 22% с преимуществом на стороне гласного без протезы⁷⁶.

Фонема [a] включена в диалектные различия, связанные с фонемным составом отдельных слов. Таково рассмотренное выше различие {[e] : [a]}. С употреблением фонемы [a] связано диалектное различие в фонемном составе именной флексии творительного множественного при некоторых основах: *gusamí* (Заброд) : *gusyamí* (Бяздов); *súinamí* (Мышин) : *svíinamí* (Бяздов); *lužamí* (Мышин) : *l'udžamí* (Парцов).

§ 6. Фонема [o]. Все нижнелужицкие диалекты имеют фонему [o] — непередний ряд ([o]—[e]); локализация

⁷⁶ H. F a ß k e. Указ, соч., стр. 15.

по подъему неодинакова по говорам в зависимости от общей организации вокализма: если вокализм различает четыре подъема, то фонема [o] локализуется в третьем сверху подъеме, если три подъема — то во втором сверху. Фонема [o] употребляется как после твердых, так и после мягких согласных, в ударном и безударном слогах.

Общим для всех диалектов является реализация фонемы [o] в лабиализованном гласном заднего ряда, открытом o. При этом частота употребления фонемы [o] после твердых согласных повышена в тех говорах, где результат изменения *o после губных и задненебных представлен гласным ô, так как этот последний обычно находится в параллельном употреблении с o.

Гро жи ще, Ба рбу к, М ос т: *'topiš, 'še(ě)sto, 'dobry, sol, 'usoko, 'le(ě)zo* (3 л. ед. ч.), *noc, 'noga, 'droga, mrok, 'połny* (Мост — *'połny*), *bok, 'pismo, 'domoł, 'drewo, wou* (Мост — *wyl*), *'kokot, skop, 'zagon, 'zaxopiš, 'šorca, 'zapražona, 'jacor, 'cora; 'sota, 'sopu̯y* (Мост — *'sopły*), *'ścokas, 'ćoxu, sałzojk, 'żońco, 'piaseńowa, 'ćowo, ɻot, lot, 'daloko, 'duŕone, 'staþo* (3 л. ед. ч.), *'nebiø, zlu'þony, m̄iot, 'vezm̄iom, 'jopka*.

Р о г о в: *pôs'tola, 'dołiš, som* (1 л. ед. ч.), *'kuzol, 'okno, 'rotno, 'klobyk, 'kobolk, 'slowo, 'okolo, 'bycko, zagojk, 'suxo, 'môžomy* (1 л. мн. ч.); *uplašojk, 'ścogno, 'baćo, ra'žony, zapuk'ńona, gr̄'ioblo, l'ouy, xl'ou, 'xoþio* (3 л. ед. ч.), *'droþiona, m̄iot, 'lam̄iom, 'znałom* (1 л. ед. ч.).

З а б р од, Т ер п е: *'stolcyk, 'stoje* (3 л. мн. ч.), *'doiš, 'jasor, 'gusor, 'zelezo, 'zerno, noš, 'gromaze, 'pop'er, bom, 'dumoki, 'stucyś, 'skokas', 'zagon, xoþinaś, 'zona, 'corvík; 'staþowy, 'kosyঃ:o, 'sopu̯y* (Заброд — *'sopły*), *'rožony, 'jezdžo, 'ćeńjo, 'per'łowy, lot, 'dubioñki, m̄iot, 'jogua*.

В некоторых позициях фонема [o] может реализоваться гласным ô (ô), о чем см. ниже.

Частота употребления фонемы [o] в начале слова и ее фонетическая реализация в этой позиции неодинаковы в нижнелужицких говорах. Это различие обусловлено разным качеством и разной судьбой протетического согласного в отдельных говорах.

В говорах основной нижнелужицкой территории протетический согласный утрачен перед гласным o, за которым следовал губной или задненебный согласный ⁷⁷. В осталь-

⁷⁷ Z, S t i e b e r, Stosunki . . . , стр. 59.

ных случаях протетический согласный отождествился с согласным *w(v)*, представляющим фонему [v]. Поэтому в названных говорах фонема [o] широко известна в позиции начала слова, где представлена гласным *o*.

Ср. в говорах деревень Грожище, Мост, Барбук, Рогов: '*opask*', '*'obe(ě)t*', '*obryc*', '*'oćeń*', '*'okno*', '*ous*', '*'oxlica*'. Начальный гласный *o* в словах немецкого происхождения: Грожище: '*odlar* (< Adler), *or'nodyl* (< Haarnadel); Барбук: '*omatka* (< Ohnmacht).

В пограничных говорах губная протеза, развившаяся перед начальным *o*, последовательно сохранилась и отождествилась с согласным *w (v)*, реализующим фонему [v]. Заброд: '*woblac*, *wobys*, *wous*, *'voset*, *'wōckī*, *'wōlej*, *wog'en*, *na'woxlicu*; Блунь: *ten io'wopity*, *'wobmy-was*, *'wobtřewaš*, *to'wótče*, *wōn*, *'čokočo*, *'womošeny*, *'wōstačo* и т. д. В этих условиях употребление фонемы [o] в начале слова в принципе становится невозможным.

Однако имеется ряд фактов, позволяющих констатировать фонему [o] в начале слова и в подобных говорах. Прежде всего, это отдельные случаи несовпадения губной протезы с согласным *w (v)* и сохранение ее в виде сильного губного сужения перед *o*. Ср. в дер. Парцов: "*ous*", "*orana*, *zəz*" "*obworakom*" "*obworqali*", "*obdzečač* наряду с '*wobročal'i*', '*wokl'e pańce*', '*worali*', '*wotawine žni* и т. п. Гласный *o* с губной протезой в этих случаях реализует фонему [o]. Но при этом всякое слово, имеющее в своем начале фонему [o], может выступать и в другом произносительном варианте, а именно — с фонемой [v] перед [o].

С другой стороны, в говорах, отождествивших губную протезу перед *o* с *w (v)*, всегда имеются слова, в которых фонема [o] выступает в начале слова, реализуясь в гласном с протезой *h*. Почти все эти слова восходят к немецким, содержащим начальный гласный. Заброд: '*honak* < *< Hahn*', '*oka* < *Haken*', '*odér* < *Hader*'; Блунь: '*hol'čiau*', '*ou*', '*hodlar*', '*o:nę t̥ena*', '*pobráska* 'oločau', *na'oxlicu*; Бяздов: *ia* '*bydlim* *ou*', '*odér*', '*honak*'.

Спирант *h* в словах немецкого происхождения приравнен к протезе — сигналу начала слова. В тех говорах, где имеется тенденция к утрате протезы, утрачивается и начальный согласный *h* в словах немецкого происхождения: Грожище — *or'nody'l* < Haarnadel; Рогов — *ia som šla 'futér ol'it* (< holen).

В говоре дер. Терпе перед начальным гласным *o* в одних случаях представлен согласный *w* (*v*), развившийся из губной протезы, в других — протеза *h*: '*wokno*, '*woptrēš*, '*wobl'ekas*, '*wokoŋo*, '*woset*, *wouſ*; *veł* ^h*obeł* ^h*sižoteł* ^h*ou*, *se* ^h*obesys*, ^h*obžeuaš*, ^h*obwařene*, ^h*obet*, ^h*obmywaš*. Нередко одно и то же слово может выступать в двух вариантах — с начальным *w* и *h*: ^h*oblico* // '*woblico*, ^h*opyš* // '*wopyš*. Вероятно, протеза *h* имеет более новое происхождение; об этом свидетельствуют примеры, где *h* заменяет *w*, не являющееся по своему происхождению протетическим: ^h*ordowaš* (<*werden*), ^h*opata* (<*uropata*<*łopata*). В этом говоре зафиксированы и случаи произношения в начале слова гласного *o* без протезы: '*obrezowaš*, '*obesys*, '*obyš*, '*obworowaš*, *oko'powoš*, *na'obyma*, '*obet*, *po'o'bězé*. Таким образом, в говоре Терпе фонема [o] в начале слова может быть представлена как гласным *o* с протезой *h*, так и гласным *o* без протезы. При этом всякое слово, имеющее в своем начале фонему [o], может выступать и во втором варианте, а именно — с фонемой [v] перед *o*. Именно этой возможностью объясняется существование таких произносительных вариантов, как ^h*obl'ico* // '*wobl'ico*.

В мужаковском диалекте, по свидетельству Щербы, фонема [o] в начале слова реализуется в гласном *o* с протезой *h*. Вускиль: *hon'spigle* (7), *holovač* (12), *hoprasač* (12), *honæk* (13), *hobstarat* (18), *hovacə* (13), *hopstajač* (16), *hobgrabňe* (19). Однако современные записи из той же дер. Вускиль, а также из дер. Яблоньц, кроме гласного *o* с протезой *h*, содержат также *o* с губной протезой: Вускиль: ^h*o'gonašk*, ^h*ore'sy̑na*, ^h*ogęń*, *wolša* (Отв. на Пр.); Яблоньц: ^h*opyš*, ^h*ouče*, ^h*obmerzl'ina*, *hokno* и ^h*blša*, ^h*obeł* // *hobeł*, ^h*ostry*, *lo* ^h*orat*. (Отв. на Пр.).

В слепянском диалекте гласный *o*, реализующий фонему [o] в начале слова, может быть сопровожден протезой двух видов: 1) звонким гортанным или задненебным спирантом *h* и 2) лабиализованным гортанным или задненебным спирантом *h*⁷⁸. Брезовка: *hokoło*, *hogniwadła* (77), *hopstarane* (89), *pōt hokno* (80), *hopaki*, *hōč* (85), *hobeł* (87), *hopsteji* (77), *wotomača* (90), *wo tom* // *wotom* (81), *hokoło* (81). Из словаря, приложенного

⁷⁸ A. Schröder. Указ. соч., стр. 28, 39.

к исследованию Шредера, можно привести следующие примеры: *hvoknoi* // *wokno*, *hvócsēc*, *hvobtysć* (141) и др.

Из сказанного ясно, что нижнелужицкие говоры различаются в зависимости от: 1) характера реализации фонемы [o] в начале слова (в гласном с протезой или без нее); 2) качества протезы, сопровождающей гласный o, который реализует фонему [o] в начале слова; 3) частоты употребления фонемы [o] в начале слова; 4) наличия произносительных вариантов, когда одно и то же слово может выступать как с фонемой [o] в начале, так и с фонемой [v] перед o.

Фаске считает невозможным, чтобы одно и то же слово могло выступать в разном фонемном составе⁷⁹. В действительности же в этом нет ничего невероятного — существование произносительных вариантов — вполне тривиальный факт (ср., например, русское *женой* и *женую*). Фаске предлагает в позиции перед начальным o констатировать фонему [v], реализованную спирантами w и h и нулем звука⁸⁰. Но отождествлению w и h мешает их противопоставление в таких случаях, как *'hoč* — *woč* (Заброд).

Фонема [o] участвует в диалектных различиях, связанных с фонемным составом отдельных слов. Таковы рассмотренные выше различия {[e]:[o]}, {[ě]:[o]}.

Кроме того, фонема [o] включена в многочисленные диалектные различия, связанные с фонемным составом некоторых именных и местоименных флексий при определенных основах.

Дат. мн.: *'gusom* (Парцов) : *'gusam* (Мышин); *'kōńjot* (Парцов) : *'kȳńat* (Грожище) : *'kōńim* (Бяздов); *'svińom* || *'svińim* (Бяздов) : *'svińam* (Рогов); *'lužom* (Блунь, Мышин) : *lužam* (Грожище); *'gōscōm* (Парцов) : *'gušcam* (Мышин); *'zěsom* (Блунь) : *'žišam* (Мышин).

Местн. мн.: *'gusoх* (Бяздов) : *'gusax* (Рогов); *na 'sviń-joх* : (Парцов) : *na 'svińax* (Бяздов); *'ludžoх* (Парцов) : *lužax* (Мышин); *na žěsoх* (Блунь) : *na 'žišax* (Мышин).

Тв. ед.: *s tym 'célećom* (Блунь) : *'célećim* (Бяздов); *'brémeňom* (Рогов) : *'brémeňim* (Мышин); *'pićim* (Парцов) : *palencrićom* (Вускиль, 20); *'suańim* (Грожище) : *ze słańom*

⁷⁹ Н. F a s k a. [Рец.] Серболужицкий лингвистический сборник, стр. 111.

⁸⁰ Там же.

(Вускиль, 16); *s tym pē̄iom* (Бабов) : *pē̄im* (Барбук); *'zel'om* (Бабов) : *zel'im* (Мышин).

Дат.-тв.-местн. дв.: *zvē̄ešoma* (Грожище) : *'zvē̄ešima* (Блунь); *šelesoma* (Мышин) : *'čelesima* (Бяздов).

Род. ед.: *bosok 'gōle*, *'rounok 'dvora*, *'l'ubok 'fotera*, *'drogok 'mantla* (Рогов) : *'rounek 'dvura*, *vōt p̄otowek 'supa*, *vōt 'drogék*, *'nađek*, *vōt 'tucnek* (Заброд).

Дат. ед. *tomi 'janoti 'botoñi* (Мышин) : *k jēdnēti kōñoj* (Вускиль, 14).

§ 7. Гласный ô и его место в фонемной системе. В нижнелужицких говорах употребляется гласный не-переднего ряда верхне-среднего подъема (ниже верхнего, но выше среднего), узкий сильно лабиализованный. Степень его закрытости и лабиализованности может быть различной. С одной стороны, это может быть гласный очень близкий к *i* (обозначаем его через ô), с другой — лишь немного более закрытый и лабиализованный, чем *o* (обозначаем его через ö).

В большей части говоров основной нижнелужицкой территории гласный ô, а также ö произносится в позиции перед губными согласными, главным образом *w(u)*, реже перед другими.

Грожище: *'l'idōwas*, *kō'wale*, *ve'ļakōu*, *stōu*, *rōu*, *'strōušy*, *tši 'krōwy*, *wyjōwaś*, *žōuka*; **Барбук:** *rōu 'kyrca*, *pawōžēna*, *'rōuno*, *stōu* // *stu*, *'cōikoū* *kȳrp*, *rōu'oka* и *'brōzda*, *žōuka*; **Мост:** *dō py'stoli*, *'strōwy*, *žōuka*, *reļōwat* (supin), *d'veju dňōu 'naobēdōwane*, *'nōwy*, *'zabarmō'wane*, *ušō'wane 'banty*, *'arcō'wal'i*, а также *łōzyś:o*, *jo se im spōdo'bało*; **Шкодов:** *'xromōu*, *'nōwy* // *'nowa*, *'U'bōwanę*, *sem 'iejōwo"u*, *dōu*, *fāmīl'iđu*, а также *s tym 'vȳzōm*, *pōmazaś*; **Рогозна:** *żasōu* *kȳuk*, *sesōu* *mašyna*; **Мышин:** *stej 'reļduažej*, *kulu'wata*, *'antwortowaś*, *gȳtō'wal'i*, *'uyłōwaś*, *žućōu*, *obrażōwaś*.

По нашим наблюдениям, гласный ô (ö) перед *u* (*w*) появляется в этих говорах непоследовательно, в этой же позиции произносится и гласный o. Факультативность ô перед *u* (*w*) констатирует также З. Типолиньская для говора дер. Яншойце⁸¹. Напротив, лужицкие лингвисты обычно очень последовательно фиксируют сужение гласного o перед *u* (*w*) (для обозначения этого суженного гласного они употребляют знак o).

⁸¹ Z. Topolinská. Указ. соч., стр. 82.

В говорах, подобных упомянутым, употребление гласного *ö(o)* совершенно очевидно связано с губной артикуляцией соседнего согласного — ни в какой другой позиции гласный *ö* не произносится. Поэтому усиленная лабиализованность его и закрытость могут быть расценены только как дополнительное качество, получаемое гласным *o* в позиции перед губными согласными, а сам гласный *ö* — как факультативный позиционно обусловленный представитель фонемы [o].

Иной тип употребления гласного *ö* представлен в говорах южной части нижнелужицкой территории и в некоторых из основных нижнелужицких говоров. Здесь гласный *ö* выступает в позиции после твердых губных и задненебных не перед губными и задненебными, преимущественно в начальном слоге слова.

Гласный *ö* в этой позиции развился некогда в результате позиционного изменения гласного **o*. Однако в современных нижнелужицких говорах обязательность употребления гласного *ö* в указанной позиции, видимо, нарушена: по нашим наблюдениям, вместо ожидаемого *ö* здесь нередко произносится *o*. При этом выбор гласного не связан ни с каким дополнительным позиционным фактором. В одной и той же морфеме, в одной и той же позиции может произноситься как *ö*, так и *o*⁸². Так, нами зафиксировано в дер. Рогов: '*pôtpas*, '*spôrny*, *zbôrk*, *bôl'*, *môtk*, '*môdrac*, '*vôtšy*, *vôsk*, *kôn*, '*kôcka*, *kôrc*, *gôlc*, *gôsc*, '*xôjîsiš*, '*pôl'o*, '*špôda*, '*gôspôdař*, '*pôsat*, *bôl'ece*, '*môžo*, '*môla*, '*môro*, '*vôset*, '*svôlžba*, '*vôlak*, '*vôda*, *skôše*, *kôžysćo*, '*kôza*, '*gôtowaś*, '*gôle*, '*gôdy*, '*xôry*, *xôd'jacka* и в то же время '*bozy*, *še bojaś*, '*bośan*, '*postrójk*, *po'rožiš*, *na'pol'i*, *mod'l'ita*, *morzgle*, '*motaś*, '*možno*, *most*, '*dvoje*, '*vołak*, *votsto'jana*, '*voda*, '*kocka*, '*koltarě*, *ko'nope*, *ko'lasko*, *gośc*, *gołc*, '*xojîsiš*, *orxoj'zona*, '*gody*, *vôt'got*, '*xołna* и т. д. В этом говоре гласный *ö* в неначальном слоге отмечен в единичных случаях: *na'vôženar*, *obvôra'ńeju*, *ros'pôraś*.

Терпе: '*pôžerk*, '*spôrowaś*, *pôžycys*, '*bôlis*, '*bôsy*, *nej'-bôleļ*, '*môzale*, '*môže* (3 л. мн. ч.), *môst*, *kôrc*, *ko'sula*, *kôńc*, '*kôcôr*, *kôtryto*, *tej stêj duôj'nikai*, '*wôňa* (3 л. ед. ч.), '*wôtamknus*, '*vôlak*, '*svôlžba*, '*kôlnja*, '*gôle*, *gôlp*, '*gôrka*, '*xôry*,

⁸² Параллельное употребление гласных *ö* и *o* констатирует Шевц в слепянском диалекте (H. Schuster - Šewc. [Рец.] A. Schroeder. Die Laute des wendischen Dialekts von Schleife. «Zeitschrift für Slawistik», Bd IV, H. 5, 1959, стр. 774).

xō̄ł и *'na tym 'boce 'bol'i* (3 л. ед. ч.), *škorc*, *'koza*, *twoř*, *most*, *'mostu*, *do 'wołny*, *'wołka*, *'woraś* и т. д. Чередование ô:o в зависимости от положения слога в слове (словосочетания): *môc:'pomocník*, *z 'gôry:'na goru*, *'skôrka:vôt skorki*, *'pôlo:'na polo*, *'môje:vôt mojix*.

Распределение гласного ô (ô) в начальном слоге слова неодинаково по говорам. Если упомянутые выше говоры имеют гласный ô (ô) после губных и задненебных, то, например, в говоре дер. Турей ô (ô) произносится только после задненебных, в то время как после губных в соответствии с ô (ô) других говоров выступает гласный y^e (e): *'medre*, *to 'weče*, *'wεỹiñik*, *re'l'ica*, *ten zv̄et*, *rεce'râ'na*, *zberk*, но *gôr'eice*, *kôl'asko*, *kôryto* и *ko'l'aso*, *'gody*, *'gor'eł*, *ten kor'bick* (м. ф.). Надо заметить, что употребление гласного ô (ô) в этом говоре очень непоследовательно, сильна тенденция замены его гласным o. Вероятно, на этом основании Фаске относит говор дер. Турей к типу говоров, сохранивших о после задненебных без изменения⁸³. Точно также квалифицирует Фаске и говор дер. Дрейце⁸⁴. Однако о наличии и в этом говоре гласного ô (ô) после задненебных согласных свидетельствуют такие записи в рамках ответа на Программу, как *kôń*, *xôłżecy*, *g"ôždžik* наряду с *korp*, *k"osa*, *koža*, *gole*, *'xołdžil'i*. В прослушанной нами магнитофонной записи текста из этой же деревни было зафиксировано *na 'kôńax*, *'kôšula* и *gořeł*, *s tym ko'laskom*, *na'gotóual'i*.

Первоначально гласные o и ô находились в отношении дополнительного распределения, реализуя фонему [o]. Фонологизации оппозиции o—ô способствовало изменение t<u, после которого гласный o стал возможен в позиции после губного не перед губным и задненебным согласным.

З а б р о д: *uoł*, *'squotki*, *zuość*, *xuołk*, *'uocys*, *do 'uoža*, *'kuońca*, *puot*, *'bosko* (<*błosko*), *'mody* (<*młody*), *mośiš*; *wojene su*, *'wocenę*; Т е р п е: *'tuody* и *'mody*, *'možica*, *'uołš*, *'uońi*, *zuosć*, *guos*; Б я з д о в: *'moćić*, *mošk*, *xotk*, *pot* (<*płot*), *'stuoćyć*; Б л у нь: *teł* *'modeł*, *'mośiš*, *'iadēn*, *'mošk*, *'guos*, *'uońske leto*, *'squotšy*, *tyx 'potnoū*; П а р ц о в: *'uožys:o*, *pot*, *uoł*, *'stuoçyc*, *wocyc*, *'uońske 'leto* и т. д.

⁸³ Н. Ф а с к е. Die Vetschauer Mundart, карта № 4.

⁸⁴ Там же.

Подобные случаи создают возможность противопоставления *o*—*ö*, даже при их параллельном употреблении: '*môdry* // *'modry* — только *'mody*.

В говорах, имеющих гласный *ö* (*ö*) в позиции после губных и задненебных не перед губными и задненебными, тот же гласный *ö* (*ö*) может произноситься и в позиции перед губными, преимущественно перед *u*, редко перед другими согласными.

З а б р о д: '*pas̄tôu* (род. мн.), '*nítkôu*, *taikôu*, '*štykôwaś*, '*zeipôwa*, '*sûdwo*, '*zumôwaś*, '*potkôwa*, '*krôwa*, *dôu*, '*nôwa*, '*strôušy*, *žôutk*, *tôuck*, '*kašlôwas*; Т е р п е: *stôu*, '*krôwôu*, '*napôwaś*, '*kôcôr*, *iaikôu*, *žôuc*, *rôtkôwa*, *vo'jakôu*, '*lažôu*, '*ze-kôwaś*, '*strôwy*, '*žuřôu*, '*kôñôu*, '*gûdwa*, *mandlôwaś*, '*žuřôu*, '*kôñôu*; Б я з д о в: '*kôlejkôwaś*, '*zeipôwa*, '*wôrdôwaś*, '*rôbedny*, '*strôwy*, '*raxnôwaś*, *wôt'wowou*, '*krôwesey*, '*kneplôwy*; Б л у нь: *heblôwaś*, '*kipôwaś*, '*wôrdôwaś*, '*kašlôwaś*, *krôwa*, '*krošôu*, '*reiðual'i*, '*ufpasôwaś*, *tei tó'uar·išai*, *nôwe leto*, *te' wôklepy*, а также '*jacôr*. Во всех подобных случаях возможен и гласный *o*.

Тождественность гласных, выступающих в нижнелужицких говорах в известных условиях после губных и задненебных, с одной стороны, и перед *u* (*w*), с другой, зафиксирована также Штибером⁸⁵ и Тополиньской⁸⁶. Однако лужицкие лингвисты очень последовательно различают эти два гласных. Для обозначения гласного в позиции после губных и задненебных ими используется знак *ö*, в позиции перед *u* (*w*) — знак *o*. Качество этих гласных определяется следующим образом. В транскрипции, средствами которой в настоящее время ведется обследование серболужицких диалектов, гласный *ö* определяется как звук, средний между *o* и *u*, а гласный *o* — как узкое *o*. Фаске в своей монографии определяет *ö* как широкое *u*, а *o* — как узкое *o*⁸⁷. В транскрипции, используемой в серии «*Sorbische Dialekttexte*» для записи диалектных текстов, даны следующие определения: *o* — «узкое *o*», *ö* — «очень узкое *o*», *ö* — «очень широкое *u*»⁸⁸. Шредер в слепянском диалекте определяет гласный *ö* (в транскрипции Шредера 8), как «не-

⁸⁵ Z. Stieber. *Stosunki . . .*, стр. 54.

⁸⁶ Z. Topolin'ska. Указ. соч., стр. 82.

⁸⁷ H. Faßke. Указ. соч., стр. 111.

⁸⁸ «*Sorbische Dialekttexte*», III, стр. 8.

напряженный заднего ряда повышенного среднего до среднего подъема, с небольшой лабиализацией», а *о* — как «слабо напряженный гласный среднего до повышенного среднего подъема, в конце получающий сужение губ, лабиализация едва ли более заметная, чем при *э*»⁸⁹.

Следует заметить, что все эти определения, вопреки намерению их авторов, свидетельствуют скорее о тождественности, чем о различии упомянутых гласных. Согласно этим определениям, оба гласных локализуются в подъеме, среднем между средним и верхним. Ступень этого подъема точно не фиксируется, поэтому даже незначительное его изменение в ту или другую сторону ведет к переходу *o > b* (пользуемся знаками лужицкой транскрипции) и наоборот. Именно такого рода меню мы наблюдали сами. Это отмечает и Фаске, когда пишет, что нередко *о* перед тавтосиллабическим *w* изменяется в близкий к *b* гласный *ö* и даже *u*⁹⁰. Естественно, что переход в *u* может осуществиться только через стадию *b*, а это значит, что в одной позиции параллельно могут употребляться гласные *o*, *ö*, *b*, *u* (знаки лужицкой транскрипции).

Таким образом, мы подчеркиваем, что считаем более обоснованной точку зрения, согласно которой гласные, выступающие после губных и задненебных не перед губными и задненебными, с одной стороны, и перед *u* (*w*) с другой, тождественны в своем качестве. Это гласный задний, лабиализованный, локализованный между средним и верхним подъемом; обозначаем его через *ö* (*ö*).

Что касается фонологической интерпретации гласных, выступающих в упомянутых двух позициях, то сторонники как их различия, так и тождественности, расценивают их как фонематически нетождественные. Так, Фаске определяет *о* (лужицкая транскрипция) как позиционно обусловленную реализацию фонемы [o], а *б* — как реализацию фонемы [ö]⁹¹. Тополиньская замечает, что *б* после губных и задненебных и *б* перед *u* (*w*) фонематически не тождественны⁹².

⁸⁹ A. Schröeder. Указ. соч., стр. 22.

⁹⁰ H. Faßke. Указ. соч., стр. 16.

⁹¹ Там же, стр. 16, 17.

⁹² Z. Торолиньска. Указ. соч., стр. 82.

Действительно, в позиции перед *и* гласный *ö* не может быть противопоставлен гласному *o*, в то время как не перед *и* такое противопоставление возможно. К тому же между гласным *ö*, выступающим перед *и*, с одной стороны, и гласным *ö* не перед *и*, с другой, имеется некоторое различие в отношении позиционного распределения. Гласный *ö* перед *и* возможен как после твердых, так и после мягких согласных (*dojšwuy*, *rabl'öwy*, *zöycö*) в то время как *ö* не перед *и* — только после твердых; гласный *ö* перед *и* — в любом слоге слова, гласный *ö* не перед *и* — преимущественно в начальном слоге. В позиции перед *и* высокое сильно лабиализованное образование гласного *ö* не имеет функционального значения, гласный *ö* в этой позиции реализует фонему [o].

Надо заметить, что среди аргументов в пользу позиционной обусловленности *ö* перед *и* не может быть названо чередование *ö:o* в зависимости от изменения позиции. Гласный *ö* в позиции перед *и* находится всегда в таких морфемах, где он не может быть изолирован от последующего согласного с тем, чтобы вступить в чередование с гласным *o*, находящимся в позиции не перед *и*, и, таким образом, продемонстрировать зависимость усиленной лабиализованности и закрытости от губного образования последующего согласного. Гласный *ö*, кроме корневых морфем, входит в состав флексии родительного множественного -*öv*, суффикса прилагательных -*öv-*, глагольного суффикса -*öva-*. Во всех этих случаях гласный *ö* не может быть изолирован от последующего губного согласного. Пожалуй, единственный пример позиционного чередования *o:ö* дают слова (*w)udöça* — (*w)udojc.*

В позиции не перед *и* гласный *ö* в рассмотренных говорах реализует фонему [ö], которая характеризуется признаками: непередний ряд ([ö] — [ë]), верхне-средний подъем ([i] — [ö] — [o] — [a]). Фонема [ö] употребляется после твердых согласных, преимущественно в начальном слоге слова. В говорах, имеющих инициальное ударение, фонема [ö] является принадлежностью ударенного вокализма.

Фонема [ö] находится в параллельном употреблении с [o]. Интенсивность этого параллелизма колеблется по говорам. Кроме того, нередко в одном и том же говоре

преимущественное употребление фонем [ô] и [o] является достоянием индивидуальной произносительной манеры.

В тех говорах, где согласный *ł* не изменился в *ł*, отсутствуют случаи нарушения первоначальных позиционных отношений, связанные с изменением *ł > ɿ*. Ср. Рогов: *glos*, *'losy*, *'loj̊is*, *'plotno*, *klos*, *'locys*, *xlotk*, *'zloty*, *klo'nicā*; Брезовка: *kłonice* (Sch., 77), *młody* (Sch., 80), *młocili* (Sch., 75) и т. д.

Однако и в подобных говорах возможно противопоставление [ô]—[o]. Ср. Рогов: *brôžna*—*rošk*, *'borša*—*zbôrk* // *zborky*, *korty*—*skôrka*.

В слепянском диалекте также имеются случаи употребления *o* в позиции для ô: *korta* (Sch., 114), *gor* (108), *bona*, *borgować* (97), *gostwyrt* (108), т. е. *kôrb*—*korta*, *góra*—*gor*.

Таким образом, и в говорах, сохранивших согласный *ł* (*l*), имеется фонема [ô].

Особых замечаний требуют гласные, обозначаемые нами через ô и ó (ó и o лужицкой транскрипции), в мужаковском диалекте.

В говоре дер. Вускиль Щерба выделяет три гласных «типа о»: э—открытое o⁹³ (в нашей транскрипции *o*), o—это «о закрытое с некоторым изменением в сторону и»⁹⁴ (в нашей транскрипции ó), ȳ—открытое i⁹⁵ (в нашей транскрипции ô).

Приложенные к книге Щербы диалектные тексты, а также примеры, приведенные в самом исследовании, дают следующую картину распределения названных гласных.

Гласный ȳ (наше ô)—после твердых губных и задненебных не перед губными и задненебными, преимущественно в начальном слоге слова⁹⁶.

Гласный э (наше *o*) после твердых и мягких согласных на конце слова и перед зубными согласными.

Гласный о (наше ó)—после твердых и мягких согласных преимущественно перед губными и задненебными согласными, реже перед зубными. В текстах, опубликованных Щербой, встретились следующие примеры

⁹³ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 18.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же, стр. 171.

на *o* (=наше *ó*) перед зубными: *doloj* (8), *žácolc* (8), *do'jědneje* (8), *dosanuli* (8), *domoj* (10), *žadoj* (10), *vitoj* (15). В примерах, приведенных в самом исследовании на стр. 32—34, позиционное разграничение *ə* и *o* (наше *o* и *ó*) проведено довольно строго: *ə* — перед зубными, *o* — перед губными и задненебными, а также перед палатальными: *kloc* (32), *mlocic* (33), *mroja* (33), *proc* (33), *hobroćic* (33), даже чередование *gröt*, *zareda*: *zagrožić* (34).

Гласный *o* (наше *ó*) фиксируется Щербой и на конце слова, но это все те случаи, к которым относится замечание Михалка об ошибочной монофонемной интерпретации дифтонга *oɔ*⁹⁷. Это — *šesc běrtliko* (15), *smuga keřko* (16), *žejać měšo* (13).

Современные записи из дер. Яблоньц (ответ на Программу) подтверждают распределение гласных *ö*, *ó* (= *ó*, *o* в лужицкой транскрипции), вытекающее из записей Щербы. В дер. Яблоньц гласный *ö* (= *ó* лужицкой транскрипции) фиксируется после губных и задненебных не перед губными и задненебными. Гласный *ó* (= *o* лужицкой транскрипции) употребляется: перед губными согласными — *gromadu*, *sto"pa*, *"utroba*, *čom kročom*, *žlop*, *škobřioyk*, *ščoby*, *iaro'bina* и т. п., перед задненебными: *łokoćina*, *rogčza*, *ńele rčzox*, *łoxć*, *iąkotać*, *horit* и, наконец, перед зубными согласными: *'rola*, *šonuuya*, *šorc*, *krotke*, *ńěsołe*, *ubtprosočańe*.

Употреблению гласных *ö*, *ó*, *o* в мужаковском диалекте может быть предложена следующая фонемная интерпретация.

Гласные *ö* и *o* могут быть противопоставлены в тождественных позициях и реализуют фонемы [ö] и [o], различающиеся ступенью подъема. Яблоньц: *kön* — *kon*, *wön* — *šwon*; Вускиль: *ręjedać* — *přjěteć* (Щ., 12), *ręsoval* (14) — *přsłać* (16).

Гласные *o* и *ó* находятся в отношении дополнительного распределения. Ср. зафиксированное в говоре дер. Яблоньц чередование *o:ó* в пределах одной морфемы в зависимости от изменения фонетического окружения: *ně mogu:ně móš*, *ně mtej*, *łoga:łótej* *łozę*, *noği:na nożę*, *bok:na tym* *bęce*.

⁹⁷ S. Michalik. Der Dialekt von Neustadt, стр. 93.

Гласный *ó* — факультативный представитель фонемы [o], главным образом перед губными и задненебными.

Здесь уместно напомнить, что Мука констатировал в слепянском диалекте употребление гласного, который он обозначал через *ó* (так же, как гласный, выступающий в начальном слоге слова после губных и задненебных не перед губными и задненебными), в позиции перед губными и задненебными⁹⁸, т. е. так, как это имеет место в мужаковском диалекте. Однако Шредер в своем описании слепянского диалекта этого не отмечает.

Из сказанного ясно, что в нижнелужицком диалектном языке с употреблением гласного *ó* связаны различия нескольких типов. Различие в составе фонем: {[ô]—[o]: [o]}. Различие в функционировании одного и того же элемента: в одних говорах *ó* (*ó*) реализует фонемы [ô], [o], в других только [o]. Кроме того, говоры различаются в зависимости от характера позиций, в которых гласный *ó* (*ó*) реализует фонему [o]. В одних говорах эта позиция определяется положением перед *z*, в других — соседством с губными и задненебными, т. е. вообще велярными согласными.

Гласный, входящий в состав морфемы *-ov-* (в глаголах и прилагательных), в заударном положении может редуцироваться до нуля. Наиболее часто это встречается в пограничных говорах. З а б р о д: '*liduš*, '*švíčuš*, '*valkuńče*, '*rosxytowaš* *gnoj*, '*roskuaduš*, '*wobr̩ezwaš*, '*vucesuš*, '*blotvaš*, '*bleixuš*, '*melduš*, '*něsykuany*, '*vđiuš*, '*coiguš*; Б л у н ь: '*wôbr̩ezwaš*, '*wurdwaš*, *guot* '*liduš* и '*lidowaš*, '*ergeruš*, '*šykuanu*, '*wôtmétuš*, '*wicesuany*, '*roscesuak*', '*mérkuš*, '*gôtuš*; П а р ц о в: '*obvoruane*, '*uworwal'i', '*ćigotual'i*, '*vôtprosuau*, '*brauxuac*, *ku* '*veruaňu*, '*zryxtuac* (supin), а также в дер. Ш к о д о в: '*paruata*, '*kulk'i* и '*koruš*; дер. М ы ш и н: *su se* '*getuall'i* *karuš*.*

Даже в тех говорах, где редукция безударного гласного в морфеме *-ov-* широко распространена, параллельно существуют многочисленные случаи его сохранения. Тем не менее, в нижнелужицком диалектном языке можно констатировать различие в фонемном составе отдельных

⁹⁸ E. Mu ka. Samozynk «ó» w Slepjanskej narěci. Časopis Maćicy serbskeje, Budyšin, 1892, Lět. LI, Zešiwk II, str. 87, 88.

слов, связанное с наличием или отсутствием гласного в морфеме *-ov-* глаголов и прилагательных.

Гласный *ô* при некотором утрировании его артикуляции изменяется в *u*. Частота этого изменения находится в прямой связи с характером артикуляции гласного *ô* в говоре. Чем выше и напряженнее артикуляция, чем чаще встречается произношение *u* вместо *ô*, и, наоборот, чем ниже и менее напряженная артикуляция гласного *ô*, тем реже произносят *u* вместо *ô*. Пример первого дает говор дер. Рогов, пример второго — говор дер. Парцов.

Рогов: *na 'puli, 'pudryš, zburk, kmutš, mu̯i, zvun, 'vur̄ex, 'vul'ecy, 'škurni, ku'ryto, 'kuzol, na 'gu̯re, xu'dota* и т. д.; Парцов: *se 'l'ubuwać, to ku'laso, 'cyukui, 'futru-wać, wu 'piaci, 'gur-ejkox, 'mužo, 'tšigotuçać, do 'domuč; Гро жи ще: 'struňość, stuč, 'zagciuk, 'guciuk; род. мн. — 'knigciuk, 'gužviciuk, xe'rošciuk, 'gešciuk, 'uokšciuk, ge'liubciuk.*

Возможность произношения в одной и той же морфеме в одной и той же позиции гласных *o*, *ô* и *u* ведет к параллелизму в употреблении фопем [o], [ô], [u] в одних говорах и [o], [u] — в других.

§ 8. Фонема [u] — верхний подъем ([u]—[o]—[a]) передний ряд ([u]—[i]). Во всех говорах реализована лабиализованным гласным верхнего подъема заднего ряда *u*.

Гро жи ще, Барбук, Мост, Рогов: *tucne, tuna, duš, dupiš, sused, suk, zap, nići, padnuš, krupy, pup, muka, smuga, kur, kus, gus, xudy, cuš, tšuna; žu'rava* (Мост); *pȳ(ô)šelesu, čumas, kšut, zvešćujo, pešću* (тв. ед.), *žurka. kl'uc, l'uš, l'uby, dnu, 'vele, tyžeňu, v kuřu, břux, na nebiu, štapiu, čamiu / lamiu / lamiu* (3 л. мн. ч.), *'juha.*

Блунь: *'tuŋka, 'duša, 'sukaš, do 'suda, 'zumpal'iše, 'usknus, 'kruty, 'cybula, 'muxa, 'wunjas, gup (<glub), 'žujo* (3 л. ед. ч.), *te 'ćimy, 'jaćibel', 'břux, si tom 'cesaňu, 'pluwas, 'džurámi, si pišu, iuška* и т. п.

Частота употребления фонемы [u] после твердых согласных больше в тех говорах, где результат изменения **o* после губных и задненебных представлен гласным *ô*, так как этот последний нередко изменяется в *u*.

Нижнелужицкие говоры демонстрируют неодинаковую фонетическую реализацию фонемы [u] в позиции начала слова. Это различие связано с тем, что существует в реализации фонемы [u] гласный с протезой или без нее.

В говорах основной нижнелужицкой территории представителем фонемы [u] в позиции начала слова является гласный [u] без протезы: '*uxo*, '*uþerk*, '*utréš*, '*ugle*, *uþk*, '*udoþc*, '*ipac*, '*ugor*, '*uknuš* (Мост, Барбук, Рогов); '*ulicowaš*, *jo ugledaþo*, '*uske*, *na uki*, *sym ukniç*, '*utvaríl'i*, '*ubiš*, '*ucyš*, *u'korðaš*, *su ukvitli*, '*usocko* и '*druþe* '*wulicys* (Шкодов), '*udra*, '*uda*, '*ukazaš*, '*ugrabaš*, *ukník*, '*upraþxt*, '*ucabník*, '*upíny*, '*ugy^ëis*, *teñ upièrk* и *ta h'utšoba*, *uš*, но *ja iju*, '*husoko* и *ušej* (Ус).

Гласный *u* с протезой участвует в реализации фонемы [u] в начале слова в пограничных, слепянских и мужаковских говорах. Качество протезы по говорам неодинаково.

В говорах деревень Заброд и Терпе протеза, выступающая перед начальным *u*, имеет задненебное или гортанное образование. З а б р о д: '*huseتا traþda*, '*hupak*, *óu h' u nas*, *z'grabl'amí h'ugrabane*, *te ugory*, '*u nas vele* '*ukui*, *se'utréš*, '*upšenus*, '*ubegaš*, '*užeñc*, а также *te'kulki* '*wuzberanë*, *na tvardyx w'ukax*; Т е р п е: '*husoki*, '*huknuš*, '*hukranus*, '*homyty*, '*ipac*, '*uknuš*, '*uxowaš*, *usoki*, *ume*, '*užba*, '*ušy*.

То же в мужаковском диалекте. Ср. в записях Щербы: *hulečel* // *vu'lečel* (8), *humreć* (10), *hupak* (16), *huxac* (21), *huteptač* (17), *rucē humyl* (14). Записи из дер. Яблоньц содержат перед начальным *u* не только задненебную, но и губную протезу. Ср.: '*hupak*, '*huzdžimač*, '*husoki*, '*hisy*, '*umreł* и '*mé*, '*učanić*, '*utroba*, '*uternuć*.

В слепянском диалекте, по наблюдениям Шредера, фонема [u] в начале слова реализуется в гласном с протезой *h* или *h'* (задненебный или гортанный лабиализованный спирант)⁹⁹: *stei huwisaneti* (80), '*hulicuþe* (82), *hubenul* (84), *jo hub'enul*, *hub'erač*, *hugl'e*, *huxac* (144) и т. п.

В говоре дер. Блунь начальному гласному сопутствует протеза в виде губного сужения: '*uxo* // *môlej* 'uše, '*wudowa*, '*ui* // *ui*, '*uš*, '*wusþewali*, '*wusoke*, '*wubegas* и '*wusþewali*, '*urixtþušaš*, '*uxiçana*, '*ufpasušaš*, '*uxajca*, *uka*, '*uše* '*kulkou*.

По говорам возможны произносительные варианты, когда одно и то же слово имеет в начале то фонему [u], то фонему [v] перед *u*. З а б р о д: '*uski* // *wuske*, *uxo* // '*wuxo*, '*uka* // '*wuka*; Б а б о в: *janə* '*uxajca* // *te uchajce*; Б л у н ь: '*wuxajca* // '*uxajca*, '*wusþewal'i* // '*wusþewal'i*, *na uce* // *na wice*,

⁹⁹ A. Schroeder. Указ. соч., стр. 44.

se wutrēš // se 'utrēš, uženč // uženč, usyna // wusyna и т. д.
В записях Щербы из дер. Вускиль отмечено *huxas* (21)
и *vuxas* (9).

Таким образом, в одном и том же говоре одно и то же слово может выступать в трех произносительных вариантах: *huxo* // *"vuxo* // *uxo* // *wuxo*.

Следует заметить, что частота употребления фонемы [u] в начале слова в нижнелужицких говорах неодинакова. Чем последовательней сохраняется протетический по своему происхождению губной согласный перед *u*, тем частота употребления фонемы [u] в начале слова ниже.

Как иллюстрацию различной частоты употребления фонемы [u] в начале слова можно привести говоры деревень Грожище и Парцов, демонстрирующие крайние типы модификации губной протезы.

Г р о ж и щ е: '*uski*, *te* 'kulki *uros'tuјe*, *uka*, *u'pákl'i*, '*kul'ki* *uuy'rova'neju* *puk*, '*bl'ido* 'utrēš, '*umyś*, *ug'nana* *krova*, '*ušywaš*, *uxy'tovaš*, *u'rezaš*, '*uše* 'tvož, '*upac*, *u'xačca*, '*strusy* 'urys, '*umyte* 'gy^ele, *se* 'utrēš, *umetliny*, *tu* *spu* *u'cešciš*, *uičk*, '*udojč*, '*udowa*, '*uknuš*, '*umeňk*, '*uperk*, '*ucyuko*, '*umrēš*, '*usnuš*, *utk*, *pjas* 'ujo, *ume*, *se* *uze'kowaš*, *uxo*, '*utšoba*, '*uzda*, *us'pšegaš*, *uzdžimaš*, '*ugle*.

П а р ц о в: '*wuski*, '*wuđel*, '*blido* 'wutrēć, '*wuždžimać*, '*wuknuć*, '*wuka*, *na tej* 'učise, *psyk* 'wujo, '*wur'ezać*, '*wu'mesć*, '*wuperk*, *to* 'učiswo, *wui*, '*wudojč*, *wudojca*, *wutk*, '*wuryć*, '*wucysćić*, *wi nas*, *wusoki*, '*wuxo*, *wu'meňkarski* *dom*, '*wu'me*, '*wuknuć*, *ta* '*wugnata* 'krowa, '*wur'ezany* и '*u nas*, '*véle* 'ukui, '*uzagrabuvali*, '*kôn'om* 'uworwali, '*umrēu*, *io* 'ubegniu, '*udžecač* 'rečas, '*ukazane* 'bičo, '*umesć*.

§ 9. Сочетания гласных в нижнелужицком диалектном языке представлены в немногих случаях. В основном они обязаны своим появлением утрате согласного, находившегося между гласными, главным образом *i* и *u*. Последний утрачивается преимущественно перед лабиализованным гласным.

Сочетание гласных в подобных случаях факультативно, так как одно и то же слово может произноситься с согласным между гласными и без него.

Частота появления сочетания гласных в разных говорах различна, а в одном и том же говоре зависит от индивидуальной произносительной манеры.

М о с т: '*clęek* // '*cłyek*, *za'eka*, '*pługou* < вин. дв. *plugowu*, *smy byli* 'pianę, *śl'i* *tej* 'rei; У с: *taug*, *kšesćian*; Ш к о д о в:

'vestaiya, 'cueek, že'nee, 'vestail'i 'stoecy, na 'rei // re*i*, buo; Мышин: 'staili, jo mēeu 'spreusku, 'deali // de*al*'i, kšeśćiany // kšeśćian; Барбук: 'cueek, 'tauk, za'εka, mro'išeo < mrojišeo; Бабов: ten gouβ; Заброд: 'gnoimy (1 л. мн. ч.), 'dreane и drei'ane, 'stoeca и 'stoeeca, ja 'praim, 'stais, 'kšuišeo < kšúžišeo, 'gaus < galuz, 'řioco < řigoco, 'biaduo, 'moteiduo; Блунь: ja 'stoim // 'stoim, 'praiua // 'zaprajiš, praiš, 'zmia // zmia, 'pianca, 'moteiduo, 'wôstaiya, 'z' moima, ten se 'zaekio, 'jana 'sproicka, jan 'serbia, 'krowa na 'doie; Парцов: 'praili, 'moteiduo, 'polo'gnoič, 'mícu 'staič, 'bea, 'dreane 'tofle, ja se 'bôim // se 'bôjač, 'deač, se 'roič, te se roe, ja se 'muim, ze z 'môimi, 'gusymí, 'šmauc // šmauc, 'zauze (в двух последних случаях гласный и из ү); Брезовка: praič (Sch., 81), prai (81), doič // do*i*č (83); Слепо: tymion (Sch., 139), kabia (113), laoka (51), 'reowali (69), reε (52), glou (52); Требин: se 'sm·ial'i, 'deim, 'praič, 'rospraič (м. ф.).

Постоянные сочетания гласных, т. е. не сопровождающиеся появлением в том же слове сочетания тех же гласных, разделенных согласным, представлены в словах 'pak, 'paicuna, звукоподражательном 'maicu, а также на стыке приставки и корня: su 'pseobla'cone, 'naobedowat (supin), jo buo 'uandlowane, jo na'uicuy (Мышин); 'naokouo, som byu 'pseaxtany (Шкодов); 'naicene (Блунь); 'neuže'nony (Мост); 'naoluuo (Горы).

Постоянные сочетания гласных содержатся также в словах немецкого происхождения: Ус: 'paka, 'raufa, ta fa'milia, ten be'amter, tou'zynsty; Шкодов: 'lautšuma, žaseš 'mark 'premie; Заброд: 'suota 'brauxana, do togo 'haus'numera, 'šaer*iu* (З л. мн. ч.); Блунь: 'šnaica, 'šnaicbort, 'pauza, štokaus, 'šnitlaux и т. д.

Однако в некоторых говорах имеется тенденция к ликвидации постоянных сочетаний гласных и в словах немецкого происхождения. Явления такого рода были зафиксированы Шредером в слепянском диалекте: см. приведенные им примеры: auswendix (96), 'trauowali < trauen (83), behaupoat < behaupten (87), brauxowane (77); аналогичные примеры из говора дер. Мост: 'ela, но do wel'i, 'gaunar < Gauner; из дер. Нябожкойце — 'daurouao < dauern¹⁰⁰.

§ 10. Чередования гласных фонем. В нижнелужицком диалектном языке гласные могут вступать в чередования

¹⁰⁰ H. Faßke. Указ. соч., стр. 339.

друг с другом. Чередования, представленные в одной частной диалектной системе, могут отсутствовать в другой.

Чередования гласных неодинаковы по своему функциональному содержанию. Это может быть: 1) позиционно не обусловленное чередование двух сильных фонем; чередования такого рода находятся за пределами собственно фонемной системы.

[e]:[a] — 'kl'apaš, 'kl'apac: opk'l'eší, opkl'ep (Рогов) и 'klepaš, 'kl'epac, ["]opkl'ep (Блунь); 'zdřeš: zdřaly (Рогов) и zdřaš, su zdřače (Мышин); ja se 'oblekam: se oblac, načlacené (Мышин) и obl'ac, obl'a'kawa (Рогов); mlač, plac: ja ml'eju, pl'eju (Бяздов); 'laše, 'zal'aš: to se 'lejo (Барбук); p'jac: pekar' (Мышин) и p'jac, pákar' (Мост); křež: křavíš (Барбук, Мост); l'eguo: se lanuć, l'ažaš (Бяздов).

[e]:[o] — 'jaselē: jasouy (Барбук); 'jačeřa: jacor (Мост); cora: pšetcerášym (Рогов); sřoda: sředny (Барбук); sřoda: po teři sřože // v 'sřeže (Заброд); 'žeňska: žona (Грожище, Заброд); těc: mogu (Барбук).

Позиционно обусловленное чередование сильной и слабой фонемы; чередования такого рода относятся к числу явлений, определяющих специфику фонемной системы. Таково чередование ě:e, ð:o, связанное в некоторых говорах с переменой места слога в слове. В случаях 'spřewali — perko > ["]uspřewal'i, ["]uperk; tōc — 'mošic > 'potocník, ["]umotěny происходит пейтрализация противопоставления [ě] — [e] в слабой фонеме, реализованной гласным e, а [ð] — [o] — в слабой фонеме, реализованной гласным o.

§ 11. Общий характер организации вокализма в нижнелужицком диалектном языке. Нижнелужицкие говоры демонстрируют следующие типы вокализма.

1. Вокализм, различающий четыре ступени подъема: верхний, верхне-средний, средний, нижний; в пределах трех ненижних ступеней подъема различается передний и непередний (или задний и незадний) ряд:

i	u
ě	ö
e	o
a	

Такой вокализм представлен в говоре дер. Блунь¹⁰¹.

¹⁰¹ См. также: Н. Фаßке. Указ. соч., стр. 28 и сл.

2. Вокализм, различающий четыре ступени подъема. Противопоставление по ряду имеет место только в пределах верхнего и среднего подъема. При этом вокализм подобной организации различается в зависимости от того, какому ряду принадлежит фонема верхне-среднего подъема.

В верхне-среднем подъеме не заполнен задний ряд (дер. Мост):

<i>i</i>	<i>u</i>
<i>ě</i>	
<i>e</i>	<i>o</i>
	<i>a</i>

В верхне-среднем подъеме не заполнен передний ряд (мужаковский диалект):

<i>i</i>	<i>u</i>
	<i>ô</i>
<i>e</i>	<i>o</i>
	<i>a</i>

3. Вокализм, различающий три подъема: верхний — средний — нижний; в пределах верхнего и среднего подъема — противопоставление по ряду:

<i>i</i>	<i>u</i>
<i>e</i>	<i>o</i>
	<i>a</i>

Такой тип вокализма представлен в говоре деревень Жилов¹⁰², Дешно¹⁰³. То же можно сказать и о говоре дер. Грошице, так как система с [ě] представлена здесь лишь в реликтовом состоянии.

Кроме того, в говорах, располагающих вокализмом с четырьмя подъемами, этот последний весьма неустойчив именно в тех своих звеньях, которые локализованы в верхне-среднем подъеме. Во всех говорах такого рода с большей или меньшей интенсивностью появляется тенденция к отождествлению фонем [ě], [ô] с [e], [o]. Вследствие этого в говорах, вокализм которых различает четыре подъема, по существу актуальна и система вокализма с тремя подъемами.

¹⁰² Z. S t i e b e r. Stosunki . . . , стр. 73.

¹⁰³ H. F a ß k e. Указ. соч., стр. 30.

В связи с возможностью употребления и параллельно с *ö* и *ü* параллельно с *u* и *e* в позиции после твердых согласных возможна система вокализма, различающая всего два подъема:

y^ɛ *u*
a

Эта система реализуется, например, в произношении: '*tuna*, '*kul'a*, *tuš*, '*tužo*, '*kusa*, *kusk*, *by^ɛs*, *ry^ɛs*, '*zy^ɛtε*, *spaš*, '*stara* '*baba* (Блуны); '*duūy*, '*struwy*, '*snuūali*, '*casuū*, *buū*, '*uknuū*, '*my^ɛcne*, '*my^ɛsli*, *vy^ɛzom*, *na'uce^ɛs*, *šy^ɛu*, *ty^ɛn*, '*žy^ɛnēje* *vy^ɛdy*, *sam*, *nan*, *taūy* (Шкодов).

Однако ни в одном из говоров, располагающих такой системой, она не реализуется последовательно, а проявляется лишь как возможная, но не обязательная замена основной трех- или четырехподъемной системы.

Таким образом, среди нижнелужицких диалектов выделяются:

1) говоры, в которых сосуществуют четырех- и трехподъемная системы вокализма (например, дер. Рогов);

2) говоры, в которых сосуществуют четырех- и трехподъемная системы вокализма, причем в позиции после твердых согласных возможен вокализм с двумя подъемами (например, деревни Блунь, Шкодов);

3) говоры, вокализм которых располагает тремя подъемами, а в позиции после твердых согласных возможен еще и вокализм с двумя подъемами (дер. Грожице).

Что касается возможности различия между ударенным и безударным вокализмом, то по этому поводу можно заметить следующее.

В говорах, сочетающих четырехподъемный вокализм с инициальным ударением, имеется различие между ударенным и безударным вокализмом: под ударением представлены фонемы [ě], [ô] и различаются четыре ступени подъема, без удара — нет фонем [e] [o] и различаются три ступени подъема.

В тех же говорах, где ударение не прикреплено к начальному слогу, употребление фонем [ě], [ô] безразлично к ударению, так как даже в начальном слоге фонемы [ě], [ô] могут оказаться в безударном положении: *Mo st* — *pěsko'waty*, *zě'kowas*, *glě'dalko*, *psěd'nica*; *Rogov* — *nawô'ženar*, *obvôra'nēju*.

Различие между ударенным и безударным вокализмом можно констатировать и в том случае, если изменение y , $e > y^{\circ}$ имеет место только в безударных слогах, как это было отмечено Щербой в мужаковском диалекте.

Таким образом, нижнелужицкие диалектные различия в области вокализма сводятся к следующему.

I. Различия в составе фонем:

$$\{[\check{e}]:\emptyset\} \quad \{[\hat{o}]:\emptyset\} \quad \{[y^{\circ}]:\emptyset\}$$

С точки зрения соответствий, выступающих на месте отсутствующих фонем, это различие может быть представлено как

$$\{[\check{e}]:[e]\} \quad \{[\hat{o}]:[o]\} \quad \{[y^{\circ}]:[i] [e]\}$$

II. Различия в составе дифференциальных признаков, организующих систему:

1) вокализм различает три ступени подъема : вокализм различает четыре ступени подъема;

2) имеется система, различающая два подъема : не имеется.

III. Различия в фонетической реализации фонем:

[i] реализована гласными $\frac{i, y}{i, y, y^{\circ}}$

[e] реализована гласными $\frac{\varepsilon, e}{\varepsilon, e, \check{e} (\dot{e})}$

[a] реализована гласными $\frac{a}{a, a^{\circ}}$

Фонетическая реализация фонемы [e], кроме того, различается в зависимости от позиционного распределения широкого и узких вариантов гласных, представляющих эту фонему. Фонетическая реализация фонемы [o] различается в зависимости от дистрибуции гласного \hat{o} (\ddot{o}), участвующего в реализации этой фонемы. Все гласные фонемы имеют по говорам неодинаковую фонетическую реализацию в позиции начала слова.

IV. Различие в функциональном содержании одного и того же элемента:

гласный \check{e} (\dot{e}) — представитель фонемы $\frac{[e]}{[\check{e}]}$

гласный \hat{o} (\ddot{o}) — представитель фонемы $\frac{[o], [\hat{o}]}{[o]}$

гласный y° — представитель фонемы $\frac{[y^{\circ}]}{[i]}$.

Все гласные фонемы имеют по говорам различную частоту употребления.

Все гласные фонемы включены в диалектные различия, связанные с фонемным составом отдельных слов, морфем.

Частные диалектные системы различаются в зависимости от того, имеется ли в них различие между ударенным и безударным вокализмом

§ 12. Ударение. Нижнелужицкому диалектному языку свойственны различия, связанные с ударением. По терминологии Р. И. Аванесова, это — «звуковые диалектные различия, относящиеся к фонетическому слову как целому»¹⁰⁴.

Эти различия выступают на фоне некоторых общих для всех нижнелужицких говоров свойств ударения.

Общей является природа ударения — во всех нижнелужицких говорах ударение динамическое. Однакова и та роль, которую ударение выполняет, являясь знаком, выделяющим слово как таковое в контексте. Фонологической нагрузки ударение в нижнелужицких говорах, как правило, не несет и как средство различия звуковых оболочек разных слов не используется. Это определено тем, что во всех нижнелужицких говорах ударение является фиксированным, т. е. всегда прикрепленным к определенному слогу. Несколько отличная картина в этом отношении представлена в слепянском диалекте, о чем см. ниже. Различия, связанные с ударением, касаются, с одной стороны, силы ударения, с другой — слога, к которому ударение прикреплено.

В говорах, входящих в состав котбусского диалекта, динамическое ударение имеет незначительную силу и слабо выделяет ударенный слог среди прочих. В говорах же средне-пограничного диалекта ударный слог динамически более четко противопоставлен остальным слогам в слове. Говор дер. Рогов в этом отношении стоит ближе к говорам среднепограничным¹⁰⁵. В некоторых говорах слепянского диалекта ударение, по наблюдению Шредера, сопровождается музыкальной интонацией¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Сб. «Вопросы теории лингвистической географии». М., 1962, стр. 30.

¹⁰⁵ Штибер считает слабую силу выыха при ударении особенностью, присущей всем нижнелужицким говорам. См.: Z. Stieber. Stosunki... , стр. 70.

¹⁰⁶ A. Schroeder. Указ. соч., стр. 67.

В двусложных словах во всех говорах ударение падает на первый слог, который в то же время является и предпоследним. Что касается слов, состоящих из трех и более слогов, то здесь по говорам представлена различная ситуация.

В говорах основной нижнелужицкой территории ударение в многосложных словах чаще всего падает на предпоследний слог. При этом словообразовательные и формообразовательные изменения, связанные с увеличением количества слогов, обычно сопровождаются передвижением ударения на предпоследний слог. Однако среди нижнелужицких говоров, имеющих ударение на предпоследнем слоге, нет такого, которому абсолютно было бы чуждо инициальное ударение в многосложных словах.

Даже в говоре дер. Рогов, который, по наблюдению Штибера¹⁰⁷, наиболее последовательно осуществляет ударение на предпоследнем слоге, нам приходилось не раз слышать инициальное ударение. Рогов: *ous / oʊs'-nišćo*, *'sel'e / se'l'esi*, *'skōše / skó'setou*, *'krauç / krau̯'coua*, *žyt / žy'dou̯ka*, *'gulup / gu'lub'iou̯*, *ryś / ry'iomu*, *'cesaś / ce'sawa*, *'pšeza / pšed'ńica*, *'zvēre / zvē'resim*, *'glowac / te glo'wace*, *'uxac / u'xača*, *'ryba / ry'becy*, *'vidly / vidlo'wišćo* и т. д., а также *'vôtcyńiś*, *'futrowaś*, *'napowaś*, *'namozac*, *ta 'utera*, *'nožymí* (тв. мн.), *'jaceř'iā*, *vôt'marxíeje*; и, наконец, ударение на первом слоге последовательно имеют прилагательные, образованные от существительных с помощью суффикса *-ov-*: *'rotnowy*, *'jałowy*, *'tvarogowy*, *'ml'okowy*, *'ceroowy*, *'ruckowy* и т. д.

В говоре дер. Грожище также при преимущественном распространении ударения на предпоследнем слоге нередки случаи инициального ударения. Для слов, состоящих из четырех и более слогов, возможно два ударения — на первом и предпоследнем слоге: *to 'veńa / ve'ńane*, *'męcný / męc'ńejsy*, *'piše / na'pity*, *cygel / cyg'louňa*, *'kowaś / ko'wal'ski*, *tvarc / tvarc'oiska*, *'rubak / ru'bači*, *'se'kerč / se'kera*, *suk / su'katy*, *'py'lak / py'lacka*, *'prosař / vət 'pro'sari* (род. мн.), *ve'jak / ve'jowaś*, а также *'pjaceńce*, *'cesane*, *'snuijal'i*, *'klapnul'i*, *pejedaś*, *'do 'nevěšćinego'veza*, *'lidowaś*, *'švícowaś*, *'mudřejsy*, *'zmušona*, *'dumoko*, *'nízyna*, *'suseda* (род. ед.), *'vezete 'gele*, *'dałoteči* (3 л. дв. ч.), *'kisau̯y*,

¹⁰⁷ Z. Stieber. Stosunki..., стр. 71.

'pugowa, 'bogouy, 'perouy, 'dojšowy, 'cejzowa, 'makowa, 'grisowa, 'napšežone, 'pšeče'rali, 'navežeňa, 'neselžuej.

В говоре дер. Мост ударение на начальном слоге встречается чаще, чем в рассмотренных выше говорах. Соотношение между инициальным ударением и ударением на предпоследнем слоге в этом говоре можно проиллюстрировать следующими примерами, взятыми из ограниченного текста, записанного на магнитофоне (SIL 60/11):

'xyjžil'i, 'spíwal'i, 'rejowal'i, 'krynuł'i 'mydl'itvy, 'něžel'u, 'žernul'i, 'młosił'i, 'gałusku, 'pydružba, 'ješnica, 'tvaroški, 'kyšul'e, 'cyp·el'tux, 'pisany, 'rogatu 'l'apu, 'obl'akl'i, 'padnul'i, 'gercymi, 'stołacy, 'jasołe, 'najed'l'i, 'młodyju (тв.), 'kumpany, 'suseži, 'napréki, se 'bežiali, 'usoko, 'umřela, 'zaxořít, 'rubal'i, 'kl'apal'i, 'mytane, 'pséženo, groňili, 'návite, 'nabranę, 'sukňecę kyšul'e, 'ušowanę, 'byrkowax, 'narošcóny, 'věrovaňeju, 'uspiwanę, 'obl'ewal'i, 'pšewezal'i, 'vytmol'owaś, 'obedowaś, 'napadalo, 'narézany, 'zestajal'i, 'obžernul'i, 'vysepal'i, 'cypl'tuxax;

ky'laska, te ky'sule, spí'wal'i, jał'sounym, s ce'pamí, rop'katu, spežeži (дат.), or'nunze, vělikí, ro'góve, spa'd'nuła, gro'madu, gro'maze, du'maity, vyt'kane, pšežone, fai'nučki, škra'bal'i, ro'gate, nej'dalo, by'r'gaške, u'xadaš, 'obl'eto'wal'i, campero'wal'i, rejowal'i, pl'ežar'nicu, vytěbe'ral'i, pomłošl'i, cukero'wane, ſrišty'kowat, nafryštyko'wal'i, 'naobedo'wane, spôdobało, do 'svažbyrs'kego, vytpro'sował, vytproso'wała, vytří'sane, viro'waňe, zapla'sone, gríma'nówy, zabarmó'wane, 'štałgo'wała, jan'soicax, zase'cone, zaxo'pila, 'arco'wal'i, 'zepšeče'ral'i, gyto'wany, ul'ico'wane, 'opce'sany, obra'samy, 'nafejfo'vane, nasno'vane, zescy'ńaju.

Если сочетание с предлогом расценивать как фонетическое слово, то и в этих случаях ударение может быть как на первом, так и на предпоследнем слоге. Ср. примеры из той же магнитофонной записи: *'na pšežu, 'pšež cérkvi, 'na druži žeň, 'za bl'idom, 'do vyžny, 'do pystol'e; pšež jažčami, ry'jačy, do vy'l'eja, psi o'beže, psi 'vyže'pańu.* В говоре дер. Мост наблюдается также передвижение ударения на предпоследний слог при формообразовательных и словообразовательных изменениях, связанных с увеличением количества слогов в слове: *načl'ac / načl'akla, wěra / wěrecy, 'gyždy / gyždouhy, 'slěpy / opslěpony, 'myžtaš / myžtamý, 'úmřeš / umřety, 'narot / pyžrožiš, grabaš / gražbiščo, 'pastyř / pas'tyřka, mros / mrozó'wate* и т. д.

В то же время в говоре дер. Мост выделяется ряд словообразовательных типов, довольно последовательно

имеющих ударение на предпоследнем слоге. Это — существительные женского рода с суффиксом *-ic*: *ox'lica*, *pśas'lica*, *obl'ekar'nica*, *dup'nica*, *tkajar'nica*, *płakar'nica*, *kro'micka*, *ješ'nica*, *pše'nica* и *'bružnica*; отлагольные существительные среднего рода: *ze'syse*, *grí'maňe*, *żeko'wańe*, *'zakopo'wańe*, *du'peńe*, но и *'pisańe*, *'vírowańe*; глаголы с суффиксом *-ova*: *żék'owaś*, *kopíc'kowaś*, *pšeštry'xowaś*, *rax'nowaś*, *zagra'bowaś*, *fryštu'kowaś*.

Таким образом, для говоров основной нижнелужицкой территории безусловной нормой в области ударения является: 1) ударность первого слога в двусложных словах, 2) безударность конечных слогов, 3) безударность второго от начала слова в четырехсложных словах и второго и третьего от начала слова — в пятисложных словах. Что касается ударенности начального и предпоследнего слов, то обе эти возможности существуют во всех говорах, однако частота использования той или другой возможности по говорам может колебаться. Встречаются случаи и параллельного использования того и другого ударения.

В то же время в некоторых говорах выделяется категория слов, не безразличных к месту ударения. Это определенные словообразовательные и формообразовательные типы, в одних из которых ударение закреплено на начальном слоге, в других — на предпоследнем. Таковы упомянутые выше прилагательные на *-ov*, существительные женского рода с суффиксом *-ic*, может быть, глаголы на *-owaś*. В связи с этим в соответствующих говорах ударение не только выполняет роль знака, выделяющего слово в контексте, но может являться сопроводительным признаком определенного грамматического типа.

Говоры деревень Заброд, Парцов, Блунь демонстрируют ударение, обычно прикрепленное к начальному слогу слова. Если в связи со слово- или формообразованием происходит увеличение количества слогов в слове, ударение последовательно передвигается на начальный слог:

Парцов — *'parčo'* / *'napařič* / *'napařiwać*. *'dojč* / *wudojona*, *'twařeńe* / *'cítwar·jony*.

Случаи ударения не на первом слоге очень немногочисленны и чаще всего ограничены определенными типами слов. Это заимствованные слова, суперлятивные

формы и словосложения с *pou-* (<*pol*). Парцов: *ma'-šinu, au'gusće, kost'an'iła, to'mata, nai'm·enšy, naiž'bôlei, naīnížei, naī'gl'ej, pou'korca, pou'l'ista*; Блунь: *bé'tríger, 'p·eter'zyl'ija, fa'milija, mu'zyka, kar'nikel, naī'ból'ej, naī'nížei, naī'l'épšy, naī'tumše, naī'mudr·eışy, naī'mocneışy, pou'guba* и т. д. В этих случаях ударение не на начальном слоге является сопроводительным знаком некоторых лексических и грамматических типов. За пределами этих типов слов ударение не на первом слоге встречается очень редко: Парцов — *do'vetaçkóu, zvé'zal'i, ku'-laso, sno'waduo, ka'dauny, 'wokl'e'pańce, 'wom'o'cil'i, xoří'-nal'i*, а также *vôt'groxa, vôt'beza, vôt'pota, vôt'sadu, ve'bezu, do'vody, do 'łamou*, но *'na polax 'bez dyxa, 'do postol'e, 'vôt lanu, 'na gwozdi, 'na iku*; в дер. Блунь (м. ф.) *'volo'żomy, mo'sią, mo'żomy, gro'mady, ce'sany, va'řili, 'zažer'ñeñe, dŵe'kul'żatei, kô'lasko, 'ku tomu sno'wańu, na 'drugí, na 'ox'-licu, na 'iku и 'na kořicu, 'wôt spotka, 'rô žñox*. Эти же слова зафиксированы и с начальным ударением.

Таким образом, принципиальная возможность ударения на предпоследнем слоге не исключена и в среднепограничных говорах, однако частота реализации ее минимальна. Можно заметить, что говор дер. Рогов, с одной стороны, и среднепограничные говоры, с другой, демонстрируют крайние точки шкалы возможностей осуществления инициального ударения и ударения на предпоследнем слоге.

Несколько по-иному организуется ударение в слепянском диалекте. По наблюдению Шредера, здесь отсутствует постоянная прикрепленность ударения к определенному слогу в слове¹⁰⁸. Ударение может падать не только на первый и предпоследний, но и на последний слог, а в словах более чем трехсложных — и на второй слог от начала¹⁰⁹: *sro'moćitei, ty'kańcoweie* (73). Очень часто наряду с главным ударением слово имеет побочное ударение, которое может падать на любой слог.

Судя по записям, содержащимся в работе Шредера, слепянское ударение, будучи разноместным, в то же время в отдельных словоформах не всегда фиксировано на одном и том же слоге: *'stary // sta'ry* (71), *'swar'bę (71) // swar'bę* (68), *'gl'ědai (70) // glědai* (71), *'šycko (70) // šyc'ko* (72).

¹⁰⁸ A. Schröeder. Указ. соч., стр. 67.

¹⁰⁹ Там же, стр. 70—73.

В то же время некоторые слова (корни) последовательно сохраняют ударение на одном и том же слоге и в том случае, если в связи со словообразовательными или формообразовательными процессами происходит увеличение количества слогов в слове, например: *ty'kaɪ̯çε* (67), *ty'kaɪ̯çoše̯e* (68). С другой стороны, возможны случаи передвижения ударения, вызванного увеличением количества слогов, например: *'pal'enç* (71) и *pa'l'enca* (72).

Таким образом, в слепянском диалекте ударение, не будучи фиксированным, не может быть в то же время названо и свободным, разноместным и подвижным, так как при свободном ударении каждая словоформа имеет свое постоянное ударение на определенном слоге.

В слепянском диалекте обязательным и постоянным элементом в области ударения является лишь сам факт наличия ударения в каждом фонетическом слове. Что касается места ударения, то здесь твердой нормы нет. Имея в виду эту неопределенность принципов, организующих ударение в слепянском диалекте, Шредер назвал слепянский диалект «языком, свободным от ударения» (*akzentlose Sprache*)¹¹⁰.

Поскольку каждое фонетическое слово бывает ударенным, ударение в слепянском диалекте также выполняет роль знака, выделяющего слово в контексте.

В мужаковском диалекте, по свидетельству Щербы, ударение фиксировано главным образом на предпоследнем слоге. Отклонения встречаются в немецких заимствованиях и некоторых грамматических формах¹¹¹.

¹¹⁰ A. Schröeder. Указ. соч., стр. 67.

¹¹¹ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 36.

ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СОСТАВЕ КОНСОНАНТИЗМА

Система консонантизма отдельных нижнелужицких говоров (частных диалектных систем) организована на основе использования следующих различительных признаков.

Различие по локальному ряду: губной, зубной, средненебный, задненебный. В губном, зубном и задненебном ряду может осуществляться различие по участию голоса. Своей способностью использовать это различие в пределах губного и зубного ряда группа шумных фонем противостоит группе сонорных фонем.

Сонорные фонемы, в свою очередь, отличаются от шумных тем, что могут осуществлять противопоставление по наличию или отсутствию носовой артикуляции.

В группе шумных фонем используется различие по способу образования — взрывному и невзрывному. В зубном ряду невзрывное образование может расчленяться на фрикативное и аффрикативное, а эти, в свою очередь, на свистящее и шипящее. В группе сонорных фонем различие по способу образования актуально лишь в сочетании с признаками «зубной», «неносовой», в этом случае различается образование вибрантное (*r*) — невибрантное (*l*).

В губном, зубном и задненебном ряду возможно противопоставление по наличию или отсутствию мягкости.

Значение позиционного условия, определяющего дистрибуцию и фонетическую реализацию согласных фонем, в нижнелужицких говорах имеет качество последующего по отношению к согласному звукового элемента. В связи с этим для согласных фонем следует различать позиции перед гласными, согласными и перед *ø* звука,

т. е. на конце слова. Кроме того, по отношению к некоторым фонемам роль позиционного условия выполняет качество предшествующего согласного.

§ 1. Фонема [j]. Анализ консонантизма нижнелужицких диалектов целесообразно начать с рассмотрения фонетической реализации и распределения средненебной фонемы [j], так как в дальнейшем к этому не раз придется возвращаться при определении фонетической реализации мягких согласных фонем.

Фонема [j] представлена звонким палатальным спирантом *j*, а также спирантом *ɿ*, который отличается от первого тем, что имеет менее напряженную язычную артикуляцию и в связи с этим гораздо более слабый шум от трения воздушной струи. Такая специфика звука *ɿ* заставляет Шредера квалифицировать его как «неслоговой гласный»¹.

Употребление спирантов *j* и *ɿ* не разграничено позиционно. Лишь в позиции начала слова, по наблюдениям Шредера, преобладает *j*². Кроме того, при подчеркнутом произношении преимущество имеет *j*, при беглом произношении — *ɿ*.

Спирант *j/i* употребляется перед гласными *i, u, e, ē, o, ɔ (ó), a*, перед согласными и на конце слова после гласных. Ср. употребление *ɿ*³ в говоре дер. Блунь подобное тому, какое имеет место и в других нижнелужицких диалектах: '*juška, iězo, iěduo, iasoquosć; 'zaprailis, ja 'zyju, 'cesnēie* (род. ж. р.), *s'kijom 'reliwali, 'zawijawa; 'jaiko, 'taikī, tei 'starejše, 'wuxaica, 'tvarcoiska, 'zeipa, 'reitka, 'moteiduo, 'lejšeš, deišć, n-eižo, 'sejžim, kōiñc, 'šajnke, 'tykajnc, 'palejnc; 'douoi, 'zasei, krei.*

В интервокальном положении, перед мягкими согласными и на конце слова, спирант *i* может артикулироваться очень слабо и даже совсем утрачиваться. Вследствие этого одно и то же слово может иметь двоякий фонемный состав — с фонемой [j] и без нее.

Грожище: '*iežo // iězo, ieš // ięs, zuoži // zuoži;*
Мышин: '*deial'i // deal'i;* Рогозна: '*marxi, drjeuo,*

¹ A. Schröeder. Die Laute des wendischen (sorbischen) Dialekts von Schleife in der Oberlausitz. Tübingen, 1958, стр. 51.

² Там же.

³ В дальнейшем в целях технического удобства употребляем только знак *ɿ* независимо от конкретного качества спиранта, им обозначаемого (т. е. *ɿ* или *j*).

krois; М о с т: 'creⁱe, zeⁱma vy 'zeme, deⁱść // deść, 'łoińske // 'łońska, stareⁱ 'baby l'ëse; my^ei oby^ei żomu^ei; Д р е й ц е: kse-ⁱci'an, grosta'reⁱšei, psiⁱasel, pseⁱżom, kⁱar'meńca, końcⁱnc, l'epeⁱ; З а б р o д: 'dreⁱane // 'dreane tofle, 'praⁱmy // praⁱmy, 'deⁱal'i, 'staⁱś // 'staⁱś, graⁱńka, 'doⁱi // 'doi (3 л. ед. ч.); Б л у нь: dwaⁱ supaⁱ // 'supaⁱ, 'naⁱežena, 'zmiⁱa // zmⁱia, 'wileⁱšes; П а р ц о в: 'zarzaweⁱo, 'praⁱili // 'praili; Б р e i з o в к a: neⁱpereⁱ // nepereⁱ, xōidziteⁱ, te stareⁱše, neilepeⁱ, te dwaⁱ steⁱ huwisanⁱ, dżoteⁱ młodeⁱ, farareⁱu, do creⁱa, ciⁱedźe, naⁱed-zeja (3 л. мн. ч. essen), teⁱ wel'ikeⁱε, zaseⁱ, žeńiska // te žeńskⁱe (Sch., 80, 81); С л e p o: něnt 'o mi, zaseⁱ, mej smeⁱ ciⁱšteⁱ, domoⁱ iěść, 'stoⁱteⁱ, s'kiⁱtom, kii//ki (Sch., 52, 86, 87); В у с к и д ь: praili (Щ., 7), prait (11) || prajł (8), ciścian (11), uđna zadai (13), ze svim (14). Я б л o н ь ц: ćo teⁱ sy, h e i dyś, kōńc, teⁱ, teⁱa, ćo ćuveⁱžel, ćo moim ćeŋku и т. д.

В нижнелужицких говорах ограничены возможности сочетания спиранта *i* с предшествующими согласными. Сочетания с *i* образуют в основном лишь такие согласные, которые могут быть мягкими, т. е. *n*, *r*, *k*, *g* и губные. Однако *i* не сочетается с предшествующими мягкими спирантами, случаи, подобные žiasēs (Заброд) — исключение. С генетической точки зрения *i* в этих случаях обязан своим появлением асинхронному артикулированию мягких согласных и как следствие этого — выделению мягкости согласного в самостоятельную артикуляцию. Спирант *i* после согласных, как и в других позициях, может иметь ослабленную артикуляцию и производить акустическое впечатление призыва при согласном (см. об этом ниже).

В подобных случаях согласный и последующий *i* не могут быть изолированы друг от друга, так как сочетания такого рода, в силу своего происхождения, естественно, всегда находятся в пределах одной морфемы. Ср., например, морфемное деление слов *słomi-any*, *skubi-u* (Мост). В словах *słoma*, *słomany* // *słomiany*, *skubaś*, *skubi* // *skubiu* следует констатировать морфологическое чередование *m: m̄//m̄i*, *b: b̄//b̄i*, так как сочетания с *i* в одном и том же слове (морфеме) всегда могут употребляться параллельно с соответствующими мягкими и полумягкими согласными.

В этих условиях можно было бы рассматривать *i* после согласных как выражение мягкости предшествующего согласного, а сочетания согласного с *i* — как функци-

ционально нечленимые звуковые комплексы, в которых фонетически реализуются мягкие согласные фонемы.

Однако в нижнелужицких диалектах имеются факты, препятствующие такому суждению. Это, во-первых, сочетание *bj* на стыке приставки и корня, когда совершенно очевидно *b* и *j*, относясь к разным морфемам, являются представителями двух фонем, т. е. [b] и [j]: *ob'jezdžis* (Мост), *ob'jadność* (Грожище). В словаре Муки приведены, кроме того, слова *hobješć*, *hobješ*, *hobječtiš se*. Слоговой границей согласный и последующий *j* могут быть разделены и в таких словах, как *šampinjunks* (Бабов), когда слогораздел определен иноязычным словом-образцом, в данном случае *Champignon*.

Другим обстоятельством, препятствующим отождествлению с признаком мягкости, являются сочетания с *j* согласных, не имеющих мягких пар. Независимо от того, проходит ли морфемная граница через это сочетание или нет, спирант *j* в этих случаях не может быть отождествлен с признаком мягкости — он является представителем фонемы [j]. Сочетания согласных, не имеющих мягких пар, с *j* встречаются очень редко. Но в данном случае частота употребления значения не имеет. Важен сам по себе факт возможности сочетания этих согласных фонем с фонемой [j].

Шкодов: *zagasiowat* (супин); Гро жи щ е: *wet'jexas*; Рогозна: *uy'tležony cuk*, в этом же говоре записано *fristiukouaś*; Сле п о: *wōtłagñećić*, *dłas*, *złono* (Sch., 28, 29, 30); Брезовка: *cjare* (<*ciuare* Sch., 87); Вуски дъ: *zjěsc* (Щ., 13). В словаре Муки — *rozjěsc se*, *zjěsc*, *zjěś*, *rozjěś*, *pódjęś*, *nadjęś*, *wbtjěś*.

Несколько чаще сочетания всегда твердых согласных с *j* встречаются в пограничных говорах, где они образуются в некоторых глаголах на стыке основы и флексии в результате редукции до нуля заударного *i*: З а б р од — *tēn 'straſtjo*, *vordjo*, *ja 'zagasiu*, *'lašju*, а также *siaty*; Блунь — *ja 'lidju*, *'straſtłomej*, *ten 'gōtjo*, *ja 'roskidju*.

Таким образом, в сочетаниях согласных с *j*, в том числе и тех, которые развились в результате асинхронного образования мягких согласных, *j* является представителем фонемы [j].

Согласные, не имеющие мягких пар, перед *j* могут получать позиционное смягчение: Яблоньц — *s'jatki*, *pōd'jask* и *pōd'jazak*, а также *gjaska*; Шмогорев — *z'jono*.

Что касается согласных, имеющих мягкую пару, то смягчение перед *i* на стыке морфем (слов) особенно последовательно фиксирует Фаске. В записях других авторов это встречается в меньшей степени. Так, в записях Фаске из диалекта Ветшау встречаем: '*aš iš* (317)⁴, *juš ič* (337), '*erňič* (342), '*teňič* (342), *pónič* (343), *žeň lánčeři* (332), *tamíč* (351), '*zadružím ič* (331), *tam ia* (343), *ak ič* (347), '*kak ič* (337), *cuzlēk ič* (334), *k ježi* (320), '*k jačeru* (323) и *udt jančg* (324), *ugčtčič* (327), '*nět ič* (337), *uičk ič* (330). Надо сказать, что в тех говорах, которые мы имели возможность наблюдать, нам не встречались подобные случаи ассимилятивного смягчения, за исключением смягчения *k* перед *i* (например, *k·la-coru* — Яншойце, м. ф.).

В позиции после согласных, имеющих мягкую пару, артикуляция спиранта *i* может быть ослаблена до степени призвука при согласном и восприниматься как составная часть артикуляции этого согласного: *niasc*, *b'iacy*. В этом случае *i*-призвук в одинаковой мере может рассматриваться и как представитель фонемы [j] (ослабление артикуляции *i* известно и в других позициях), и как элемент, функционально тождественный признаку мягкости (согласный с *i*-призвуком обычно артикулируется как единый звуковой комплекс).

Из сказанного ясно, что фонема [j] в нижнелужицких диалектах является неустойчивым элементом консонантизма. Она может ослабляться, утрачиваться, а в известных позициях — функционально отождествляться с другими элементами консонантизма.

Фаске, рассматривая дифтонгические сочетания гласных с *i* в диалекте Ветшау, считает, что «морфологически неразложимые *i*-дифтонги в положении перед мягкими согласными (*góšć*, *lejšć*) являются вариантами гласного + мягкий согласный»⁵. Подобное утверждение является следствием смешения явлений генетического и синхронного порядка. В синхронном плане нет никаких оснований для того, чтобы спирант *i* по-разному квалифицировать в случае *góšć* // *gōšć*, с одной стороны,

⁴ В скобках указаны номера страниц из кн.: Н. Faßke. Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964.

⁵ Н. Faßke. Указ. соч., стр. 51.

и *d̥ejal'i* // *d̥eal'i*, с другой. В этих случаях речь может идти только лишь о возможности дублетных форм, одна из которых содержит фонему [j], другая — нет.

§ 2. Фонемы [t], [d]. Зубные взрывные глухая и звонкая фонемы [t], [d] во всех нижнелужицких диалектах имеют одинаковую фонетическую реализацию: они представлены согласными *t* и *d*.

Согласные *t*, *d* сочетаются с последующими гласными, кроме *ě* и *i* (о сочетаниях с *i* в немецких заимствованиях см. ниже).

Согласные *t* и *d* находятся в отношениях дополнительного распределения перед глухими (только *t*) и звонкими (только *d*) согласными, а во многих говорах — и на конце слова (только *t*). В этих случаях согласные *t*, *d* реализуют слабую зубную взрывную фонему, непротивопоставленную по участию голоса.

Ср. употребление согласных *t*, *d* в говоре дер. Грожище, подобное тому, которое представлено и в других нижнелужицких диалектах: *'tykaćc, dym, 'tuna, dub, tēpa'řisćo, dēść, 'topiš, 'dobry, stōu, 'lidowaś, 'stary, 'dawaś, 'tvarok, 'butra, dva, pedvēski, 'dřevo, 'mȳd'l'itvy; 'suset, vēt 'get, 'bl'itko, 'pȳtpas, dgas, dza.*

§ 3. Согласные t, d, s, z перед i. Согласные *t*, *d*, а также *s*, *z* в нижнелужицких говорах не имеют мягких пар. Однако сочетания этих согласных с последующим *i* возможны в немецких заимствованиях.

Обычно внутри этих сочетаний происходит уподобление в духе фонетических норм говора. Уподобление может осуществляться в двух направлениях: или согласные уподобляются последующему *i* и получают полумягкость и даже мягкость, или же гласный *i*, уподобляясь предшествующим твердым согласным, понижает свою артикуляцию и приближается к *y*.

Мост: *terp·etin, 'd̥ixt·ix·, fert·ix·*; Рогов: *se raz·i·rowaś, 'cajz·ink*; Нова Яс: *ten 'radio, ta tintua, prat'ija* и *ten ver'ty'ko*; Мышина: *radisx·en, šake géđ·ix·ty*; Шкодов: *fertix·, řixt·ix·, smy 'ut·ixtowal'i, teoretik* (м. ф.); Парцов: *'tigel, 'kul'tivater, 'št·ifnan, štiŷrca*; Барбук: *'štifsyn, vert'iko², rad'ių⁰*; Блунь: *'št·ifgôle, ta 't·inta 'razirwaś, jan z·ilo, vôt z'ila*; Заброд: *'frišt·ik·iomu, 't·imiliān, 'vert·iko, 'rad·io, št·ikōvaś, 'kult'ivator, t'igel, 'št·irca // štyŷrca, koz·ina, flais·ix*; Яблониц: *t·inta, štig·lica, kasti'jana, ver't'iko*.

В слепянском диалекте Шредер отмечает гласный *i* после твердых согласных не только в немецких заимствованиях, но и во многих подражаниях и детских словах, а также в суффиксах *-tii*, *-tilka*, *-ticho*⁶.

В некоторых говорах основной нижнелужицкой территории согласные *t*, *t'* в сочетании с *i* произносятся в местоимении 2 л. ед. ч., включенном в эмоциональное обращение: *ti i εzel!* и *ti ȝoȝ* (Нова Яс); *ti 'skrodaȝa!* (Ус); *ti cart*, *ti εzel* (Рогозна); *t·i vyl!* *t·i εzel!* (Мост).

Сочетания твердых согласных с *i* противоречат дистрибутивным нормам нижнелужицких диалектов. Они демонстрируют распределение, находящееся за пределами основной системы и ограниченное иноязычной, еще не преобразованной согласно нормам новой среды, лексикой, а также средствами экспрессивного выражения (междометия, апеллятивы, детские слова), которые обычно организуются на основе иных фонетических принципов, чем основная система⁷.

Что касается сочетаний согласных *t*, *d*, *s*, *z*, (*t'*, *d'*, *s'*, *z'*) с *i*, то они вполне соответствуют нормам распределения основной системы. Однако в связи с тем, что названные согласные факультативны в своем употреблении и ограничены позиционно, они образуют весьма неустойчивый элемент системы, находясь на ее периферии.

Тем не менее и в этих условиях наличие мягких согласных принципиально делает возможным различение по твердости—мягкости в ряду зубных взрывных и фрикативных свистящих фонем. Однако в говорах пограничных, а также слепянском и мужаковском, противопоставление по твердости—мягкости, образованное согласными *t*—*t'* (*t'*), *d*—*d'* (*d'*), вынуждено конкурировать с противопоставлением, реализованным в согласных *t*—*č*, *d*—*dž* (см. об этом ниже). На стороне последнего преимущество не только в отношении позиций, в которых оно осуществляется, но и в том, что согласные *t* и *č*, *d* и *dž* могут вступать в чередование, которое по своему функциональному содержанию является чередо-

⁶ A. Schröeder. Указ. соч., стр. 47, 53.

⁷ См.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 286.

ванием сильной и слабой фонемы. Согласные *t* и *t'*, *d* и *d'* в такого рода чередования не вступают никогда.

Таким образом, наличие согласных *t* (*t'*), *d* (*d'*) перед *i* создает возможность факультативного осуществления корреляции мягкости для фонем [t] — [t'], [d] — [d']. В основных нижнелужицких диалектах это является единственным проявлением названной корреляции. В пограничных, слепянском и мужаковском говорах факультативная возможность осуществления корреляции в *t* — *t'* (*t'*), *d* — *d'* (*d'*) существует параллельно с основным видом реализации этой корреляции в *t* — *č*, *d* — *dž*.

§ 4. Фонемы [n], [r]. Фонемы [n] — зубная, носовая, твердая и [r] — вибрантная, твердая представлены согласными *n* и *r*, употребляющимися перед гласными (кроме *ě*), согласными (*r* — перед сonorными и шумными, *n* — только перед шумными) и на конце слова.

Согласный *r* нередко может иметь увулярное образование, появившееся под влиянием немецкого языка. Однако на этом обстоятельстве, несомненно, отражающем степень немецкого влияния на тот или иной говор, мы не будем фиксировать внимание, так как увулярное образование не приобретает значения дифференциального признака и для характеристики фонемы [r] значения не имеет.

Ср. употребление согласных *n* и *r* в говоре дер. Заброд: '*šy^ebazny*', *nyčkar*', *nuć*', '*račne*', *nos*, *nôwy*, *nan*, *šant*, '*grunda*', *na*'*lunze*', '*měnsy*', '*šansík*; *ryš*, *řuka*, *prec*, '*rosa*', '*rôzny*', *rak*, *žertka*, '*bardo*', '*zarzawę*', '*murski*', '*žeržaš*', '*borsa*', '*šorca*', '*serp*', '*terpík*', '*garba*', '*perko*', '*věrgaš*', '*marxej* // '*marxv'ej*', '*žerš*', '*smerži* (3 л. ед. ч.), '*věrmut*', '*sarňik* и т. д.

В позиции перед задненебными согласными фонема [n] реализуется задненебным носовым согласным *ŋ*. Мост: '*kumraŋki* — но '*kumpany*, *za or'nuŋgu* — но *or'nunze* (местн.), *take* '*šaŋki* и *ma'sinku*; Грожище: *šliŋka*, '*aŋglowaš*', '*tuŋka*, *koŋk*, *ko'pančki*', '*zagoyk*, *gajk*, *cai'tuŋga*; Мышины: *cynk*, *dub'jaŋki*, *bubeŋki*, *řešeŋko*, *coŋk* и *cynkor*.

В слепянском диалекте в позиции перед задненебными Шредер констатирует только произношение согласного *ŋ*⁸.

⁸ A. Schröeder. Указ. соч., стр. 67, 69, 70, 80, 82, 85, 87.

Щерба на материале мужаковского диалекта пытался определить *y* как самостоятельную фонему. Несостоятельность его аргументации убедительно доказана З. Михалком⁹.

§ 5. Фонема [ń], по твердости—мягкости противопоставленная фонеме [n], в основных нижнелужицких диалектах может быть представлена мягким согласным *ń* и согласным с ослабленной мягкостью, производящим акустическое впечатление полумягкого *n̄*. Первый из них употребляется перед гласными *i*, *u*, *e*, *ě*, *o*, *ö*, *a* на конце слова и перед некоторыми согласными, второй — чаще всего перед *e*, хотя возможен и в других позициях.

Вообще различия в относительной частоте употребления *n̄*, а также других полумягких, как по говорам, так и в индивидуальном произношении, связаны со степенью интенсивности проникновения немецкого языка в речевую практику носителей того или иного говора. Информаторы, предпочтитающие немецкий язык, при пользовании нижнелужицким языком (диалектом) чаще произносят полумягкие согласные.

В позиции перед задненебными фонема [ń] может быть представлена, кроме того, согласным *ŋ*.

Гро́жи́ще: *ńiš*, *'psi tym 'tkańu*, *'tkańe*, *ty 'žeńoš*, *gríma'ńowu*, *'gańas*, *'jacmeń*, *'ŕiacseń*, *š'eršeń*, *psestań*, *'suońcko*, *gu'seńca*, *'uzeńc*, *za'gańca*, *'meńk*, *'leńk*, *'zaxo'peńk*, *'šańki*, *'bl'ańka*, *'žeńiska*, *popań'žeństvo*; *'śl'imn·eji*, *l'in·e'ńeju*, *sneś*, *'gr'eśn·ik*, *'n'iuka*, *'umey'k*, *s tyna ve' cyma zbr'in'ka*;

Шкодов: *na'nímske*, *na'ońu*, *'spedobańe*, *k 'ogñoju*, *'kyńnici* // *'kyńńdci*, *'brožna*, *'svéžeń*, *kyńc*, *'zaxo'peńk*, *'tykańc*, *'popańśo*; *'sp·iwan·e*, *'cyn·i* (3 л. ед. ч.), *vel'e pěn·es*, *s 'kn·ebлом*;

Рогов: *op'sudník*, *tſi 'kuxńic*, *'gnezdo*, *'iagńe*, *kńes*, *to 'marzno*, *vot 'škurńdu*, *'studňa*, *svežeń*, *žeń*, *'slińco*, *'špeńc*, *pijańc*, *te 'zvuny 'kl'ińce*, *k·jarm·eńc* *'veńceńc* (= *vejcyNy xl'ou*), *dro'b·eński*, *dvi 'žennce*, *'syńka*, *rińk*, *l'ěńk*, *'kubańki*, *eýki*, *n·erki*, *n·ei'rědnej*, *'splēcn·eny*, *n·ěnt*, *kor'n·ikel'*, *'mly-nik*, *'śl'in'ka*, *ze'l'en'ki*, *'um:ey'k*, *lo'p·ey'ko*, *'iar'žel*, *'kax-leń·k*, *jer'e'bíj·ka* и т. д.

⁹ S. Michalk. Der obersorbische Dialekt von Neustadt. Bautzen, 1962, стр. 55, 56.

Такая же фонетическая реализация фонемы [ń], по свидетельству Шредера, имеет место и в слепянском диалекте¹⁰.

В пограничных говорах в качестве представителя фонемы [ń] наряду с согласным ň гораздо чаще, чем в основных нижнелужицких диалектах, употребляется согласный n̄. Кроме того, параллельно с согласными ň, n̄ в одном и том же слове (морфеме), главным образом в позиции перед непередними гласными, может произноситься зубной носовой согласный с i-призвуком и сочетание носового согласного с i; носовой согласный в этих случаях может быть мягким и полумягким, т. е. ňi, n̄i, ňi, n̄i, n̄i.

В пограничных говорах возможны случаи, когда в соответствии с ň основных нижнелужицких диалектов произносится согласный n; это имеет место в отрицании, перед согласными и на конце некоторых слов.

В этих говорах нами записаны следующие примеры:

З а б р о д: 'nítka, zgńiš, pô'ńižność, v ogo 'dyxańi, 'męseńu'šupka, 'raukáňoł, tēn 'wukńo, 'do brožńoū, sukńa, 'woğeń, kóń, 'na końc, 'iauřeńc, p'εjčk, te 'sańka, vot gęšeńjka, dvi 'žeńskej;

sn̄eš, 'teptan·e, 'dve 'bron·e, 'sn̄idańe, 'sykan·e, žn̄i, kas'tan·ija, n̄eij níć 'zěčau, 'gan·ik, 'n̄egluka, 'v·išn̄a, 'tyžen·u, 'rešen·c, 'rin·ki, 'kvíšon·ki, iano 'uořen·ko, 'iason, žen·;

se'gańja, ta'bańja, 'sturńja, 'gl'ińiany, svín·iā, 'sykań·ioł, 'pańjoū, to 'merzńo, 'čeń·io // 'šeńio, 'lašvan·ioł (дат.), ia se 'lańju и doien·ie;

'neižo, 'ne dečau, 'ne buuo, 'vog·en, žēn, 'tyžen, но 'tyžeńa.

Б л у нь: 'níco, 'pśelńica, si 'cesańu, ku tom sno'wańu, ja 'gónu, 'wóhańe, kn̄es, n̄et, 'pô zñox, 'na mño, 'iacmeńowę, 'sarńa, 'tykańc, 'věńk, 'šliňkou (род.), 'uońske 'leto, 'mańżelski, naļgubeńšy, kóreń, 'tyzeń;

'sr·edn·eij (местн.), 'n̄eismy, 'n̄e gotjo, 'n̄eivesta, 'n̄eijžo, 'šar·en·e, 'iano 'span·e, 'n̄ixte, 'svín·co, naļrén·še, 'žen·ska, kojn·c, žen·, grajn·;

'studn·iā, 'kuxn·iā, 'sarńja, 'nawožeńiā, 'gańiás, 'ban·ja, 'wuńja, 'wun·jaś, n̄jaść, 'klepaniowy, ja se 'lan·ju, verôčańiū, 'náwožeńiū, ja 'ukńju и mōje 'raměńje; mi neiļpraw·e, mōc-neišy, věnc, 'pianca, 'řesenca, 'gusenc, 'helen, žēn, 'woğen.

¹⁰ A. Schröeder. Указ. соч., стр. 35.

Парцлов: *se 'zeleni, 'prekñica, ku 'pe^gceraňu, 'pelneňe, sňec, ten 'kopno, 'višnoouy, 'kuchna, násć, mlínc, 'počoń, 'kóreń,*

te 'škôrn'e, 'snědan'e, saj'džan'im (тв.), 'sjan'e, kos'tan'ija 'zbiran'im (тв.), cojn'ik, 'kazan'e, sněk, 'mén'e, 'vukn'otej, 'kón'om (тв.), ta 'kazn'a, te žen'ske, grai'n'ka, věn'k, kón', džen', jan škôrn';

'sukn'i'a, dvaj 'škôrn'iaj, do' lub'eňja, po tom 'motaňiu, ten 'san'jak, na 'níom, wón 'žeňjo, 'ban'ja, na tyx 'svin'jox, tym 'svin'iom, ve 'juňiu, 'kón'iam, n'jac, 'gan'ja (3 л. ед. ч.), ku 'žran'ju, 'vukn'ju (3 л. мн. ч.);

'nejdžo, kójnc, žeinska, 'palenc, 'papr'enc, 'uonske l'eto, 'perséen, 'kam'en, 'vogein, kóin // kón, džein.

В говоре дер. Яблонец также наряду с н, н часто произносится согласный н с ѹ-призвуком: péršceń, dñoци, stuřna, kóń, kořeń, sukna škôrn'e, dojen'ouy, duał helen'a и stuřoreńom, súin'i'a, sań'ak, gańjač, n'ioxam.

Согласный н в соответствии с н основных нижнелужицких диалектов особенно часто встречается в говорах к востоку от Шпремберга. Здесь записано: jaſtei'n, grajki, kyšćeinc (Мытыёйце), peſcein, jaſtein (Дрешнице), jaſtein, plince (Котлов).

Согласный н с последующим призвуком ѹ в равной мере можно считать и представителем фонемы [ń] (в kón'iam тот же фонемный состав, что и в kón'om // kón'iam) и фонетической реализацией фонемосочетания с [j] (в kón'iam как в džein (Слепо) фонема [j]).

Параллельно с фонемой [ń] в одном и том же слове (морфеме) главным образом в позиции перед непередними гласными может употребляться сочетание фонем [n] + [j]. Согласный н перед ѹ может иметь ассимилятивную мягкость или полумягкость. Частота замены фонемы [ń] с сочетанием [n] + [j] является особенностью индивидуальной произносительной манеры, находящейся в прямой связи с тем, в какой степени сохраняет информатор серболужицкие артикуляционные навыки. Чем прочнее эти навыки, тем реже вместо н произносится n̄, и наоборот.

В связи с тем, что в пограничных говорах осуществляется тенденция к отвердению согласного н на конце слова и перед согласными, сокращается частота употребления фонемы [ń] в сравнении с основными нижнелужицкими диалектами, и становятся возможными дуб-

летные формы с фонемой [ń] и фонемой [n] (ср. *kōń* // *kōń* // *kōń*, *kōńc* // *kōńc*). От этого противопоставление фонем [n]—[ń] становится менее четким.

Фонемы [n]—[ń] во всех диалектах противопоставлены перед гласными *i/y*, *u*, *e/ɛ*, *o*, *ə(ō)*, *a*, на конце слова и перед некоторыми согласными. Ср. в говоре дер. Гро жище: *na 'rognym*—'*ješnica*, *'padnus*—*pši snó-wańu*, *'rognę*—'*tkańe*, *noc*— *na 'ńom*, *naś*—'*gańas*, *nocu*—*grima'ńdwy*, *syn*—*keń*.

В позиции перед ё фонемы [n]—[ń] не противопоставлены.

Фонемы [n]—[ń] могут различаться в позиции перед согласными. Отсутствие противопоставления [n]—[ń] в позиции перед согласными Щерба констатировал для мужаковского диалекта. Однако современные записи из дер. Яблоньц находятся в некотором противоречии этому, так как содержат следующие примеры: *žeńška*, *słońčko*, *jabłońc*, *jabłoński*, *pińca*, *kōńc*, *dro'běńcki*, *peńk*.

В отношении состава позиций противопоставления фонемы [n]—[ń] перед согласными в говорах нет единобразия. Это связано с тем, что состав согласных, сочетающихся с предшествующим ń, по говорам неодинаков.

Во всех говорах [n]—[ń] противопоставлены перед с и š. Рогозна: *giarnc*—'*mazańc*, *ménšy*—*tuńšy*; Гро жище: *flanca*—*pińca*, *ménšy*—*ryńšy*; Мост: *snýcyna*—*šy'běńca*; Прявоз: *gíancář*—*užęńc* и т. д.

Вероятно, нередким является также различие [n]—[ń] перед ž и ś. Мост: *na lanze*—*jańzel*, *šansik*—*vystańšo*; Мышин: *manželstuo*—*jańzel*; Яншойце: *jańzel*—*manželskēj*, но в дер. Блунь—*mańzelski*, а в дер. Рогозна—*janżel*.

В большей части говоров фонемы [n]—[ń] противопоставлены также перед k, ć. Рогов: *'postróňk*—*ŕeńk*, *sańki*—*eńki*; Бабов: *šužońk*—*wéńk*, *skobŕeńk*—*cyńk*. Отсутствует различие [n]—[ń] в этой позиции в слепянском диалекте, где, по записям Шредера, перед k, ć возможен только согласный ſ: *do ſeńki*, *zaxořońk*, *šeńkuje* (82), *tog wěńka* (85) и др.

Следует заметить, что состав лексем, содержащих ń перед с, k, ć, по говорам колеблется, о чем см. ниже в разделе о сочетаемости согласных.

Значительно менее широко в нижнелужицких говорах распространено различие [n]—[ń] перед s. Противо-

поставление названных фонем в этой позиции характерно главным образом для основных нижнелужицких диалектов, а также встречается в слепянском говоре. Мышин: *žinsa* — *mužínski borša*, *drobeňski*, *papažeňsto*; Брезовка: *džen̄sa* (Sch., 82), *třebiňske* (74) — *jěnsmý < něn̄t smy* (112).

В говоре дер. Рогозна наличие слова *gȳntu*, делает возможным противопоставление фонем [n]—[ն] перед *t*: *gȳntu*—*antwal*.

§ 6. Фонема [í], во всех нижнелужицких диалектах противопоставленная по твердости—мягкости фонеме [r], в говорах к востоку от Котбуса обычно бывает представлена согласными *r̄* и *r̄̄* — при этом в одних говорах произношение *r̄̄* распространено широко, в других встречается редко. Произношение *r̄i* // *r̄̄i*, *r̄i* // *r̄̄i* параллельно с *r̄//r̄̄* встречается здесь в единичных случаях в позиции перед непередними гласными.

Мост: '*žřídlo*, *vy tym křu*, '*cěřene* 'iagody, '*rědno*, '*uvařone*, '*břazoūy*, *do svajžbyř'skego domu*, '*vixar*', '*fryčar*', *dgar* и '*kur·ača*, *žr·eš*, '*gȳr·e stupaňe*, *neřper·ej*; Барбук: '*adřik*, '*janá břuška*, *neřešna*, *rězaš*, '*škrok*, *farařouy*, *jab·řaty*, *spař*, *keř*, *be'amtar*, '*těpar*, '*žuřka*, '*cěrkva*, *kužer'katy* ... *děr·e*, '*sxyr·eš*, '*kular* и '*zor̄ia* // '*zor̄ja*; Грожище: в этом говоре согласный *r̄̄* очень часто произносится в позиции перед *e*: *ta r̄ez*, *r̄ep*, '*r̄epka*, *gr̄ex*, '*zgr̄ešyŋ*, '*r̄ecník*, '*dr̄eslař*, '*žr̄eduo* и '*kur̄iava*; Дрейце: *nažr̄ety*, *r̄epišća*, *žr̄eče*, *pískoř*, *puchoř*, *uežtar*, *te'pedružbařa*, *se žer̄ioš*, *meřio*.

В диалекте дер. Рогов при широком распространении согласного *r̄̄*, особенно в позиции перед *e* и на конце слова, чаще, чем в восточнокотбусских говорах встречается произношение *r̄i* // *r̄̄i*, *r̄i* // *r̄̄i*: '*řicas*, *ve tym buřu*, *přitvařeňe*, *řeřzarňa*, '*mořo*, '*břaza*, *ku'xařka*, '*na marķ*, *kařc'mařka*, '*pískoř*, '*krymař*; *r̄ep* // *r̄̄ep*, '*cr̄owo*, '*žr̄edlo*, *se'r̄exowař*, *štýri'byři*, '*žr̄eb'e*, *janó kur'e*, '*sr̄edne želo*, *ce'r̄eny*, '*r̄iřeňe zęjka*, '*zdr̄aly*, '*far̄ar*', '*sr̄obl'o*, '*r̄edne*, *se tr̄eřiš*, '*par̄eca vôda*, *te mur̄ske*, *kur̄wota*, *řamar̄k*, *spar*', '*píkar*', '*and'l'ar*', '*želařar*', *kôl'asár*, вообще в конце слова преобладает согласный *r̄̄*; и — '*gr̄iablo*, *va'r̄iona*, '*řacer̄ia*, *dva bur̄ia*. В говоре дер. Рогов впереди случаи позиционного смягчения согласного *r*: *ros'kor̄ník*, *přat̄kařna*, '*mur̄xel'e*, '*smer̄ži* и *smer̄žeňe*. Смягчение в этих случаях необязательно, оно может и отсутствовать.

В говорах к западу от Котбуса наряду с *r̄*, *r̄* широко распространено произношение *r̄i* || *r̄i*, *r̄i* || *r̄i*.

Шкодов: 'křicki, tej 'starējše, faraŕa, 'cęptar̄; kr̄e, 'r̄eki, 'vèle 'dr̄eva, 'r̄ezak, preki, 'r̄idny, 'flastar̄, 'šulr̄, 'zeksar̄; te 'žur̄ia, se 'zažeřio, 'mur̄iowaś, 'piłatařiou (род. мн.), 'cęptar̄iā, и даже на конце слова — 'cęptar̄iā, 'sular̄i; Бязыни: 'perej, šul̄ar̄, faraŕ, umřet, derje, na duorje, gőriajnske, do br̄azyna, do smęgręoua, priatkooua, natęaręona — на мягкость согласного *r* перед *i* в этом говоре нет никаких указаний, исключение — *dřiažnít*¹¹.

Правоз: *utres*, *zúeŕe*, *škrete*, *p̄ekaŕ*, *tveŕ*, *žur̄a*, *te styro*, *spřosk*, *mařayka*, *jacēřiā* *uařiōne*, *cřiopy*, *jacēřiās*, *sk̄or̄iōyk*.

Еще более широко распространено произношение *r̄* и *r̄i* || *r̄i* || *r̄i* в пограничных говорах. Блунь: 'burík, břux, břušeo, 'břemě, cřop, 'pobřaška, řap, 'pôťastuo, kuř (вообще *r̄* произносится в этом говоре довольно редко); 'r̄ézaňe, 'sr̄ebaś, jo 'swar̄eq, tej 'star̄eřeſel, se 'gôr̄iš, 'r̄ěpa, zr̄auy, twôr̄, 'nedopyr̄, 'jašcer̄, 'řixtar̄, šȳr̄, 'prosar̄, 'kuxar̄ka, 'kuřia, 'kar̄iu, 'svařbařamí, tyx 'sigledořouar̄iou, 'škr̄iacy, štoter̄jo (3 л. ед. ч), 'žěwaſer̄iou, 'škobřiōyk, řiap || r̄iap || r̄iap, 'sep̄or̄io. Полное отвердение в случаях 'bydlar, tēn 'p̄iakar, но vélé 'bydlařiou, tēn 'piakarie.

Аналогичное употребление *r̄*, *r̄*, *r̄i* || *r̄i* и *r̄i* || *r̄i* имеет место в говорах деревень Заброд, Терпе, Бяздов, Парцов.

В слепянском диалекте, по наблюдениям Шредера, в позиции перед передними гласными произносится как мягкий согласный *r̄*, так и полумягкий *r̄*; перед непередними гласными степень мягкости согласного *r̄* выше; выделение мягкости в самостоятельную артикуляцию зафиксировано лишь в речи младшего поколения¹².

В мужаковском диалекте Щерба фиксирует согласный *r̄* перед передними и непередними гласными, на конце слова и перед согласными. В позиции перед *e* в записях Щербы встречается *r̄* и без обозначения мягкости: спр. *humřet* (14) и *humreć* (10). Выделение мягкости согласного *r̄* в *i*-образный призвук Щербой не отмечено. Однако записи из дер. Яблонец отражают произно-

¹¹ D. Petrová — J. Petr. Beispiele sorbischer Dialektaufnahmen. «Zeitschrift für Slawistik», Bd VIII, N. 1, 1963, стр. 67—70.

¹² A. Schröder. Указ. соч., стр. 56, 57.

шение *r* с *i*-призвуком: *škobriɔyk*, *ɥɔt̪ styr̪iɔx*, *per̪iaty*, *uer̪iašk*, *r̪iadne*, *r̪ios*, *šampar̪ioŋ*.

Согласный *r* с призвуком *i* (*r̪i//r̪i*) можно считать одновременно и представителем фонемы [f], и фонетической реализацией фонемосочетания [r] + [j]. Призвук *i* функционально можно отождествить и с фонемой [j], и с признаком мягкости фонемы [f].

Фонема [f] может находиться в параллельном употреблении с фонемосочетанием [r] + [j]; это имеет место главным образом перед непередними гласными.

Фонемы [r]—[f] противопоставлены на конце слова, перед гласными *i/y*, *u*, *e/ɛ*, *o*, *ø(ö)*, *a* и перед некоторыми согласными. Например, в говоре дер. Парцов: *dvɔr*—*'r̪coŋkar*, в этом говоре сильна тенденция отвердения согласного *r* на конце слова, поэтому в позиции конца слова [r] и [f] не четко противопоставлены, оформляя фонетические дублеты слов; *krymar*—*g̪rip*, *'ruka*—*'laseřu*, *'dobre̪go*—*'z̪reb̪i'e*, *rok*—*'zamor̪ione* // *'zamor̪ione*, *'vɔt̪* *'ver̪o-waňa*—*'talar̪oú*. *rak*—*jan r̪ask*. В позиции перед ё фонемы [r] и [f] не противопоставлены.

Фонемы [r]—[f] могут быть противопоставлены перед согласными. Состав позиций различия [r]—[f] перед согласными неодинаков, так как по говорам неодинаков состав согласных, сочетающихся с предшествующим *r*.

Видимо, в подавляющем большинстве нижнелужицких говоров фонемы [r]—[f] противопоставлены перед *k*, *k̪*. Рогов: *karkos*—*žur̪ka*, *zmerki*—*farar̪ki*; Рогозна: *kužerkate* *uosy*—*škwařka*; *gyr̪ki*—*kuxařki*; Барбук: *zmerkaňe*—*cér̪kwa*; Яблониц: *čítařk*, *džuřka*, *'mačeřka*—*sykorka*; Прявоэ: *ufer̪k*, *tuřka*, *ku'xařka*—*cér̪kýja* и т. п.

Менее широко распространено противопоставление [r]—[f] перед *x*, *χ*. Рогозна: *ueřx*—*ķiarxop*, *marx̪i*; Барбук: *nařer̪xeňki*—*ter̪xiny*.

Нижнелужицкие говоры различаются в зависимости от того, является ли в них положение перед *s* позицией различия фонем [r]—[f] или нет. Фонемы [r]—[f] противопоставлены перед *s* в основных нижнелужицких диалектах, но не всех. Мыши: *šlodarski*—*serski*; Мост: *strejtařski l'ús*—*murski*. И в то же время в дер. Барбук перед *s* произносится только *r*: *bydlarski*, *spíwarski*, *segňarski*; в дер. Дрейце: *muřarski*, *spíwarske* и т. д. В говорах юга нижнелужицкой территории в позиции перед *s* возможен только согласный *r*, в том числе и

в тех случаях, когда в некоторых говорах основной нижнелужицкой территории произносится *r̥*. Яблонец: *namtšarske*, *speqarske*; Заброд: *sqaižbarske*, *spíqarske*; Милораз: *sqarbarski*.

От наличия или отсутствия ассимилятивного смягчения согласного *r* перед *s̥* зависит позиция различения фонем [r]—[f] перед *s̥*. Так в дер. Рогов [r]—[f] противопоставлены перед *s̥*: *veřšo*—*smérš* (в первом слове мягкость *r̥* неассимилятивная по своему происхождению), а в дер. Мост, где произносят *veřšo*, *smérš*, *kar·scík* (неассимилятивная по своему происхождению мягкость *r̥* в первом слове совпала с ассимилятивной мягкостью *r̥* в двух других словах) согласный *r̥* в позиции перед *s̥* реализует слабую фонему, в которой нейтрализовано противопоставление [r]—[f]. К этому можно добавить, что в дер. Дрейце представлены обратные отношения: здесь произносят *sm·erš*, *peřscein*, но *čeřšo me*.

В слепянском диалекте фонемы [r]—[f] могут быть противопоставлены перед *b*: *svarfba*—*kôrba* (Sch. 115, 134); то же в дер. Дрейце: *šcérbate*—*garba*. В дер. Рогов перед *v*: *barva*—*kur·wota*.

§ 7. Фонемы [l]—[l'], [l]. Нижнелужицкие говоры делятся на две группы в зависимости от того, имеется ли в них противопоставленная по твердости—мягкости пара зубных неносовых невибрантных фонем [l]—[l'] или же они имеют одну непротивопоставленную по твердости—мягкости фонему [l].

В тех говорах, где существует указанная пара фонем, твердый член противопоставления может быть реализован согласными разного качества.

В части говоров основной нижнелужицкой территории, в слепянском и мужаковском диалектах представителем фонемы [l] является велярный согласный *ł*¹³. Ср. в говоре дер. Мост: *wył*, *iągły*, *'dlijko*, *'bałka*, *'vałma*, *'połka*. В этом говоре согласный *ł* и в немецкой речи, особенно у женщин, заменяет собою немецкий согласный *l*. Так, записано: *zołst du sła:fen* (sollst du schlafen), *nox mał*, *śwałbe*, *ęjkel*, *zeltən*. В то же время у некоторых носителей говора, особенно у мужчин, наблюдается определенное

¹³ Границу распространения *ł* см.: P. Wirth. Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas, Lief. 1. Leipzig, 1933, Kartenband, карта № 7.

измѣнѣние *ł* вѣлярного в сторону *l* среднего, но полной замены согласного *ł* согласным *l* не отмечено ни разу: 'g^łu^łko, te 'm^łode, p^łet, 'm^łody^ł, 'okoł^ło, jo by^ł, 'iag^ły, 'b^łeł^łe štrumpy и т. д. Произношение согласного среднего между *ł* и *ł* зафиксировано в говоре дер. Яблоньц: *ł*azyc.

В говоре дер. Рогов фонема [l] реализована согласным *l* средним, иногда согласным, средним между *ł* и *ł*: *kal* // *kal'*, *mlyn*, 'mał^ły, 'glyxy, 'mał^łe, 'colo, 'pelka, 'bal^łka, *kal'duny*, *śmalc*, *velma*, 'koltař. То же в говоре дер. Драйце: *letal*, želaš, 'greblo, 'pelkali, na *meteidlo*.

Фонетическая реализация мягкого члена противопоставления в этих говорах также неодинакова. В говорах, имеющих согласный *ł*, фонема [l'] может быть представлена согласными *l'* и *l* среднее в том же случае, если фонема [l] представлена согласным *l* среднее, фонема [l'] реализуется в согласном *l'*, иногда приближающемся к *l* среднему, но обычно четко от него отличающемся.

Фонемы [l]—[l'] противопоставлены на конце слова, перед гласными *i/y*, *u*, *e/ɛ*, *o*, *ø(ö)*, *a*, *u*, перед некоторыми зубными, губными и задненебными согласными. Ср. в говоре дер. Мост: *kał*—*sol'*, *iągły*—*pśiśl'i*, *dłu^łko*—*l'ułk*, 'iasołe (им. мн.)—*l'eto*, 'młogi—*l'ot*, *sol'ódy*—*głóda*, 'plaxta—*lapa*, 'zakelkowaty—*xył'ka*, *kisalc*—*palc*, 'kisalše—*vyl'sa*, 'połny—*gyl'na* *sowa*, 'załba—*xvalba*.

В говорах, имеющих одну, непротивопоставленную по твердости—мягкости фонему [l], эта фонема реализуется в согласных *l'* и *l* среднее. По нашим наблюдениям, в одном и том же говоре употребление этих согласных не сопровождается четким различием в их позиционном распределении, преимущественное употребление того или другого относится к особенностям индивидуального произношения. Однако Фаске в диалекте Ветшау различает дистрибуцию *l* и *l'*, реализующих одну фонему: *l*—перед гласными заднего ряда, перед твердыми согласными и в конце слова; *l'*—перед гласными переднего ряда¹⁴.

В говорах, имеющих одну непротивопоставленную по твердости—мягкости фонему [l], в соответствии с фонемой [l] говоров, знающих противопоставление

¹⁴ H. Faßke. Указ. соч., стр. 44.

[l]—[l'], употребляется фонема [v], т. е. в соответствии с *kał*, *iąagły*, *dłuiko*, *jasoły*, *słotki*, *łaąka* и т. д. произносится *kaa*, *iąagu*, *dłuiko*, *jasoony*, *słotki*, *łaąka*.

Таким образом, фонемам [l]—[l'] одних говоров в других говорах соответствуют непротивопоставленная по твердости—мягкости фонема [l] и фонема [v], образующая пару по твердости—мягкости с фонемой [ý], т. е. диалектное различие {[l]—[l']:[l]} сопровождается различием в частоте употребления фонемы [v]. С этим диалектным различием связано различие в сфере использования дифференциального признака мягкости. Мягкость согласного *l'* имеет значение дифференциального признака в говорах, имеющих фонемы [l]—[l'], и не выходит за пределы артикуляционного свойства в остальных говорах.

Диалектное различие {[l]—[l']:[l]} нередко сопровождается дополнительным различием в фонемном составе отдельных слов: слово, содержащее в одних говорах фонему [l], включенную в корреляцию твердости—мягкости, в других в соответствии с этой фонемой имеет ноль звука, иногда параллельно с фонемой [v]. Чаще всего это имеет место в начале слова и в соседстве с губными согласными и лабиализованными гласными.

Круг слов, включающих в это различие, по говорам неодинаков: **М**ос **т**: *łopata*, *tu'piny*, *łokš*, *łoi*, *łojs*, *'łopeno*, *'łuka*, *'łzyca*, *kłud*, *dłuk*, *'młody*, *'młosiš*, *'płome*, *płuk*, *'grębło*, *glup*, *spło*, *plot*, *'klusty*, *'błotko*, *'słoma* и **Г**ро **жи** **щ**е: *'o'patka*, *'uka*, *u'piny*, *'życia*, *spo*, *'mośiš*, *gup*, *'boème*, *'mody* // *'mody*, *'poème*, *to su* *'puca*; **Б**ар **бу**к: *'o'patka* // *uo'patka*, *duk*, *boème*, *'mody*, *muošk*, *'ruiisa*, *uu'piny*; **У**с: *okš*, *'o'patka*, *kub*, *mośiš*, *mošk*, *botko* и *ruoème*, *tuoody* // *mody*, *spuo*; **М**ыш **и**н: *oko* (<*około*), *opata*, *'ożyšćo*, *oiš*, *okš*, *oi*, *možina*, *bošco*, *poème*, *sotki*, *pot*, *kosk*, *soma*, *mość*, *kois*. **Б**л **у**н **ь**: *'uka*, *życia*, *'mody*, *'mośiš*, *mošk*, *kut*, *la som* *'tusta*, *'poème*, *sup*, *'bōs:o*, *gup*, *'buzna*, *'jabuko*.

С употреблением зубных взрывных и сонорных фонем связаны диалектные различия в фонемном составе некоторых слов. Ср.: *jasko'l'icka* (Рогов) : *jaško'čicka* (Терпе); *'spliška* (Вускиль): *spriška* (Бабов) : *spřicka* (диалект Ветшай)¹⁵; *šeršeń* (Мост) : *šeršel* (Бабов); *'padnuś* (Вост) : *'par-nus* (Заброд); *'studňa* (Рогов) : *sturňa* (Мост) и др. (см. об

¹⁵ Н. Фаßке. Указ. соч., стр. 107.

этом также в разделе о сочетаемости согласных); '*šprindowańe* (Терпе); '*špuntowańe* (Рогов); '*nabezac* (Мышин); '*iąbozacz* (Блунь); '*iastęniśćo* (Барбук); '*iastęlniśćo* (Дрейце); '*ńebiaska* (Рогов); '*ńeibarska* (Прявоз).

§ 8. Общая характеристика группы зубных взрывных и сонорных фонем. В группе зубных взрывных и сонорных фонем общими для всех нижнелужицких говоров являются состав дифференциальных признаков, характеризующих фонемы [n] и [r], и фонетическая реализация фонем [t], [d], [n], [r].

С этой группой фонем связаны следующие диалектные различия.

1) В составе фонем

$$\begin{aligned} & \{[l]-[l'] : [l]\} \\ & \{[t]-[t'] : [t]\} \\ & \{[d]-[d'] : [d]\} \end{aligned}$$

2) В сфере использования дифференциальных признаков:

мягкость *l'* имеет : не имеет значение дифференциального признака;

отсутствие мягкости у согласных *t*, *d* имеет : не имеет значение дифференциального признака¹⁶.

3) В фонетической реализации отдельных фонем:

фонема [n] реализована согласными *n·*, *ń* : *n·*, *ń*, *n·i* // *ńi*;

фонема [l], противопоставленная фонеме [l'], реализована согласными *ł* : *ł*.

4) В частоте употребления:

звуков *r·*, *r·i* // *r̄i* в качестве фонетической реализации фонемы [f];

фонемосочетания [n]+[j] параллельно с [ń];

фонемосочетания [r]+[j] параллельно с [ŕ].

5) В составе позиций противопоставления:

[n] — [ń] вообще перед согласными противопоставлены : непротивопоставлены;

[n] — [ń] перед s противопоставлены : непротивопоставлены;

[r] — [ŕ] перед s, ś, x противопоставлены : непротивопоставлены.

¹⁶ Аргументацию этого различия см. ниже, в разделе о фонемной интерпретации аффрикат *c*, *dž* в пограничных диалектах.

§ 9. Фонемы [s], [z], [c] есть во всех нижнелужицких диалектах.

Зубные фрикативные свистящие фонемы — глухая [s], звонкая [z] и аффрикативная [c] представлены твердыми зубными сибиллянтами — глухим *s*, звонким *z* и глухой свистящей аффрикатой *c*.

Согласные *s*, *z*, *c* сочетаются с последующими гласными, кроме *ě*, *i*, и с сонорными согласными.

Перед шумными согласными, а во многих говорах — на конце слова согласные *s*, *z* находятся в отношениях дополнительного распределения: на конце слова и перед глухими согласными — *s*, перед звонкими — *z*. В этих случаях согласные *s* и *z* являются представителями слабой зубной фрикативной фонемы, не противопоставленной по участию голоса.

Согласный *c*, будучи представителем фонемы, не противопоставленной по участию голоса, употребляется перед шумными глухими и на конце слова. Попадая в позицию перед звонкими шумными, может озвончаться в *dz*.

Ср. в говоре дер. Мост: *syn*, 'zyma, *jan cyc*, 'sukňa, *ta* 'tixa *zu'mučo*, 'cuzy, 'sečerc, *ro'zepnuš*, *ceč'žauka*, 'sowa // sówa, 'zogol', *cop*, 'coło, *vy'tpro'sowaś*, *ky'žou*, 'mrozôwate, 'cowaś se, *sam*, 'zapust, *ca'sydtó*, *casy*; 'svy'žba, 'světki, 'slotki, 'sněg, 'sroka, 'sr·edny, 'zmíjatana, 'zvígas, *zvyn*, *zły*, *ze'lazny*, 'serski, 'spaś, 'vy'staś, 'zgušiš, *zezbe-rane*, 'rozduto, 'rucka; *ros*, *nos*, *noc*, 'uchas и т. д.

Выше было упомянуто о возможности произношения согласных *s*, *z* (*s'*, *z'*) перед *i* в словах немецкого происхождения. Подобное произношение, соответствуя нормам дистрибуции нижнелужицких диалектов, создает принципиальную возможность осуществления корреляции мягкости для фонем [s] — [s'], [z] — [z']. Аргументацию этого см. выше, в разделе о фонемах [t], [d].

§ 10. Фонемы [š] [ž] — зубные фрикативные шипящие, глухая и звонкая, имеют в нижнелужицких говорах неодинаковую реализацию.

В большей части диалектов представителями этих фонем являются твердые согласные *š*, *ž*. Барбук: *ušy*, *nížei*, *žes*, *kišo* (3 л. ед. ч.), *žeňska*, 'myžotei'; Бабов: *uškřety*, *žaba*, *uzeňc*; Заброд: *'sušeny*, *šweł* (3 л. дв. ч.), *žerťka*, 'džeržaňik'; Бядлов: 'pšeňica, *'kuždy*, 'škrabać и т. д.

В некоторых говорах фонемы [š], [ž] могут быть реализованы слегка смягченными шипящими согласными. Однако употребление таких согласных носит несистематический характер и в значительной мере является особенностью индивидуального произношения.

Рогов: *pš·e·ńica*, *'š·erš·eň*, *'rogož'*, *ž·yⁱvica*, *muš·i ūele 'tuža*, и гораздо более распространенное произношение — *šorca*, *žycka*, *škórka*, *ne'rěšna*, *šuwař'ńica*, *'užeńc*, *žy'veňe*; Турей: *'ž·olte*, *'rožowe*, *'uš·ko* (м. ф.) и т. д. В пограничных говорах: Терпе: *'pôž·erk*, *'piš·o* (3 л. ед. ч.), *'spliš·ka*, *'už·eńc* и *žr·eb·e*, *se* *'zyvíš*, *škôr'pina*, *liša'vica*; Заброд: *'kuž·dy*, *'ž·enska*, *'ži'yto*, *'š·yfa* и *'žeńska*, *'smuška*, *šant*, *'kšízowy*, *šeū*, *'lišawa*; в записях из этого говора, сделанных Г. Енчем¹⁷, встречаем *te namšáre*, *škružene*, *vesy*, *šyia*, *ta špraxa*, *cišε* (*s* < *š*), *rědnejšε*, *ten š·ar*. В дер. Блунь Г. Енчем¹⁸ записано: *žertka*, *žers̄*, *žeška*, *bežy*, *ranejšε*, *škrete*; Парцов: *ten* *'braš·ka* и *pobraška*, *dys·rano*, *'k·iš·o* (3 л. ед. ч.), *'ž·ensku* и *ženska*, *zez maš·inam̄i* и *žní*, *'kokoš*, *'štapíć*, *'žyš·o*. В слепянском диалекте: Требин (м. ф.): *něšto*, *češi*, *š·l'i*, *tež·*, *aš·*, *'kuž·du*, *'tuž·e*, *ž·enone* (им. мн.) и *'šorca*, *prašal'i*, *šycko*, *'našeje* (род.) и т. д.

В таком случае, как *ž·réš*, *'ž·víki žuš*, *'bogowę 'iab-ļuš·ke*, *š·mel* (Мост), смягчение шипящих имеет ассимилятивный характер. Очень широко смягчение такого рода фиксирует Фаске в записях из диалекта Ветшай¹⁹: *kužžén*, *šli* (но — *pšišqa*) (338), *də broužnē* (340), *gaš 'leše* (320), *ješńicu* (324), *te žní* (325), *sěške* (326).

В части мужаковских говоров шипящие фонемы могут быть представлены не только твердыми *š*, *ž*, но и смягченными *š̄*, *ž̄*²⁰. Ср. современные записи из дер. Яблониц: *'strōuš·e naš·ej*, *cišeł*, *zasluž·ili* (м. ф), но чаще твердые. В дер. Вускиль, по свидетельству Щербы, упомянутые фонемы реализуются дорсальными

¹⁷ Ответ на Программу, хранящийся в Институте лужицкого народоведения.

¹⁸ Там же.

¹⁹ A. Faßke. Указ. соч.

²⁰ T. Stieber. *Stosunki pokrewieństwa językówłużyckich*. Kraków, 1934, стр. 64; З. Тополиньска. К вопросу об истории серболужицких аффрикат. «Серболужицкий лингвистический сборник». М., 1963, стр. 51.

s, *z*. Ср. в его записях: *sapar'*, *siroki*, *zerc*, *zni*²¹. Однако современные записи из дер. Вускидь этого не подтверждают: изредка отмечается произношение *š*, *ž*, обычно же — *š*, *ž*²².

Таким образом, в нижнелужицких диалектах существует некоторое различие в фонетической реализации зубных шипящих фонем.

Согласные *š*, *ž* (*š*, *ž*) сочетаются с последующими гласными, кроме *ě*, и сонорными согласными. Согласные *š*, *ž* находятся в отношениях дополнительного распределения в позиции перед глухими (только *š*) и звонкими (только *ž*) согласными, а во многих говорах — и на конце слова (только *š*). В этих случаях согласные *š*, *ž* реализуют слабую зубную фрикативную шипящую фонему, не противопоставленную по участию голоса.

§ 11. Диалектические различия, связанные с изменением *tr*, *pr*, *kr* > *tš*, *pš*, *kš*. С употреблением фонемы [*š*] связано важное для нижнелужицкого диалектного языка различие в фонемном составе отдельных слов, заключающееся в том, что в одних говорах группа слов содержит сочетание *tš*, *pš*, *kš*, в то время как в других говорах в тех же словах или морфемах представлены *tr*, *pr*, *kr*²³. При этом различие состоит не только в разном количестве компонентов сочетания, но и неодинаковой фонемной иерархии их. В то время как в сочетаниях *tr*, *pr*, *kr* первые согласные реализуют собою сильные фонемы, в сочетаниях *tš*, *pš*, *kš* те же согласные являются представителями слабых фонем, непротивопоставленных по участию голоса.

Выделяются следующие группы говоров в зависимости от представленного в них соотношения сочетания *tr*, *pr*, *kr* и *tš*, *pš*, *kš*.

1) говоры, имеющие в определенных словах *tš*, *pr*, *kr* в соответствии с *tr*, *pr*, *kr* других говоров;

2) говоры, имеющие в определенных словах *tš*, *pš*, *kš* в соответствии с *tr*, *pr*, *kr* других говоров;

²¹ Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915, стр. 27.

²² Z. Topolińska. Указ. соч., стр. 51.

²³ Изофону *ks* : *kš* см.: P. Wirth. Beiträge..., Lief. 1, Kartenband, карта № 8.

3) говоры, имеющие в определенных словах *tr*, *pr*, *kr* в соответствии с *tš*, *pš*, *kš* других говоров.

Сочетание *tš*, выступающее в соответствии с *tr* других говоров, обычно находится в пределах одной морфемы. Мы знаем лишь один случай, когда сочетание *tš* заменяет *tr* на стыке морфем — это слово 'отруби': *vytšuby* (Мост), *vycuby* (Мышин). Но морфемный состав этого слова в живой речи перестал осознаваться и морфемное тождество слов *vytšuby* и, например, *vytrubas* (Мост) не воспринимается. Возможно также, что приставка продолжает выделяться, но корень претерпел преобразование. Ср. *vy*tčuby* (Рогозна), *wōtčube* (Бяздов).

По-видимому, сочетание *tš* не разделено и слоговой границей. Во всяком случае, наличие *tš* в начале слова свидетельствует о том, что это сочетание возможно в пределах одного слога. Все это способствует тому, что сочетание *tš* нередко артикулируется слитно, т. е. как аффриката *č*²⁴. Эта аффриката может иметь утритрованный взрыв и производить акустическое впечатление *tč*. Надо сказать, что тождество этой аффрикаты исконному *č* подтверждается тем, что в отдельных случаях, обычно в начале слова, *č* <*tš*< *tr*, как и исконная аффриката, изменился в *c*: *cašydlo* (Мост), *cužník* (Ус).

Аффриката *č* может появиться и в результате слитного артикулирования сочетания *tš* не из *tr* на стыке морфем: *xicu*, *moča* (Мышин), *suočešy* (Бабов), *moču* (Терпе, Охоза, Требин), *bogačy* (Рубын). В тексте из дер. Брезовка, опубликованном Виртом²⁵, находим орфографическую ошибку, состоящую в написании *č* вместо *tš*: *naš wyrčoft*.

Наконец, по замечанию Муке, согласный *č* произносится в формах сравнительной степени *laščešy*, *huščešy*²⁶. Правда, большая часть записей, хранящихся в Институте ЛН, передает эти формы со знаком *č*.

²⁴ Ср. замечание Швельы: «в произношении *tš* — *č*» (G. Š w e l a. Někotare pšawidła za dolnoserbski pšawopis. «Časopis maćicy serbskeje», lět. LVI, Budyšin, 1903, zeš. I, str. 35).

²⁵ P. Wirth. Ze Slepjanskeje narěče. — «Časopis maćicy serbskeje» lět. LXXXIX, Budyšin, 1936, str. 460.

²⁶ K. E. M u c k e. Historische und vergleichende Laut-und Formenlehre der niedersorbischen Sprachen. Leipzig, 1891, str. 163.

Шевц в примерах такого рода констатирует согласный *č*²⁷.

Согласный *č* на стыке морфем, несомненно, следует расценивать как реализацию двухфонемного сочетания [t] + [š]. Что касается тех случаев, когда *č* употребляется не на стыке морфем, то здесь отождествлению *č* с сочетанием *tš* препятствуют слова, в которых произносится только *č* и никогда *tš*. Кроме упомянутых форм сравнительной степени можно назвать еще такие слова, как *jan čom*, *slitčuxy*, *ta peča* (Рогозна), *ta xyži klačiųcy* (Барбук)²⁸.

Случай, когда аффриката выступает в двойной роли — реализует сочетание фонем на стыке морфем и одну фонему в пределах морфемы — не ограничиваются аффрикатой *č*. В аналогичную ситуацию включена аффриката *c*, которая на стыке морфем может реализовать фонемосочетание [t] + [s]: *lēca* (Терпе), *постојана ћода* (Нябожкойце, Отв. на Пр.), а также *'reksanwalter Rechtsanwalt* (Дрейце).

Фаске, анализируя явление этого рода, решительно отвергает возможность фонемосочетания [t] + [š] на месте сочетания **tr*, констатируя здесь лишь фонему [č]. Однако это утверждение игнорирует произносительную практику: *tš* и *č* в ряде случаев употребляются параллельно, но отождествлены они быть не могут, так как сочетание согласных артикулируется иначе, чем соответствующая аффриката: в сочетании согласных между взрывом и фрикацией имеется перерыв, в то время как в аффрикате взрыв непосредственно переходит в фрикацию; в связи с этим длительность сочетания больше, чем длительность аффрикаты²⁹.

Мы считаем, что аффриката *č* реализует фонемосочетание [t] + [š] только на стыке морфем. Внутри морфемы та же аффриката является представителем фонемы [č], находящейся в параллельном употреблении с фонемосочетанием [t] + [š].

²⁷ H. Schuster - Šewc. Vergleichende historische Lautlehre der Sprache des Albin Moller. Berlin, 1958, стр. 83.

²⁸ Именно в словах такого рода Швела рекомендует писать только «č», но не «tš» (G. Šewla. Указ. соч., стр. 36).

²⁹ См.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 65.

Примеры говоров, имеющих в определенных словах *tš*, *pr*, *kr* в соответствии с *tr*, *pr*, *kr* других говоров дают восточнокотбусский и роговский диалекты. **М о с т:** *iatšy*, *iatšou'ńica*, *tšax*, *šotša*, *'bratša*, *'tšuna*, *'vy'tšy nos*, *wu'tšobhy* и *kryj!*, *'krupy*, *'kryšo*, *'mokry*, *'pravy*, *prosty*, *prosar*; *'u'tčoba*, *brač*, *'čoxu*, *pšed* *iat'čamí*, *'jačy*, *'čaua*; записано один раз также *kšo'ceňe*; **Г р о ж и щ е:** *vetš*, *'tšuki*, *kmetš*, *'tšuna* и *krupy*, *kro'micka*, *'krajaś*, *po'kryta*, *'prosyś*, *'prawy bok* и *šoča*; **Б а р б у к:** *tšax*, *bratš*, *kmytš*, *šotša*, *pytšauk*, *tšubis* и *'kravíš*, *'krupy*, *'prosar'*, *prut*; **Р о г о в:** *'šotša*, *tšax*, *'tšawa*, *kmutš*, *tšuk*, *krej*, *kryšo*, *prosar'*, *'proste* и *čawa*, *'učoba*, *'čax*, *brač*.

Говоры, в которых определенная группа слов имеет сочетания *tš*, *pš*, *kš* в соответствии с *tr*, *pr*, *kr* других говоров, расположена к западу от восточнокотбусского диалекта. **Н о в а Я с:** *tšaua*, *uijetš*, *uy'tšo*, *tšuga*, *tšax*, *kšoceń*, *kšo'micka*, *kšajaś*, *kšupy*, *kšadnuś*, *kšuška*, *kšeń*, *kšyś*, *pšut*, *pšec yś*, *pšaua ruka*, *pšosyś* и *brač*, *šoča*, *učoba*; **М ы ш и н:** *bratš*, *u'etš*, *tšaua*, *uy'tšo*, *utšoba*, *iatša*, *kšet*, *kšacaś*, *to kšyuo*, *okšomk*, *kšupy*, *pšoso*, *pšut*, *vytpšosobuač* и *kmyć*, *ta'čuna*, *uyčuby*, *čuk*, *'žałča*, *brač*, *šoča*, *čax*.

Сочетания *tr*, *pr*, *kr* в определенной группе слов в соответствии с *tš*, *pš*, *kš* других говоров представлены в слепянском и мужаковском диалектах. **Т р е б и н,** Слепо: *strax* (Sch., 134), *wutroba* (104), *do iastr* (97), *prašał* (128), *troxu* (138), *proso* (129), *krupy* (115), *krajac* (115); **В у с к и д ь:** *troxu* (Щ., 10), *strax* (11), *bratr* (11), *trava* (13), *vutrać* (11), *kraćeć* (9), *prosyć*, *praśać* (10), *prec* (9).

Пограничные говоры демонстрируют модификацию диалектного различия, выше отнесенного нами в рубрику 1. В этих говорах в определенной группе слов в соответствии с *tš*, *tr* других диалектов произносится мягкая шипящая дорсальная аффриката *č*, иногда имеющая утрированный взрыв и в этих случаях производящая акустическое впечатление *'č* и даже *tč*³⁰.

³⁰ Утрированный взрыв при образовании аффрикаты *č* (*č*), видимо, вообще характерен для серболужицких языков. Об этом, в частности, свидетельствует характер орографических ошибок, взятых из работ учеников одной верхнелужицкой школы: *wotčko*, *katčka*, *džitči*. См.: G. Hanska. *Džělajmy horliwje za serbski swój lud.* «Serbska šula», 1954, № 22, стр. 563.

Аффриката ć реализует фонему [č], о чём см. ниже, в § 14. В соответствии с pš, kš говоров к западу от восточнонотбусских в пограничных говорах представлены сочетания pr, kr.

Заброд: *ńeć*, 'wućoba, te 'iěća, brać, čip, 'xyćo, 'pokryta, 'krupy, 'krejowa, 'nakrajaś, 'kruška, prej, prosyć и один раз — na 'utrobe; Терпе: čax, voćak, 'wōćuby, 'wućoba, to su 'iěća, téoxu, 'prosty, 'prawa 'ruka, krej, 'kryše, 'pokryta, 'krajás; Блунь: čawa, 'ńčawa, 'cauñik, čuk, čip, 'caxi // téaxi, ta 'soća, brać, pokryta, nakraiaś, te 'kruški, 'kruscyna, 'krupník, prosyś, prawy.

Рассмотренное диалектное различие касается фонемного состава отдельных слов (морфем) и частоты употребления определенных фонемосочетаний. В фонемную систему говоров это различие изменений не вносит. Во всех нижнелужицких говорах независимо от того, представлены в определенной группе слов фонемосочетания tr, pr или tš/č, pš, всегда имеются сочетания tr, pr, с одной стороны, и tš, pš — с другой, в таких словах, которые не охватываются этими диалектными различиями.

Что касается фонемосочетания kš, то оно в говорах, не имеющих его в соответствии с kr других говоров, встречается редко. Однако важно то, что в принципе оно возможно.

Мост, Барбук, Грожище, Рогов: *traida, butra, strumpy, futrowaś, strus, strowy, tribus, třepa, tropy, pšeńica, pšycia, pšovic, lupšy, snapšy* (Мост: *slapšy*, Рогов: *slapšy*), *opšužiš*; Грожище: *ten opše'r'ejo, opšta'lowaś, opšu'rowaś*; Мост: *ynakša*; Нова Йс, Рогозна: *traida, butra, 'trodyle, promje, prop, prose, prozny, proliš, kružel, škrabak, krydnus*; Мышина, Бабов: *truna, třodyny, třepa, prok, paproš, krona, króća*; Заброд, Блунь, Терпе: *futrowaś, tropy, štryki, 'trocki* (Заброд), *štrycel, strumpy, pšeńica, snapšy, lepšy*; Парцов: *'truton, trixtar, traio, kutra, češtraixować, snapšy, lepšy*; Требин: *l'epše, mlotšy, slapsy, xutšy* (Отв. на Пр.); Яблоньц: *łakšy*; Вускинь: *lepše, krotše, xutše, bogatše* (Щ., 111), *ia sem apštaigoval* (16); Брезовка: *měkšu* (76).

§ 12. Согласный ś в основных нижнелужицких диалектах. Значительно большее количество диалектных различий в нижнелужицких говорах связано с употреблением мягких фрикативных и аффрикат. При этом пред-

ставлена и более широкая иерархия диалектных различий, чем та, которая связана с употреблением твердых фрикативных и аффрикат.

Рассмотрим с точки зрения употребления мягких фрикативных и аффрикат отдельно: 1) основные нижнелужицкие диалекты; 2) среднепограничный; 3) слепянский и мужаковский.

Во всех говорах основной нижнелужицкой территории имеется шипящая, мягкая, глухая фонема [ś], представленная мягким дорсальным шипящим согласным ś. Согласный ś употребляется перед гласными i, u, e, ē, o, ô (ö), a, перед сонорными и некоторыми глухими согласными и на конце слова. Перед глухими согласными, а во многих говорах и в позиции конца слова ś является представителем слабой фонемы, не противопоставленной по участию голоса.

Шкодов: *groś*, *żevíš*, *pšíš*, *su 'kſel'i*, *te 'staſiwy*, *s'pěſu*, *pſez*, *pěſo*, *'popańšo*, *sěniš*, *ša*, *tym 'žiſam*, *pſa 'dubiąnoč*, *'sr'eško*, *špa*, *šma*; Бабов: *mjadźeš*, *poſllesu krówa*, *k ſeſu 'okaſina*, *píše*, *ſele*, *jan oſo*, *ksyſa* (род.), *paſpula*, *špa*; Рогов: *níš*, *poſeleſu*, *ſixy*, *ſerňowy*, *ſeſke*, *ſota*, *uplaſočk*, *'boſan*, *šma*, *ſmate*.

Наряду с дорсальным ś может произноситься корональный согласный š: Мост — *pſesiwo*, *pſedawář*, *pſi'jaſel*, *pſe'pyras*, но гораздо более многочисленны случаи, когда в тех же морфемах представлено сочетание pſ (*pſeſtryxowaſ*, *pſiſeł* и т. д.).

Основным нижнелужицким диалектам свойственно некоторое различие, связанное с качеством фрикативного спиранта, представленного перед согласным č.

В говорах к востоку от Котбуса в позиции перед č обычно произносится дорсальный согласный ś, лишь в редких случаях отмечены s и š. Мост: *meſč*, *xyroſč*, *grožiſcu* (местн.), *ten jo puſčil*, *'ſcipaſ*, *ſčočk*, *karſč*; эти же слова могут произноситься с согласным ś или š, согласный s — в единичных случаях: *wy ſcō dum* (и *wyſčo*), *ſasčep*, *ſcina*, *'ſcelaſ*; Грожище: *ge'yſč*, *'ve tym 'liſče*, *ſciuk*, *gu'ſcina*, *deiſč*, *veſč*, *ſčepiš*, *kviſč*, *puſčaduſ*, отмечено также *pſeſčerai'l*; Шкодов: *'ſčaſka*, *ſesnaſčo*, *'neſčerpe*, *'ceſčone*, *'pſiňaſč*, *'zgoſč*; Рогов: *uſ'čeſha*, *ſciſčak*, *'ſčogno*, *deiſč*, *jan píſč*, *'ſoploſč*, *pôd vuſčexom*, *ňaſč*, *luſčina*, *ſad'lisčo* и *s'čigas*.

В говорах же, расположенных к западу от восточно-котбусского диалекта, а также в говорах западной окраины восточнокотбусского диалекта в позиции перед ć согласные *s*, *š* представлены наряду с *ś* (*š*).

Рогозна: *žyuność*, *kaścik*, *xy^ēść*, *głarść*, *puścina*, *rubiśćo*, *żōucyśćo*; *cyścęjśe*, *l'ubość*, *šeść*, *zyśćo*, *vid'l'iśćo*, *ścipnuś*; *uy^ēscexa*, *sćelaś*, *kwasć*, *sć'ogno*, *rosć*, *vernosć*, *ja scip'iu*;

Мышин: *kwasć*, *sćelna*, *uyść*, *sćerbaty*, *bruścik*, *sćepa*, *jaścip*, *ńaść*, *głiarść*; *jaścer*, *śćešć*, *kl'eśće*, *ścęjkac*, *ścipięu*, *xyść*; *stogońiśćo*, *jacmeńiśćo*, *kaścik*, *uścina*, *kl'eśće*, *šeść*, *zaśće'uańe*; *sćaška*, *usćej* (и *uśćejša*), *uysćexa*, *p asć*, *sćelna*, *'sćakuy*, *sćelaś*, *lesć*.

Бабов: *jeść*, *xōść*, *dość*, *kwasć*, *kōsysćo*, *sćeś*, *sć'ěpiś*; *kaścik*, *uōść*, *jaścer*, *klēśće*, *uścina*, *rubiśćo*, *ścerbaty*, *jaścep*, *ścigaś*; *žyuność*, *sćelna*, *mjasć*, *rosć*, *sćeśiny*, *uōscexa*, *sćelaś*;

Горы: (м. ф.): *rosć*, *jeść*, *dość*, *upšeścerany^ē*, *upuściu*, *cysćone*, *sćixo*, *do dvanasćix*, *jadnasćix*;

Жилов: *deiść*, *yśći*; *'perśceń*, *topy^ēriśćo*, *gīarść*, *zyśćo*; *sćerkasć*, *sćogno*³¹.

Если перед ć произносятся ś (*š*) и *s*, употребление их характеризуется взаимозаменяемостью, ср.: *sćeśiny* и *sćeśiny* *rosć* и *rosć* (Бабов), *ścipnuś* и *ścipasć*, *ułasć* и *jaść* (Рогозна). Ср. также наблюдение Муки, касающееся замены ść, ždż (*ść*, *ždż*) любого происхождения сочетаниями *sć*, *zdż* и наоборот в нижнелужицких диалектах³².

Спирант, выступающий в позиции перед ć, является представителем слабой фонемы, в которой нейтрализуется противопоставление фрикативных зубных фонем, т. е. [s] — [z] — [ś] — [ž] — [ś] — [ż] > только *sć* (*sć*, *ść*). Ср. в говоре дер. Грожище: *pasom* — *lezom* — *pišom* — *pllšom* — *ježom* > *paśćo*, *l'eśćo*, *piśćo*, *pleśćo*, *jeśco*; Рогов: *zaslaś* и *zaśćelk*; Мост: *zaslaś* и *zaśćelaś*.

Признаками, характеризующими слабую фонему в позиции перед ć, являются зубное образование и фрикативность. Другие качества, такие, как твердость или мягкость, шипящее или свистящее образование, в этом случае не различаются. Поэтому слабая фонема даже

³¹ Zd. S t i e b e r . Указ. соч., стр. 13, 14, 25, 34.

³² K. E. M u c k e . Указ. соч., стр. 214.

В одном и том же говоре может быть представлена согласным *s*, *ś* (*š*), *š*. Различие по участию голоса в этом случае также функционально незначимо, так как в нижнелужицких диалектах вообще в позиции перед глухими согласными отсутствует различие по глухости—звонкости.

Ниже будет показано, что аналогичная слабая фонема в позиции перед звонкой аффрикатой представлена звонким согласным.

К сожалению, мы не располагаем материалом, необходимым для того, чтобы с уверенностью судить о том, каким изменениям подвергается согласный *c* в позиции перед *ć*. Однако некоторые примеры как будто бы свидетельствуют о том, что в позиции перед *ć* снимается противопоставление и по фрикативности—аффрикативности,ср. *ceść*, но *pyśćoŋk* в говоре дер. Грожище. В том случае, если изменение *c > s (s)* распространяется и на иные случаи столкновения *c* с последующим *ć* (практически — это формы императива мн. ч. от глаголов с основой на *c* — *pac-ćo*, *melc-ćo*, *wis-ćo*, ср. в говоре Слепо — *wusćo*; Sch., 144), слабая фонема в позиции перед *ć* нейтрализует противопоставление ряда зубных фрикативных фонем, включая аффрикативную [*c*].

В некоторых говорах согласный *ś* сочетания *ść* ассимилирует себе последующий согласный, вследствие чего появляется долгий фрикативный согласный *ś:*, находящийся в параллельном употреблении с сочетанием *ść*.

Мост: *iš:e*, *žyś:o* // *žyśćo*, *kłěś:iči*, *łozys:o*; Грожище: *gra'bíš:o*, *vid'lis:o*, *'žyś:a* // *janɔ* *'žyśćo*, *pšeńic'níš:o*, *leś:t*; Рогов: *kleiš:iči*, *imēš: // m'eść*, *ś:epa*, *garś:;*; Шкодов: *gromadu* *'ze'siš:anɛ* *'xromyckī*, *'ze'žyś:o*, *'żěńeśnaš:o*, *'same* *'zumpal'iš:a*, *'iš:e*, *'roś:o* (З л. ед. ч.), *te ze'lis:a*, *'żoućiš:o*.

В связи с тем, что согласный *s:* может быть всегда заменен сочетанием *ść*, его так же, как и сочетание *ść*, следует расценивать как возможную фонетическую реализацию сочетания слабых фонем. О том, что *ć* в данном случае является представителем слабой фонемы, см. ниже.

§ 13. Согласный ć в основных нижнелужицких диалектах. В говорах основной нижнелужицкой территории имеется фонема [*ć*] зубная, аффрикативная, шипящая, глухая, мягкая (так как [*ć*] — [*č*]), реализующаяся в мягкой шипящей аффрикате. Обычно вторая часть аффри-

ката бывает образована дорсальным согласным *š*, реже — корональным согласным *č*. В последнем случае аффриката производит акустическое впечатление согласного *č*.

Параллельно с аффрикатой *č* может произноситься сочетание *tš*. В употреблении *tš* и *č*, с одной стороны, и *tš* и *č*, с другой, имеется известная симметрия. Но в то же время аффриката *č* в своем отношении к *tš* обладает рядом свойств, которые обуславливают большую функциональную независимость *č* по отношению к *tš*, чем та, которая характерна для *č* по отношению к *tš*. Если *tš* и *č* тождественны в отношении набора артикуляционных признаков, различаясь лишь длительностью, то о *tš* и *č* этого сказать нельзя, так как аффриката *č* артикуляционно тождественна сочетанию *t's*. Аффриката *č* за редким исключением употребляется параллельно с *tš*, аффриката же *č* во многих случаях является единственной возможной формой произношения. При этом имеются в виду не только такие случаи, когда произношение сочетания *tš* невозможно в силу позиционных условий, например, перед согласными, но и такие, когда *tš* позиционно возможно, но в данной лексеме не появляется (например, *žoččo*, *čixaš*, *kuača* и т. п.).

Аффрикату *č* мы считаем представителем самостоятельной фонемы лишь в пределах морфемы, а на стыке морфем она реализует [t] + [š], к тому же фонема [č] регулярно выступает в параллельном употреблении с [t] + [š]. Аргументом в пользу фонемной самостоятельности *č* по отношению к *tš* является лишь различие в степени длительности того и другого звукового комплекса. Аффриката *č* реализует фонему [č] и никогда [t] + [š]. Фонема [č] может находиться в параллельном употреблении с [t] + [š], но не всегда.

Аффриката *č*, утрируя взрыв, может производить акустическое впечатление *'č* и даже *tč*. Если *tč* образуется на стыке морфем, то появляется основание говорить о чередовании фонем [š]:[č],ср. *sisnus:vytčiski* (Мост.) Данные архива Института ЛН отражают также произношение *č* на месте *tš* на стыке морфем в этом слове: *uečisk* (Дрейце), *učiski* (Вербно).

Фаске утверждает, что сочетание *tš* (восходящее к *tř*) в диалекте Ветшау может реализовать только фонему

[é]³³. Из этого надо заключить, что названное сочетание всегда произносится как *ts*. В тех говорах, которые мы имели возможность наблюдать, такого сплошного изменения *ts* > *ts* не отмечено: обычно наряду с *ts* (é) произносится и *ts*.

Согласный é употребляется перед гласными *i*, *u*, *ě*, *e*, *o*, *ô* (ö), *a*, перед сонорными и глухими согласными, а также на конце слова. Мост: *nuć*, *ći 'soći*, *'ćumaś*, *kwa'ćuijo*, *'viće*, *'žajčo*, *'ćoxu*, *'ceļa čoxa ix jo*, *'braća*, *kućak* // *kućak*; *sla'buc̄ki*, *'pićku*, *ćic̄ko*, *pać'pula*, *'šoćka*, *braćk*; а также *tšeć* // *ćeć*, *lastsep* // *iasćep*, *tsesate*; Шкодов: *zuość*, *nući*, *ćesi*, *ćox* (род.), *šeſnašćo*, *'žiųćam̄i*, *'red-nućka*; Мышин: *ten* *'pobrać*, *braćik*, *ćip-ćip*, *ćesate*, *viće*, *soćejšy*, *žiųćo*, *ćox*, *braća*, *te* *'žiųća*, *'kućak*, *pićku*, *'žiųćko*, *nyć'kar* и т. д.

Употребление согласного é позиционно обусловлено в положении после фрикативного спиранта, реализующего слабую зубную фрикативную фонему. В этой позиции происходит нейтрализация противопоставления фонем [š] — [é]. Ср. в говоре дер. Барбук: *šele* — *ćesi* и *ścelna*; *śenus* — *ćeć* и *ścenus*, *roćeć*, imperative *daišo*, *poraňšo* и *roćo*.

Слабая фонема, в которой нейтрализуется противопоставление фонем [š] — [é], характеризуется зубным невзрывным шипящим образованием и глухостью; различие между фрикативностью и аффрикативностью в данном случае значения не имеет, так как в данной позиции нет противопоставления между шипящими фрикативными и аффрикатами. Поэтому согласный é, если ему предшествует согласный š (š̄), может легко утрачивать свою аффрикативность и ассимилироваться предшествующему фрикативному, вследствие чего возникает произношение š:, о чем было сказано выше.

§ 14. Согласные ž, dž, в основных нижнелужицких диалектах. В рассматриваемых говорах имеется фрикативная шипящая мягкая звонкая фонема [ž], представленная мягким шипящим дорсальным согласным ž или корональным ž̄. Согласный ž (ž̄) употребляется перед гласными *i*, *u*, *ě*, *e*, *o*, *ô* (ö), *a* и перед сонорными согласными. В положении перед шумными согласными, а во многих говорах и на конце слова согласный ž на-

³³ Н. Фаßке. Указ. соч., стр. 43.

ходится в отношениях дополнительного распределения с согласным *s*: перед глухими и на конце слова только *s*, перед звонкими только *ż*. В этом случае согласные *s* и *ż* реализуют фонему, не противопоставленную по участию голоса.

Мост: *xyjżili*, *żućo*, *żeń*, *pse'żone*, *bżo* (3 л. ед. ч.), *sał'żal'i*; *do'żaseśix*, *'svajżba*, *'svy'żba*; Рогозина: *żibaty*, *żerki*, *ta żerża*, *sreżny palc*; Шкодов: *'możina*, *żiwina*, *te'żuria*, *'ożerńone*, *żewali*, *psi 'py'rożdwańu*, *'żasęś*, *żarżaś*, *'żyżany*.

В говорах к востоку от Котбуса согласный *ż* является единственным возможным фрикативным согласным в позиции перед *dż*; лишь в единичных случаях в этой позиции встречаются *z* и *ż*. В западнокотбусском диалекте и примыкающих к нему восточнокотбусских говорах, напротив, в позиции перед *dż* наряду с *ż* широко произносятся *z* и *ż*.

Мост: *jeżdžiś* // *jeżdžiś*, *'paždżere*, *żdżelba*, *pyżdże* // *'pyżdże*, *żdżimaś*, *'gyżdżik* и *drożdżeie*; Барбук: *paždżere*, *drożdżeję*, *pyżdże*, *gyżdż* и *zdżimaś*; Грожище: *jeżdžiś*, *peždżejsa štunda*, *żdżimaś*; Рогов: *jeżdžiś*, *'droždżeję*, *'żdżelba*; Нова Яс: *pazdżerje*, *jezdžiś*, *py'zdże*, *zdžimaś*; Рогозна: *'geżdżik*, *py'zdże*, *jeżdžiś*; Ус: *jeżdžiś*, *gy'żdżik*, *py'zdże*, *'pazdżerje*; Мышин: *'pyiżdże*, *drożdżeję*, *'jeżdžiś*.

Согласный *ż* (*z*, *ż*) является единственным возможным фрикативным спирантом в положении перед *dż*. Любой фрикативный согласный изменяется в *ż*, если он оказывается в позиции перед *dż*. Ср. в говоре дер. Мост: *'svajżba*, *'pydruzba*, *'zby'žny* и *żdżimaś*; *gńezdo* > *gńeżdże*, *py'zna* < *py'zdże*. Таким образом, в позиции перед *dż* выступает слабая фонема, признаками которой являются зубное образование и фрикативность; твердость или мягкость, шипящие или свистящие образования функционального значения не имеют. Поэтому эта слабая фонема может быть представлена как согласными *ż* (*ż*), так и *z*, *ż*. Различие по участию голоса в этом случае также не имеет значения, так как в нижнелужицких диалектах вообще в позиции перед звонкими согласными отсутствует противопоставление глухих и звонких.

Аффриката *dż*, употребляясь лишь после звонкого фрикативного согласного, и является позиционно обусловленным представителем фонемы [ż]. Ср. в дер. Ро-

гов: *u'žimaš*, а в дер. Нова Яс: *zdžimaš* и дер. Мост: *ždžimaš*.

Так как в позиции после звонких фрикативных мягкие фрикативные шипящие не употребляются, то аффрикативность *dž* в этой позиции смыслоразличительного значения не имеет. Поэтому возможны случаи, когда *dž* утрачивает аффрикативность и изменяется в *ž* или ассимилируется предшествующему *ž*, вследствие чего произносится долгий фрикативный согласный *ž*: Рогозна: *ježzis*, *drož:ije*, *zzímaš*; Нова Яс: *drožzeje*; Мышин: *ježzis*; Мост: *'paž:eře*; Грошище: *drož:eje*; Рогов *puž:e*.

Наличие в говоре случаев типа *ježzis*, а также *se 'rožzel'i* (Дебск м. ф.) свидетельствует о том, что фонетическая реализация фонемы [ž] в *dž* не является абсолютно обязательной. Согласный *ž*: следует расценивать как возможную фонетическую реализацию сочетания слабой фрикативной фонемы и сильной фонемы [ž].

§ 15. Коррелятивные пары [š] — [š], [ž] — [ž]. Различие между фонемами [š], [ž], с одной стороны, и [š], [ž] — с другой, сводится к наличию признака мягкости у первой пары и его отсутствию у второй пары. В тех случаях, когда *š*, *ž* по тем или иным причинам отвердеваают, они изменяются в *š*, *ž*, и, наоборот, смягчение согласных *š*, *ž* приводит к их совпадению с *š*, *ž*. Мост: *pšasleňk*, *'zmušona vyda*, *ia som pšedla*, *naš // naš*, *te l'uže maju žělaš*, *píšc* (<*písc*), *žeňsa // žensa*, *te 'bružne*, *'ganc 'skražu*, *kryšo // kryšo*; Барбук: *ten ňamžo // ňamžo kryšc* (<*kryšc*), *m̄ošk* (<*młošk*)³⁴, *moš*, но *wyt 'moži*, *kuž žeń*; Рогозна: *pšíšeū kšajžu*, *svažba*, *pšesć*, *pšížrebna*; Мышин: *bošco*, *byšynočē šnobele*, *uešu 'žumaš* (ср. в дер. Мост — *zdžimaš*, Рогозна — *uzímaš*), в дер. Дрейце также *pělku žumaš*; Турей: *te bomy to kšyčo 'žarže* (м. ф.); Дрейце: *žr'ešc*; Барбук: *okašyna* (*okašina* — в дер. Ус).

В связи с тем, что нижнелужицким диалектам вообще известны коррелятивные отношения по твердости—мягкости, то и пары фонем [š] — [š], [ž] — [ž] следует, видимо, подключить к этой корреляции. Однако при этом

³⁴ Авторы Серболужицкого диалектного атласа встречающиеся в записях из некоторых нижнелужицких деревень форму *mɔšk* (с *š*, а не *š*) расценивают как ошибку эксплоратора («Sorbischer Sprachatlas», I, стр. 170). Однако по нашим наблюдениям, несомненно, форма *mɔšk* существует параллельно с *mošk*.

надо помнить, что противопоставление [ś] — [š], [ż] — [ž] не полностью удовлетворяет условиям коррелятивности. Противопоставление фонем [ś] — [š], [ż] — [ž] в отличие от других коррелятивных по твердости — мягкости фонем не подвергается нейтрализации. Та нейтрализация, которая имеет место в позиции перед č, dž, не может быть принята во внимание, так как она охватывает весь ряд зубных фрикативных, а не специально только парные противопоставления [ś] — [š], [ż] — [ž].

Согласные ś, ž, имея определенные генетические связи с согласными t, d, могут вступать с ними в позиционно обусловленные чередования. Это чередование по своему содержанию могло бы быть приравнено к проявлению нейтрализации противопоставления фонем [ś] — [t] и расценено как позиционно обусловленное чередование сильной и слабой фонемы. Ср. в говоре дер. Грожище: «t — ś > только tn»: žyto — lešoma > žytny, l'etny; «d — ž > только dn, dñ, tš»: vət g̊oda — na lužax > g̊odny, l'udny; xudy — možina > xutšy, t̄cotšy.

Констатируя здесь нейтрализацию, мы должны были бы считать соответствующие фонемы коррелятивными по твердости — мягкости. Однако это было бы ошибочным суждением, так как фонемы, реализованные согласными t и ś, d и ž, различаются не только признаком мягкости, но и способом образования. Рассмотренное чередование, позиционное по своему происхождению, в современных говорах следует квалифицировать как фонетическую реализацию чередования сильных фонем. Кроме того, можно заметить по данным словаря Муки, что не всегда упомянутое чередование и сохраняется, чему способствует, вероятно, аналогичное выравнивание. Ср. слова měz — měžnik, mjud — mjudnica, łoż — łożny; srězny palc записано в дер. Ус.

Фонемы [ś] — [š] противопоставлены на конце слова, перед гласными i/y, u, e/ɛ, o, ɔ̄ (ō), a и перед некоторыми согласными; фонемы [ż] — [ž] — только перед гласными и согласными. Ср. в говоре дер. Рогов: l'uš — rogoš, muš', śixy — šyše, pōše'l'esu — šula, śer'l'ikaš — kaśel', kryśo — kišo (3 л. ед. ч.), śanke — śant, śma — śmuška, spa — śpliška, śeško — śeškok (род. ед.); Мост: naš — naš, rašc — drušcę, 'dojšo'wy šamlik — 'usôwanę banty, žiwy — žyvica, žurka — žudla (= Gang), 'żeńo (3 л. ед. ч.) — žerś, sałżonk — ja 'kažom, žasę — žaba, svažba — druzban.

В позиции перед ё фонемы [š]—[š̄], [ž]—[ž̄] не противопоставлены.

Пару по твердости—мягкости образуют фонемы [ć] и [č]. Ср. в говоре дер. Мышина: *brać*—*nić*, *laću*—*ći*, *uyćę*—*ćesate*, *isoba*—*ćox*, *żajča*—*braća* (им. мн.)

§ 16. Общая характеристика группы зубных невзвывных фонем в основных нижнелужицких диалектах. Система зубных фрикативных фонем в основных нижнелужицких диалектах организуется следующим образом.

Сильные фонемы

Свистящие фрикативные глухая и звонкая [s], [z]
Свистящая аффрикативная [c]

Шипящие фрикативные твердые глухая и звонкая [š], [ž]

Шипящая аффрикативная твердая [č]

Шипящие фрикативные мягкие глухая и звонкая [ś], [ź]

Шипящая аффрикативная мягкая [ć]

Слабые фонемы

Зубная фрикативная может быть реализована согласными ś, s, š, ž, z, ź

Фонема, в которой нейтрализовано противопоставление [ś]—[ć], может быть реализована согласным č.

Кроме того, в этих говорах имеются согласные š:, ž:, которые являются возможной фонетической реализацией двух фонемных сочетаний, и согласный dž—позиционно обусловленный представитель фонемы [ž].

§ 17. Согласные ś и č в пограничных диалектах.

В пограничных говорах так же, как и в основных нижнелужицких диалектах, имеются фрикативный дорсальный спирант ś (иногда корональный š) и аффриката č. Однако их распределение в отношении друг к другу в пограничных говорах совсем иное, не говоря уже о различной частоте употребления того и другого согласного в названных группах говоров.

В качестве примера пограничного говора приведем говор дер. Блунь. В этом говоре согласные č и ś одинаково употребляются на конце слова, перед всеми гласными и перед некоторыми согласными. Лишь в пози-

ции после *s*, *š* возможен только согласный *ć*, а в позиции после *p* — только *ś*.

С точки зрения возможности употребления согласных *ć* и *ś* выделяются следующие группы слов:

1) слова, в которых произносится *ć* и не может быть *ś*: *nuc*, *ćelaš*, *'laćubel*, *ći*, *xycō*, *soća*, *ćaxi*, *'kućak*, *'ćixaś*, *ćip*, *ćuk* *'kloćowaś*, *kuc'kor*, *te* *'ćity*;

2) слова (морфемы), в которых *ć* и *ś* находятся в параллельном употреблении: *ćelo* // *śelc*, *ći*, *tei* // *śi* *tyx*, *yć* // *hyś*, *ćižo* // *śižo*, *ćišl'i* // *śis*, *ćanki* // *śa'ṅke*, *ćeša* *zorta* // *na* *'ćeći* *żen*, *na* *'rdoče* // *na* *'peše*;

3) слова, которые записаны только с *ś*, но в них можно ожидать и произношение *ć*: *niś*, *syše*, *žeśi*, *śivezane*, *šeške*, *šanslik*, *dve'goleši*, *'sota*, *'kwiśo*, *mośiś*, *bōson*, *'śenus* и др.;

4) слова, которые записаны только с *ć*, но в них можно ожидать и произношение *ś*: *'wicēpany*, *ćerlica*, *ćēno*, *'ćesto*, *ćiše*, *ćestań*, *ćese*.

Критерий возможности и невозможности параллельного употребления *ć* и *ś* не может быть выведен из синхронных отношений внутри данного говора. Этот критерий выводится на основе сравнения с другими говорами, с одной стороны, и на основе генезиса согласного *ć*, с другой. Сравнение с другими говорами показывает, что согласные *ś* и *ć* находятся в параллельном употреблении в словах, которые в основных нижнелужицких диалектах произносятся с согласным *ś*, а в верхнелужицких диалектах — с *ć*, т. е. в словах, охваченных нижнелужицко-верхнелужицким различием {*ś*:*ć*}. Если мы имеем:

I II

в.-луж. *ći*, *nuc* *zařić*, *moćimi*, *śoruo* (Нове Место)³⁵
н.-луж. *ći*, *nuc* *zařiś*, *mośimy*, *śoruy* (Барбук)

то во второй группе слов (морфем) в пограничном говоре можно ожидать параллельное употребление согласных *ć* и *ś*.

С генетической же точки зрения оказывается, что согласный *ć*, развившийся из *tr*, *tr*, а также в ряде слов аппелятивного и звукоподражательного характера (*ćina*, *ćixaś*) и в словах, немецких по происхождению, никогда не заменяется согласным *ś*. И, напротив, соглас-

³⁵ Примеры взяты из работы: S. Michalk. Der Dialekt von Neustadt Bautzen, 1962, стр. 303, 333, 345, 442.

ный *ć*, развившийся из *t'*, *r'* более раннего периода, может заменяться согласным *š*.

Возможность параллельного употребления согласных *š*, *ć* лишь в определенной группе слов обусловливает противопоставление *ć—ć//š*, т. е. слова *ći* в *ći tých* и *ćí* в *ćí kône* различаются тем, что в первом случае можно вместо *ć* произнести *š*, а во втором случае это невозможно.

Согласный *š* реализует фонему [š]. Это необязательная фонема, находящаяся в параллельном употреблении с фонемой, фонетически реализующейся в аффрикате *ć*.

В говоре дер. Блунь аффриката *ć* может иметь утрированный взрыв и производить акустическое впечатление *tć* и даже *tč*. Кроме того, параллельно с фонемой, реализующейся в *ć*, в той же морфеме может выступать сочетание [t]+[š]. Ср.: *ćí//tćí//tší*, *noš̄ iō wobćí*, *'caxí, 'vēts*.

Аналогичные отношения между фонемами, реализованными согласными *š* и *ć*, существуют в пограничных говорах деревень Заброд и Терпе. З а б р о д: *puš*, *vakš*, *'šansík*, *'šíšuo*, *pši 'pišu*, *'séčo*, *'vušepas*, *'sedawa*, *'stašowý*, *tym 'lešom*, *šajňki*, *šma*; *brać*, *puć*, *ta 'wopać*, *'cixas*, *ćip*, *'iacúber*, *ćesto*, *ćéčo*, *'vučepas*, *'bočon*, *'wuwćoba*, *'xycó*, *'caška*, *'kućak*, *wě'gítfce*, *to se ćmi*, *vetć*, *vítše*, *tšelas*, *'či*, *'secë*; Т е р п е: *uokš*, *nokš*, *si šyšu*, *piše*, *'skôše*, *šopue*, *sota*; *'brać*, *'pišać*, *'cixac*, *'cišny cveek*, *'na pčeču*, *'cerseń*, *'žoućo*, *ćma*, *'pobraćka*, *'skôcecü guoču*; *to se iećí*, *'ćexa // tšexa*, *'iatćúber*, *ćesć*, *ćax*, *'wicoba*.

Слабость позиций, которые занимает фонема [š] в системе, находит выражение и в том, что она в этих говорах довольно часто утрачивает артикуляцию мягкости и примыкает к фонеме [š]. Особенно это распространено в окончании инфинитива. Б л у н ь: *'šýr·eš*, *'krajaš*, *'škrabaš*, *'r·ezaš*, *'puš:aš*, *kuoš*, *'umatáš*, а также *žerš*, *'lejše* (3 л. ед. ч.), *puš // puš*; З а б р о д: *'zraňiš*, *'zéčaš*, *gôt'čuaš*, *teptaš*, *tkaš*, *n·iše // níše*, *'myš·owa lapka*, *'blotwaš*, *'ryby šimaš*, *skunš* и т. д.; Т е р п е: *'gôniš*, *šuruwaš*, *špa* и *naļšra*, *se 'cesaš*³⁶.

В говорах деревень Блунь, Заброд, Терпе в позиции после глухого фрикативного спиранта (*š*, *ć*, *s*) возможен только согласный *ć*. Б л у н ь: *'l'isćik*, *pšesć*, *kwiść*, *'věrnosc*,

³⁶ Отдельные случаи изменения *š>š* встречаются и в основных нижнелужицких диалектах, как это было показано выше.

'cysćiš, gôsc, pesc, se'zuosćiš; 'scipaś, 'scerpna, scena, 'scida, scis, kôzyśco, deiścowy, jaścer, 'kôsyśco; Заброд: dosć, pasć, scelna, 'zaroscena, 'xurosc, 'strowosc, 'pjasć (inf.), 'roscenus, 'scen; šesć, 'mosćik, puścaś, kwiść, 'rośco, 'roścegaj, pońiżność, jan 'lisćik, zuość, scipaś, 'bruśco, rość; 'ksuiśco, scępiś, deiść, 'sciw, jaścer, 'scępiś и т. д.; Терпе: 'cy'sciš, nięść, 'xōrosć, šesć // šeść, 'wuśceļša, jēść, vo tom 'l'iše, ta 'celać, 'scipaś, 'necesć, scasa, 'perśceń.

В этом случае согласный *ć* является представителем слабой фонемы, в которой нейтрализуется противопоставление фонем, реализующихся в *s* и *ć*. Ср.: *gasik — braćik* и *'lisćik*, т. е. *«si—ci»* > только *sc*.

Глухой спирант, предшествующий согласному *ć*, со своей стороны, так же как и в основных нижнелужицких диалектах, является представителем слабой фонемы, в которой нейтрализуется противопоставление фрикативных шипящих и свистящих согласных фонем. Фонетическая реализация этой слабой фонемы в рассматриваемых говорах имеет некоторое различие, связанное с тем, в частности, существует ли в говоре разграничение в употреблении сочетаний *sc* и *śc* (*ść*).

В говорах деревень Заброд и Терпе эта слабая фонема может быть представлена согласными *s*, *ś* (*ść*), *š*, так как в этих говорах каждое слово, в котором произносится *sc*, может быть произнесено с сочетанием *śc* (*šesć // šeść // šeść*). То обстоятельство, что не во всех словах сочетание *śc* может быть заменено сочетанием *sc* (ср. *jaścer*, но не отмечено *jascer*), в данном случае не имеет значения для фонологической интерпретации элементов, составляющих сочетания *sc*, *śc*.

В говоре дер. Блунь сочетания *sc* и *śc* в одном и том же слове не употребляются, их распределение разграничено. Это связано с тем, что генетически *sc* является заменой *st'*, *st'* и т. д. более раннего периода, а *śc* — заменой **stj*, **skj* и *kř*.

В говоре дер. Блунь только *s* выступает в роли активного нейтрализатора противопоставления зубных фрикативных фонем в позиции перед *ć*, так как именно согласный *s* в зависимости от того, находится он перед *ć* или нет, может вступать в чередования, которые по своему функциональному содержанию являются чередованием сильной и слабой фонем. Ср.: *lězo : lesco*; *jěže* (3 л. мн. ч.): *vy 'jěśco; 'kwiſo : 'kwiſco*.

Что касается сочетания *ść*, то оно всегда находится в таких морфемах, где *ś* не может быть изолировано от последующего *ć*, с тем, чтобы продемонстрировать свою связь с согласными, реализующими другие фонемы.

В этих условиях нельзя считать согласный *ś* наподобие *s* (как в Заброде) представителем фонемы, в которой нейтрализуются ряд фрикативных и аффрикативных фонем перед *ć*, так как в тех случаях, когда эта нейтрализация сопровождается чередованием, это бывает только чередование с согласным *s* и никогда с *ś*.

Согласный *ś* перед *ć* в дер. Блунь нельзя отождествлять и с согласным, реализующим фонему [ś] (в данном случае нейтрализованную в своем противопоставлении с [ż]). Этому препятствует, во-первых, то, что согласный, реализующий фонему [ś], в позиции перед *ć* всегда чередуется с *s*, но никогда не сохраняется (естественно, в тех морфемах, где подобное чередование возможно), а во-вторых, то, что в позиции перед *ć* согласный *ś* в отличие от всех других позиций не может быть заменен аффрикатой *ć*.

Таким образом, согласный *ś* перед *ć* в дер. Блунь не может быть отождествлен ни с одним фонетическим элементом, выступающим в какой-либо другой позиции. В то же время согласный *ś* в этом своем специфическом качестве неотделим от последующего *ć*, т. е. сочетание *ść* нечленимо. Это дает основание считать сочетание *ść* в говоре дер. Блунь монофонемным, реализующим фрикативно-аффрикативную фонему [ść].

В говорах деревень Заброд, Блунь, Терпе в группе *ść* может происходить ассимиляция по способу образования, вследствие чего произносится долгий мягкий шипящий *ś*: (*ś:č*). Блунь: '*topor:is:o*, '*ś:čerka*, '*dęś:ik*, '*puś:as*, '*mrońiś:o*, '*śkretouńiś:o*; Заброд: *ś:iuko*, '*iaś:er*, '*iadən kles:č*, *te kl'is:e*, '*l'eś:čińouy* '*ś:čerńowę* '*iągody*, '*ś:čotkowę* '*ükı*, *ze ś:čiwyti*, '*wótpuś:enę*, '*rōd dvanaś:ix*, '*roś:o*, '*ŕeś:jaset*, *na 'giarś:e*, *te ś:čeny*, *te ś:čepy*; Терпе: '*śkretouńiś:o*, '*jaś:er*, '*rauko'ńiś:o*.

Согласный *ś:č* в говорах деревень Заброд, Терпе является возможной фонетической реализацией тех сочетаний фонем, которые представлены группой *ść*, в говоре дер. Блунь тот же согласный является факультативным представителем фонемы [ść].

§ 18. Согласные *ž* и *dž* в пограничных диалектах.

В этих же пограничных говорах имеется согласный *ž*, который употребляется перед всеми гласными и некоторыми звонкими согласными. Блунь: *ta 'živina, 'žiselc, žet, 'žesyna, 'žōuka, my 'jézomy*, Блунь: *ta 'živina, 'žiselc, žet, 'žesyna, 'žōuka, my 'jézomy, ta "užba, 'suaižba*; Заброд: *'žibwy, 'žesęś, 'żernus, žo* (3 л. ед. ч.), *'ceižauka, 'sažaś; Терпе: 'žluaś, te 'žura, žet, ta 'užba, 'swôjžba*. Возможны случаи отвердения *ž* > *ž*. Ср.: *ceižařik // ceižauka* (Заброд), *celažník* (Блунь).

В говорах деревень Блунь и Заброд во всех словах (морфемах), где произносится *ž*, может быть произнесена и аффриката *dž*. Блунь: *'žekiu // 'džekiu, 'sejże // sejdže, 'žesi // džeći, 'pšeženo // 'napšedžene, zažernuli // 'vydžernuli, žinsa // džěń, 'žeržańik // džeržańik, džuri* и т. д.; Заброд: *'xđži // xđłdžim, 'sejdži, džen·, 'džeržańik* и др. Степень распространения *dž* неодинакова в речи отдельных представителей говора, хотя вообще в говоре второй деревни произношение *dž* встречается часто.

В позиции после звонкого фрикативного спиранта как в деревнях Блунь, Заброд, так и в Терпье согласный *ž* не употребляется, здесь возможна только аффриката *dž*. Блунь: *'droždže, 'pazdžeře, v tyx 'gôzdžax*; Заброд: *'drozdže, 'pazdžeře // 'paždžeře, ieždžiś; Терпе: droždžeře, ieždžiś*, а также *'çuzzimas*.

Звонкий фрикативный зубной спирант, выступающий перед *dž*, является представителем слабой фонемы, в которой нейтрализуется противопоставление фрикативных зубных фонем так же, как это и имеет место в основных нижнелужицких диалектах. Эта слабая фонема может быть реализована *z* и *ž*. В некоторых случаях сочетание слабой и сильной фонемы реализуется в согласном *ž*: — *'paž:eré* (Заброд).

§ 19. Фонемная интерпретация согласных *ć* и *dž* в пограничных диалектах.

Анализируя употребление аффрикат *ć* и *dž* в говорах деревень Блунь и Заброд, мы сознательно не определяли качество фонем, реализованных этими аффрикатами. Дело в том, что есть основание говорить о соотносительности по твердости — мягкости для фонем, фонетически реализующихся в согласных *t* и *ć*, *d* и *dž* в названных говорах.

Выше, анализируя взаимоотношения фонем, реализованных в согласных *t* и *s*, *d* и *ž*, мы говорили о том, что

несмотря на наличие чередований $\dot{s}:t$, $\dot{z}:d$, которые могли бы расцениваться как проявление нейтрализации противопоставления соответствующих фонем, нельзя в этом случае констатировать коррелятивные отношения, так как согласные, реализующие эти фонемы, различаются по способу образования.

В применении к фонемам, реализованным в t и \dot{c} , d и $\dot{d}\dot{z}$, этот опровергающий аргумент не действует. Чередованию $t:\dot{c}$, $d:\dot{d}\dot{z}$ в случаях типа « $t—\dot{c}>$ только $t\dot{n}$ »: $\dot{z}yto—l'eće>\dot{z}ytny, letny$; « $d—\dot{d}\dot{z}>$ только $d\dot{s}/t\dot{s}$ »: $'xudy—'modżina>xutšy, motšy$ должно быть придано значение нейтрализации противопоставления коррелятивных по твердости—мягкости фонем, реализованных согласными t и \dot{c} , d и $\dot{d}\dot{z}$.

Различие между t и \dot{c} , d и $\dot{d}\dot{z}$ по наличию и отсутствию фрикативности может расцениваться как особенность функционально незначимая, сопровождающая противопоставление по твердости — мягкости.

Названные нижнелужицкие говоры в этом отношении аналогичны польскому и белорусскому языкам. Дифференциальные признаки, характеризующие фонемы, представленные согласными \dot{c} и $\dot{d}\dot{z}$, зубное образование, взрывность, мягкость, глухость и звонкость. В подобных условиях данные фонемы могут быть обозначены как [t'] и [d']. Эти фонемы находятся в параллельном употреблении с фонемами [š] и [ž].

Таким образом, в этих говорах наряду с соотносительными по твердости — мягкости фонемами [š] — [š], [ž] — [ž] имеются коррелятивные пары [t] — [t'], [d] — [d'].

В связи с тем, что в рамках параллельного употребления фонемы [š], [ž] в принципе всегда могут быть заменены фонемами [t'], [d'], но не наоборот (на месте \dot{c} не всегда может быть произнесен согласный \dot{s}), следует считать, что в говоре существуют две системы: 1) имеющая фонемы [š] [ž]; 2) не имеющая фонем [š] [ž].

С другой стороны, замена фонемы [t'] фонемой [š], осуществляясь в таких условиях, когда полного вытеснения аффрикаты \dot{c} не происходит, может снять возможность нейтрализации оппозиции $t—\dot{c}$, т. е. предпосылку для интерпретации аффрикаты \dot{c} как реализатора фонемы [t']. Фонема [d'] во всех случаях может быть заменена фонемой [ž].

Таким образом, различие между существующими системами состоит не только в том, что одна из них имеет фонемы [š] [ž], а другая — нет, но и в том, что одна имеет фонему [č] а другая — нет, одна имеет фонемы [t'] [d'], а другая — нет.

Согласный č в позиции после спирантов получает разную фонемную интерпретацию в зависимости от того, в условия какой системы он поставлен. При сопоставлении слов *sele*, *češi* и *sčeľna* видим, что аффриката č в последнем слове реализует слабую фонему, в которой нейтрализовано противопоставление [š] — [č]. При сопоставлении же слов *čele*, *češi*, *sčeľna* видно, что в последнем слове, как и в первых двух, аффриката č реализует фонему [t'].

§ 20. Общая характеристика группы фонем, реализованных зубными фрикативными и аффрикатами в пограничных говорах. В тех пограничных говорах, к числу которых относятся говоры деревень За брод, Терпе Б л у н ь, фонемы, реализующиеся в зубных фрикативных и аффрикатах, организуются в две сосуществующие системы.

I. Сильные фонемы

Свистящие фрикативные, глухая и звонкая [s], [z]

Свистящая аффрикативная [c]

Шипящая аффрикативная [č]

Шипящие фрикативные твердые, глухая и звонкая [š], [ž]

Шипящие фрикативные мягкие, глухая и звонкая [š], [ž]

Слабые фонемы

Зубная фрикативная — реализована согласными s, š, z, ž, č

Фонема, в которой нейтрализовано противопоставление [š] — [č] — реализована согласным č.

II. Сильные фонемы

Свистящие фрикативные, глухая и звонкая [s], [z]

Свистящая аффрикативная [c]

Шипящие фрикативные, глухая и звонкая [š], [ž]

Зубные взрывные мягкие, глухая и звонкая [t'], [d']

Слабые фонемы

Зубная фрикативная — реализована согласными *s, š, šč, z, ž, žč*

В говоре дер. Блунь имеется, кроме того, фрикативно-аффрикативная фонема [šč], а слабая зубная фрикативная фонема в позиции перед *č* может быть представлена лишь согласным *s*.

Как видим, система фонем, представленных зубными фрикативными и аффрикативными согласными, в основных нижнелужицких диалектах, с одной стороны, и в рассмотренных пограничных говорах — с другой, различается тем, что в пограничных говорах имеются фонемы [t'], [d'], а в дер. Блунь еще и [šč], отсутствует фонема [č], может отсутствовать фонема [č]; функциональная нагрузка фонемы [š] значительно ослаблена.

§ 21. Диалектные различия в фонемном составе отдельных слов (морфем), связанные с употреблением мягких зубных фрикативных в пограничных диалектах.

1. Диалектное различие {*ks : šč // s' :*}

Терпе: *kšida, kšiuko, kšiwy, kšica, kšebiat*.

Блунь: *ščiuko, ščeň, ščiš, ščebiat, šcida*.

Заброд: *kšiuko, kšida, kšižowy puš, kšut, ksěn to kšiwe; ze šciwymí, s'iđuo, š:iuko*.

2. Диалектное различие {*pš//š : pš//šč//s'*}

Терпе, Заброд: *šedas, ja šidu, šiprosna, ryby 'šimaš, šeskiaržyš, pšecoraškim, pši, pšeši wo*; всегда — *pšeza*.

Блунь: *šemrēš, šeporaš, ši tyx, šiš, šece: pši, pšesk-ťaržyš*; всегда — *pšeza* и производные; *'ćesę, či teł 'ćidu, 'ćestań*.

Эти диалектные различия связаны так же с неодинаковой частотой употребления согласных *č* и *š*.

§ 22. Согласные *č* и *š* в пограничных говорах деревень Парцов и Бяздов. В этих говорах распределение согласных *č* и *š* совсем иное, чем в рассмотренных.

Согласный *č* употребляется на конце слова, перед гласными *i, u, e, ě, o, ô, a*, перед сонорными и некоторыми глухими согласными. Согласный *š* употребляется только после согласных *t, p*, где вместо *š* всегда может быть произнесен согласный *č*, и перед *č*, где согласный *č* никогда не употребляется. Вне этих позиций согласный *š* отмечен в единичных словах.

Парцо́в: *sńeć, vęć, ịapć, pęć, ćisnuć, 'staćiduo, tćić, ćumpać, na'braću, 'pćačel, 'ćeštrałxować, 'xytćo, 'dołćowy 'słmar, 'tćaça, 'soća, 'wobraćali, 'dwěma 'ćečećma, 'vaćlawać, 'ćma, ćmelńica, mōj 'braćko; 'tsepany // 'tcepany, tśidżo // 'tćidżo, tsecò, pšeza // pćeza, pśińć; 'sćida, 'sćen, 'sćepiń, 'xōsyśco, 'seliśco и 'dołśpy, śipka; Бяздо́в:* 'wařić, nać, 'ćiše, se 'ćińlo, 'ciprosna, 'ćixać, 'ćigać, ēi píću, 'ćup, 'wōt'cubę, 'kōćoū, 'xyćo, 'kopćowy, 'ćele, 'ćaška, kućak, zes 'ćaińkej, 'waćlawać, 'nućki, 'tćeštrełxować; 'pseženo, my smy 'psēdl'i, ta psesada 'kōzyśco, sćen, 'sćuko, 'žyśco, 'brūśco, sćiś, sćepk.

Согласный *ć* здесь, как и в ранее рассмотренных пограничных говорах, является представителем фонемы [f].

Согласные *ś* и *ć* смыслоразличительного противопоставления не образуют. В позиции после *p*, *t*, где согласный *ś* находится в параллельном употреблении с *ć*, согласный *ś* является возможным позиционно обусловленным представителем фонемы [f]. Фонема [ś] в словах 'dołśpy, śipka должна рассматриваться как лексикализованное явление.

Следует заметить, что в говоре дер. Парцов отдельные слова (морфемы) могут выступать в разном фонемном составе: содержать фонему [t'] или сочетание фонем, реализованное в *pś//pć*, *tć//tś*; *ćić // tćić // tśidżo // pśiśeū*, но только *pćeza // pšeza*.

В позиции перед *ć* согласный *ś* выступает в таких морфемах, где он не может вступать ни в какие чередования и не может быть изолирован от последующего *ć*. Поэтому группу *ść* в этих говорах следует расценивать как фонетическую реализацию одной фонемы — фрикативно-аффрикативной. Эта фонема может быть представлена и согласным *ś*: когда признак аффрикативности заменяется долготой. **Парцо́в:** 'žyś:o, 'možyś:o, iś:e, 'topořiś:o, 'grařiś:o, te 'kleś:e, 's:ćuko.

Согласный *s* в позиции перед *ć* является представителем слабой фонемы, в которой нейтрализуется противопоставление зубных фрикативных фонем. В говоре дер. Парцов в единичных примерах в подобных случаях встретился согласный *s* ('sćelna, w 'mesće, kaśćik, złość). Эти единичные случаи должны, видимо, рассматриваться как иносистемные элементы.

§ 23. Согласные ž, dz в пограничных говорах деревень Парцов и Бяздов. Здесь в соответствии с *ż* говоров основной нижнелужицкой территории употребляется

зубная, мягкая, шипящая, звонкая аффриката *dž*. Бядо: *džiwy*, *ia 'widžu*, *'sn̄erdžeć*, *'džerki*, *'cejdzajka*, *'džasno*, *widžba*; Парцов: *'džicelin*, *'guové'džina*, *'džurka*, *džet*, *'džeža*, *ta 'drasta io 'sxobidžona*, *'džoučo*, *džaseć*, *džaržali*, *'svajdžba*. Аффриката *dž* является представителем фонемы [d'].

В позиции перед *dž* согласный *z* реализует слабую фонему, в которой нейтрализовано противопоставление ряда зубных фрикативных фонем. Парцов: *pazdžere*, *vešu ɥuzdžimac*, *pôzdže*, *drozdže*; Бядо: *jezdžić*, *drozdže*, но и *gízdžela*.

§ 24. Общая характеристика группы фонем, реализованных зубными фрикативными и аффрикативными согласными, в пограничных говорах деревень Парцов и Бядлов. Пограничные говоры деревень Парцов и Бядлов располагают следующей системой фонем, реализованных в зубных фрикативных и аффрикативных согласных.

Сильные фонемы

Свистящие фрикативные, глухая и звонкая [s], [z]

Свистящая аффрикативная [c]

Шипящие фрикативные, глухая и звонкая [š], [ž]

Фрикативно-аффрикативная [ść]

Зубные взрывные, глухая и звонкая [t'], [d']

Слабые фонемы

Зубная фрикативная — реализована согласными *s*, *z*.

В этих говорах в отличие от рассмотренных ранее нет сильных фонем [ś], [ž] и слабой фонемы, реализованной согласным *ć*, но зато имеется не известная тем говорам (за исключением дер. Блунь) фонема [ść].

§ 25. Фонемы, реализованные зубными фрикативными и аффрикативными согласными в слепянском и мужаковском диалектах. Слепянский диалект в отношении системы фонем, реализованных зубными фрикативными и аффрикативными согласными, отличается от говоров деревень Парцов и Бядлов. В этом диалекте согласный *s* употребляется только в составе неразложимых сочетаний с *ć*. В этих же сочетаниях возможен и согласный *š*. Ср. в дер. Милораз: *śćepić*, *jaścor*, *kleść*, *trojīšćo*, *śćuka* и *ścajna*, *gnoišćica*. Шредер в дер. Брезовка в подобных случаях фиксирует только *š*: *śćišće*,

ći bronišćo⁴, ho dejišći, řešći (3 л. ед. ч.) (76), *péršćeńcm* (89), *rubišćo, krej pušćona, na šćiz, lušćić* (88). Хотя в говоре имеется фонема, реализованная согласным *š*, однако *š* перед *ć* не может быть отождествлен с этой фонемой по тем же причинам, почему в дер. Блунь *ś* в сочетании *ść* не может быть отождествлен с фонемой [ś]. Сочетания *ść*, *ść* в слепянском диалекте реализуют фрикативно-аффикативную фонему.

В позиции перед *ć*, *dž* противопоставление зубных фрикативных и аффикативных фонем нейтрализуется в слабой фонеме, представленной согласными *s*, *z*. Следо: *drasće* (местн.), *śco* (34), *ješć*, *šešć* (86), *ścigany*, *jasćerib* (111), *ćesćijan* (101), *zdžimać* (34), *hwɔb'iiezdzic* (141), *zdželane*, *pôzdže*, *rozdželujo* (146); Требин: *my smy zdžiwali* (м. ф.).

В слепянском диалекте в определенной группе слов (морфем) параллельно с *ć* может произноситься сочетание *pć*, т. е. одно и то же слово может выступать в разном фонемном составе. Брезовка: *ćebić* и *na pćetos*, *pćet* // *ćed* (83).

В мужаковских говорах *ś* ([ś]) выступает в позиции перед *ć* и после *p* — в разных говорах с разной степенью последовательности. Ср.: В ускидь в записях Щербы — *řešći* (3 л. ед. ч.) (18), *ložišćo* (82), *kôsyšćo* (77), *spušćali* (7), *pušćić* (8), *džeršće se* (8), *ściz* (58), а также *nervesće* (13), *cissian* (11), *gersć* (15), *zjesc* (13), *ścitolom* (16), *zarosćenetu* (10), *musće* (16); в современных записях: *ložyšćo*, *ru'bíšćo*, *wôšćexa*, *scěna*, *m̄iěsc*, *scina*, *šćelić*, *šćiduo*, *geršć*; ³⁷ *kopšiua*, *šćitok*, *šćidlo*, *scis*, *scizna*, *šćelić* и *casć*, *jasćerp*, *wôšćexa cesćijan*; ³⁸ Яблоньц: *péršćeń*, *scenę*, *scic*, *topořišćo*, *scelna*, *scěna*, *scidlo*; *něsc*, *pasć*, *gu'sciyki gôsc*, *scērpny*, *jeřs*, *přcasć*; Веска: *pšagel*, *pšasć*, *scokly*, *sciz*, *jeđnaſće*, *wupščanuc* и *jasćerb*, *kôsćeńc*, *scëška*, *rosće*, *šešć*; а также *geršć*, *dełsc*, *kôsyšćo*, *jašćeřica*, *šćidlo*³⁹.

В этих говорах в позиции перед *ć* противопоставление зубных фрикативных фонем нейтрализуется в слабой фонеме, представленной согласными *s*, *ś* ([ś]), а иногда и *š*. В позиции после *p* согласный *ś* ([ś]) употребляется параллельно с *ć*: *jeřpć* // *jeřps* (Яблоньц). В этом случае

³⁷ По данным архива Института ЛН.

³⁸ Z. Topolińska. Указ. соч., стр. 48.

³⁹ Z. Stieber. Resztki dialekta Mužakowskiego, стр. 18—20.

согласный *s* в функциональном отношении должен быть идентифицирован с *ć* и расцениваться как факультативный позиционно органический представитель фонемы [t].

В позиции перед *dž* в мужаковском диалекте произносится *z* и *z:* *roždżę*, *huzdżimać*, *żdzićmi*, *pózdżę*, *dúę* *'brozdżę* (Яблонец).

Таким образом, в слепянском и мужаковском диалектах фонемы, реализованные зубными фрикативными и аффрикативными согласными, организуются в следующую систему.

Сильные фонемы

Свистящие фрикативные глухая и звонкая [s], [z]
Свистящая аффрикативная [c]

Шипящие фрикативные, глухая и звонкая [š], [ž]

Фрикативно-аффрикативная (только в слепянском) [ść]

Взрывные мягкие, глухая и звонкая [t'], [d']

Слабые фонемы

Зубная фрикативная—реализована согласными *s*, *z*,
а в мужаковском диалекте еще и *s*, *ż*.

§ 26. Позиции различия фонем [t]—[t'], [d]—[d'].

В говорах, имеющих фонемы [t'], [d'], они противопоставлены фонемам [t], [d] перед гласными (кроме *ě*) и перед некоторыми губными и задненебными согласными. На конце слова во всех говорах различаются согласные *t*—*ć*, а в части говоров и *d*—*dž*. В зависимости от этого согласные *t*—*ć* фигурируют или как представители слабых, или как представители сильных фонем. Ср. примеры на различение фонем [t]—[t'], [d]—[d']: *tykać*—*ćizrebna*, *dybzak*—*džibawy*, *tuk*—*ćip*, *ja* *widżu*—*duć*, *'tertać*—*'cedawa*, *dern*—*dżeśń*, *zyto*—*kōcoğ* (3 л. ед. ч.), *blido*—*budżo*, *stary*—*ćaška*, *dać*—*dżasno* (Бяздов); *nítłupne*—*dojćdwy*; *dvéma* *ćelećma*, *ćma*—*wótmyc*, *astma*; *ćmelica*—*wótméetqaś*; *braćko*, *hička* (Парцов); *dżéćko*—*do grotka*; *jełnućki*—*pćet krotkim* (Слепо, Sch., 77).

§ 27. Диалектные различия в фонемном составе отдельных слов (морфем), связанные с употреблением зубных невзрывных фонем. С употреблением зубных фрикативных фонем связаны многочисленные различия в фонемном составе отдельных слов (морфем). Так, различие

{*kr : kš*} в составе слова, восходящего к **krъt*, сопровождается наличием или отсутствием *š* перед *k*. Ср.: *škret* (Нова Яс, Ус) и *kšet* (Мышин, Жилов).

В тех говорах, где параллельно с *tš* произносится согласный *č*, известны случаи изменения этого последнего в *c*. Ср.: *cašydlo* // *cašydu* в говорах деревень Мост, Нова Яс, Грошище; '*cošku*, *cašny*, *šoca* и *sohi* в дер. Шкодов. В зависимости от наличия *č* или *c* образуется диалектное различие в фонемном составе отдельных слов (морфем). Ср.: *cužník* (Барбук, Нова Яс) и *čužník* (Мышин).

Диалектное различие, связанное с употреблением твердых зубных фрикативных согласных, демонстрирует также фонемный состав слов *šoča* (Нова Яс, Грошище, Мышин); *soča* (Парцов, Блунь); *styři* (Мост, Рогозна, Мышин, Бабов); *štyři* (Рогов, Заброд, Слепо); *žača* (Мышин); *zača* (Рогозно); *spa* (Блунь); *špa* (Терпе); *špa* (Грошище); *škobřožk* (Барбук); *skobřežk* (Бабов); *škřicka* (Заброд); *skřicka* (Рогов); *smřok* (Рогов); *šmřok* (Грошище); *sňica* (Мышин); *šnica* (Рогов); *kryšc* (Грошище); *kryšć* (Рогов); *píšc* (Мост); *píšć* (Рогов); *zvěno* (Грошище); *te'žvěne* (Заброд); *iaškolicka* (Рогов, Барбук); *iaškol'icka* (Мост); *špl'iška* (Мост); *špl'iška* (Терпе); *ňabezac* (Мышин); *ňabozas* (Барбук); *drobencka* (Бяздов); *drobenka* (Парцов); *kleps* (Терпе); *klepc* (Блунь); *kirc* (Блунь); *kups* (Барбук); *pašpula* (Барбук); *pačpula* (Рогозна); *pacpula* (Мост), а в словаре Муки приведено еще и *pacpula*; *šmel* (Мышин); *ćmel* (Блунь) и др.

§ 28. Общая характеристика системы фонем, реализованных зубными фрикативными и аффрикатами в нижнелужицких диалектах. Для всех нижнелужицких диалектов является общей функциональная характеристика и фонетическая реализация фонем [s], [z], [c].

Что касается диалектных различий, которые включает система фонем, реализованных зубными фрикативными и аффрикатами, то они проявляются:

1) В составе фонем:

[š] : Ø	[d'] : Ø
[č] : Ø	[šč] : Ø
[t'] : Ø	[č] : Ø
[ž] : Ø	[slabaya fonema, reali- zuyashchaya v č] : Ø

С точки зрения соответствий, выступающих на месте отсутствующих фонем, эти же различия могут быть представлены следующим образом:

[š]	: [t']
[č]	: [t']
[t']	: [š], [č], [č], [t] + [r]
[ž]	: [d']
[šč]	: фонемосочетания
[č]	: [t'], [t] + [r]
[слабая фонема, реализующаяся в č]	: [t']

2) В составе дифференциальных признаков:

фрикативно-аффрикативность используется: не используется в качестве дифференциального признака.

3) В сфере использования дифференциальных признаков:

отсутствие мягкости у согласных *š*, *ž* имеет: не имеет значение дифференциального признака;

фрикативность согласных *č*, *dž* имеет: не имеет значение дифференциального признака;

мягкость *č* имеет: не имеет значение дифференциального признака.

4) В фонетической реализации фонем:

[š], [ž] представлены согласными твердыми: твердыми и мягкими;

[t'] представлена согласными *č*: *č* и *š*;

слабая [зубная фрикативная фонема] в позиции перед *č* представлена согласными *s* (*š*): *s*, *š*, *š*: *s*.

5) В функционировании звуковых элементов:

š представитель фонемы [š]: фонемы [t'].

§ 29. Губные твердые согласные фонемы. В нижнелужицких диалектах группа твердых губных согласных фонем образована фонемами: взрывной глухой [p], взрывной звонкой [b], носовой [m], сонорной, неносовой [v].⁴⁰

Фонемы [p], [b], [m] реализованы билабиальными взрывными согласными *p*, *b*, *m* (*palc*, *baba*, *taču* // *tały*), употребляющимися перед гласными, кроме *č*, *i*, а *m*, *p* —

⁴⁰ О другом возможном определении фонемы [v] см. § 45.

и на конце слова. Согласный *b* на конце слова известен части говоров.

В позиции перед глухими согласными, а во многих говорах и на конце слова согласные *p*, *b* находятся в отношениях дополнительного распределения и реализуют слабую фонему, непротивопоставленную по участию голоса.

Фонема [v] может быть представлена тремя видами губного спиранта: лабиодентальным *v*, билабиальным *w* и *ɥ*.

Спирант *w* отличается от *ɥ* более напряженной артикуляцией языка и губ, вследствие чего шум от трения воздушной струи при образовании *w* больше, чем при *ɥ*.

По поводу позиционного распределения этих спирантов можно заметить следующее. В конце слова и перед согласными в говорах произносится только *ɥ*⁴¹. Перед гласными в начале слова и после согласных, а также в интервокальном положении, по нашим наблюдениям, произносятся *v*, *w*, *ɥ*. По говорам в каждой из позиций может преобладать один из этих спирантов. Преимущественное употребление того или иного губного спиранта нередко также является достоянием индивидуальной произносительной манеры информаторов.

Так, нами записано в дер. Барбук: 1) начало слова перед гласным—'vyda, 'vyłník, 'vauma, 'vašbreł, 'wyńe, 'wyjo, wyrdowała, ɥy'suŋko, 'uaŋka, 2) перед гласными после согласных—tvarc, śvager, dwyr, kwobylk, śwoğer'ńica, 'iedua, vysqony; 3) интервокальное положение—'udova, 'kovaś, 'ykava, tšawa, tuba'kowa, 'krowa, ku'raua, rycera'poqu, 'vydouy, 'kleboqa; 4) конец слова и перед согласными—ɥou, ɥeu, ɥuŋ, re'jouŋník, 'liškoŋk; Рогов: 1) völša, veltork, 'vðsec, 'wðñe, 'wðraś, 2) śvon, śtvôrłk, m'erva, 'xval'is, na pastvu—вообще в этом говоре *w* в этих двух позициях произносится реже, чем *v*; 3) 'pivo, škro'-dawa и 'vinowa, 'zíwy, 'glowac, drewo, piwoṣuy, vorexoṣuy, 'nogoqua, la'zowaś—преимущественно *w*, *ɥ*; 4) lau, rou, 'stroušy, ʐuŋka, dřeyko; Мост: 1) vytrpro'sował, vystal'i, vency, vytmol'owaś, vyda, 'vyina, 'vysepali, 2) 'svaiźba, 'dvyruń, dva dny, dvyice, 3) frišty'kowat, 'naobed'o'wane, rejɔ'-wal'i, ob'edował, zabarmo'wane, štaigo'wała, usōwane, spival'i,

⁴¹ В некоторых говорах в то же время возможен конечный лабиодентальный спирант, появившийся как реакция на оглушение конечного *ɥ* (см. об этом ниже, на стр. 161).

nauð'žeńiu, drévo, uvaŕone, 'byrkowax, 4) šlinkuč, 'zorluč (м. ф., SIL 60/11); Блунь: 1) *vən//wən, 'vôtřezany⁴², 'vo ispe, 'vôrdôyal'i; но гораздо чаще w, ɥ — wařiš, wořet, wðu, wojs, 'wořity, 'wařka; 'čarili, 'čopaki, 'čobyznu, 'chosy, 'čobej;* 2) *'svařba, 'zvôtl'odýal'i, 'štvr̩te, xvatas, но чаще w, ɥ — zwy, twôl, dwaj, na 'pastwu, 'zwar̩i; 'gôtualí, 'šuočom, 'merua, 'kuačkor, kuaš, 3) 'prava, но как правило w, ɥ — 'l'iwe, 'prawe, běše, xôl'owy, ta 'pôstawa, 'kašlwaš, gňiwy, piwa, 'rachnočas, 'cřočo, 'lanouča; 4) kračc, dačk, čačník, 'hekačka, do'kusou.*

Сходным образом определяет Шредер качество согласного, реализующего фонему [v] в диалекте Слепо: «нормальное, ясно произносимое w имеет лабиодентальное образование, при небрежном поспешном произношении образование скорее билабиальное»⁴²; особенно способствует появлению билабиального образования соседство с лабиализованным гласным. При этом Шредер замечает, что «обе формы (т. е. с v и ɥ) акустически трудно разделимы, также трудно ограничить их распределение»⁴³.

Что касается позиции в конце слова и перед согласными, то после нелабиализованных гласных произносится ɥ с усиленным шумом (Шредер обозначает этот звук через ɥʷ), после лабиализованных гласных — ɥ с ослабленным шумом⁴⁴: *l'ačʷ, gl'ičʷki, dɔ xl'ečʷka, dačʷno, roč, dɔ brézočki, trebiňkóuški*⁴⁵.

В мужаковском говоре дер. Вускидъ согласный, реализующий фонему [v], определяется Щербой как лабиадентальный⁴⁶ и лишь в позиции конца слова и перед согласными появляется билабиальный спирант ɥ⁴⁷. Однако современные записи фиксируют билабиальные w и ɥ в мужаковском диалекте не только в конце слова и перед согласными. Ср.: *korpšiwa // korpšiuy, čitwark // čitquark, wôščeħa // ɥôščeħa*⁴⁸.

Существует и другая точка зрения, согласно которой фонема [v], как правило, реализуется в билабиальном

⁴² A. Schroeder. Die Laute des Dialekts von Schleife, стр. 27.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, стр. 27, 86, 103.

⁴⁶ Л. В. Щерба. Восточнонужицкое наречие, стр. 26.

⁴⁷ Там же, стр. 51.

⁴⁸ Z. Торопинская. Указ. соч., стр. 48.

согласном. Так, Фаске для диалекта Ветшау фиксирует *v* как редкое исключение, выступающее в позиции начала слова и после зубных согласных⁴⁹. Ср. также диалектные тексты, опубликованные Петром и Петровой⁵⁰, где лишь в двух случаях губной согласный обозначен через *v* (*ordovaū*, *olovaū*) при обычном *u*.

В записях архива Института ЛН для обозначения согласного, реализующего [v], в подавляющем большинстве случаев использован знак *u*.

Некоторое разногласие относительно качества согласного, реализующего фонему [v], говорит в пользу приведенного выше замечания Шредера о том, что *u* (*w*) и *v* акустически трудно разделимы. В связи с этим, видимо, при фиксации качества согласного, реализующего фонему [v], известную роль играет субъективность восприятия.

Выше упоминалось о том, что нижнелужицкие диалекты характеризуются неодинаковой частотой употребления фонемы [v], что связано с диалектным различием {[l]} — {[l']} : {[l]}.

§ 30. Губные мягкие фонемы перед передними гласными. В нижнелужицких диалектах твердым губным согласным фонемам противопоставлены мягкие фонемы [p̊], [b̊], [t̊], [v̊]. Фонетическая реализация мягких губных согласных фонем осуществляется следующим образом.

В позиции перед передними гласными мягкие губные согласные фонемы представлены мягкими согласными *p̊*, *b̊*, *t̊*, *v̊* или согласными с ослабленной степенью мягкости, производящими акустическое впечатление полумягких *p̄*, *b̄*, *t̄*, *v̄*. Полумягкие губные чаще произносятся перед *e* и реже перед *ë*, *i*. При этом преимущественное употребление мягких или полумягких губных согласных является достоянием индивидуальной произносительной манеры информатора и связано с тем, насколько активно пользуется информатор лужицким языком. У тех информаторов, которые предпочитают пользоваться немецким языком, в лужицком произношении преобладают полумягкие губные.

⁴⁹ H. F a ß k e. Die Vetschauer Mundart, стр. 31.

⁵⁰ D. P e t r o w á. — J. P e t r. Beispiele sorbischer Dialektaufnahmen. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. VIII, N. 1. Berlin, 1963, стр. 67—72.

М о с т: *špic*, *kopica*, '*swińi*', '*swerbiś*', *kraśiś*, '*peřei*', '*bersta*', '*veňašk*', *męśc*, *pěsk*, *běl'is*, *měšk* и '*ob·edował*', *ro'gov'e* (местн.), *ko'p·ica*, *su m·eli* // *mēl'i*, вообще в этом говоре полумягкие губные встречаются редко; Г р о ж и щ е: *p'isaš*, *gra'bíš:o*, '*míca*', *lagno'vína*, '*peper*', '*péta*, *se* '*vergas*', '*břeme*'; '*p'ero*', '*b·elis*', '*snob·el*', *rob·el*', '*m·eke*', '*sm·ertny*', *um·e*, *p·eňk*, *šy'law·i*, *sp·i* (3 л. ед. ч.); Р о г о в: '*pila*', *kupiś*, *bíš*, *kro'micka*, *sa'mica*, *vitka*, *lepeł*, *pegaty*, '*slabe* (наречие), '*veršna*', '*glyměj*, *vô pěšku*, *měso*, *svet*', '*běly* и очень широко в этом говоре распространены полумягкие губные — *p·eňk*, '*up·erk*, *p·ep·er'*, '*b·el'i·š*', '*rob·el*', '*sm·ers*', '*um·eňk*', '*k'jarm·eńc*', '*jacm·eň*, *to se* '*v·eči*', '*m·ěsto*', *m·ér*', '*m·ěx*', '*sv·ětlo*', *v·ětš,p·iš*, *vôs'p·ice*, *fam·i'l'ija*, *zv·i'gaňe*, *po'w·itka*', '*v·ika*', '*v·idly*'; З а б р о д: '*spíwaš*', *slepík*', '*biļaduo*', '*corvik*', *te'couki*' '*švermíči*', '*ceramí*', *pěšy*', '*zezberane*', '*vedro*', '*změtua*', *ts'mel*', '*věxa*', *měso*,.. и *p·eňk*, *šp·eńc*, *pop·er*, '*xořiň·k*', *kop·ica*, *wob·et*', '*b·ersta*', '*b·ěžy*', '*b·ěšeji*', '*b·incy* (3 л. ед. ч.), '*m·esc*', *sam·i*', '*tv·elka*', '*sv·erbi*', '*naw·ite*', '*v·išn·a*', '*sw·itaňe*.

В слепянском диалекте в позиции перед передними гласными Шредер для губных согласных наряду с мягкостью констатирует «мягкость без повышения собственного тона», т. е. полумягкость⁵¹. Различая мягкость «степеней *i*, *e*, *ɛ*», из которых «степень *i*» — наибольшая, Шредер приводит следующие индивидуальные колебания в образовании губных в говоре дер. Брезовка: *kər'iča*, *kər'icā*, *p'ěšk*, *p'ěšk*, *p'ěšk*, *p'ěc*, *p'ec*, *b'iда*, *b'iда*, *b'ěcač*, *b'ěcač*, *b'ěcač*, *m'ěso*, *m'ěso*, *m'ěso*⁵². Из говора дер. Требин (м. ф.) можно привести следующие примеры: '*kuřič*', '*zaxořič*', *se lu'bilo*, *wut domó'šiny*, *pe'neze*, '*na teče*', *k'věčeři*', '*věle*', '*rozmeć* и *v'ecor* // *večor*.

§ 31. Губные мягкие фонемы перед непередними гласными. Мягкие и полумягкие губные согласные могут произноситься и в позиции перед непередними гласными *u*, *o*, *ö*, *a*. Но подобное произношение встречается нечасто и преимущественно у очень старых информаторов, в повседневной жизни отдающих предпочтение лужицкому языку. Обычно же в позиции перед непередними гласными произносятся губные с мягкостью, выделившимися в *j*-образный призвук или в самостоятельную

⁵¹ A. Schröeder. Указ. соч., стр. 54.

⁵² Там же, стр. 55.

артикуляцию *i*. Губные согласные в позиции перед этим *i* могут быть мягкими, полумягкими и (редко) твердыми. Несинхронное образование мягких губных в положении перед передними гласными встречается реже.

М о с т: *štaþo*, *'štaþotei* // *štaþiu*, *'xaþo* // *xaþio*, *xaþiau*, *klaþom*, *kla'þotei* // *'klaþiu*, *þas* // *þias*, *opsle'þony*, *þiaþora*, *p'iaþakar*·, *'p'iacen*, *'gibø*, *'skubotei* // *skubiu*, *neþba* (род.), *'neþio*, *'neþio*, *b'atkaþ*, *iaðna ky'rab'i a*, *l'eim'ias*, *m'iatei*, *'m'iasec*, *to se* 'grím'io, *ziújik*, *uiat*, *víasć*, *'cerkva* // *p'set* 'cerkviu'; Ш к о д о в: *þias*, *do'þiaca*, *'vele' piataři*, *'scíþíðu*, *p'sa* 'duþianoic', *'tshub'one*, *suo'm'iane*; Р о г о в: *'scípol*, *'laþu* (3 л. мн. ч.), *cerkva*, *'kop'io*, *'koþiu*, *'drap'iom*, *'drap'i u*, *'þiacom*, *'p'iaþora*, *zaxo'p'ionk*, *þias*, *dvoje na'zymo*, *na'm'iazax*, *do zy'miogo*, *se* 'grím'io, *'lam'iom*, *lam'otei*, *'lam'iu*, *'m'iatvel*, *m'iot* // *m'iot*, *sm'ias*, *'m'iaþoco*, *'m'iaþcy*, *'batkaþ*, *dro'þiona se* *'gib'o*, *'neþ'io*, *'kseþiat*, *'rub'iom*, *'skubiu*, *ko'rab'i a*, *cerkv'ia* и *plom'ie*, *'znam'ie*, *'ram'ie*, *korab'je* (им. мн.), *'grab'ie*, *'vele gu'lub'ie*; Б л у н ь: *'p'iasć*, *do'p'iacu*, *'p'iaþakar*, *'b'iazar*, *'scéþiat*, *se* 'sm'ias' m'iadavéz, *'m'iatel*, *m'iac*, *vôt m'io*, *'znam'io*, *jan'koþion*; П а р ծ о в: *þas*, *þasc* // *'þiakua*, *'þiaceñ* // *'þiaceñ*, *'p'iaþacyk*, *jan'koþion*, *'štaþotei*, *'b'iazdou*, *'grab'iwua*, *'b'iacy*, *to se* 'raib'io, *smau* // *sm'ial'i*, *m'iot*, *'zem'ia*, *'zem'iu*, *to se* 'glim'io, *'m'iaþcy*, *'m'iaþoco*, *'cerkviu* и *žreb'ie*. Записи из дер. П р я в о з содержат примеры: *b'atoþna*, *b'atkaþ*, *m'ac*, *se* 'xaþia', *þiac*, *cerkviu*, *neþio*, *duþione*, *wíasć*; из дер. Я б л о н ь ц: *bôže sþače*, *m'iaþcać*, *m'iaso*, *þiask*, *þiác* // *þač*, *þiaco*, *m'iotla*, *se sm'iać* (Отв. на Пр.).

В слепянском диалекте, по свидетельству Шредера, в позиции перед непередними гласными степень мягкости у губных в основном большая, чем в позиции перед передними гласными: перед непередними гласными чаще «мягкость степени *i*», в то время как перед передними — «мягкость степени *e*»⁵³. Что касается выделения мягкости в артикуляционно самостоятельный призвук, то Шредер фиксирует его как перед непередними, так и перед передними гласными. Ср. в говоре дер. Брезовка: *koþon*, *koþon*, *koþon*; *rub'any*, *rub'any*, *rubjany*, *rub'any*, *rub'any*; *m'od*, *m'od*, *m'ot*, *m'ot*; *b'ida*, *koþica*, *b'ecać*, *p'ec* (55); в дер. Слепо: *b'ecać* // *b'ecać* // *b'ecać*, *þ'ec* // *p'ec* // *p'ec* (54).

⁵³ A. Schroeder. Указ. соч., стр. 54.

Губные согласные с *i*-призвуком в одинаковой мере можно считать и представителями мягких губных фонем (*ř̥ac* как *řac* // *r̥ac*), и фонетической реализацией сочетания губных фонем с [j] (например, в говоре дер. Блунь — *la skub-i* как *la lid'i*).

Параллельно с мягкими губными фонемами во всех нижнелужицких говорах в одном и том же слове (морфеме) преимущественно в позиции перед непередними гласными может употребляться сочетание губных фонем с [j].

§ 32. Позиции различения твердых и мягких губных согласных фонем. Во всех говорах твердые и мягкие губные согласные фонемы противопоставлены в позиции перед гласными *i/y, u, e/ɛ, o, ɔ/ɒ, a*. Ср. в дер. Грожище: *bis*—*byš*, *ribi*—*na tym* 'dubi', *tex*—*tex*, *ribot*—*bot*, *grab-iňwa*—*reibóčanu*, *p-iás*—*pas*. Перед гласным *ě* употребляются только мягкие губные согласные. Никогда не произносятся мягкие губные перед согласными, а в большей части говоров — и на конце слова. Ср.: *goip* // *gbiр*, *r-iap* (Заброд, Парцов, Терпе), *'gulup* (Рогов), *gyłup*, *rěp* (Мост) и т. д. В то же время в некоторых говорах основной нижнелужицкой территории мягкий губной произносится на конце слова в слове 'голубь': Грожище — *'gejupř*; Барбук — *'gyjupř*; Нова Яс — *gy'juň*; Рогозна — *ge'iň* // *ge'iňh*, а также *cerú*; Ус — *gy'e'iň* // *gy'e'iňh*; Мышин — *'jaścíř*. В этих говорах на конце слова могут быть противопоставлены фонемы [b] — [b̥] (или слабые фонемы, представленные согласным *p*, *p̥*).

Если мягкие губные на конце слова не произносятся, то позиция конца слова является позицией нейтрализации противопоставления твердых и мягких губных согласных фонем. Ср. в говоре дер. Мост: *vyt tog* *'gy'luňa* — *'duba* > *'gy'luп*, *'dup*. Губной согласный на конце слова является представителем слабой фонемы, не различающейся по твердости—мягкости. Аналогичные слабые фонемы представлены в позиции перед *ě* и перед согласными.

§ 33. Различия в частоте употребления мягких губных согласных фонем. Нижнелужицкие диалекты различаются частотой сочетания мягких губных согласных с непередними гласными. Это вызвано разными причинами.

Так, например, отсутствие изменения *e* > *a* в слепянском диалекте обусловило то, что в этих говорах *z*

частота употребления мягких губных перед *a* значительно меньшая, чем в других нижнелужицких говорах⁵⁴. Ср. в говоре дер. Мост: *m̄iad̄vēs*, *'m̄iatel*, *'p̄iakař*, *'m̄iakotaš*, *b̄icas*, *'z̄m̄iatana*, а в говоре дер. Слепо: *m̄edwed̄z*, *m̄etel*, *p̄ec*, *p̄ekař*, *m̄ekotač*, *b̄esač*, *z̄metana*. В мужаковском диалекте также отсутствует изменение *e > a*, но здесь в отношении сочетаний мягких согласных с *a* это компенсируется изменением **e > a* (*p̄iač*, *p̄iatk*, *m̄iaso* — Яблоньц).

На частоту сочетания мягких губных согласных с непередними гласными влияет характер парадигм, особенно глагольных. Так, в говоре дер. Блунь возможностей сочетания мягких губных с гласными *u*, *o* значительно меньше, чем в основных нижнелужицких диалектах, так как глаголы, имеющие в основных нижнелужицких диалектах парадигму настоящего времени с мягкой основой, в говоре дер. Блунь изменяются по парадигме с твердой основой.

В то время, как в говорах деревень Мост, Рогов — *ia 'kop̄iom* // *te 'kop̄i*, *ia 'rub̄iom* // *te 'rub̄i*, *ia 'lam̄iom*, *lam̄iom* // *te 'lam̄i* *'lam̄ioteř*, в говоре дер. Блунь — *ia 'kopam*, *teř 'kopateř*, *'koraļu*, *ia 'drapam*, *teř drapateř*, *teř 'drapaļu*, *ia 'št̄apam*, *teř 'št̄apateř*, *te 'št̄apaļu*, *ia 'rubam*, *teř 'rubateř*, *te 'rubāļu*, *ia 'čamat*, *teř 'čamatateř*, *te 'čamaļu* и т. д.

Особенно сужены возможности сочетания с непередними гласными для согласного *v̄(w̄)*, что является следствием характерного для нижнелужицких говоров изменения *w̄ > l̄* перед непередними гласными. Так, в диалекте Ветшай, по утверждению Фаске, вообще невозможно употребление *v̄(w̄)* перед непередними гласными⁵⁵. В этом случае следует констатировать диалектное различие, состоящее в наличии или отсутствии различия фонем [v]—[v̄] перед непередними гласными. В тех говорах, которые мы имели возможность наблюдать, *v̄ (w̄)* перед непередними гласными встречается редко:

⁵⁴ Отсутствие изменения *e > a* отражается на частоте сочетания с *a* и зубных мягких согласных. Однако для губных последствия отсутствия изменения *e > a* более значительны, так как мягкие губные сочетаются только с непередними гласными, развившимися на месте передних. Случаи типа *šab* (Слепо, Sch., 139) крайне редки.

⁵⁵ H. Faßke. Die Vetschauer Mundart, стр. 31.

ciął, cérkia, cérkwi (Мост), *struśiość* (Грожище), *cérkvia* (Парцов).

§ 34. Фонема [f], губная невзрывная, представлена лабиодентальным глухим спирантом *f*. Согласный *f* усвоен нижнелужицкими говорами вместе с теми многочисленными немецкими словами, которые заняли место постоянных элементов в словарном составе этих говоров.

Г р о ж и щ е: *šyf, dəm'fovaś, brot'fana, 'futer, 'dəmfar̄, 'trofa, faier'nica, frejńica, 'flanca, flastar̄, flak, 'flejšar̄, 'flaša, fr'i'stuka, f'idle, f'ega, f'e'gowaś, 'kafei // kaf·ei; Б а р б у к: 'kupfor, fuks, 'gryfy, feifka, nefe, freile'nica; Р о г о в: 'farar̄, faiga, fai'gowaś, 'feršta, fr'ex, foter, leifar̄, 'feifka, 'fidl'e, 'fil'cowe pan'tofle, se 'tr·ef·is; З а б р о д: 'šyfa, 'fōrman, 'demfer, fruxt, fer'břexar̄ // f'er'brexočač, 'flinta, 'flancka, ġift; С л е п о: fajn, 'faraŕa (род.), fertix, cofać, ferğitowač, fidlař, fort, ful', 'fyrkotač* (Sch., 107).

Как видно из приведенных примеров, в позиции перед *i*, *e* произносится мягкий согласный *f'(f̄)*. Является ли этот согласный позиционно обусловленным представителем фонемы [f] или же представителем фонемы [f̄], противопоставленной по твердости—мягкости фонеме [f], — это зависит от того, сочетается ли в говоре согласный *f* с последующими *e*, *y*. Если такие сочетания имеются, то становится возможным различение фонем [f]—[f̄] в позиции перед *e*, *i*. Ср. в говоре дер. Б а р б у к: *'gryfy—f'ingorot; nefe, feifka—na 'trof'e;* Ш е й н е й д а: *fylník—f'iber* (Отв. на Пр.); С л е п о: *fejč—bčnof'e, af'e* (Sch., 26), *fyrkotač—fidlař* (Sch., 107).

§ 35. Диалектные различия в фонемном составе отдельных слов (морфем), связанные с употреблением губных согласных фонем. С употреблением губных фонем связаны диалектные различия в фонемном составе ряда слов. Ср.: *barba* (Заброд, Рогозна) : *barva* (Рогов); *nātaczac* (Рогов) : *nābezaczac* (Мышин); *cočt* (Заброд) : *cočp* (Барбук); *kurwota* (Мост) : *kurota* (Мышин); *nīmka* (Заброд) : *nīlka* (Мост); *to ġiarbo* (Бяздов) : *to ġiardo* (Барбук); *gūneče mēso* (Заброд) : *'gūneče (Блунь); mērnus* (Барбук) : *jerknus* (Ус).

§ 36. Общая характеристика группы губных согласных фонем. Таким образом, состав губных фонем и характер дифференциальных признаков, определяющих

эти фонемы во всех нижнелужицких диалектах, однаковы.

[p]	[b]	[m]	[v]	[f]
[p̪]	[b̪]	[m̪]	[v̪]	[f̪]

Диалектные различия в системе губных согласных фонем в нижнелужицком диалектном языке проявляются

1) В составе позиций различения:

конец слова — позиция различения: позиция неразличения твердости—мягкости губных проявляются;

перед непередними гласными фонемы [v]—[v̪] — различаются: не различаются.

2) В частоте употребления:

фонемы [v]

сочетаний мягких губных фонем с непередними гласными.

§ 37. Фонемы [k], [g], [x], задненебные согласные, реализованы взрывными согласными, глухим и звонким *k*, *g* и фрикативным спирантом *x*.

Во всех нижнелужицких диалектах фонемы [k], [g], [x] сочетаются с последующими гласными *u*, *o*, *ö* (*ö*), *ä*, а фонема [x] еще и с гласным *u*. Шкодов: *kuždy*, *'kusk*, *'gusty*, *do'gumna*, *xudy*, *tu'zaxu* *'imarkóqual'i*, *'tvarogóøy*, *kau*, *gat*, *'zverxa*, *'kokot*, *'xoříš*, *govézina*; Бабов: *'kupa*, *gus*, *kōń*, *'kōza*, *'gôdy*, *'xôdota*, *bykōú* (род. мн.), *'makořca*, *'ogon*, *ten'xořii*, *kařeň*, *'zagaseš*; Заброд: *wôt* *kuřica*, *kuna*, *'zguříš*, *zverxi*, *kōń*, *'konopeři*, *golc//gôlc*, *xôry*, *'ceřzařka*, *'coga*, *pxa*; Парцов: *'kubčo*, *gup*, *'čikup*, *'kowal'*, *'uxo*, *se'xořina*, *škôrka*, *gôrki*, *'xôry*, *'hička*, *gat*, *juxa*; Слепо: *kuna* (Sch., 116), *kuxňa*, *gusčiny* (109), *kopać*, *kōń* (115), *gor* (<*gar*), *gôdy* (108), *xomot*, *xôžysčo* (111), *kabat* (113), *gałuza* (107) *se xaxać* (111). Кроме того, во всех этих говорах произносится *xytaś* // *xytać*, *xyl'ka*.

Что касается сочетаемости фонем [k], [g], с последующими гласными *u*, *e* и фонемы [x] с *e*, то в этом отношении в нижнелужицких говорах существуют диалектные различия.

Сочетания согласных *k*, *g* с последующими *u* и *x* широко представлены в тех диалектах, где гласные *u*, *e* развились в результате делабиализации *ö* в определенных позиционных условиях. Изменение *ö* > *u* спровоци-

ровало в этих говорах и значительно большую, чем в других нижнелужицких диалектах, частоту употребления сочетания *xy*. Г р о ж и щ е: *ta'kyckasky'cyça, te'gyrki, xy'žyšćo, škerc, 'ky^eza, 'gešup, 'geňiš, xe'dota*; Б а р б у к: *'kysmy, 'kysa, kyrc, 'gyneš, 'gydy, do xyše'buza, xydo'taça, 'xejna // xyjna*; Р о г о з на: *to'skeše, se 'geriš, 'gerki, ten geⁱb, 'namšu'xejzař, 'xejna*; Ш к о д о в: *'keňimi* (тв.), *'škerne, 'skocy* (3 л. ед. ч.), *io ge'towoc, te'geⁱbe, 'gelcy, 'xejžis, 'gyreł, som 'xyjžic, kyrcas*.

Возможность этих сочетаний расширяется и за счет немецких заимствований, ср.: *švoger* (Гржище), *'morgel* (Рогозна), *'švager, 'magen* (Барбук). В говоре дер. Б р я зы н сочетания *ke*, *ge* зафиксированы и на стыке основы и флексии: *němske uknul'i, biatoqual'i serske, drugego, gorjalnske* (им. мн.)⁵⁶; ср. в расположенной по соседству дер. М я ши н: *tauke gyle, polske luže, starkego, tauke zernka, uske a šeroke, su droge, drugego*; в дер. Г о ры: *drug-e ževo, te žen-sk-e, drugemu* (м. ф.).

Немецкие заимствования являются почти единственным источником немногочисленных сочетаний *ke*, *ge* в остальных нижнелужицких диалектах; сочетания *gy*, *ky* в этих говорах встречаются лишь в единичных случаях. Б л у нь: *'cuker, 'karňikel* (в деревнях Рогов, Барбук — *kor'nikel*), *magen, kyrk // ky^erk*; П а р ц о в: *'kwakerjo, 'pokyta* (<*pokryta*), *svager*; С л е п о: *kyrk* (Sch., 53), *kemni* (86), в ряде слов *k* и *k*, *g* и *g* перед *e* находятся в параллельном употреблении — *gernyk // gérynk, kercta // kércta* (56); Я блонь п: *gyrk, gersć*; В у ск и дь: *gersć* (Ш., 15), *żadne mloko ku kyrneńiu* (18), *ten zegər* (19), современные записи — *gyrk, gersć, wógen*.

К диалектным различиям относится сочетание согласного *x* с последующими гласными *i/y, e/ε*, образующееся на стыке основ и некоторых именных и местоименных флексий. В основных нижнелужицких диалектах в этих случаях представлены сочетания *xy*, *xe*, в остальных — *xi*, *xe*. Г р о жи щ е, М о с т, Ш к о д о в, М я ши н: *'suxy, 'šíxy, 'lixy, 'tixy, 'pxy, to jo 'suxe, 'suxe 'dřewo, 'suxego, 'šíxego*; Р о г о в: *'suxy, 'šíxy, 'tixy, 'suxe blido, но 'suxogo*; Б л у нь, З а б р о д, П а р ц о в: *měxi // měxi, 'šycke 'paduxi, 'čáxi, 'suxi, to jo 'suxe 'bičo, 'suxe leto, 'suxego;*

⁵⁶ D. Petrová — J. Petr. Указ. соч., стр. 67, 70.

Б л у нь: *ve tom 'groxe*; **С л е п о:** *tuxi* и *rxy, suxē* (вин. мн.) (Sch., 87). В мужаковском говоре дер. **В е с к а:** *tuxi*, *suxi*, *cixi*⁵⁷ в дер. **Я б л о нь ц:** *gluxi*, *sux'e*, *suxeg d'reca*.

По данным архива Института ЛН аналогия качества задненебного спиранта на стыке морфем перед *i/y* с одной стороны, и перед *e/e* — с другой, отсутствует в говорах деревень Загорь, Вускиль: *cixi*, но *suxe*, *suxeg*; **Н я б о ж к о й це:** *sixi*, но *suxe*, *suxeg*, — впрочем, последняя запись, вероятно, ошибочна, так как исследовавший этот говор Фаске отмечает в нем формы *guxeg*, *suxe*⁵⁸.

В позиции конца слова во всех нижнелужицких диалектах употребляются согласные *x* и *k*, а в части говоров также и *g*. Ср.: *grox, təx, čax // čax, šorcux, rok, prok, duk // dūuk // dūuk* а также *prog // prog, rog // rog* и т. д.

В говорах, которым чуждо произношение *g* на конце слова, согласный *k* в этой позиции реализует слабую фонему, не противопоставленную по участию голоса.

Фонемы [k], [g], [x] широко сочетаются с последующими сонорными согласными. **М о с т:** *'škrabaš, šyknę, 'gras, iągly, grox, xlěu, marxvěl, škl'a*; **Ш к од о в:** *uknuš, 'usknus, xromcyk, 'gl'edas, kr'e, 'gl'iny*; **Б р е з о в к а:** *s teju 'kru* (Sch., 84), *krotki* (83); *cerkwine knigłe* (79), *hugl'e* (78), *do kaxl'i* (84), *xl'eb* (80), *xřebet* (83) и т. д.

Что касается сочетаний задненебных согласных с последующими шумными согласными, то они встречаются значительно реже и возможны только для *k*, *x*. При этом согласные *k*, *x* сочетаются только с глухими согласными; в этом случае *x* реализует сильную фонему [x], а *k* — слабую фонему, в которой нейтрализуется противопоставление по участию голоса фонем [k]—[g]. **М о с т:** *'plaxta, 'toxta, matksa, 'suxšy, kšiwy, noks, loks, 'knexsi*; **Ш к од о в:** *'moxše leta, smy se 'ryxtowal'i, kšavili smy*; **Р о г о в:** *'toxta, 'plaxta, 'duxter, vekš, kšica, kšeňat, loks, noks*; **Б я з д о в:** *noxć, noxć, knext, trixtar*; **Б р е з о в к а:** *'měkša, ci tom šlaxtowanu* (Sch., 8) и т. д.

С употреблением согласных *k* и *x* связаны диалектные различия в фонемном составе слов *kto* (Мост): *xto* (Барбук); *klěp* (Парцов): *xlep* (Рогов); *pokryta* (Блунь):

⁵⁷ Z. Stieberg. Resztki..., стр. 19.

⁵⁸ H. Faske. Указ. соч., стр. 45, 340.

poxgyta (Грожище); *noks*, *uoks*, *veks* (Барбук): *poxć*, *uoxć*, *vezć* (Бяздов); *'garona* (Мост): *'karona* (Мышин); *'ratprik* (Барбук): *ratprik* (Мышин).

§ 38. Фонемы [k̥], [g̥], [χ̥] перед гласными переднего ряда. Степень мягкости *k̥*, *g̥*, *χ̥* по говорам неодинакова: в части говоров, особенно пограничных и слепянских, мягкость задненебных нередко сильно ослаблена и они производят акустическое впечатление полумягких. Иногда различная частота употребления мягких или полумягких задненебных согласных объясняется индивидуальной произносительной манерой информатора.

Мягкие задненебные согласные во всех говорах сочетаются с последующими гласными *i* и *e*. Гро жи ще: *'uski*, *janā* *'kišća*, *'kisauy*, *'skiba*, *keř*, *kerhop*, *pukel*, *ze'gi-baš se*, *noći*, *ze'ger*, *oğen*, *ǵerc*, *'basxink*, *morxiny*, *kracéen*; Нова Яс: *'kisalc*, *te* *'boki*, *'zakećka*, *dekel*, *ǵift*, *'rogi*, *'cygel*, *droğeg* (род.), *straixxolc'xiny*, *nalxén*, *radiséen*; Погов: *'na k'im*, *'kulki*, *roski'dowaś*, *'kiby*, *za'tyk'elc*, *'kerbus*, *'ǵib'el*, *mlog'i ras*, *švíger'syn*, *'racxen*, *'murxéle*; Б лу нь: *'kij*, *wôt'muskix*, *'suotki*, *kiby*, *'kerliš*, *še'rake*, *'po kermuše*, *na* *'druǵim*, *'môzgi*, *'woğen*, *'suáxi*, *'muxi*, *'tiasxenk*; *'saŋk'e*; *'rog'i*, *'smug'i*, *'bok'i*; Сле по: *kisać* (Sch., 37), *taķego*, *drugégo* (86), *žeňske*, *po kermušu*, *te kerle* // *kerle*, *naǵi* (53), *čibogi*, *trexi*, *muxi* (56), *suẍe* (87); многочисленны случаи, когда Шредер в своих записях не обозначает мягкость задненебных перед *i*, *e*: *pługi*, *drugí*, *prekišó^u*, *wel'ikej^e* и т. д. Яблоньц: *namšarske*, *droğek*, *gluẍi*, *suẍeg*, *bet-χer*, *třexic*.

Как видно из приведенных примеров, в основных нижнелужицких диалектах согласный *χ̥* обязан своим существованием главным образом немецким заимствованиям. Случаи типа *marxeļ* (Бабов, Мышин), *marxejo'úišćo* (Прявоз), *'suxeišy* (Мышин) редки. Ср. в других говорах — *'marxeļ* (Рогов), *šušeišy* (Бабов), *suxše* (Рогов). Исключение в этом отношении составляет диалект Ветшай, где, по наблюдениям Фаске, так же, как и в говорах юга нижнелужицкой территории, согласный *χ̥* произносится перед флексивными *e*, *i*⁵⁹.

Мягкие задненебные согласные являются представителями фонем [k̥], [g̥], [χ̥], которые в позиции перед *i*, *e*

⁵⁹ H. Faßk e. Указ. соч., стр. 45.

могут быть противопоставлены по твердоести—мягкости фонемам [k], [g], [x].

* Широта противопоставления фонем [k]—[k̄], [g]—[ḡ] зависит от частоты употребления согласных *k*, *g* перед *y*, *e*. Названное противопоставление охватывает большой круг лексики в тех нижнелужицких диалектах, которые имеют *y*, *e* < *δ*, и лишь единичные пары слов в остальных говорах. Гро жи ще: *kyň*—'kisauy', *'skeše*—*šeške*, *'ogen*—*'ođen*, *'gyrkī*—*se gibaš*; Бл у нь: *kyrk*—*kii*, *'cuker*—*keŕ*, *'magen*—*ǵerc*.

Различие в широте противопоставления [x]—[x̄] перед *i/y* зависит от частоты употребления как сочетания *xy*, так и *xi*. В основных нижнелужицких диалектах противопоставление [x]—[x̄] перед *i/y* возможно только за счет наличия сочетания *xi* в заимствованных словах. При этом в говорах, имеющих *y*<*δ* в определенных позициях, частота употребления сочетания *xy* значительно большая, чем в прочих говорах. Ср. Гро жи ще: *rxy*, *'xytas*, *xy'žysćo*, *'xyžiš*—*mor'xiiny* 'грибы', *ſtifmuter'xiiny*. В остальных нижнелужицких диалектах частота употребления сочетания *xi* расширена в связи с наличием *ħ* перед флексивным *i* и включением в противопоставление [x]—[x̄] таких словоформ, как *rħi*, *suxi*. Бл у нь: *'xytas*, *'xyćo*—*'meħi*, *'paduxi*, *sixi*.

В позиции перед *e/ε* фонемы [x] и [x̄] противопоставлены только в тех говорах, которые имеют гласный *e*<*δ* или же располагают сочетанием *xe* на стыке основ и флексий. Гро жи ще: *xəry*, *xə'dota*—*'kracħen*; Баб ов: *suxego*—*marħełi*, *rħacħen*.

В говорах пограничных, слепянском и мужаковском сочетание *xe* вообще отсутствует. В позиции перед *e* согласный *ħ* в этих говорах является представителем слабой фонемы, в которой нейтрализуется противопоставление фонем [x]—[x̄]. Ср. «*xy*—*xi* > только *ħe*»; *'xytas*—*suxi* > *'suxego*, сочетание *xe* невозможно.

Фаске в диалекте Ветшау констатирует отсутствие мягких задненебных фонем. Аргументы: 1) *k̄*, *ḡ* употребляются только перед *i*, *e*, *ě*, где они не противопоставлены твердым согласным; 2) *x* и *ħ* могут быть противопоставлены перед *i/y*, *e/ε*, но это не должно быть принято в качестве свидетельства их фонемной самостоятельности, так как *x* и *ħ* в этом случае занимают разное положение.

ние в морфеме: *x* — внутри морфемы, *х* — на стыке морфем⁶⁰.

По этому поводу можно заметить следующее. В пользу того, что твердые и мягкие задненебные могут быть противопоставлены, свидетельствуют такие примеры из опубликованных Фаске текстов, как *'styři morgeny* — *ȝelȝet, ge'meindý* — *drugé*⁶¹. Нет сомнения, что здесь представлены фонемы [g] — [g̊]. Что касается согласных *x* и *х*, то если даже допустить, что в говорах, описываемых Фаске, полностью отсутствуют столь распространенные в других говорах случаи употребления сочетаний *xe*, *xi* в словах, иноязычных по своему происхождению, то и в этом случае нет оснований отрицать фонемную самостоятельность функциональной единицы, реализованной согласным *х*, по крайней мере перед *i/y*. То обстоятельство, что *xi* и *xy* употребляются в разных морфемных условиях, не должно влиять на фонемную интерпретацию согласных *x* и *х*, так как фонемная интерпретация определяется фонетической, а не морфемной позицией. С точки зрения фонетической позиции, согласные *x* и *х* реализуют фонемы [x] и [x̥], которые могут быть противопоставлены перед *i/y*.

§ 39. Мягкие задненебные перед непередними гласными. В некоторых нижнелужицких говорах согласные *k*, *g̊* могут произноситься перед *a*. При этом обычно параллельно с *k*, *g* перед *a* в тех же словах (морфемах) употребляются те же задненебные с *i*-образным призвуком и сочетания *k̊i*, *gi̊i*. Мост: *ȝarnč*, *'kandrus*, *'karcma*, *'ȝiagaš*, *ȝiarnc*, *'ȝiargawa*, *'ȝiartnař*, *'sk̊iárzyš*, *k̊ial*, *'k̊iagoco*; Рогов: *'karcma*, *'karm'ena* *'sviňa*, *garšć*, *'garhyšk*, *'ȝadlo* и *k̊iarmēńc*, *k̊ial'*, *k̊iaga*, *p̊ses'k̊iaržyš*, *ȝiarnc* // *ȝiarnc*, *'ȝiargawa*; Грожище: *kal*, *'ȝarnč* и *ȝiarnc*, *'ȝiartnař* // *ȝiatnař*, *ȝiaga*, *ȝiaršć*, *k̊ial* // *k̊ial*, *'k̊iandros*; Барбук: *'ȝartnař*, *ȝarnč* и *ȝiatnař*, *ȝiarnc*, *ȝiaršć*, *'ȝiargawa*, *ȝiaga* (3 л. ед. ч.), *'k̊iaga*, *k̊ial*, *'k̊iarcma*, *'šk̊iarcy* (3 л. ед. ч.); Мышина: *karmuša*, *k̊arl'iše* и *k̊ia'rliže*, *'k̊iandros*, *ȝiance*^a (им. мн.), *ȝiaruo*, *ȝiarnc*; Слепо: *ten karlik*, *'kaxa* (3 л. ед. ч.), *'kausac*, *'kaber*; в этих же случаях может произноситься *k̊/k'*; *ȝ* перед *a* в говоре Слепо не от-

⁶⁰ H. Faßke. Указ. соч., стр. 44, 45.

⁶¹ Там же, стр. 325, 331.

мечен⁶²; З а б р о д: *'gaga*, *'garnyk*, *'giarnyk*, *na 'giars:e*, *seskjaržys*, *'kjarmena 'sviňa*; Яблоньц: *k-iagać*, *k-iaber*.

Однако часто в нижнелужицких говорах перед *a* произносятся только сочетания *k*, *g*, с *i*, а не *k̄*, *ḡ*. Ср. Рогозна: *kiandros*, *ten skjaržník*, *kjarl*, *kjarliš*, *kjarxop*, *škijarcy*, *'giargaua*, *'giarncar'*, *'giartnař*; Блунь, Терпе, Парцов: *'kiaušas*, *'kjakotaš*, *'kiaušcaš*, *pšeskjäržys* (Парцов — *českjaržyc*), *kjarl*; *'giargaua*, *'giarsc'*, *'giarnycar'*, *gjarnyk*; Ус, Бабов: *škijarcy*, *kjarl*, *kjarliš*, *Kiaušcy*, *k'andros*, *Kiarmljona*, *giarnc*, *gjario*; Брязин: *na našom kjarxobje*, *kjarliže*⁶³ и т. д. То же в диалекте Ветшай⁶⁴.

Согласные *k*, *g* с призвуком *i* в одинаковой мере можно считать как представителями фонем *[k̄]*, *[ḡ]*, так и фонемосочетаний *[k]+[j]*, *[g]+[j]*. При этом фонемы *[k̄]*, *[ḡ]* обычно находятся в параллельном употреблении с сочетаниями *[k]+[j]* *[g]+[j]*.

В том случае, если в позиции перед *a* возможны только сочетания задненебных с *i* или с призвуком *l̄*, можно считать, что в говоре в позиции перед *a* мягкие задненебные фонемы не употребляются. В этом случае отсутствует тот аргумент в пользу монофонемности *k̄i*, *ḡi*, который состоит в параллельном употреблении *k̄i*, *ḡi*, с одной стороны, и *k̄*, *ḡ*, с другой. В то же время параллелизм в употреблении *k̄l̄*, *ḡi* и *k̄i*, *ḡi* заставляет квалифицировать последние как реализацию фонемосочетаний.

В слепянском и мужаковском диалектах возможность сочетания мягких задненебных с последующим *a* сокращена; ср. *gernyk*, *kermic*, *te kerl'e*, *po kermuši* (Слепо, Брезовка, Sch., 19, 61, 75, 81, 82); *gernyk*, *gernycar'*, *gartnař*, *gardlo*, *ukarmena* (Яблоньц). В слепянском диалекте перед *a* противопоставлены только фонемы *[k]* — *[k̄]*; фонема *[ḡ]* перед *a* не употребляется. В мужаковском говоре дер. Яблоньц *[g]* — *[ḡ]*, по-видимому, различаются перед *a*, так как записано произношение *ḡiaska* — *garlo*.

В пограничных говорах сочетания *[k]+[j]*, *[g]+[j]* употребляются не только перед *a* в корневых морфемах, но и перед *o*, и в составе глагольных флексий настоящего времени. З а б р о д: *my 'frišt-ik-łomy*, *'boķio* (3 ед.), *udn se 'zaek-ło*, *ta se žek-ło*, *ja se žek-łu*, а также *'braux-łu*;

⁶² A. Schroe der. Указ. соч., стр. 57.

⁶³ D. Petrová-J. Petr. Указ. соч., стр. 67—70.

⁶⁴ H. Faßke. Указ. соч., стр. 75.

Б л у н ь: '*šm'ek̪·jo*, *'zaek̪·jo*, *žek̪iu* и *'cerk̪·ja*; Б я з д о в: *'bok̪·jo*, *'šmek̪io*, а также *'cerk̪·ja*; П а р ц о в: *ta se* *'bok̪·jo*, *šmek̪·jo*.

§ 40. Мягкие задненебные перед согласными. В позиции перед согласными мягкие задненебные согласные встречаются редко, причем только перед мягкими согласными, так что мягкость задненебных в этих случаях должна оцениваться как позиционная.

Кроме приведенных уже примеров позиционной мягкости задненебных перед *i*, можно указать на такие факты из слепянского диалекта, как *wěxć*, но *łoxć* (Sch., 38), *xl'ěwa* (77), *xl'ěb* и *xlěb* (78), а также *k'siš*, *k'sebiat* (Заброд), *terxýcej* (Вускидь, Отв. на Пр.).

§ 41. Мягкие задненебные на конце слова. Некоторым словам известны мягкие (полумягкие) задненебные согласные на конце слова. Р о г о в: *'gôzdžik·*, *'recník·*, *'terpič*, *'vôjník·*, *'cervík·*, *'viník·*, *'fil'ník·*, *'kuflík·*; Б л у н ь: *'cervík·*, *'sliňk·*, *'hiblik·*, *'kônič*, *'céník·*, *'na roç* *'zévešix*; З а б р о д: *'sarňik·*, *'kralik·*, *'sliňik·*, *'slepík·*, *'vínik·*, *'gan·ik·*, *'cervík·*, *'cuþík·*, *ten* *'wôdñik*, *'moþík·*, *'dzeržańik*, *sňěk*, *měx*, *vôrex*; П а р ц о в: *'krauňnik·*, *'vínik·*, *'adrič*, *měx*; Т е р п е: *'jëdarňik·*, *'bruňik·*, *len·k·*, *'fiŋ·k·*, *'kaxliňk·*, *'sarňik·*; Б р е з о в к а: *dwanaséix*, *do dzevečix* (Sch., 79), *łazańskix* (82), *'stalčík* (136).

Смягчение конечных задненебных согласных после гласных *i*, *ě*, *e* и после *š*, *ž* зафиксировано Щербой в говоре дер. В у с к и д ь⁶⁵.

Мягкость задненебных согласных в этих случаях позиционна: она обусловлена предшествующим передним гласным или мягким согласным в сочетании с положением на конце слова. В говоре дер. С л е п о дополнительным условием позиционного смягчения задненебных является положение в абсолютном конце слова⁶⁶. Позиционная мягкость в отличие от непозиционной утрачивается в парадигме. Ср.: *kônič* — *kônička* и *kôń* — *kôńa*, *měx*, но *roç měxa* (Заброд). Впрочем в дер. В у с к и д ь: *měx* и *měxi*, *měxa*, но *wěrx*, *na wěrxu* в дер. Я б л о н ь ц.

Позиционное смягчение задненебных в конце слова ни в одном говоре не проведено последовательно. Ср. Б л у н ь: *'deš:ik*, *'krupňik*, *'rezník*, *'gan·ik*, *'wutćobňik*,

⁶⁵ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 59.

⁶⁶ A. Schröeder. Указ. соч., стр. 56.

'liščik, sarník, 'zuosník, 'rěcník, 'viňík, 'čeňík, 'pouterník;
З а б р о д: *čeňík, 'žerník, 'šansík, 'ceřžařík, 'terpík, 'wôjník,*
'liščík, 'čačník и т. п.

§ 42. Общая характеристика группы задненебных фонем. Состав и функциональная характеристика задненебных согласных фонем во всех нижнелужицких диалектах одинакова. Это фонемы

[k] [g] [x],
[k̥] [g̥] [x̥]

Что касается диалектных различий, то это:

1) Различие в фонетической реализации фонем, ограниченное определенными позициями:

фонемы [k], [x] в конце слова после передних гласных и мягких согласных реализуются согласными *k, g, x*: не только *k, g, x*, но и *k̥, g̥, x̥*.

2) Различие в функционировании отдельных звуковых элементов:

kⁱ, gⁱ перед *a* реализуют фонемы: двухфонемные сочетания.

3) Различие в составе позиций противопоставления:

[k] — [k̥], [g] — [g̥] перед *a* противопоставлены: не противопоставлены;

[x] — [x̥] перед *e* противопоставлены: не противопоставлены.

4) Различие в частоте употребления сочетаний:

ky gy xy
ke ge xe
xi

§ 43. Коррелятивные отношения по мягкости. Консонантная система нижнелужицкого диалектного языка включает коррелятивные отношения по твердости—мягкости и глухости—звонкости.

Сфера применения дифференциального признака мягкости неодинакова в частных диалектных системах. Во всех нижнелужицких говорах привативную оппозицию по наличию или отсутствию признака мягкости образуют фонемы [n] — [ň], [r] — [ř], [p] — [p̥], [b] — [b̥], [m] — [m̥], [v] — [v̥], [k] — [k̥], [g] — [g̥], [x] — [x̥].

В основных нижнелужицких диалектах в корреляцию твердости—мягкости включены фонемы [š] — [š̥], [ž] — [ž̥], а также [č] — [č̥].

В пограничных говорах типа говоров деревень Б л ў н ь, З а б р о д в ряд зубных шумных фонем, коррелятивных по твердости—мягкости наряду с [š] — [š̄], [ž] — [ž̄] включены также фонемы [t] — [t̄], [d] — [d̄]; однако пара [š] — [š̄] деградирует — функциональная значимость фонемы [š] ослаблена, имеется тенденция к ее совпадению с [š̄].

В слепянском, мужаковском диалектах и пограничных говорах типа говоров деревень П а р ц о в, Б я з д о в также имеются фонемы [t] — [t̄], [d] — [d̄], но отсутствует различие по твердости—мягкости в ряду шипящих фрикативных фонем.

В части говоров к востоку от Котбуса, в роговском, слепянском и мужаковском диалектах по твердости—мягкости противопоставлены фонемы [l] — [l̄].

Зубные и губные согласные фонемы могут быть противопоставлены по твердости—мягкости перед всеми гласными, за исключением гласного ē.

Задненебные согласные фонемы различаются по твердости—мягкости лишь перед некоторыми гласными: [k] — [k̄], [g] — [ḡ], перед i/y, e/ɛ, a; [x] — [x̄] — перед i/y, в части говоров — перед e/ɛ.

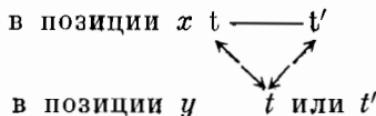
Твердые и мягкие зубные согласные фонемы кроме положения перед гласными могут быть противопоставлены еще и на конце слова, а также перед некоторыми согласными.

В ряду губных согласных фонем различение по твердости—мягкости на конце слова встречается очень редко, а в ряду задненебных фонем вообще отсутствует.

Условием наличия коррелятивных отношений является возможность нейтрализации противопоставления соответствующих фонем, т. е. возможность позиционно обусловленного чередования, которое по своему содержанию является чередованием сильной, противопоставленной по данному признаку фонемы с фонемой слабой, стоящей вне различия по тому же признаку.

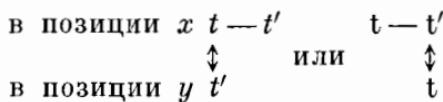
В зависимости от того, какие члены противопоставления участвуют в чередовании, это чередование может быть нескольких типов.

1) Обе коррелятивные фонемы, противопоставленные в позиции x, могут чередоваться со слабой фонемой, выступающей в позиции y, т. е.

Например: [xudy — modzina > xutšy, motšy] или [dubu — geiub'uu > dup, geiup].

2) Лишь одна из фонем, противопоставленных в позиции *x*, может чередоваться со слабой фонемой, выступающей в позиции *y*, так как для другой фонемы позиция *x* ограничена такими морфемами, где такое чередование невозможно, т. е.

Например: [rou — my^ɛro > 'merski], [rys — méris > merna], [beja — žrēbe > pšizřebna], но нет примеров, чтобы *r* из позиции перед *o*, *y* могло попасть в позицию перед *s*, *n*, так же как и *b* из позиций перед *ɛ* — в позицию перед *n*.

Кроме того, имеются позиции неразличения коррелятивных фонем, связанные с такими морфемами, где никогда не осуществляется чередование сильных и слабых фонем. Таково, например, неразличение [r]—[f] в позиции перед *z*. В словах *zarzaty*, *terzgi* согласный *r*, являющийся фонетической реализацией не противопоставленной по твердости—мягкости фонемы, не может изолироваться от последующего *z*, с тем чтобы вступить в чередование с согласным, реализующим сильную фонему [r] или [f]⁶⁷.

В нижнелужицких диалектах возможности чередования сильных и слабых фонем, связанных с нейтрализацией противопоставления по твердости—мягкости, очень невелики.

⁶⁷ Н. С. Трубецкой относительно такого рода случаев писал: «Во многих, а быть может даже в большинстве случаев, недопустимость той или иной фонемы в определенном положении не влечет за собой нейтрализации той или иной оппозиции» («Основы фонологии», стр. 272). Однако если в языке имеется нейтрализация, сопровождаемая чередованием сильной и слабой фонемы, а тот случай, о котором говорит Трубецкой, представлен звуком, реализующим одну из коррелятивных фонем, то в этой ситуации упомянутый звук также следует расценивать как реализацию слабой фонемы, в которой нейтрализуется противопоставление коррелятивных фонем.

Для твердых и мягких зубных фонем нейтрализация такого рода известна в позиции перед некоторыми зубными согласными и перед *w(y)*.

[t] — [t'] > *tn*, *tl'*, *tv* (в говорах, не различающих [l] — [l']), *tl̪* (в говорах, различающих [l] — [l']): 'žyto — *dżoučo* > 'žytny; *ja 'mētu* — *ći 'piču* > *zmetl'izny*; *tən* — 'sćećeňe > *svetqo* (Бяздов); 'žyto — 'pl'ečo > *pletł*, *pletli* (Слепко), но в дер. Парцов — *vačlować*.

[d] — [d'] > *dn*, *dń*, *dl*, *dv*, *tš*: *tym 'guodom* — *tym 'l'uđom* > 'guodny, 'ludny; 'dēno — *dżen* > 'dva dny, 'na dńu; 'xudy — 'muodžina > 'xutšy, 'muotšy; *dər* — 'jedże (3 л. мн. ч.) > *jeđuo*, *su jeđl'i*; *wob·et* — *groś* > 'wob·edać (Парцов).

[r] — [f] > *rš*, *rc*, *rn*, *rń*: 'stary — *styři* // štyři > 'staršy; *rys(ć)* — *mēriš(ć)* > *mēerna*; 'švoğer — 'p'akar > *svoğerńica* *piakarńica* (Бяздов); во многих говорах — [r] — [f] > *rs*: *te 'buŕa* — *věra* > *burski*, но, например, в говоре дер. Мост в этой позиции фонемы [r] — [f] различаются: 'burski — *strejtaŕski l'us*, *do 'svaížbaŕskego domu*.

[n] — [ń] > *ns*: *zeń* — *vęn* > *żensa* // *zinsa* (Шкодов).

Нейтрализация противопоставления твердых и мягких губных согласных фонем сопровождается чередованием сильной и слабой фонем в позиции на конце слова и перед некоторыми зубными согласными.

[b] — [b̄], [m] — [m̄], [v] — [v̄] > только *b(p)*, *m*, *u* на конце слова: *dubom* — *geļub'iom* > *dup*, *geļup* (Грожище); *te xromy* — *sedymíx* > *xrom*, *sedym*; *strōwe* — *ve 'rové* > *rou*.

[p] — [p̄] > *pn*, *pń*, *pk*, *pc*: *sypaś* — *p'as* > *sypnūś*; *snopy* — *dupis(ć)* > *dupńica*, *snopk*; *pyř* — *kuþis* > *kupc* (в Рогове — *kups*).

[b] — [b̄] > *bn*, *bń*, *bſ(pſ)*, *bk(pk)*: *byk* — *suabiny* > *opsuabnuś*, *suapšy* (Грожище); *beja* — *žrēbe* > *pšížrebna* (Мост); *l'uby* — *bic* > *l'upka*, *l'upšy* (Мост).

[m] — [m̄] > *mn*, *mń*, *mſ*, *ms*, *mc*: *zymy* (род.) — *se dyymi* > *zymny*, *dymny*, *zymneļšy*; *same* (ср. п.) — *duṁe* > *dumšy* (Барбук); *zyma* — *mac* > *zymska*; 'xromy — *se 'dyymi* > *xromcyk*.

[v] — [v̄] > *vn*, *vń*, *vſ*, *vl*: *piwa* (род.) — *v'azas* > *piu'nica*; *nowy* — *ustrowiš* > *noušy*, *stroušy* (Мост); *grīwy* — *víš* > *grīu-laty* (Грожище).

Нейтрализация противопоставления твердых и мягких задненебных согласных фонем сопровождается чередованием сильной и слабой фонем в позиции конца слова и перед непередними согласными.

[k] — [č] — только *k* на конце слова, *kř*: 'mytči — kyň > mytk (Мост), *keř* — *keň* > *kře* (Грожище).

[g] — [ǵ] > *k* на конце слова, *gl*: se gyříš — *rogi* > *rok* (Мост); *ugel* — *geln* > *ugle* (Грожище).

[x] — [χ] > *x* на конце слова, в части говоров — перед *e* и *a*: *měxi* — *xytaš* > *měx(x)* (Заброд); *xytaš* — *suxi* > *sugego*, 'suxa (Блунь).

Гораздо чаще в нижнелужицких говорах слабые фонемы, в которых нейтрализовано противопоставление по твердости—мягкости, выступают в таких позициях, из которых они никогда не вступают в чередование с сильными фонемами.

Для фонем [t] — [t'] это позиции перед *r*, *ŕ*, *s*, *c*, *č*, *v*, *p*, *ŕ*, *f*, *ł*: *butra*, *vôtřezač*, *wôtstočana*, *vôtcynič*, *suočešy*, 'pastwe, 'pôtpas, 'vôtpisane, *brotfana*, *vôtłezdžony*, *gôtjo* (3 л. ед. ч.) (Парцов).

Для фонем [d] — [d'] — позиции перед *r*, *ŕ*, *v*, *g*, *ł*: *drasta*, *dřewo*, 'medvětk, *dgač*, *vôrdio* (Парцов), *dias* (Слепо, Sch., 103).

Для фонем [r] — [ř] — позиции перед *t*, *d*, *z*, *l*, *ž*, *ś/c*, *ż/dž*, *p*, *ŕ*, *b*, *ń*, *m*, *ń*, *v*, *ŕ*, *g*, *ǵ*, *x*, *χ*, *ł*: *cart*, *žertka* (Рогов), *io* 'ordowau, 'zaržaš (Мышин), *šerlikany* (Шкодов), *zarzaš*, *morngle* (Рогов), 'zaržaš (Грожище), *žerš* // *žerć*, *žerže* (Мост), *ćitwéržony* (Брезовка, Sch., 77), *serp*, *ter-pík* (Рогов), *do* 'íerbna (Мышин), но в говоре Слепо: *werbno* — *wérba* (Sch., 140), *swaŕba* (134); *l'armo'wané*, *na tormé* (Рогов), 'merva, *cervík* (Барбук), *se vérgaš*, *stergi*, *kerxop* (Рогозна), [но в говоре дер. Брезовка *kerxop* — *zweřxa* (Sch., 76)], *marxeł* (Заброд), 'šnaterjo (Блунь), *marijana* (Шкодов).

Для фонем [n] — [ń] — позиции перед *t*, *d*, *z*, *ż*, *dž*, *ł*: *kunteraš*, *šant*, *ga'landa*, *štunda*, *or'nunze* (Мост), *na l'anze* (Барбук), *dve štundze* (Бяздов), *ńiasc* (Терпе).

Для фонем [š] — [š] — позиции перед *t*, *n*, *ń*, *r*, *ŕ*, *l*, *c*, *v*, *ŕ*: *šturl'ica* (Мышин), *neřešna*, *ješnica* (Мост). *šrot*, *neředneřešy* (Мышин), *šl'orpaš* (Рогов), *kašluwaš* (Заброд), *obeł druſce* (Рогов), *neřvěc* (Мышин), *švon* (Рогов), *švyr-nuš* (Мост).

Для фонем [ž] — [ź] — позиции перед *d*, *n*, *ń*, *r*, *ŕ*, *v*: *kuždy* (Мышин), *bružna* (Мост), *možno*, *žraš*, *žrebe* (Рогов), *žvak* (Бяздов), но в говоре дер. Рогозна *sřežny* — *myžno*.

Для фонем [p] — [ŕ] — позиции перед *t*, *r*, *ŕ*, *s*, *l*, *ś*, *v*, *x*, *ł*: *teptańe* (Заброд), *prozny*, *předy*, *raps*, *šnaps*,

pl'any (Мышин), *pšeza*, *opšegño*, *opšudník* (Рогов), *puašil'i* (Мышин), *rxa*; перед *t*, *l* в говорах, имеющих фонемы [l] — [l']: *zaplašone* (Мост), *šoplo* (Рогов); *pięac* // *pjac*.

Для фонем [b] — [b̄] — позиции перед *r*, *ŕ*, *l*, *z/dž*, *v*, *ń*, *m*, *ń*, *g*, *ń*: *dobry*, *břak* (Рогов), *blido*, *obzernuś* (Мост), *wobdzernuć* (Бяздов), *obciol* (Барбук), *obvíš* (Мышин), *obmyslil* (Горы), *obmeść* (Мост), *wobgolić*, *kôrabļa* (Парцов), в говорах, имеющих фонемы [l] — [l'] — позиции перед *t*, *l*: *jabluko* (Рогов), *jabłuko* (Мост).

Для фонем [m] — [m̄] — позиции перед *r*, *ŕ*, *l'*, *ż*, *p*, *ń*, *b*, *f*, *k*, *k̄*, *g*, *ń*: *jania mroj* (Рогов), *šmŕok*, *mlińc* (Мост), *na 'mžomu* (Горы), *'zumpal'iś:a* (Шкодов), *ram'pica* (Гржище), *'ambos*, *'dēmfar*, *'zamknus*, *'zamki* (Рогов), *ja 'ńamgu* (Гржище), *'mīasęc*; перед *t*, *l* в говорах, имеющих фонемы [l] — [l']: *mlyn* (Рогов), *młody* (Мост).

Для фонем [v] — [v̄] — позиции перед *t*, *d*, *s/c*, *n*, *ń*, *r*, *ŕ*, *l'*, *s*, *ś*, *c*, *k*, *k̄*, *g*, *ń*: *żoūty*, *kau'dyny* (Гржище), *dvé 'auše* // *auče*, *żóućo* // *džóućo*, *rōūno*, *pšerđuńica*, *zaū'rośiś*, *zeuřeś* (Мост), *naułac* (Заброд), *ous* // *wous*, *strōušy*, *krauc*, *šeuc*, *łauka*, *łauk̄i*, *taugot*, *ūiaś* ‘веять’ (Мост) в говоре дер. Заброд и перед *m*: *coym*.

Для фонем [k] — [k̄] — позиции перед *u*, *o*, *ö*, *t*, *n*, *ń*, *r*, *ŕ*, *l'*, *s*, *ś*, *s*, *v*, *ń*, *m*, *ń*: *kus*, *kokot*, *kōza* (Блунь), *kto*, *krowa*, *kł'uc*, *kšiwy* (Мост), *uoks* (Барбук), *nyksa* (Горы), *kuaść*, *kvetki* (Гржище), *kmuts* (Рогов), *kiaubas* (Блунь), *kšeji*, *ynakšy* (Мышин).

Для фонем [g] — [ḡ] — позиции перед *u*, *ó*, *ö*, в части говоров перед *i*, перед *r*, *ŕ*, *n*, *ń*, *v*, *ń*, *ń*: *gus*, *zagon*, *góra* (Блунь), *gibaś* (Заброд), *graś* // *grać*, *gnoi*, *gniś* // *gnić*, *zguo*, *gm'eina* (Барбук), *glagas* (Мост).

Для фонем [x] — [x̄] — позиции перед *u*, *o*, *ö*, *a*, *a*, перед *r*, *n*, *ń*, *l*, *é*, *ś*, *s*, *t*, *v*, *ń*: *xudy*, *kərxor*, *xbry* (Рогов), *'tixa* (Мост), *xrom*, *raxnować* (Бяздов), *'kuxña*, *na kaxlax* (там же), *uoxć* (там же), *knexsi* (вин. мн.) (Мост), *moxše leta* (Шкодов), *puaxta*, *xvaliś* // *xvalić braux·iu* (3 л. мн. ч.) (Заброд).

Для фонем [l] — [l'] — позиции перед *t*, *d*, *m*: *waltora*, *zołty*, *zeldgany*, *dyłmoke*, *wałma* (Мост).

Во всех говорах, имеющих гласный *ě*, твердые и мягкие согласные фонемы в позиции перед этими гласными не различаются.

Слабые фонемы, в которых нейтрализована оппозиция твердости — мягкости, в нижнелужицких говорах

реализованы главным образом твердыми согласными. Мягкие (полумягкие) согласные в этой роли выступают лишь в позиции перед ё и ѹ.

Кроме того, в некоторых говорах в позиции перед мягкими согласными возможно ассимилятивное смягчение согласного *r* и задненебных. Ср. в говоре дер. Мост: *žerš*, *smerš*, *karščik*, *to smerži*, *'šy'ar·níca*, *'pratkařna*, *šeřnowe 'lagody*, *'sweř·biš*, *'ceřva*, *šeřpeš*; Барбук: *'v'eřšone*, *peršceň*, *žeřš*, *smeržes*, *te 'cařsi*, *věřšo*; Грожище: *žerš*, *věk·š*; Заброд: *kšiš*, *kšeřiat*; Слепо: *wěřć* (Sch., 141), *zleb* (111); Яблонец: *cerúik*; Прявоз: *smerš*, *myřaríčka*, *pratkařn'a*; Дрейце: *sm'erš*, *peřsčeň*.

Исследователи серболужицких языков неоднократно отмечали в них тенденцию к диспалатализации мягких согласных и в связи с этим — к утрате категории твердости—мягкости⁶⁸. В мужаковском диалекте, например, по мнению Щербы, «остались только пары *n/ń*, *l/l*, *r/r*, из которых только последняя более или менее жизнеспособна, две другие доживают свой век»⁶⁹.

В нижнелужицком языке осуществляется тенденция не столько к отвердению, сколько к асинхронизации артикуляции мягких согласных, когда мягкость выделяется в самостоятельную артикуляцию. Но и эта тенденция ни в одном из нижнелужицких говоров не завершена. Во всех говорах согласные губного, зубного и задненебного ряда могут различаться по твердости—мягкости, во всех говорах имеется группа коррелятивных по твердости—мягкости фонем.

Особенностью корреляции твердости—мягкости в нижнелужицком диалектном языке является широкая возможность параллельного употребления мягкой согласной фонемы и сочетания непротивопоставленной по твердости—мягкости фонемы с [j]. Кроме того, в нижнелужицких говорах существуют такие двусмысленные в отношении фонемной интерпретации звуковые комплексы, которые одновременно функционируют и как фонетическая реализация мягких фонем, и как фонетическая реализация двухфонемного сочетания с [j].

⁶⁸ Z. Stieberg. Stosunki..., стр. 70; Н. Фавке. Указ. соч., стр. 36.

⁶⁹ В. Л. Щерба. Восточнолужицкое наречие, стр. 30.

Подобная ситуация является результатом ослабления позиций корреляции твердости—мягкости в консонантной системе нижнелужицкого диалектного языка. Ослабление корреляции твердости—мягкости происходит не путем утраты коррелятивного признака и отождествления двух находящихся в коррелятивной оппозиции фонем, а путем отождествления коррелятивного признака с иной, стоящей вне корреляции фонемой.

§ 44. Коррелятивные отношения по участию голоса. В нижнелужицких говорах привативную оппозицию по участию голоса образуют фонемы [t]—[d], [t']—[d'], [š]—[ž], [š]—[ž], [s]—[z], [p]—[b], [p]—[b], [k]—[g], [k]—[g].

Все глухие и звонкие согласные фонемы противопоставлены перед гласными, а твердые глухие и звонкие фонемы еще и перед сonorными согласными.

Фонемы [t]—[d]: *ty*—*dyxaš*, *tuk*—*dup*, *ten*—*dəno*, *topiš*—*dobry*, *stary*—*dawaš* (Барбук); *stōu*—*l'idōwaš* (Гржище); *rotno*—*dva dny*, *wytňaś*—*opšudník*, *traſda*—*drobiš*, *utřeš*—*dřeš*, *tvařiš*—*dva*, *na pastwé*—*dwe* (Барбук); *umetliny*—*pedl'idoqaš* (Шкодов); *síětlo*—*sukadlo* (Мост).

Фонемы [t']—[d']: *se čiňo*—*džibawý*, *ćup*—*ja wídzú*, *ćedaqa*—*džeń*, *kóćou*—*budžo*, *ćeške*—*džěwać*, *ćaŋki*—*džaseć* (Бяздов).

Фонемы [š]—[ž]: *sixy*—*žirká*, *pši píšu*—*žuŕka*, *šyše*—*žeń*, *šota*—*saŋzoŋk*, *kšen*—*žet*, *šaŋki*,—*žaseś* (Рогов); *'dołšowy*—*ždučka* (Гржище).

Фонемы [š]—[ž]: *šyše*—*žyua*, *šula*—*žudla*, *šeic*—*žerš*, *sušony*—*zapražona*, *šant*—*žaba* (Барбук); *su vínšđowal'i*—*ždučk* (Заброд); *neřešna*—*môžno*, *šníca*—*žni*, *šrot*—*žras* (Рогов); *šveroučac*—*žwak* (Парцов); *švíc*—*žvíki* *žvíš* (Барбук).

Фонемы [s]—[z]: *sypaš*—*zyma*, *suk*—*zup*, *seno*—*zel'e*, *zočki*—*sol'*, *prosař*—*cazař*, *do kusóu*—*ky'zóu* (Гржище); *snowaš*—*zel'azny*, *oysnína*—*vezňo* (3 л. мн. ч.), *sromota*—*zrowatka*, *sřoda*—*zrézas* (Рогов); *suoma*—*zvyn*, *svet*—*zveře* (Барбук); *pšaslica*—*zl'up* (Мост); *smarkaš*—*vézmnu* (3 л. мн. ч.) (Барбук); *słowa*—*złoto* (Мост).

Фонемы [p]—[b]: *pyře*—*zbyžo* (Барбук); *pup*—*bur'*, *spedny*—*bejia* (Гржище); *bok*—*połny* (Мост); *pôtkowa*—*bôsy* (Парцов); *spaš*—*bardo* (Барбук); *sypnuš*—*psížrebna*, *ja kopňom*—*ja krabňom*, *prop*—*zbrašyš*, *přatkarňa*—*břak*.

(Рогов); *šopu* — *obwy^črowaš*, *pl'owy* — *bl'ido* (Барбук); *płome* — *błome* (Мост).

Фонемы [p] — [b]: *pis* — *bis*, *stapiu* — *grębiu* (3 л. мн. ч.), *peče* — *obet*, *pěsy* — *běṣu* (Барбук); *dupony* — *zlu^čbony*, *pac* — *kšebla* (Мост).

Фонемы [k] — [g]: *kycka* — *gyrka*, *kus* — *gus* (Барбук); *keň* — *švager*, *kokot* — *zagon*, *kau* — *dgas* (Грожище); *kōćou* — *gōnić* (Бяздов); *šykno* — *gnaš*, *zapuknóna* — *gnézdo*, *krošony* — *bejar* — *graš*, *křick* — *grímaňe*, *kvas* — *gvanglis*, *kvétk* — *géstka*, *kl'uc* — *gl'icka* (Рогов); *kly* — *iagły* (Мост).

Фонемы [k] — [g]: *kimb·ery* — *se 'gibaš*, *šycke* — *ugel* (Барбук); *kal'* — *garśc* (Рогов).

Противопоставление по участию голоса нейтрализуется в позиции конца слова и перед глухими и звонкими согласными. Однако возможность нейтрализации в конце слова осуществляется не во всех говорах, а внутри одного говора — с разной степенью последовательности у представителей разных поколений. Михалк, исследуя судьбу этимологической звонкости перед начальными сonorными следующего слова ⁷⁰, установил, что в большей части нижнелужицких говоров в произношении старшего, не утратившего лужицкие артикуляционные навыки, поколения (рожд. до 1890 г.) звонкость согласных в указанном положении сохраняется. Частотность сохранения может быть разной, от 5,2 до 100 ⁷¹.

Можно привести следующие примеры, когда на месте звонких согласных, попавших в позицию конца слова, наряду с глухими произносятся звонкие согласные или согласные с ослабленной степенью звонкости, но не глухие. Сохранение звонкости конечных согласных чаще встречается в речи представителей старшего поколения носителей говора.

Нова Яс: *objed*, *kuł*, *zuł*, *noż*, *ta ież*, *uż*, *rjeśaz*, *ten caizing*, *stog* и *kjandros*, *guok*; Рогозна: *gei'b*, *rog*, *baruog*, *gađ*, *klaid*, *quod*, *luž* и *klarxop*, *zlup*, *noš*, *kl'ep*, *bok*, *ja som rat*, *ky^črp*, *spšek*; Бабов: *groż* *tuarog*, *gouł*, *pod* и *vobet*, *rok*, *rup*, *prok*, *sat*, *bas*.

В слепянском диалекте в произношении старшего поколения Шредер констатирует различие звонких // по-

⁷⁰ S. Michalik. Zur Frage des sorbischen Sandhi (Satzphonetik). «Zeitschrift für Slawistik», Bd. IX, N. 2, 1964, стр. 222—225.

⁷¹ Там же, стр. 224.

лужонких и глухих согласных в конце слова, в то время как молодежь в этих случаях произносит глухие согласные⁷².

Различение звонких и глухих согласных в конце слова у старшего поколения отмечено Щербой и в мужаковском диалекте⁷³. Ср. также замечание Штибера: «Чертой, общей для верхнелужицкого и нижнелужицкого, является неполная реализация тенденции к оглушению конечных согласных»⁷⁴.

В связи с тем, что звонкие и полузвонкие согласные произносятся только в соответствии со звонкими согласными, попавшими в позицию конца слова, возможно противопоставление глухих и звонких согласных фонем на конце слова. Однако противопоставление это не обязательно. Ср.

dub } — *rip*
dup

Конечные полузвонкие так же, как и звонкие согласные, являются фонетической реализацией звонких фонем. Что касается конечных глухих согласных, то они являются одновременно представителями и сильной глухой фонемы, и слабой, не противопоставленной по участию голоса фонемы. В том случае, если сопоставляются произносительные формы *ripa/rip* и *duba/dub*, согласный *r* является представителем сильной фонемы [r], при сопоставлении же *ripa/rip* и *duba/dup* — тот же согласный фонетически реализует не противопоставленную по участию голоса слабую губную взрывную непосочную фонему. Таким образом, звонкие фонемы в позиции конца слова всегда находятся в параллельном употреблении со слабыми не противопоставленными по участию голоса фонемами (*dub/dup*).

В случае отсутствия произношения звонких и полузвонких согласных в конце слова противопоставление глухих и звонких фонем в этой позиции нейтрализуется в слабой фонеме, реализованной глухим согласным. Ср.: *protowy* — *sadowy* > *prot*, *sat*; *uoksi* — *celažiny* > *uoks*, *celaś*; *goścę* — *gożdze* > *gośc* для обоих случаев; *nosa* —

⁷² A. Schröeder. Указ. соч., стр. 2, 29, 37, 40.

⁷³ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 70, 71.

⁷⁴ Zd. Sieber. Stosunki..., стр. 93.

r̄eza > *nos*, *r̄eš*; *snopa* — *žuoba* > *snop*, *žuop*; *vôt suka* — *vôt duga* > *suk*, *duk* (Блунь); *noxími* — *grodžími* > *noxć*, *groć* (Бяздов).

В позиции перед глухими и звонкими согласными во всех нижнелужицких диалектах оппозиция по участию голоса нейтрализуется в слабой фонеме, реализованной глухим согласным в первом случае и звонким согласным — во втором.

[t] — [d] > *tc*, *ts*, *tš*, *tć*, *tš*, *tk*, *tx*, *tp*, *tŕ*, *dz*, *dg*, *db*, *dč*: *vetřezas* — *dřes* > *vetcyňiš*, *vetstojana*, *vetčiski*, *vetsegnus*, *vetpisane* (Грожище); *wôdgotouaš* (Заброд); *vôd březouki* (Слепо, Sch., 54); *vodberali* (Парцов); *wôtxoídžena* (Люблоныц); *ty* — *mody* > *motšy*; *my^etaš* — *bl'ida* > *my^etk*, *blitko* (Барбук); *umetl'iny* — *pedl'idouaš* > *py^etpražu* (Шкодов), *pědzamk* (Грожище).

[s] — [z] > *sc*, *sć*, *sk*, *sx*, *st*, *sp*, *sŕ*, *zd*, *zdź*, *zg*, *zb*, *zč*: *usl'ekua* — *zlux* > *scyňiš*, *zgubiš* (Барбук); *zdžimać* (Бяздов); *sxówany* (Брезовка, Sch., 132); *stuccyś*, *spšek*, *sphiwać* (Грожище); *vy^esa* — *ky^eza* > *vy^eska*, *ky^eska* (Мост); *smoqa* — *rozmužone* > *rosxytowaš* (Ус); *se rozdajaš*, *rozbić* (Рогов); *pasua* — *lezua* > *pasćo*, *lesćo* (Блунь); *pašćo*, *lešćo* (Мост).

[p] — [b] > *pc*, *pć*, *ps*, *pš*, *pt*, *pk*, *px*, *bdź*, *bż*, *bg*: *pl'owy* — *obl'ewali* > *opčesany* (Мост), *wôrćegnuć* (Бяздов); *se opseguijo* (Грожище); *opskokôđali* (Горы); *opštulôuaš* (Бабов); *wopšeřeny* (Бяздов); *optuark* (Ус); *opxořzona* (Рогов), *wobgol'ić*, *wobdžećane* (Парцов); *obžernul'i* (Мост); *l'apa* — *rubas* > *lapka*, *obrupk* (Мост).

[k] — [g] > *kš*, *gz*, *gž*, *gd*, *gb*: *měka* — *gad* > *měkša*, *k nam* — *gnać* > *g zemí*, *g žabe*, *g domu* (Слепо, Sch., 107); *za řekog znank bys* (Рогов); *kag budžomy* (Слепо, Sch., 67); *tag dal'oko* (Березовка, Sch., 60); *s tog ġarnca* (Барбук).

[š] — [ž] > *šk*: *wušy* — *džězy* > *wuški*, *džěški* (Слепо, Sch., 87).

[t'] — [d'] > *čk*: *džěčetka* — *grodže* > *džěčko*, *groćka* (Слепо, Sch., 106).

[ś] — [ź] > *śk*: *šešeńica* — *groże* > *šeško*, *groška* (Грожище).

Для фонем [s] [z] — [š] [ž] [ś] [ź] и [t'] [d'] — [š] [ž] [s] [z] в позиции перед č происходит не только нейтрализация оппозиции по участию голоса, но и по способу образования: свистящее и шипящее в первом случае, взрывное и фрикативное — во втором.

Нейтрализация оппозиции по участию голоса не сопровождается чередованием сильной и слабой фонем в следующих позициях:

[š]—[ž] перед *c*, *t*, *p*, *þ*, *d*, *b*: *druſce*, *berſta*, *ſtelo-wańe*, *ſpoda*, *ſpic*, *kuždy*, *kaž by*, *duž by* (Блунь);

[g]—[k] перед *s*, *t*, *s*: *uokš*, *kſiwы*, *kto*;

[ś]—[ż] перед *p*, *b*: *śpa* (Мост), *užba* (Терпе);

[t']—[d'] перед *b*: *wuždžba* (Бяздов).

Озвончение согласных, по-видимому, не является таким обязательным, как оглушение. Так, возможно произношение *icba* (Рогов), *užtzeleńiо* (Ус), *vęt droğek* (Грожище), *vôtzamk* (Заброд), *wôtgotuś* (Заброд, Терпе), *wôt 'bomą* (Парцов), *opglowa* // *obglowa* (Рогов). В мужаковском диалекте, по наблюдению Щербы, озвончение согласных не знает исключений лишь перед однородными согласными⁷⁵.

Согласные *p*, *k* на конце слова и перед глухими согласными и согласные *b*, *g* — перед звонкими являются фонетической реализацией слабых фонем, стоящих вне оппозиции не только по участию голоса, но и по твердости—мягкости.

§ 45. Место фонем [v]—[f] в ряду фонем, коррелятивных по участию голоса. К числу фонем, коррелятивных по участию голоса, можно было бы отнести фонемы [v]—[f], считая, что различие в их фонетической реализации (одна фонема реализуется билабиальным и лабиодентальным согласными, а другая — только лабиодентальным) функционального значения не имеет и что в отношении дифференциальных признаков [v] и [f] различаются лишь участием голоса.

Фонема [v] в этом случае должна быть отнесена к группе шумных фонем и в соответствии с этим определена как губная, невзрывная звонкая (а не сонорная губная неносовая, как она определяется в группе сонорных, см. § 29). На основании этого в случаях *farař*—*varíš*, *gryfy*—*strowy*, *frȳna*—*zaurošíš*, *fort*—*woż* (Барбук) можно констатировать противопоставление глухой и звонкой фонем [f]—[v].

Однако эти фонемы выделяются среди прочих глухих и звонких тем, что они различаются в той позиции,

⁷⁵ Ср.: Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 56.

где противопоставление по участию голоса обычно нейтрализуется, — на конце слова. Ср. *kvačkorf* — *гоу*.

Артикуляционная специфика согласного *ɥ* (*w*) такова, что оглушение его по существу равносильно полной утрате этого звука⁷⁶. Именно с такого рода явлением мы и встречаемся в ряде пограничных говоров. Конечный согласный *ɥ* (*w*) в позиции после взрывных согласных, оглушаясь, полностью утрачивается. Ср. *ja som jet*, *pšet*, *plet* (Заброд, Блунь, Парцов, Бяздов).

В восточнокотбусских говорах в аналогичных случаях произносится спирант *ɥ* с сильно ослабленной звучностью. При этом согласный, выступающий перед *ɥ*, может оглушаться. Ср.: *tən jo léd़u*, *ja som pšetu* <*pšedu*, *pletu*, *tən kyp̩ jo 'uslek̩u* (Грожище, Барбук). В этих случаях *ɥ* имеет очень слабую акустическую выразительность. Как реакция на это ослабление в отдельных случаях происходит осложнение губной артикуляции — артикуляцией зубной, что облегчено наличием в говоре лабиодентальных спирантов, в том числе глухого. Так появляется иногда встречаемое в этих говорах произношение *pletf*, *pšef*. В этих случаях можно усматривать элементы нейтрализации оппозиции [v] — [f] на конце слова. Ср. *pletua* — *kvačkorf* > *pletf*, *kvačkorf*.

В некоторых говорах к западу от Котбуса в образование конечного губного согласного *ɥ* (*w*), находящегося после взрывных согласных, также привносится зубная артикуляция. Но при этом изменения *ɥ* > *f* не происходит, так как конечный согласный не оглушается. Ср.: *tən jo led̩u*, *pšedu*, *uslek̩u* (Нова Яс); *ja som pletu*, *tən jo metu* (Ус).

§ 46. Чередования согласных фонем. В результате нейтрализации фонемных оппозиций происходит чередование сильных и слабых фонем. В нижнелужицких диалектах, кроме того, широко распространены фонемные чередования, связанные с различными словообразовательными и формообразовательными изменениями. В этом случае возможны как чередования двух сильных фонем, так и сильной фонемы со слабой. Но в отличие от чередований, вызванных нейтрализацией фонемных оппозиций, между сильной и слабой фонемой в этом случае отсутствуют

⁷⁶ Ср.: Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 144.

отношения нейтрализуемого и нейтрализующего. Ср. в говоре дер. Б я з д о в в случае *leće:letny* фонема [t'] чередуется с слабой фонемой, в которой нейтрализовано противопоставление фонем [t']—[t], в случае же *níče: nitka* фонема [t'] чередуется с слабой фонемой, в которой нейтрализовано противопоставление фонем [t]—[d], но не [t']—[t].

Состав фонемных чередований, связанных с формо- и словообразовательными изменениями, в большей своей части по говорам одинаков. В то же время некоторые чередования свойственны не всем говорам, образуя, таким образом, диалектное различие.

Чередования, общие всем нижнелужицким диалектам

[t]:[c]—*klapotaš: klapoco* (Мышин); [t]:[зубная фрикативная]—*pletom: plesć* (Грожище), *plesć* (Бяздов).

[d]:[z]—*pśedu: pśesa* (Барбук); [d]:[зубная фрикативная]—*ja pśedu: pśesć* (Мышин), *pśesć* (Барбук).

[s]:[š]—*pśisaš: ja 'píšu* (Заброд); *'usoko: 'ušeł* (Мост).

[z]:[ž]—*vézaš: vézom* (Мост); [z]:[g]—*luŋga: na teł lunze* (Заброд).

[š]:[k]—*'suoťsy: suoťka* (Блунь); [š]:[x]—*véxa: 'na teł 'věše* (Заброд), *tixa: dívě 'muše* (Мост).

[ž]:[z]—[зубная фрикативная, свистящая, не противопоставленная по участию голоса]—*pō'nížność: níski* (Заброд), *nížeł: níski* (Мышин), *zéža: wóteł zísce* (Блунь).

[ž]:[g]—*běžy: ubegas* (Терпе).

[c]:[k]—*'na teł uce: uka, skokaš: skȳcys* (Мышин), *matka: matce* (Мост).

[n]:[ń]—*nan: na 'nańe* (Грожище), *'zymny: 'zymneļsy, marznus: marzño* (Рогов).

[r]:[ř]—*vȳras: 'vȳřom* (Барбук), *bur: buřik* (Блунь).

[p]:[p̄]—*dvař 'terpař: terpík* (Заброд).

[b]:[b̄]—*ryba: dívě 'rybę* (Мост), *'rubaš: ja 'rubom* (Барбук).

[m]:[m̄]—*'suořma: 'suořany* (Заброд).

[v]:[v̄]—*'barva: 'barvíš, tyř: w 'tywé, žewaš: si 'žewé, kraue: 'kravícka* (Блунь).

[ý]:[j]—*kšavíš: kšeł* (Мышин), *kravíš: kreł* (Мост).

[k]:[k̄]—*'usoka: usoki* (Мост); [k]:[č]—*sloňka: slońčeļša* (Мост).

[g]:[ḡ]—*noga: noǵi* (Барбук); [g]:[зубная, фрикативная, шипящая, твердая, не противопоставленная по

участию голоса] — *smuga* : 'smuška, ve tei smušce (Заброд); в говорах, не имеющих фонему [š], слабая фонема, участвующая в этом чередовании, не обладает признаком отсутствия мягкости.

Чередования, образующие диалектные различия

[v] : [l] только в говорах, не имеющих фонем [l] — [l'], — *mętęowa šupka* : 'wumętel'iny (Блунь), 'snowaduo : na ianom 'snowadle, som 'iedua : su iedl'i (Заброд), stou 'stolcyk (Мышин).

[l] : [l'] только в говорах, имеющих фонемы [l] — [l'], — *vidły* : vido'l'iščo, *mlyn* : mlaš, *gnily* : se 'gnilis, 'gļuiķi : gl'ešy, kly : kl'ejo (Мост).

[x] : [χ] только в говорах, имеющих χ на стыке основы и флексии, — *tuxa* : 'tuxi, *věxa* : 'okōdu tei 'věxi (Заброд), но *tuxy*, *věxy* в говоре дер. Мост.

Только в говорах, имеющих фонемы [š], [ž]:

[t] : [š] — *cart* : te 'carši, *lěto* : dve 'lěše, *gat* : vy tym gaše (Мост).

[d] : [ž] — *zědy* : zěžisko, *opšužiš* : opšudník (Мышин).

[š] : [зубная, фрикативная, шипящая, твердая, непротивопоставленная по участию голоса] — *mosiš* : mosk' (Блунь).

[t] : (фонема, нейтрализующая противопоставление [š] : [з]) — *cysty* : cy'sciš, mōst : mōsće (Заброд).

[k] : (фонема, нейтрализующая противопоставление [š] : [з]) — 'usko : ne!usće! (Мост).

[ž] : [зубная, взрывная, непротивопоставленная по участию голоса] žerže : žertka (Грожище).

Только в говорах, имеющих фонемы [t'], [d']:

[t] : [t'] — *knex̄t* : knex̄čik, *lěto* : 'lěče, 'mōsta : na 'mōsće, *cysty* : cysćić (Парцлов).

[d] : [d'] — bl'ido : na bl'idže (Парцлов).

Если в говорах, имеющих фонемы [š], [ž], в словах *leše* : letny, *opšužiš* : opšudník происходит чередование сильных фонем, то в говорах с фонемами [t'], [d'] в аналогичных случаях имеет место чередование сильной и слабой фонемы, вызванное нейтрализацией оппозиций [t] — [t'], [d] — [d'] (*l'eče* : l'etny, *opšudžić* : opšudník).

[d'] : [зубная, взрывная, непротивопоставленная по участию голоса] — žerdže : žertka (Бяздов).

[k] : [t'] — 'usko : "usće! (Бяздов).

§ 47. Общие принципы сочетаемости согласных в нижнелужицком диалектном языке. В предыдущих разделах мы не раз упоминали о возможности сочетания тех или иных согласных в связи с выявлением дистрибуции отдельных фонем. Теперь мы специально остановимся на вопросе о сочетаемости согласных в нижнелужицком диалектном языке.

Сочетания согласных в нижнелужицких говорах организуются по некоторым общим правилам. Эти правила выражают отношение сочетаемости согласных к фонемным признакам сопорности и шумности, взрывности и фрикативности, глухости и звонкости, твердости и мягкости.

Сонорные согласные имеют меньшую возможность сочетания с последующими согласными, чем шумные согласные. Так, Михалк в реестре двухчленных сочетаний согласных, извлеченных им из 2200 словоформ говора дер. Нейштадт⁷⁷, в позиции начала слова фиксирует для согласных *n*, *r*, *l* — 9 возможностей сочетания с последующими согласными, а для согласного *t* — две возможности⁷⁸.

В то же время все шумные согласные, хотя и не одинаково часто, могут вступать в сочетания с последующими согласными в начале слова. При этом не учитываются сочетания с последующими *u* и *i*. Это подтверждается и теми нижнелужицкими материалами, которыми мы располагаем.

Среди шумных согласных фрикативные согласные отличаются гораздо большей, чем взрывные согласные, активностью в образовании сочетаний с последующими согласными. В реестре Михалка в начале слова для согласного *t* отмечено три возможности образования двухчленных сочетаний, а для *s* — девять, для *d* — четыре, а для *z* — семь.

Фаске, анализируя сочетаемость согласных в диалекте Бетшау, констатирует преимущественное употребление группы фрикативный+шумный в пропорции 13 : 22, т. е.

⁷⁷ Z. Michalk. Der Dialekt von Neustadt, стр. 67—70. — Говор дер. Нейштадт верхнелужицкий, но в отношении основных правил сочетаемости согласных не отличается от нижнелужицких диалектов.

⁷⁸ В действительности их три, так как кроме приведенных Михалком *tr*, *ml* имеется еще *tn*, судя по тому, что в словаре, приложенном к книге, есть слово *tnohi*.

59% возможных сочетаний⁷⁹. Фрикативные согласные демонстрируют явное преимущество и при образовании трехчленных сочетаний, которые вообще гораздо более редки, чем двухчленные. Зафиксированные Михалком трехчленные группы в начале слова все начинаются на *s* или *š*.

Сонорные согласные сочетаются как с глухими, так и звонкими согласными. При этом, по наблюдениям Фаске, сонорные согласные внутри сочетаний располагаются всегда в соседстве с гласными. Именно вследствие этого сочетание сонорный+шумный не встречается в начале слова⁸⁰.

Сочетания шумных согласных всегда однородны в отношении участия голоса (редкие случаи произношения глухих согласных перед звонкими на стыке морфем были упомянуты выше).

В сочетаниях такого рода первый согласный реализует слабую фонему, непротивопоставленную по участию голоса.

Глухие согласные гораздо чаще вступают в сочетания с последующими согласными, чем согласные звонкие. В реестре Михалка в позиции начала слова фиксируется для согласного *p* — семь возможностей сочетания с последующими согласными, а для *b* — лишь три; для *k* — пять возможностей, а для *g* — два; для *s* — девять, а для *z* — семь; для *š* — восемь, а для *ž* — две.

Глухие согласные чаще, чем звонкие, сочетаются с последующими шумными (несонорными) согласными. В том же реестре Михалка отмечено для согласного *p* семь возможностей сочетания с шумными, а для *b* — две; для *k* — две возможности, а для *g* — одна; для *s* — шесть, а для *z* — пять; для *š* — четыре, а для *ž* — две.

Что касается отношения сочетаний согласных к признаку мягкости, то в нижнелужицких говорах явно преобладают сочетания твердых согласных. Возможности сочетания согласных, один из которых твердый, другой — мягкий, весьма невелики. При этом в сочетаниях, разнородных в отношении мягкости, уподобление по мягкости не характерно для нижнелужицких говоров и происходит лишь в очень немногих случаях.

⁷⁹ Н. Фаске. Указ. соч., стр. 57.

⁸⁰ Там же, стр. 64.

В рамках этих общих закономерностей, характеризующих сочетаемость согласных в нижнелужицких диалектах, по говорам могут иметься отдельные частные различия в возможностях сочетания тех или иных согласных. К рассмотрению конкретных случаев сочетания согласных мы и обратимся. При анализе сочетаний согласных мы выделяем две позиции — в составе одной морфемы и на стыке морфем. Позицию внутри морфемы мы не детализируем, так как это представляется лишним в свете стоящей перед нами задачи — выявить вообще возможные сочетания согласных. Однако мы выделяем позицию в начале и конце слова: сочетания, встречающиеся в этих позициях, безусловно находятся в пределах одного слова. Мы рассматриваем лишь как наиболее распространенные, двучленные сочетания.

§ 48. Сочетания сонорных с последующими согласными.

n + ... Как было сказано, согласный *n* в начале слова сочетаний с последующими согласными не образует. Не в начале слова согласный *n* сочетается только с шумными (несонорными) согласными. Сочетания *n* с согласными внутри морфемы представлены чаще всего в словах немецкого происхождения.

nt — *šant*, *tinta* (Заброд), *bant*, *kuntoraša* (Рогов), *na šwintkax*, *pantoxle* (Брезовка, Sch., 78, 79, 81); *nd* — *špundočaňe* (Бабов), *'mandle*, *štunda* 'kiandros (Парцов), *ko'landař*, *šanda*, *grunda* (Рогов); *ng* — *'gvaŋglis* (Рогов), *langlis* (Барбук); *ndž / nž* — *štundže* (Парцов), *na lanže*, *dve grunže* (Рогозна), *manželstvo* (Мышин); *nž* — *'manželski* (Парцов); *ns* — *šansik* (Заброд); *nc* — *na řanče* (Парцов).

В словах, не иноязычных по своему происхождению, сочетания *n* с последующими согласными образуются преимущественно на стыке морфем.

nš — *ménšy* (во многих говорах) и *winšeja* (Брезовка, Sch., 81); *ns* — *zénsa* (Рогов), *drob'enska* (Парцов); *nc* — *mlinc*, *palenc*, *bincy*, а также *flanca*, *ganc* (Заброд), *głarnc* (Мышин); *nk* — *glinka*, *uprašoŋk*, *pešćoŋk* (Рогозна); *nč* — *'tyrpanči* (Рогозна); *né* — *psinč*, *krync*, но и *syńc* (Парцов).

ń + ... В начале слова сочетания *ń* с последующими согласными в нижнелужицких говорах не образуются и могут выступать лишь в середине и конце слова, при

этом преимущественно на стыке морфем. Согласный никогда не сочетается с сонорными согласными, а только с шумными.

Сочетание *ńc* известно всем нижнелужицким говорам. По замечанию Щербы, согласный *ń* перед согласными вообще не употребляется в говоре дер. Вускидь⁸¹. Однако современные записи из мужаковского говора дер. Яблоньц содержат такие примеры, как *slōn·cko*, **uzeińc*, *płońc*, *pí'ańc*, *kōńcočać*, *'tykańc* и т. д.

Частота осуществления сочетания *ńc* по говорам неодинакова, так как обычно даже в соприкасающихся территориально говорах состав лексем, содержащих сочетание *ńc*, более или менее различается. Например, в говорах деревень Мост и Грожище, расположенных друг от друга на расстоянии 2—3 км, одинаково произносят: *mlińc*, *paleńc*, *śpeńc*, *mazańc*, *uzeńc*, *véńc*, *obyžreńc*, *'obyseńc*, *'drobińcki* (Мост) // *janā dro'beńcka* (Грожище), *'kyneńc*, *'svíneńc*, *'słyńco* (Мост) // *'svíńco* (Грожище), *'pudrańc*, но — *'tykanc*, *bíncaš*, *kí'janca* в дер. Грожище и *tykańc* // *tykanc*, *'bíńcaš*, *'kíjańc* в дер. Мост.

В пограничных говорах сочетание *ńc* вообще представлено в меньшем количестве слов, чем в говорах основной нижнелужицкой территории. Так, в дер. Блунь записано: *'paręenc*, *'mlińc*, *palenc* (но и *dvał 'paleńcał*), *'pianca*, *ńenc*, *'byńcás* и *te 'walkwańce kōńc*, *'svín·co*, *'wizzeńc*, *'guseńc*, *'na grańce*; в дер. Парцов: *'paręenc*, *'palenc*, *'koncoł*, *końc* и *'tykańc*, *mlińc*, *te walkwańca*, *'svíńcko*.

Во всех говорах согласный *ń* сочетается с последующими *k*, *k̄*. Но при этом колебания в составе лексем, содержащих эти сочетания, по говорам еще шире, чем это имеет место по отношению к *ńc* // *nc*. Так, в говорах деревень Барбук и Рогов произносят: *ŕeńk*, *meńk*, *l'eńk*, *zé'l'eńki*, *eńki*, *umeńk*, но *'zaxoŕeńk*, *kyleń'kowaś*, *'sańki* *'pystróńk*, *ślinka*, *'xoręńko* в дер. Барбук и — *zaxo'ŕonk*, *koleń'kowaś*, *'sańki*, *'sańki mótk*, *'postróńk*, *'ślinka*, *lo'p'en·ko* в дер. Рогов. Произносят: *kvíćoŋki* (Парцов, Бяздов), *kvíšon·ki* (Заброд), *kvíšinka* (Барбук), *kvíšeńko* (Грожище), *kóšeńka* (Мост); *grańka* (Грожище, Мост), *grańka* (Блунь, Парцов, Бяздов), но во всех этих говорах — *ŕeńk*, *leńk* // *lēńk*, *'zaxoŕeńk* // *xoręńk*, *meńk* и т. д.

⁸¹ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 22, 23.

Нередко произношение слова с *n* или *ń* перед *s*, *k*, *k'* может зависеть от индивидуальной произносительной манеры, которая в свою очередь обусловлена тем, насколько активно пользуется говорящий лужицким языком или предпочитает ему немецкий. В последнем случае частота произношения *ń* перед упомянутыми согласными снижается. Так, в слепянском диалекте произношение *tykanc*, *sluncko*, по наблюдению Шредера, чаще встречается у представителей молодого поколения⁸².

Различия в частоте употребления сочетаний *ńc*, *ńk*, *ńk'* в нижнелужицких говорах не выходят за пределы различий, касающихся фонемного состава лишь отдельных слов (морфем).

Значительно менее широко и более неравномерно распространено в нижнелужицких говорах сочетание *ń* с последующим *s*, также на стыке морфем. Сочетание этого рода характерно для основных нижнелужицких диалектов, встречается в слепянском и мужаковском. Мост: *łoińske l'ěto*, *młyński*, *popařeństwo*, *'seňska žeŕs*, *žeňska* // *ženska*, *żeńsa* // *żensa*; Барбук: *'pi'cański gat*, *myścęński droga* и *'gmeiński dajk*; Брезовка: *ta žeńska* (Sch., 87), *sl'ěp'iánske* // *slepjanske*, *łazańške* // *łazańske*, *džeńsa* (82); Яблоньц: *iąńške*, *jabłoński* // *jabłoinskī*, *żeńska*. И в то же время в дер. Парцов: *domowínska řec*, *žeinska*, *uonske leto*, *rejówanska*, *'drob·enska*; в дер. Блунь: *'svínski*, *'mynski*, но и *'uońske l'ěto*.

Наличие сочетания *ńs* в одних говорах и отсутствие — в других обуславливает различие в составе позиций различения фонем [n] — [ń].

Другие сочетания *ń* с последующими согласными немногочисленны и встречаются лишь в единичных словоформах. Это: *ńš* — *'tuńše*, *'ryńšy* (Грожище), но *'tunšy*, *rainšy* (Яблоньц); в словаре Муки приведено слово *mańšas*; *ńš* — *vystańšo* (Мост); *ńć* — *synćo* (Парцов), *skvańćana*, *slićka* (Барбук), *ćeńclaty* (Мост); *ńz* — *jańzel* (Мост, Рогов, Парцов и др.), *mańzelski štand* (Блунь). В последних двух случаях мягкость *ń* позиционна по своему происхождению. Уподоблению членов сочетания в отношении мягкости способствовало то обстоятельство, что согласные *ń* и *ź* не могли быть изолированы друг от друга, так как ни тот, ни другой в данных морфемах не вступает

⁸² A. Schroeder. Указ. соч., стр. 35.

в чередование с другими согласными. В тех же случаях, когда подобная изолированность возможна, в группе *ńz*, как правило, ассимилятивного смягчения не происходит. Ср. в говоре дер. Мост: *lant:na lanže, štunda:dve štunže*. В такой ситуации мягкость согласного *ń* перед *ž* приобретает фонемное значение (ср. *janžel — na lanže*).

Сочетание *ńt* содержится в слове *gyěńtza* (Рогозна).

В пограничных говорах многочисленны сочетания *ń* с последующим *j*: мягкость *ń* в этих случаях позиционна.

r+... В начале слова согласный *r* сочетаний с последующими согласными не образует. Что касается позиции *n̄* в начале слова, то здесь *r* широко сочетается как с сонорными, так и с шумными согласными. При этом сочетания, первым компонентом которых является *r*, в подавляющем большинстве случаев находятся в пределах одной морфемы. На стыке морфем согласный *r* вступает в сочетание с последующими согласными гораздо реже.

rn — 'carny, děrn, (Парцов), 'svěrny, 'guorný (Барбук), 'jaden'šporn (Мост); **rn̄** — 'žerňony, 'sturňia, 'sarňik (Заброд), ros'korňik, 'parňo (Рогов); **rm** — furman, larm (Терпе); **rm̄** — křarměna (Заброд); **rv** — 'mérwa (Блунь), 'obvorčane, kurwařida (Парцов); **rv̄** — 'corvík, barvíć (Заброд); **rł** — barłog (Мост); **rł'** — śerl'ica, kverlawia (Заброд), kerl'uš (Блунь); **rt** — 'korty, žertka (Парцов); **rd** — 'bardo, 'mērdar (Рогов), gíardo (Барбук), twardy l'uš (Мост); **rs** — šposarski, 'serske, péršeň (Парцов), **rz** — zmarz'ńony, morzgl'e (Рогов); **rc** — šorca, smarcas, kōrc, twarc (Заброд), na 'murce (Барбук); **rs̄** — věršk (Заброд), wuršta, měršče, čox pérsonax (Брезовка, Sch., 8, 85, 81); **rž** — smyřze (Парцов), džaržal'i, českjaržyć (Рогов); **rs̄** — žerš, sm'ers, p'ersčeň (Рогов); **ré** — 'čevercéone (Парцов), narc (Слепо, Sch., 31); **rž** — směržeš, žerže (Заброд); **rdž** — čítwērdžony, štyrdžesča (Брезовка, Sch., 77); **rp** — serp, 'serpska (Блунь), sčerpny (Мост); **rp̄** — škurpina, terpík (Заброд); **rb** — věrba, narba (Рогов); **rb̄** — sverbi, barbe (Заброд); **rk** — 'smarkaš, 'měrkuaš, kyřk (Блунь), 'karkoš (Рогов); **rk̄** — gyrmekyš, změrkki (Барбук); **rg** — tergaš, gíargača, ergerowac (Блунь); **rḡ** — sterghi (Рогов), cergi (Барбук); **rx** — věrx, marxwěl (Парцов); **rx̄** — marxeš, štifmuterxiny (Заброд).

Сочетание *ri* известно всем говорам, хотя и не одинаково широко. Согласный *r* в этом случае может приобретать позиционную мягкость.

ŕ+... Сочетания *ŕ* с последующими согласными в начале слова неизвестны нижнелужицким говорам. Не в начале слова согласный может сочетаться как с шумными, так и с сонорными согласными.

Сочетание *ŕ* с последующим *k*, образованное главным образом на стыке морфем, известно во всех нижнелужицких диалектах, хотя осуществляется оно по говорам не в одинаковом составе лексем. Барбук, Рогов, Мост: *pastyŕka*, *žuŕka*, *faraŕka* и *mark* (Барбук), *maŕk* (Рогов), *ceŕkwa* (Барбук, Рогозно) и *cerkwa* (Мост); *kerk* (Парцов) и *kerk* (Мост); Яблоньц: *ćityáŕk*, *džuŕka*, *keŕkočny*. Различная частота появления сочетания *ŕk* может быть обусловлена лексической и словообразовательной характеристикой того или иного говора. Ср.: *slódaŕka* (Терпе) — *šus’terka* (Рогов) — *’kraučoča* (Бяздов); *pšeda’waŕka* (Мост) — *’cedawa* (Бяздов).

Редко встречается сочетание *ŕ* с согласным *x*. Ср.: *verx* (Парцов), *ueŕx* (Рогозно), *zweŕxa* (Брезовка, Sch., 76). Наличие сочетания *ŕx* в одних говорах и отсутствие — в других создает различие в составе позиций противопоставления фонем [r]—[f]. Сочетания *ŕx* в случаях *nabeŕxeńki* (Барбук), *turxéle* (Рогов) к этому различию не подключаются, так как мягкость согласного *r* может быть здесь расценена как позиционная.

Нижнелужицкие говоры различаются в зависимости от того, образуют они на стыке морфем сочетание *ŕs* или *rs*. Сочетание *ŕs* широко представлено, например, в говоре дер. Мост: *šlodaŕski*, *þlakaŕski*, *spo’saŕski*, *štrei’taŕski* *luš*, *že’laŕska* *’apa*, *spívaŕske* *kňigły*, но *taka* *’narska* *baba*, *’myłarska* *lapka*. Говоры же деревень Барбук, Грожище, напротив, не располагают сочетанием *ŕs*: *bydlarski*, *segňarski*, *sŕiqarske* *’myłarska*, *że’qarski* *’cońki* и *svaiz’baŕske* (Грожище); *rou’karska*, *spě’warske* *kňigu*, *nam’šarske* *’spíwaňe* (Барбук). В говорах юга нижнелужицкой территории сочетание *ŕs* отсутствует. С употреблением сочетания *ŕs* связано различие в составе позиций различения фонем [r]—[f].

В некоторых говорах, главным образом на основной территории, согласный *r* может сочетаться с последующими мягкими шипящими спирантами. Мост: *veŕšo*, *žeŕš*, *žeŕze*, *smeŕš*, *karścik*, *ja* *’namgu* *’meržiš*, *to* *’smeŕži*; Грожище: *’veŕšo*, *do’smeŕsi*, *kaŕsc*, но *smeŕžiš*, *žerš*, *te žerze*; Барбук: *’veŕšóne*, *smeŕš*, *šeŕšeň*, *žerš*; Блунь:

'žerže, žers, 'sméržene, zveršeny vesy, но véršo, véršeš;
Рогов: *karsć, žerś, smers* и *véršo, šeršiń.*

В тех говорах, где в соответствии с *s, ž* основных нижнелужицких диалектов представлены аффрикаты *ć, dz*, согласный *r̄* с ними не сочетается. Ср. Бяздов: *'ćíverčene, smérdzēc; Яблоньц: ūérče* (imperat.).

Мягкость согласного *r̄* перед *s, ž* обычно позиционна, что подтверждают такие чередования, как *smérš : smertny* (Барбук), *žerže : žertka* (Мост). Исключение, по-видимому, составляет *imperativ véršo*, однако на фоне таких случаев, как *smérš, žerś* мягкость согласного *r̄* в *véršo* также приобретает значение позиционной и, напротив, в тех говорах, где *r* перед *s, ž* не смягчается, мягкость *r̄* в *véršo* имеет фонематическое значение. Рогов: *véršo — smérš.*

Таким образом, с наличием или отсутствием ассимилятивного смягчения *r* перед *s* связано различие в составе позиций различения фонем [r]—[f].

Согласный *r̄* в некоторых говорах может сочетаться с последующим *n̄*. Ср. Мост: *'šyjar'ńica, 'pratkarńica, 'šeřnowe įagody, sturńa* и *piakar'ńica, 'pakarńa, kajar'ńica, colkarńa*; Грожище: *pomegaŕńica* и *šešer'ńica, šyjar'ńica, prátkarńa, oblekar'ńica, tkařar'ńica, coř'karńa, kokošarńa, řezarńa*; в пограничных говорах — только *rñ*. Заброд: *'sarńa, 'sturńa, škörń, šcerńnowe įagody*.

Следует сказать, что Мука в своем словаре последовательно обозначает мягкость согласного *r* перед *n̄* в составе суффикса *-rná* (*kjarcmaŕna, mašeŕna, połkarńa, bijarńa, běricaŕna, kokošarńa* и т. д.). Неясно, чему в большей степени обязано такое написание, орфографическим нормам или произносительной практике того времени. Во всяком случае, современные говоры в большей своей части противоречат такому написанию.

Мягкость согласного *r̄* перед *n̄* позиционна. Поэтому с наличием или отсутствием сочетания *rñ* по говорам связано различие в фонетической реализации слабой фонемы, в которой нейтрализовано противопоставление фонем [r]—[f]. Мука в своем словаре приводит слова, содержащие сочетание *rñ*: *służbaŕnosć, pódmoŕny*. Однако в тех диалектных материалах, которыми мы располагаем, такого рода сочетаний не отмечено.

В некоторых говорах согласный *r̄* может сочетаться с мягкими губными. Мост: *'swér'bís, 'ceřva, 'šeřpeš*, но

Рогов: 'sverbiš, 'terpič, škur'pina; **Заброд:** 'sverbiš, 'švermiju, šerpeš; **Яблоньц:** ceřík, ceříče, sýerbi и т. д. Мягкость согласного *r* в этих случаях позиционна, ср. šerpeš : šcerpny (Мост). Различие по говорам состоит в фонетической реализации слабой фонемы, в которой нейтрализовано противопоставление фонем [r]—[f].

m + ... Согласный *m* в начале слова сочетается только с сонорными согласными. Не в начале слова возможны сочетания как с сонорными, так и с шумными. При этом с последующими губными согласный *m* сочетается только в словах немецкого происхождения. Исключение составляет *v* (*u*), с которым *m* сочетается только в тех говорах, где *t > u*. Что касается распределения сочетаний относительно морфемной границы, то на стыке морфем согласный *m* сочетается с последующими согласными реже, чем в пределах одной морфемы. На стыке морфем возможно сочетание *m* с *n*, *š*, *s*, *k*, *c*.

mn — ňekn'i'comna, 'zymna (Рогов), 'gumno (Мышин), 'ze množ (Мост); **mń** — 'na mño, mñe, 'tumñeše (Блунь), dymníkar' (Мышин), 'vezmňu (Барбук); **mr** — mrok, mros, įana mroj (Рогов); **mŕ** — zmŕika, za·mŕeta (Рогов), 'semŕewa (Заброд); **mv** — muošk (Барбук); **mł** — młody, młyń (Мост); **ml** — 'ml'oko, šaml'ik (Рогов); **mt** — amt (Рогозна); **mć** — amće; **ms** — zymska, ^hamster, to 'samsne (Заброд); **mz** — amzel (Рогов); **mc** — 'matce (Мост); **mš** — namša, 'dumšy (Заброд); **mž** — 'na mžo (Грошище); **mp** — 'pl'umtra, 'l'umtry, 'ymraš (Рогов); **mpŕ** — 'gimp·el (Заброд), 'šamp·ioňk (Рогов); **mb** — bambulka (Мука); **mb** — kim'berý (Барбук); **mk** — 'zamknus, 'py"domk (Мост), 'řeka jo ňimka (Заброд); **mg** — ia 'ná mgu (Мост).

Согласный *m* сочетается с *l*, приобретая при этом позиционную мягкость. Согласный *m̄* с последующими согласными не сочетается.

ł + ... В тех говорах, где имеется согласный *ł*, он может сочетаться как с сонорными, так и шумными согласными. Так, в дер. Мост: **łn** — 'połny, cołn; **łń** — pol'-neńe; **łm** — 'wałma; **łń** — na valme; **łt** — 'żolty, wał'tora, šolta; **łd** — 'kałdyny, połdńa, zetdgany; **łs** — 'kisalšy; **łż** — łzyca; **łs** — našolše; **łc** — na'bałce, žołc; **łb** — żałba; **łb** — żałbe; **łk** — bélk, cołka, połkaš, zakelko'waty; **łk** — małki 'uhas.

ł + ... В начале слова согласный *ł'* с последующими согласными не сочетается. Не в начале слова соглас-

ный *l'* образует сочетания преимущественно с шумными фрикативными и аффрикатами. Из сонорных с предшествующим *l'* сочетаются только *n*, *ń*, из шумных взрывных — *k* и *b*.

łn — 'pil'ny, 'gyl'na sowa, gél'n (Мост); *łń* — ko'wal'ńa, ve'tal'ńica; *łs* — ko'wal'ski, 'pyl'ski (Барбук); *łz* — 'sylza (Бяздов); *łš* — 'vylša (Барбук); *łc* — gylc, pélc (Грожище), 'spelco, stolc, 'kapalca (Парцов); *łb* — 'żdżel'ba (Мост), xval'ba (Барбук), 'zal'ba (Рогов); *łk* — 'xyl'ka, 'kul'ka (Мост), 'tvelka, 'selko (Заброд).

В словаре Муки приведены слова, содержащие сочетание *łx* — *felx*, *felxny*.

v+... Согласный *v* (*u*) с последующими согласными в начале слова не сочетается. Не в начале слова *v* (*u*) может сочетаться как с сонорными, так и шумными. Состав согласных, с которыми сочетается *v* (*u*), по говорам неодинаков и зависит от того, свойственно говору изменение *ł > u* или нет.

vn — píuńica (Мышин), 'gojn·eče 'vaki (Заброд); *vn* — cojn (Барбук), daçno (Слепо, Sch., 103), kšyŋny (Ус); *vr* — zaŋ'rōsis (Рогов); *vr* — 'zeur·eço (Заброд); *vl* — 'raułtka (Мост); *vl* — 'nauł'asć (Парцов); *vm* — только из *łm* — vauta (Барбук), cojm (Заброд); *vt* — только из *łt* — cauta, šouta, žouty (Заброд); исключение составляет лишь имеющееся во всех говорах слово *auto*; *vd* — 'zeułdgany, 'poudňa (Блунь), 'kaułdyny (Мышин), prauđda (Слепо, Sch., 128); *vb* — kjaułbas (Блунь); *vs* — ous (Мост), scítouškem (Брезовка, Sch., 75); *vs* — stroušy (Рогов); *vc* — žouc (Барбук), krauč (Бяздов), štauč (Брезовка, Sch., 131); *vs/vé* — na šouše (Грожище), na šouče (Бяздов); *vž* — žouže (Мышин); *vk* — 'nosočka, běčk (Парцов); *vk* — 'couk'i, 'rotmaukim (Заброд). Согласный *v* может сочетаться с *ł*, приобретая позиционную мягкость: ūjaś (Мост), žiúłak (Рогозна).

Согласный *ў* с последующими согласными кроме *ł* не сочетается.

§ 49. Сочетания шумных фрикативных с последующими согласными.

s+... Согласный *s* очень широко сочетается с последующими согласными. Но при этом возможности сочетания в пределах одной морфемы и на стыке морфем значительно различаются. Так, согласный *s* с большей частью сонорных сочетается только в пределах одной

морфемы и, напротив, с шумными — преимущественно на стыке морфем.

sn — *to 'samsnε, 'snowaš, snop* (Блунь), *'zgasnuš, šes-nasć* (Парцов); **sn̄** — *oūs'ńina, sňes, sňěk* (Рогов); **sr** — *sroka, se 'sromaš* (Мост); **sr̄** — *vôs'rédny* (Рогов), *sřoda* (Заброд); **st** — *stoma, slotki* (Мост); **st̄** — *drosl', sl'eckniča, sl'ička*, (Заброд), *slěpy, te 'musle* (Блунь); **sv** — *'svacyna, sňáne* (Парцов); **sv̄** — *světlo, to 'sverbi* (Рогов); **sm** — *smřok, smuga* (Рогов); **sm̄** — *směšne, 'na směrkax* (Заброд); **st̄** — *môst, 'rostuocena, hamster* (Заброд); **sc** — *vesce, kruscyna, 'scyńim* (Заброд); **ss̄** — *ja som níssa // níša* (Блунь); **sp** — *spud'ńica, spar* (Рогов); **sp̄** — *'spíwaš* (Рогов), *spe* (3 л. мн. ч.) (Барбук); **sk** — *ros'kor'nik, baska, skubaš* (Рогов), *sknuš* (Барбук); **sk̄** — *českijaržyč, 'muski* (Парцов); **sx** — *'sxojdźona, 'rosxytuć* (Парцов), *'sxowas* (Рогов); **sx̄** — *rasxén* (Парцов, Заброд); **si** — *siaty* (Яблонец); **sc̄** — это сочетание отсутствует в тех говорах, где ряд фрикативных зубных фонем в позиции перед ē нейтрализуется в фонеме, реализованной согласными ſ.

z + ... Возможности сочетания z с последующими согласными в пределах одной морфемы и на стыке морфем существенно не различаются.

zn — *ia 'znaiu, 'buzna, 'znam'jo* (Заброд), *ze'lazny, 'veznuš* (Рогов); **zn̄** — *'kazňa, 'namarzňeny* (Заброд); **zr** — *'zrowatka, 'zruby* (Мост); **zr̄** — *zrézać* (Бяздов); **zv** — *zvada, zvun* (Рогов), *zuosć, mazuo, gryzua* (Заброд); **zv̄** — *'zvézaš, zvére* (Заброд), *zveno* (Рогов); **zm** — *zmřika, roz'muda* (Рогов); **zm̄** — *roz'mela, zm'iatana* (Рогов), *zmňia* (Блунь). **zl** — *zły, złoto, złamas* (Мост); **zl̄** — *se 'zlu'bili, 'vinzlujo* (Парцов); **zd** — *gńezdo, 'zdres, roz'daļas* (Рогов); **zb** — *zburk, 'zbraśyś* (Рогов); *'zbóžo* (Парцов); **zg** — *'zgno, 'zgu-biš* (Заброд), *'morzgl'e* (Рогов); **zb̄** — *se zběžylo* (Рогов); **žg** — *'my'rzgi* (Барбук); **zi** — *zjesc* (Вускидъ, Щ., 13); **zdž** — это сочетание неизвестно тем говорам, в которых ряд зубных фрикативных фонем в позиции перед dz нейтрализуется в фонеме, реализованной согласным ž.

š + ... Согласный š в отличие от рассмотренных ранее шумных согласных в пределах одной морфемы сочетается с последующими согласными гораздо шире, чем на стыке морфем.

šn — *šnorka, šnyptuč* (Слепо), Sch., 136), *'fryšna doňka* (Блунь), *čišny* (Терпе); **šn̄** — *versňa, šníca, grěšnik* (Рогов); **šr** — *šrot* (Парцов); **šv** — *švyrnuš* (Мост), *švarm, šabl'ik*

(Блұнъ); **šv** — šverc, švermíju (Заброд), švicowas (Рогов); **šm** — šmeřze (Заброд), to šmek'io, štauc (Парцов), štox, šma'racki (Барбук); **šm** — šmel (Рогов); **šl** — čišla (Брезовка, Sch., 83); **šl** — slabak (Парцов), šl'i, košl'a, šl'axtowal'i (Рогов); **št** — štry'kowaš, štuſa (Рогов), što (Терпе), l'uſtna (Мышин); **šc** — boſco (Мышин), dvě 'druſce (Парцов), kryſc (Барбук); **šp** — ſpa (Терпе), ſpos, nejſpřeſ (Парцов); **šp** — špica, ze ſpiakom (Заброд); **šk** — 'bŕuško, škŕony, peršk, šklicka (Рогов); **šk** — šeſke, taſki (Мост). **šé** — в тех говорах, где ряд губных фрикативных согласных фонем в позиции перед č нейтрализуются в фонеме, реализованной в согласном š.

Из приведенных примеров видно, что большая часть слов, имеющих в своем начале сочетание š с последующим согласным, являются немецкими по своему происхождению.

š+... Сочетания согласного š с последующими согласными, вообще очень немногочисленные, образуются как на стыке морфем, так и в составе одной морфемы. Согласный š сочетается преимущественно с шумными, а из сонорных — только с m.

šp — ſpa, naſpra (Грожище, Мост, Рогов); **šp** — naſpē (Мост); **šc** — raſc (Мост), moſc (Мышин), в словаре Муки — błoſco; **šk** — šeſko (Мост), boſko (Заброд); **šm** — šma, šmaſe (Рогов).

Сочетание šč многочисленно в тех говорах, где ряд зубных фрикативных фонем в позиции перед č нейтрализуется в фонеме, представленной согласным š.

ž+... Сочетания согласного ž с последующими согласными немногочисленны. Согласный ž сочетается в основном с сонорными согласными. Из шумных с предшествующим ž сочетаются лишь d и b, и то в очень немногих словах. Сочетания на стыке морфем ограничены сочетаниями с n, ň, b.

žn — možno, zbožna, žnuta tſawa (Рогов), tva'rožny (Мост); **žň** — žní, 'cužník (Барбук); **žr** — žras (Блұнъ); **žr** — čižrebna (Парцов), žridlo (Мост); **žl** — žlob (Мост); **žv** — žvalo (Мост), žopor (Заброд), žvak žus (Терпе); **žv** — žveki žvíš (Грожище); **žd** — 'kuždy (Слепо, Мост); **žb** — družban (Рогов), do 'wužby (Заброд); **žb** — družbe (Брезовка, Sch., 81).

ž+... Согласный ž редко сочетается с последующими согласными. Чаще всего это сочетание **žb**: svažba (Терпе,

Мост, Рогов), *'svyjžba* // *svđžba* (Мост, Терпе), *do'wuzby* // *dó'wuzby* (Заброд); *ta'užba* (Терпе). В словаре Муки имеются, кроме того, слова *pširožba*, *góžba*, *pšisložba*, *pšepajžny*, *skšajžnosć*, *łozny*, *lažwo*, нам, однако, не встретившиеся. В дер. Рогозна зафиксировано сочетание *žn* в случае *neišpyžnej* и *žn* — в *srežny*.

Сочетание *ždž* имеется в тех говорах, где ряд зубных фрикативных фонем в позиции перед *dž* нейтрализуется в фонеме, реализованной согласным *ž*.

c + ... Согласный *c* чаще вступает в сочетание с согласными на стыке морфем. В пределах одной морфемы *c* образует сочетания только с сонорными. Исключение составляет сочетание *cž* в немецких заимствованиях.

cn — *'tucne, łacność* (Мост); **cn̄** — *'r̄écník, móćne* (Парцов); **cr** — *te 'creje* (Парцов); **ér** — *'cŕoço, 'cŕonak* (Блунь); **cl** — *clęek* (Мост); **cv** — *śvícuas* (Блунь), *cvęek* (Парцов); **čv** — *cíern* (Рогов), *cúikl'ate* (Брезовка Sch., 100); **cm** — *do 'kerctu* (Парцов); **cm̄** — *jacmeń*; **ct** — *ia du sect* (Мост, Барбук), *ia šla piact* (Мост); **ce** — *dvi kycce, 'vyccyn* (Мост), *xölcce, tei kôcce* (Слепо, Sch., 111, 114); **ck** — *píck, žreck* (Мышин); **čk** — *víldlicki, 'strycki* (Рогов); **cž** — *rácxen* (Рогов), *roŋt'šv·encxen <rotschwänzchen* (Заброд).

č + ... Сочетания *č* с последующими согласными вообще немногочисленны. Но при этом количество их неодинаково в говорах, имеющих аффрикату *č* в соответствии с *š* основных нижнелужицких диалектов, с одной стороны, и в говорах, где *š* существует наряду с *č*, с другой.

В первой группе говоров *č* сочетается с последующими согласными как на стыке морфем, так и в пределах одной морфемы. Парцов: **čm** — *čma, 'celećma*; **čm̄** — *čmelńica, to se čmi*; **čk** — *braćko, nućkox*; **čl** — *vaćlować*; **čp** — *paćpula*.

Во второй группе говоров *č* образует сочетания с последующими согласными главным образом на стыке морфем. **čk**, **čk̄** — *mała píčka, słabučki* (Мост), *'ryčka, řa'nučki* (Барбук), *ter'nučki* (Рогов); **čp** — *'paćpula* (Рогов); **čl** — *kvačlata 'žeňska* (Мост); **čn̄** — *žajćnejša gvestka* (Барбук).

dž + ... Согласный *dž* проявляет слабую активность в отношении сочетания с другими согласными. Нам

встретилось лишь сочетание *džb*: *ta'wuičdžba*, *'svačdžba*, *'svučdžba* (Бяздов).

x+... В подавляющем большинстве сочетания *x* с последующими согласными находятся в пределах одной морфемы. На стыке морфем *x* сочетается с *s* и *n*.

xn — *'zdexnus* (Рогов), *'raxnowač* (Парцов); *xn* — *kuxna*, *dřekixnešy* (Терпе), *'sproxneły* (Мост); *xr* — *xrom*, *'xrapka* (Рогов), *'roxryta* (Мост); *xr* — *xřebet* (Брезовка, Sch., 111), *'xřoxas* (Рогов); *xl'* — *'kaxlowa*, *xlěč* (Парцов), *xl'ep* (Рогов), *ta xřastva* (Лишков); *xv* — *'xvalis*, *'xvatas* (Мост), *bleiχas* (Блунь); *xv* — *'marxvej* (Заброд); *xm* — *xmel* (Мост); *xt* — *plaxta*, *xto* (Рогов), *'raxtowač* (Мост); *xš* — *suxšy* (Блунь, Парцов), *moxše 'leta* (Шкодов); *xš* — *'knexšík*, *na plaxše* (Мост); *xé* — *ku 'řuaxče*, *'knexšík*, *uoxé*, *v'eč* (Парцов), *to su 'koxče* (Бяздов).

В нижнелужицких говорах имеется фрикативный согласный *č*, который может употребляться и в позиции перед согласными. Однако в этом случае трудно говорить о сочетании согласных, так как *i*, находясь перед согласным, всегда артикуляционно объединен с предшествующим гласным в дифтонгическое сочетание.

§ 50. Сочетания шумных взрывных с последующими согласными.

t+... Согласный *t* в пределах одной морфемы сочетается преимущественно с сонорными согласными. Из шумных согласных с предшествующим *t* в пределах одной морфемы сочетаются только *k* и *š*. При этом *ts* имеется лишь в тех говорах, которые пережили изменение *tr > ts*.

tn — *gótnar*, *cantnar* (Рогов); *tní* — *přatníca* (Заброд). *tr* — *tračda*, *strowy*, *su trali* (Парцов); *trí* — *'wutřes*, *mustřix* (Заброд); *tv* — *'tvardy luš* (Мост), *tvarok*, *ratuč* (Рогов), *střosuc* (Парцов); *tv* — *třelka* (Заброд), *čítřerdžony* (Брезовка, Sch., 77); *tk* — *tkas*, *přatkarňa* (Рогов); в начале слова это сочетание может упрощаться в *k* — *kačar'ńica* (Барбук), *kalc* (Мышин, Грожище); *ts* — *tsawa*, *kmuts* (Рогов); *tl* — *te tla* (Мост); *ts* — *tsi* (Рогов); *ti* — *frištju-kočas* (Рогозна).

На стыке морфем согласный *t* сочетается с гораздо более широким ассортиментом последующих согласных, в том числе шумных.

tn — *'naletna*, *drasta jo 'wôtnosena* (Заброд), *ten dejšć* *byłby 'nutny* (Мост); *tní* — *šlextnešy* (Барбук); *tm* — *wytmlošiś*

(Мост); *tm* — *wôtmetuas* (Блунь); *tr* — *wy^treglowas* (Мост); *tr* — *votrezual'i* (Парцов); *tv* — *'metwowa šupka* (Блунь); *pastva*, *lastvo* (Заброд); *tv* — *'metveł*, *'brítveł* (Заброд); *tl* — *wytłomany*, *ja som metla* (Мост); *tl* — *'zmetlizny* (Блунь); *ts* — *letsa*, *wotstojana* (Терпе); *tc* — *'vôtcyńiś*, *psetce'raišym* (Рогов); *ts* — *'snotsy, xutsy* (Барбук, Рогозна); *tp* — *py^tpas, wytprosowaś* (Барбук); *tk* — *dobytk, gvestka, setk* (Заброд); *tk* — *snotki, snotkeišy, te lutki* (Терпе); *tx* — *wôtxidżena* (Яблоньц); *te* — *wôtćube* (Бяздов), *słotćeł, vytćisk* (Мост), но — *snoćełsy* (Бабов), *soćełsy* (Мышин); *ti* — *uy^tjeżony cik* (Рогозна).

d + ... В возможностях сочетания согласного *d* с последующими согласными в пределах одной морфемы и на стыке морфем нет существенной разницы. И в том и в другом случае согласный *d* сочетается главным образом с сonorными согласными.

dn — *'dva dny* (Мост), *dno, nierođny* (Слепо, Sch., 103, 124); *dń* — *op'sudník, ja zabydńom, dńi* (Рогов); *dr* — *'drobiś, drozdze* (Заброд), *pudryś* (Рогов); *dr* — *dřemas, dřewo* (Рогов), *pôdrezac* (Парцов); *dl* — *vidły, sedło, pydło'žeie* (Мост), *ŕecydło, dlymoko* (Брезовка, Sch., 8, 76); *dl* — *'by^tdil'i, 'mandle* (Парцов); *dv* — *seduo, ajnłodwaś, wobedwaś, roskiduaś, dvôr* (Блунь); *dv* — *dvé, medvětk* (Рогов); *dz* — *dza* (Рогозна), *'pydzamk* (Мост); *db* — *vodberal'i* (Парцов); *dg* — *dgas* (Мост, Рогозна, Мышин), может упрощаться в *g* — *gaś*⁸³.

Некоторые слова, содержащие сочетания *dn*, *dń*, *dl*, *dt*, включены в диалектные различия, связанные с фонемным составом отдельных слов (морфем). Эти различия вызваны ассимилятивными и диссимилятивными процессами, имевшими место в названных группах согласных. Однако ни в одном из говоров эти процессы не охватывают всех случаев соответствующих сочетаний, и состав лексем, в которых упомянутые сочетания подвергаются различным преобразованиям, по говорам неодинаков.

{*dn* : *rn* : *n*} — *'padnus* (Грожище, Мост) : *ŕarnus* (Заброд), *'parnus* // *'padnus* (Рогов) : *paniś* (Блунь, Бяздов, Бабов).

{*dn* : *rn*} — *spôdny* (Бяздов) : *spôrny* // *spôdny* (Рогов), *guodny* : *guorný* (Барбук).

{*dn* : *n*} — *'slêdny* (Мост) : *slêny* // *slêdny* (Блунь), *prény*, *'pôsleny* (Шкодов), *préna, slêna 'kara* (Мышин); *krydnus*

⁸³ Н. Фаßке. Указ. соч., стр. 58.

(Заброд, Грожище) : *'krynuš* (Шкодов, Горы, Бяздов); *'kradnuš* (Грожище, Мост) : *kranuš* (Заброд), *ukranuš* (Брезовка, Sch., 69). Во всех говорах местоимение *jan* // *jen* может употребляться в форме *ian* // *jen*.

{*dń : rń*} — *studňa* (Грожище, Рогов, Блунь, Мышин) : *sturňa* (Мост, Бяздов, Заброд, Рогозна); *wytańera'dńica* (Мост) : *wyteńera'nica* (Барбук).

{*dń : rń : n*} — *padńony* (Мост) : *parńo* (Рогов) : *pańony* (Рогозна).

{*dń : rń : lń*} — *'pśedńica* (Мост) : *pśer'ńica* (Грожище) : *pśelńica* (Мышин).

{*dń : n̄*} — *kłod'ńica* (Мост) : *'kzońica* (Заброд).

{*dt : gt : d*} — *dłymoko* (Брезовка, Sch., 8) : *glymoka vyda* (Мост) : *'dumoka voda* (Заброд).

{*dl' : gl'*} — *dla* (Слепо, Sch., 103) : *gla* (Мост), *dlejko* (Слепо, Sch., 103) : *glejko* (Заброд), *mandlowaś* (Барбук, Грожище, Мышин) : *manglowaś* (Мост), *man'głowaś* (Рогов).

{*dl' : rl'*} — *śstudlica* (Мост, Грожище) : *śturl'ica* (Рогов, Рогозна), *padla* (Мост) : *'parl'e*, *parl'aty* (Рогов); *kw'ełdlańka* (Мост) : *'kýirl'aña* (Мышин); *f'ídlař* (Мышин) : *f'irlar* (Заброд); *pydla nas* (Барбук) : *ja som roūno pôrla* (Рогов); *bydlis* (Мост) : *byrlis* (Яблонец).

p + ... Согласный *p* широко сочетается с последующими согласными. При этом сочетания с шумными согласными образуются как на стыке морфем, так и в пределах одной морфемы. Исключение составляют сочетания с *k*, *k̄*, встречающиеся только на стыке морфем, и с *χ* — только в пределах одной морфемы.

Сочетания же с сонорными сосредоточены преимущественно в пределах одной морфемы. Лишь с *n*, *n̄* согласный *p* сочетается на стыке морфем.

pn — *'krupna* (Заброд), *se ryprucić* (Бразовка, Sch., 83); **pn̄** — *'korńom*, *dup'ńica* (Рогов); **pr** — *'prozny* (Рогов), *proiś*, *śiprośna* (Заброд); **pr̄** — *'papřeńc*, *'přatńica*, *přena* (Заброд); **pt** — *'sopło*, *spło* (Мост), *te pļucka*, *pļug* (Брезовка, Sch., 76, 78); **pl** — *kneple*, *pleńu*, *plesńivy* (Парцов); **pv** — только в тех говорах, где *ł > ɿ* : *puaxta*, *ćorci*, *pçat* (Парцов); **pt** — *teptas*, *woptendlonę* (Блунь); **ps** — *raps*, *psyk* (Заброд), *ops'lěpiś*, *kups* (Рогов); **pe** — *żrepę*, *'rcočkař* (Парцов), однако в большей части говоров *'cočka*, *'cočkař*; *'l'ipce* (Мост); **pš** — *stlapšy*, *'pšeńica*, *pšowic* (Мост), *pšut*, *pšawa*, *pšosys* (Рогозна); **pš̄** — *op'segño*, *spšek* (Рогов), *pšiné* (Парцов); **pe** — *żapć*, *'napćesć*, *'pćaćeče*, *wopćegnuić* (Парцов);

pk — 'worpkorowaś, śćerpk (Заброд); **pk** — 'skipki (Блунь);
px — pxa, 'worphowaś (Заброд), orpho!żona 'drasta (Рогов);
px — pxi (Блунь).

Согласный *p* во всех говорах может сочетаться с последующим *i*, приобретая при этом позиционную мягкость. С другими согласными согласный *p* не сочетается.

b + ... Согласный *b* сочетается преимущественно с сонорными согласными как в пределах одной морфемы, так и на стыке морфем.

bn — 'krabnus (Рогов), 'rybne 'jaguy (Грожище);
bn — 'snužobník (Блунь); **br** — 'brajna, 'zbrašyś, bratš (Рогов); **br** — brák, bríx, jab'řaty, 'bráza (Рогов); **bł** — 'błome, 'bubło, obłoi (Мост); **bl** — 'obl'ac, ob'l'ińiś, 'bl'ido (Рогов);
bv — 'wobwor (Парцов), 'kobza, 'wobwocu (Заброд);
bm — 'wobmywać (Парцов), obmy'warska (Рогов); **bz** — 'debzak (Заброд); **bdz** — 'wobdze'wanę (Парцов), bdzo (Слепо, Sch., 86); **bz** — bżomy (Заброд), wobżewanu: **bg** — 'wobgolic, 'wobgrodźeny (Парцов).

Согласный *b* может сочетаться с последующим *i*, приобретая при этом ассимилятивную мягкость.

Согласный *b* с другими согласными не сочетается.

k + ... Согласный *k* широко сочетается как с шумными, так и сонорными, но преимущественно в пределах одной морфемы. На стыке морфем отмечены сочетания *k* с *n*, *ń*, *s* и *t/u* в зависимости от наличия или отсутствия *t > u*.

kn — 'knoblox, uknuś, wokno (Заброд); **kń** — 'kńigly, zapük'ńona (Рогов), 'ukník (Мост); **kr** — krync, 'krymar, škrabać (Парцов), kromicka, kreł, 'pokryta, 'kruška (Блунь); **kŕ** — 'skŕicka, na tym kŕiu (Заброд); **kł** — kły, 'kłusty, 'oblakla, kłup (Мост); **kł** — kł'eit, 'kł'asnuś, kł'in (Рогов); **km** — kmots (Заброд); **kv** — 'roskuadźanę, cérkwa, 'nakwasć, kwas, měrkwać (Парцов); **kv** — kvís'ina, cerkvi (Заброд); **kt** — kto (Мост); **ks** — malksa, daks (Рогов); **kš** — 'vinakšy (Рогов), měkši (Брезовка, Sch., 76), neļžgyrkše, kšeł, 'pokšita, kšyś (Мышин); **ks** — veks, loks (Рогов).

Согласный *k* в позиции перед мягкими согласными иногда может получать ассимилятивную мягкость: cér'kúina wy'sada (Мост), k'iězi (Барбук, Терпе), k'siś, k'sebiat (Заброд) и т. п.

g + ... Согласный *g* в отличие от всех ранее рассмотренных, по нашим наблюдениям, может сочетаться,

только с сонорными согласными. Сочетания образуются преимущественно в пределах одной морфемы.

gn — *gnoł, 'vugnaš* (Заброд); **gn̄** — *'lagne, 'gńiwę* (Блунь);
gr — *gras, grōniš* (Рогов); **gr̄** — *gręx* (Парцов), *grí'mańe, gr̄ioblo* (Рогов); **gl̄** — *głowa, głup, głymoka, głuiko* (Мост);
gl' — *gl'ina, gl'edaś, gl'a* (Барбук); **gm̄** — *'gmejna* (Рогозно);
gv — *'gvajgļiš* (Рогов), *'łogua, zguo* (Парцов), *'cołguas* (Заброд); **gv̄** — *gvęstka* (Заброд).

Сочетания *gn*, *gn̄* в основах глаголов на *-ni-* могут упрощаться в *n*, *ń*. При этом состав лексем, подверженных этому изменению, по говорам неодинаков. Ср. *'segnuś, segnarski kyń, tvarošk se šegno, mloko se 'zbegno* (Грожище); *to nebię io 'posegnone, 'segnuś, sęg'ńony vys* (Мост) и *'tvarošk se 'cińjo* (Бяздов), *tvarošk ośenuś, ten se šeńi* (Бабов), *sěnuś, to nebię io pyšeńone* (Мышин), *sęńeny kuń* (Заброд), *mloko se 'zbgęno* (Мост) и *'uběño* (Заброд); *se l'agnus* (Рогов) и *se lanuć* (Бяздов).

§ 51. Схема сочетаемости согласных в пределах морфемы. В качестве резюме вышёизложенного мы предлагаем две схемы — сочетаемости согласных в пределах одной морфемы и сочетаемости согласных на стыке морфем.

При определении морфемного деления мы сталкиваемся с двумя видами производных слов: 1) слова, производность которых подтверждается синхронными словообразовательными отношениями и морфемный состав которых поэтому вполне ясен, например: *tvaris—tvarc*; 2) слова, производность которых имеет чисто этимологический характер, так как современными словообразовательными отношениями не подтверждается; таковы *końć* (слова *kónaś, dokonaś* уже Мука определял как неупотребляемые), *mlińc* (*mlin* не употребляется)⁸⁴, *tkalc* (образования от причастия на *ł+суф.* с практически в других случаях неизвестны)⁸⁵, *palc, manżelski*⁸⁶ и т. п.

⁸⁴ Э. М у к а. Словарь нижнелужицкого языка, вып. 1. Пг., 1921, стр. 663.

⁸⁵ Михайлов приводит еще слово *gralc*, которое Мукой отмечено как неупотребляемое. См.: М. А. М и х а й л о в. Суффиксы имен действующего лица в серболужицком языке. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. XVII, 1959, стр. 197.

⁸⁶ О составе этого слова см.: М. Ш y m c a k. Термины родства и семейного свойства в истории польского языка и его диалектах. — Сб. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966.

В словах второй группы мы выделяем ту или иную морфему в том случае, если эта же морфема встречается в словах первой группы, т. е. на основании *tvaris*—*tvarc*, *klepas*—*klepc* мы и в словах *tkalc*, *mlinč* констатируем морфему *-c-*, а также *taš-k*, так как *dom*—*domk*, *pil-ny*, так как *věra*—*věrny*; *lac-ny*, так как *tbč*—*tbčny* и т. п. Если же морфемное деление слов второй группы не находит поддержку в морфемном делении слов первой группы, мы расцениваем его как одноморфемное. Именно на этом основании в слове *manželski* мы выделяем корень *manžel-*, слово *dern* считаем неразложимым на морфемы и т. д.

В первой из предлагаемых схем мы различаем сочетания в словах, заимствованных (немецких) по своему происхождению, с одной стороны, и в словах неиноязычного происхождения — с другой. Слова иноязычного происхождения могут иметь с точки зрения языка источника сложный морфемный состав и содержать сочетание согласных как раз на стыке морфем. Однако это морфемное деление теряет актуальность в языке (диалекте), воспринявшем соответствующее слово. Поэтому, например, в слове *štifmutterxiny* в нижнелужицких говорах мы констатируем сочетание *rž* в пределах одной морфемы.

Внутри как заимствованных, так и незаимствованных по своему происхождению слов выделяются сочетания, возможные в начале и конце слова (естественно, в пределах одной морфемы), и сочетания, встречающиеся лишь в середине слова. Сочетания, возможные в начале и конце слова в пределах одной морфемы, собственно и отражают в чистом виде возможности сочетаемости согласных в говорах.

Знаки, использованные в схеме, имеют следующие значения:

1 — сочетание возможно в начале или конце, или и в начале и в конце слов неиноязычного происхождения; то, что это же сочетание может встречаться также в середине слов незаимствованных и в любом положении в словах немецкого происхождения, в данном случае не учитывается.

2 — сочетание возможно в начале или конце слова, однако только в словах заимствованных; то, что это же сочетание может встретиться в середине слов любого происхождения, в данном случае не учитывается.

<i>Непод согл</i>	<i>п</i>	<i>п'</i>	<i>r</i>	<i>r'</i>	<i>m</i>	<i>m'</i>	<i>t</i>	<i>t'</i>	<i>w</i>	<i>w'</i>	<i>s</i>	<i>s'</i>	<i>ž</i>	<i>ž'</i>	<i>c</i>	<i>c'</i>	<i>dz</i>	<i>x</i>	<i>x'</i>	<i>t'</i>	<i>d</i>	<i>p</i>	<i>p'</i>	<i>b</i>	<i>b'</i>	<i>k</i>	<i>k'</i>	<i>g</i>	<i>g'</i>
<i>п</i>																													
<i>п'</i>																													
<i>r</i>	×																												
<i>r'</i>	+																												
<i>m</i>	☒	☒	☒	☒	+																								
<i>m'</i>																													
<i>t</i>	☒	+																											
<i>t'</i>																													
<i>l</i>																													
<i>w</i>	☒	++	+	☒																									
<i>w'</i>																													
<i>s</i>																													
<i>z</i>	☒	+																											
<i>š</i>	☒	☒	☒	☒																									
<i>ž</i>																													
<i>s'</i>																													
<i>z'</i>																													
<i>c</i>																													
<i>c'</i>	☒	☒	☒	☒																									
<i>dz</i>																													
<i>x</i>	+	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒
<i>x'</i>																													
<i>t</i>	+																												
<i>d</i>	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒
<i>p</i>	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒
<i>p'</i>																													
<i>b</i>																													
<i>b'</i>																													
<i>k</i>	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒
<i>k'</i>																													
<i>g</i>	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒
<i>g'</i>																													

× 1

☒ 2

+ 3

÷ 4

□ 5

3 — сочетание возможно лишь в середине (не в конце и не в начале) слов неиндоязычного происхождения; то, что это же сочетание возможно в середине (не в конце и не в начале) слов заимствованных, в данном случае не учитывается.

4 — сочетание возможно только в середине слова, при этом только в словах иноязычного происхождения.

5 — соответствующее сочетание включено в одно из диалектных различий, характер которых раскрыт в объяснении, данном ниже.

rl — сочетание включено в диалектное различие {*rl' : dl'*}, связанное с фонемным составом отдельных слов.

sć, *šć*, *ść* — сочетания включены в диалектное различие, связанное с характером фонетической реализации слабой фонемы, в которой нейтрализуется противопоставление ряда зубных фрикативных фонем в позиции перед *ć*.

zdź, *ždź*, *żdź* — сочетания включены в диалектное различие, связанное с характером фонетической реализации слабой фонемы, в которой нейтрализуется противопоставление ряда зубных фрикативных фонем в позиции перед *dź*.

št — сочетание представлено в говорах, имеющих местоимение *što* 'кто'; сочетание *št* включено в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов (*što : kto : xto*).

šp — в говорах, имеющих слово *špa* (вместо *špa*, *spa*); сочетание *šp* возможно и в начале слов иноязычного происхождения; сочетание *šp* включено в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов (*špa : špa*).

šp — это сочетание в начале слова возможно только в говорах, имеющих слово *špa* (не *špa*, *spa*), а в середине слова — в говорах, имеющих слово *pašpula* (не *račpula*, *racpula*); сочетание *šp* включено в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов.

si — сочетание включено в диалектное различие в фонемном составе отдельных слов (*siaty : śiety*).

śr — сочетание представлено в говорах, имеющих слово *račpula* и включено в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов.

xś — сочетание зафиксировано лишь в слове *toxše*, где оно появилось вследствие ассимилятивного изменения в группе *kś*; вероятно, сочетание это возможно не во всех говорах и включено в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов.

xc — это сочетание в конце слова (в начале слова оно вообще не употребляется) возможно лишь в тех говорах, где *kć > xc*; сочетание включено в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов.

xt — в начале слова это сочетание имеется только в тех говорах, где есть местоимение *xto* 'кто'; сочетание включено в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов.

tš — в пределах одной морфемы это сочетание возможно в тех говорах, где $tr > tš$; сочетание включено в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов.

tč — в пределах одной морфемы это сочетание возможно в тех говорах, где $tr > tč$; сочетание включено в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов.

tk — в пределах одной морфемы это сочетание возможно в тех говорах, где $tr > tk$; сочетание включено в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов.

tk — в начале слова может упрощаться в *k*; сочетание включено в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов.

ti — это сочетание не на стыке морфем встретилось нам лишь в слове *frištjukowaś*; вероятно, имеется не во всех говорах.

vn, *vt*, *vt*, *vb*, *vk*, *pv*, *bv*, *tv*, *cv* — эти сочетания возможны лишь в говорах, переживших изменение $t > u$; сочетания включены в диалектное различие, связанное с составом фонем.

pr, *př*, *pš* — частота употребления этих сочетаний по говорам неодинакова в зависимости от наличия или отсутствия результатов $pr > pš$, $př > pš$; сочетания включены в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов.

pš, *pč* — сочетания возможны только как результат изменения $př > pš$, $př > pč$ и отсутствуют в тех говорах, где представлены иные результаты изменения группы *př*; сочетания включены в диалектное различие в фонемном составе отдельных слов.

rc — это сочетание в пределах одной морфемы зафиксировано лишь в слове *rcouka*; в тех говорах, где в этом слове начальный согласный *r* утрачен, сочетание *rc* невозможно; сочетание включено в диалектное различие в фонемном составе отдельных слов.

dl — сочетание включено в диалектное различие $\{dl:gł\}$, связанное с фонемным составом отдельных слов.

dl' — сочетание включено в диалектное различие $\{dl':gl'\}$, связанное с фонемным составом отдельных слов.

dz — сочетание зафиксировано нами лишь в слове *dza*; в тех говорах, где это слово выступает в другой форме (например, *sylza*), сочетание *dz* отсутствует.

dg — сочетание может упрощаться в *g*; включено в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов.

r̄x — это сочетание возможно в тех говорах, где перед флексивными гласными переднего ряда произносится *χ* (*r̄xi*); сочетание включено в диалектное различие в фонемном составе отдельных слов.

kr — частота употребления этого сочетания по говорам неодинакова, в зависимости от наличия или отсутствия результатов изменения *kr > kš*; сочетание включено в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов.

kš — это сочетание в пределах одной морфемы возможно лишь в тех говорах, в которых результат изменения первоначальной группы *kr* представлен сочетанием *kš*; сочетание включено в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов.

kt — это сочетание возможно лишь в говорах, имеющих местоимение *kto* 'кто'; сочетание включено в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов.

r̄n, *r̄v*, *r̄p*, *r̄z*, *rs* — эти сочетания представлены в тех говорах, где в соответствующих группах происходит ассимилятивное смягчение; сочетания включены в диалектное различие, связанное с фонетической реализацией фонем, в которой нейтрализовано противопоставление [r] — [r̄] в позиции перед некоторыми согласными.

r̄x — сочетание встречается не во всех говорах и включено в диалектное различие, связанное с составом позиций противопоставления фонем [r] — [r̄].

§ 52. Схема сочетаемости согласных на стыке морфем. В этой схеме нет необходимости разделять слова иноязычного и неиноязычного происхождения. Слова иноязычного происхождения включаются в ту же систему грамматических и словообразовательных изменений, что и слова незаимствованные, т. е. морфемный состав слов иноязычного происхождения тот же, что и слов незаимствованных (ср. *švícowaś*, *šnatrowaś*, *tēn gártnar* и др.), а именно это и существенно при определении сочетаний, образующихся на стыке морфем.

Существенным, однако, остается выделение позиций начала и конца слова в сравнении с серединой слова, так как сочетания, встречающиеся в конце и начале слова, хоть и на стыке морфем, указывают на возможность соответствующего сочетания в пределах слога (ср. *kups* и *raps*).

$$+ 1 \times 2 \square 3$$

Знаки, использованные в схеме, имеют следующие значения:

1 — сочетание возможно только в середине слова (не в начале или в конце).

2 — сочетание возможно в начале и конце слова.

3 — сочетание включено в диалектное различие, содержание которого объяснено ниже.

Различия, связанные с употреблением того или иного сочетания согласных на стыке морфем, его наличие или отсутствие, различные изменения, могут быть включены в состав не только фонетических диалектных различий, но и морфологических.

n̄s, n̄c, řs, řk — включены в состав диалектных различий, связанных с составом позиций противопоставления фонем [n] — [ń], [r] — [ř].

n̄c — включены в диалектное различие, связанное с образованием форм инфинитива *krync* : *krynuć*, *pśinc* : *pśiś*.

s̄c, šč, śč — включены в состав диалектных различий, связанных с качеством фонетической реализации слабой фонемы, в которой нейтрализуется ряд зубных фрикативных фонем в позиции перед č.

zdž, ždž, zdž — включены в состав диалектных различий, связанных с качеством фонетической реализации слабой фонемы, в которой нейтрализуется ряд зубных фрикативных фонем в позиции перед dž.

šč — включено в диалектное различие, связанное с составом позиций противопоставления фонем [š] — [ś].

ct — включено в диалектное различие, связанное с образованием супина.

rw, cw, xw, gw — включены в диалектное различие, связанное с сохранением или утратой заударного ó в некоторых морфемах.

dn, dñ — включены в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов {dn : rn : n} {dñ : rñ : n} {dñ : rn : lñ}.

gn, gñ — включены в диалектное различие, связанное с фонемным составом отдельных слов (морфем) {gn : n} {gñ : n}.

dv, kv — включены в диалектное различие, связанное с составом фонем, так как на стыке морфем *d*, *k* сочетаются только с *u < t*; с другой стороны, наличие или отсутствие этих сочетаний может быть связано с сохранением или утратой заударного ó в некоторых морфемах.

§ 53. Общий характер организации консонантизма в нижнелужицком диалектном языке. Проделанный анализ состава согласных фонем, их фонетической реализации и распределения в нижнелужицких говорах позволяет сделать следующие выводы относительно органи-

зации консонантизма в нижнелужицком диалектном языке.

Во всех нижнелужицких говорах (частных диалектных системах) консонантизм включает наряду с системой сильных фонем также системы слабых фонем. Эти системы организованы на основе неодинакового набора дифференциальных признаков, выступающих на фоне признаков общих.

Признаками, в равной мере актуальными как для системы сильных, так и для системы слабых фонем, являются различие по локальному ряду (губной—зубной—средненебный—задненебный) и по взрывному—невзрывному образованию. Признаками, проявляющимися не во всех системах, являются участие голоса, мягкость, носовая артикуляция, а также признаки, связанные с детализацией внутри невзрывного способа образования (не все системы различают свистящее и шипящее, а также фрикативное и аффрикативное образование).

Система сильных фонем организована на основе максимума дифференциальных признаков. Фонемы, образующие эту систему, противопоставлены по участию голоса, по наличию или отсутствию мягкости, носовой артикуляции, различают свистящее и шипящее, фрикативное и аффрикативное образование. Противопоставление по мягкости актуально для всех рядов (исключая, естественно, среднеязычный). Эта система реализуется перед гласными.

Системой слабых фонем мы называем такую систему, которая в одном или нескольких своих разделах организована на основе меньшего числа дифференциальных признаков, чем система сильных фонем.

В нижнелужицком диалектном языке реализуются следующие системы слабых фонем.

1. Система, в которой возможно различение по участию голоса, фрикативности—аффрикативности, свистящему и шипящему образованию и твердости—мягкости, однако последнее осуществляется только в отношении некоторых фонем зубного ряда; отсутствует различение по носовой артикуляции. Эта система реализуется в позиции перед *m*: *smrók*—*rozmóda*, *wôtmyś*—*pôdmyś*; *smrók*—*kercma* // *karcma*, *smrók*—*šmorža*; *šma*—*šmorža* или *éma*—*wôtmločíć*.

2. Система, в которой возможно различение по твердости—мягкости, по фрикативности—аффрикативности,

свистящему и шипящему образованию, по участию носовой артикуляции, но отсутствует различение по участию голоса. В противопоставление по мягкости включены лишь фонемы зубного ряда. Эта система реализуется перед *k*, *p*, *b* и на конце слова.

Перед *k*: *zeŋko* — *peńk*, *smarkaś* — *żurka*, *cołka* — *xyłka*, *břuško* — *šeško* или *dobytk* — *braćko*; *skokaś* — *byčk*, *šeško* — *ničkox*; *skokaś* — *břuško*; звонкие согласные перед *k* невозможны.

Перед *p*: *špos* — *naɪšpa*, *spa* — *paćpula* (Рогов); *spaś* — *špos*; звонкие согласные перед *p* невозможны.

Перед *b*: *družba* — *svôjžba*, *svařba* — *garba*, *žałba* — *xvalba*; *wudzba* — *zbrasyś*; *družban* — *zbrasyś* (Рогов); глухие согласные перед *b* невозможны.

Конец слова: *kon* — *dern*, *kur* — *dər*, *nis* — *nos*; *mōc* — *nos*; *noš* — *nos*.

3. Система, в которой возможно различение по участию голоса, по фрикативности—аффрикативности, свистящему и шипящему образованию, по участию носовой артикуляции, но отсутствует различение по твердости—мягкости. Эта система реализуется перед сонорными (кроме *m*). Например, перед *n*: *snop* — *znaś*, *neřešny* — *mōžno*, *naletna* — *dno*, *krupna* — *rybny*, *uknuś* — *gnoł*; *tusny* — *snop*; *snop* — *šnora*; *zymny* — *rybny*; мягкие согласные перед *n* невозможны.

4. Система, в которой возможно различение по фрикативности—аффрикативности, свистящему и шипящему образованию, но отсутствует различение по участию голоса и по твердости—мягкости. Эта система реализуется в позиции перед многими шумными согласными. Например, перед *t*: *sect* — *mōst*; *štunda* — *stol*; *amt* — *teptas*; звонкие и мягкие согласные перед *t* невозможны.

5. Система, в которой отсутствует различение по свистящему и шипящему образованию, по участию голоса, по твердости—мягкости. Актуально противопоставление по локальному ряду, по взрывности—невзрывности и по участию носовой артикуляции. Эта система реализуется в позиции перед *ć* и *dź*: *kōść* // *kōsć* — *na šanće* — *amće* — *pćacel* — *pięccō* (Бяздов). Разновидностью этой системы является система, в которой отсутствует к тому же различие и по фрикативности—аффрикативности: *kōsć* — *na šanće* — *pćeza* — *wusćo* (Слепо). В говорах, имеющих фонемы [ś], [ż] и изменяющих *c > s* *

перед *ć* (например, дер. Грожище, где произносят *sesć*, но *pesćoŋk*), слабая фрикативная зубная фонема является вообще единственной согласной фонемой, возможной в позиции перед *ć*, *dž*.

6. Система, в которой отсутствует различие по фрикативности—аффрикативности в группе шипящих, по участию голоса и твердости—мягкости. Эта система реализуется в позиции после *s*: *kyšć* — *šeško* — *šta* — *rasć* (Мост).

Приведенные системы слабых фонем осуществляются во всех говорах. Кроме того, имеются системы слабых фонем, реализующиеся лишь в некоторых говорах.

1. Система, в которой при отсутствии различия по участию голоса возможно противопоставление по твердости—мягкости не только в зубном, но и в губном ряду; подобная система реализуется в тех говорах, которые частично сохраняют мягкие губные на конце слова.

2. Система, в которой, при отсутствии различия по участию голоса в позиции перед шумными согласными, различие по тому же признаку возможно в позиции конца слова. Эта система обычно реализуется параллельно с системами, приведенными выше под цифрами 2 и 4.

3. Система, в которой при различении по участию голоса по фрикативности—аффрикативности и свистящему и шипящему образованию противопоставление по твердости—мягкости осуществляется только в губном и зубном ряду, но не задненебном; подобная система реализуется в позиции перед *a*. Разновидностью этой системы является система, в которой в задненебном ряду по твердости—мягкости противопоставлены только взрывные фонемы, но не фрикативные; эта система реализуется в позиции перед *e*.

Варьирование систем слабых фонем по говорам связано с различием в составе позиций противопоставления тех или иных фонем.

Как система сильных, так и системы слабых фонем сочетают элементы, общие для всех говоров, с элементами, различающимися по говорам.

В системе сильных фонем общим является наличие и функциональная характеристика фонем [j], [n], [í], [r], [f], [s], [z], [c], [p], [þ] [b], [þ], [m], [m̚], [v], [v̚], [k], [k̚], [g], [g̚], [x], [x̚].

Во всех говорах имеются фонемы — зубная, взрывная глухая и звонкая [t], [d] и зубная фрикативная шипящая глухая и звонкая [š] [ž]. Но в одних говорах в определение этих фонем включается, кроме того, признак отсутствия мягкости, в других — нет.

Не во всех говорах система сильных фонем включает фонемы [š], [ž], [t'], [d'], [šč], противопоставленные по мягкости фонемы [l] — [l'] и соответственно не противопоставленную по мягкости фонему [l].

В системе слабых фонем общими для всех говоров являются фонемы:

[зубная носовая, не противопоставленная по твердости—мягкости],

[губная носовая, не противопоставленная по твердости—мягкости],

[зубная вибрантная, не противопоставленная по твердости—мягкости],

[зубная фрикативная свистящая, не противопоставленная по участию голоса],

[губная взрывная, не противопоставленная по участию голоса и по твердости—мягкости],

[задненебная взрывная, не противопоставленная по участию голоса и по твердости—мягкости],

[задненебная фрикативная, не противопоставленная по твердости—мягкости],

[зубная фрикативная, не противопоставленная по участию голоса, твердости—мягкости, свистящему и шипящему образованию], а в некоторых говорах эта фонема к тому же характеризуется непротивопоставленностью по фрикативному и аффрикативному образованию.

В то же время имеются слабые фонемы, представленные не во всех говорах. Это выражено в диалектных различиях:

{[зубная взрывная, не противопоставленная по участию голоса]: [зубная взрывная, не противопоставленная по участию голоса и по твердости—мягкости]} — это различие реализуется в произношении *tkać*, *ćta* — *wđtmyć*, с одной стороны, и *tkas*, *śta*, *wy^ə(ō)tmyś* — с другой,

{[зубная фрикативная шипящая, не противопоставленная по участию голоса]: [зубная фрикативная шипящая, не противопоставленная по участию голоса и по твердости—мягкости]} — *ńiś*, *noś* в первом случае, *ńić*, *noś* — во втором,

{слабая фонема [зубная латеральная, не противопоставленная по твердости—мягкости]: сильная фонема [ʃ]} — *pô(y^e)l'ski, coln — pil'ny*, в первом случае, и *pô(y^e)l'ski, coñn, pilny* — во втором,

{слабая фонема [зубная невзрывная шипящая, не противопоставленная по участию голоса]: сильная фонема [t'] } *sele, scelny*, в первом случае, *ćele, scelny* — во втором.

Как сильные, так и слабые фонемы по говорам могут иметь неодинаковую фонетическую реализацию. Это касается фонем: [ý], [ɪ] (коррелятивной по мягкости), [š], [ž], [t'], [x] (в позиции конца слова), [задненебная взрывная, не противопоставленная по участию голоса и по твердости—мягкости (в позиции конца слова)]: [зубная фрикативная].

Все согласные фонемы, хотя и не одинаково широко, включены в диалектные различия, связанные с фонемным составом отдельных слов (морфем). Другой стороной различий этого рода является неодинаковая частота употребления в говорах той или иной согласной фонемы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявив структуру фонологической системы нижнелужицкого диалектного языка и определив характер и состав диалектных различий, так или иначе включенных в эту систему, мы можем попытаться ответить на вопрос о том, что внесено в фонологическую систему нижнелужицкого диалектного языка и в структуру нижнелужицких звуковых диалектных различий той специфической языковой ситуацией, которая характерна для нижнелужицких диалектов. Напомним, что определяющим в этой ситуации являются: 1) немецко-лужицкое двуязычие; 2) функционирование языка лишь в диалектной форме; 3) изолированное функционирование частных диалектных систем.

В условиях немецко-лужицкого двуязычия создаются широкие возможности для немецкого влияния на нижнелужицкий диалектный язык. Результаты этого влияния отражены и в фонологической системе.

Вместе с немецкими лексическими заимствованиями нижнелужицкими говорами воспринята фонема [f], а говорами основной нижнелужицкой территории — еще и фонема [χ] (в этих говорах согласный χ возможен лишь в заимствованных словах). Легко заметить, что эти фонемные инновации вполне укладываются в тот набор дифференциальных признаков, на основе которых организуется нижнелужицкая фонемная система. Появление этих фонем не вносит ничего нового в те отношения, на основе которых строится нижнелужицкая фонологическая система. Фонема [χ] включается в уже существующие отношения по твердости—мягкости, фонема [f] примыкает к фонемам, различающимся на основе глухости—звонкости. Поль-

заясь терминологией Милевского¹, можно сказать, что фонемы [χ], [f] могли быть восприняты говором только потому, что они еще до своего появления, благодаря специфике фонологической системы, предполагались в ней в качестве «потенциальных» фонем.

Примером инновации, развившейся в результате преобразования фонетического облика заимствованного слова сообразно нормам нижнелужицкой дистрибуции, является возможность противопоставления по твердости—мягкости в ряду зубных взрывных и фрикативных свистящих согласных. Эти нововведения, расширяя возможности осуществления корреляции твердости—мягкости, также вполне укладываются в рамки существующих фонемных отношений.

Из сказанного видно, что возможность проникновения через лексические заимствования новых фонемных элементов определена нормами нижнелужицкой фонологической системы, до сих пор являющейся достаточно надежным фильтром при усвоении немецких заимствований. Ср. также такое преобразование немецких заимствований, как утрата начального *h* в говорах, устранивших аналогичную протезу.

Однако немецкое влияние может осуществляться не только путем лексических проникновений. В условиях немецко-лужицкого двуязычия у носителей нижнелужицких диалектов нарушаются лужицкие артикуляционные навыки, заменяясь навыками немецкой артикуляции. Иногда результаты этих изменений не выходят за пределы физиолого-артикуляционного уровня. Ср. возможность реализации фонемы [r] в увулярном согласном, фонемы [l], противопоставленной по твердости—мягкости,—в *l* среднем. В других случаях, напротив, последствия того же рода изменений проявляются на фонемном уровне. Так, видимо, в замене лужицких артикуляционных навыков немецкими следует видеть первопричину ослабления корреляции твердости—мягкости в нижнелужицком диалектном языке. Немецкой артикуляции чуждо синхронное образование мягких согласных. Это свойство немецкой артикуляции проявляется и у носителей нижнелужицкого диалектного языка, с одной стороны — в виде

¹ См.: T. M i l e w s k i. Derywacja fonologiczna. «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego», IX. Kraków, 1949.

бслабления степени мягкости согласных, и в виде асинхронного артикулирования мягких согласных — с другой. При этом намечаются диалектные различия в зависимости от состава согласных, охваченных асинхронной артикуляцией. Ср. диалектное различие в фонетической реализации фонемы [ń] в зависимости от участия в ней $n^i // n\dot{\imath}$, различие в фонетической реализации фонемы [f] в зависимости от частоты участия в ней $r^i // r\dot{\imath}$.

Существенным образом отразилось немецкое влияние на сочетаемости согласных в нижнелужицком диалектном языке. Возможности сочетаемости согласных значительно расширены за счет немецких заимствований.

Обратимся к вопросу о том, каким образом отсутствие непрерывности функционирования частных диалектных систем, включенных в нижнелужицкий диалектный язык, отражается на характере нижнелужицких звуковых диалектных различий.

Среди нижнелужицких звуковых диалектных различий можно выделить группу различий, имеющих синхронно-структурное значение и реализующихся в принципиально неограниченном круге слов (морфем). Это различия, связанные с наличием или отсутствием в системе отдельных фонем ([ð], [y*], [ě], [š], [ž], [t'], [d'], [śc], коррелятивной пары [l] — [l']), с характером фонетической реализации отдельных фонем ([e], гласные фонемы в начале слова, [ń], [š], [ž], задненебные фонемы в конце слова), с составом позиций различия по тому или иному признаку ([n] — [ń], [r] — [f] перед s; [k] — [k̄], [g] — [ḡ] перед a; глухость — звонкость в позиции конца слова). Большая часть различий этого рода в своем происхождении обусловлена неограниченными в отношении лексики процессами, имевшими место в территориально ограниченных диалектных группах. Именно вследствие этих изменений территориально ограниченные группы говоров презентируют определенные диалектные типы. Изофоны таких различий обычно достаточно четко разграничивают отдельные группы говоров. Ср., например, карту результатов изменения *o после губных и задненебных не перед губными и задненебными²; карту, отражающую сохранение

² Z. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków Łużyckich. Kraków, 1934, карта IV.

согласного *l* и его изменение в *ȝ*³; карту сохранения и утраты ё перед твердыми согласными в говорах северной части Нижней Лужицы⁴. Можно заметить, что содержание различий этого рода всегда может быть определено как отношение «есть—нет», проявляющееся в принципиально не ограниченном лексическом (морфемном) ряду.

Другую группу образуют диалектные различия, реализующиеся в ограниченном круге слов (морфем) — различия в фонемном составе отдельных слов. При этих различиях отношение «есть—нет» может быть выявлено лишь при сопоставлении отдельных слов.

¶ Диалектные различия этого рода можно разделить на несколько видов в зависимости от устойчивости в масштабах нижнелужицкого диалектного языка круга лексики, в которой это различие проявляется, и в зависимости от возможности использования диалектного различия в характеристике диалектных типов.

В строго ограниченной группе слов в нижнелужицком диалектном языке проявляются звуковые различия, генетически обусловленные процессами, носившими регулярный характер, т. е. происходившими во всех тех случаях, когда для этого имелись необходимые условия. Такого рода различия образованы результатами изменения первоначальных групп *tr*, *pr*, *kr* и *pr̄*, *kr̄*. Первоначально результаты изменения этих групп образовывали диалектное различие на уровне фонемной системы (т. е. укладывались в отношение «есть—нет» в неограниченном лексическом ряду). Однако в дальнейшем с появлением новых групп *tr*, *pr*, *kr*, *kr̄*, *pr̄* то же различие было сведено до уровня фонемного состава отдельных слов.

В устойчивом в масштабах нижнелужицкого диалектного языка круге слов осуществляется и различие, связанное с разной заменой **l* после губных перед согласными (ср.: *ročny*, *ročkas* (Барбук): *relny*, *relkas* (Рогов): *račny*, *račkas* (Блунь).

К числу звуковых диалектных различий, осуществляющихся в устойчивой группе слов, можно отнести и

³ P. Wirth. Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas, Lief. 1. Leipzig, 1933, Kartenband, карта № 7.

⁴ H. Faßke. Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964, карта № 42.

различие, вызванное изменением начального *x* в *k*. Это изменение известно всем говорам, исключая мужаковский и слепянский. При этом по говорам в некоторых словах, в масштабах нижнелужицкого диалектного языка входящих в группу, охваченную изменением *x>k*, это изменение может и отсутствовать, но за пределы этой устойчивой группы слов изменение *x>k* не распространяется. Это слова *ky^ežyšćo*, *kšen*, *kleb*, *kšebiat*, *komet* (Рогозна); в мужаковском диалекте в этих словах представлен согласный *x*. Различие, состоящее в наличии *k* или *x* в начале слов, объединенных в устойчивую группу, может характеризовать диалектные типы. При этом может быть выделено три диалектных типа: 1) результаты изменения *x>k* отсутствуют; 2) результаты изменения *x>k* представлены во всех словах определенной группы; 3) результаты изменения *x>k* известны, но представлены они не во всех словах определенной группы; внутри последнего диалектного типа результаты изменения *x>k* порождают диалектные различия в фонемном составе отдельных слов, проявляющиеся лишь на уровне частных диалектных систем.

Диалектные звуковые различия, проявляющиеся в устойчивой группе слов, как правило, образуют изоглоссы и могут характеризовать диалектные типы.

Иной вид звукового диалектного различия, характерного для отдельных слов, образуют различия, вызванные нерегулярными звуковыми изменениями, т. е. осуществляющимися не во всех тех случаях, когда для этого имеются необходимые условия. Слова, в которых проявляется такое диалектное различие, в масштабах нижнелужицкого диалектного языка устойчивой группы не образуют. Результаты нерегулярных изменений могут быть представлены даже во всех говорах, но при этом состав слов, в которых проявляются эти изменения, в частных диалектных системах неодинаков. Поэтому отношение «есть—нет» может быть выявлено лишь на уровне сопоставления отдельных слов (а не групп слов). Такого рода различия образованы изменениями в группах *dñ*, *dń*, *gn*, *gń*. Сюда же можно отнести результаты изменения *dl>rl* и *rl>dl* в некоторых словах, представляющих собою старые немецкие заимствования. Ср.: *šturlica*, *kýirla^aga*, *fídlař* (Мышин): *študlica*, *kŵerlawa*, *fidle* (Гро-

жище) : *studlica*, *kvédlauka*, *f'idle* (Мост) : *kwerlawa*, *f'irle* (Заброд).

В связи с рассматриваемым типом диалектного различия можно назвать также результаты изменения $e > o$, $e > a$ после мягких согласных, а также $\dot{w} > \dot{i}$ в начале слова; последнее в случаях *žyto jaš* (Грожище) : *jaš* // *žjaš* (Мост), *wjaš* (Прявоз); *to se jeći* (Ус) : *to se veći* (Заброд).

Такие различия сами по себе не могут быть использованы для характеристики разных диалектных типов. Можно лишь констатировать диалектное различие в частоте результатов того или иного изменения.

В то же время результаты некоторых нерегулярных звуковых изменений в отдельных словах могут образовать изоглоссу, благодаря чему соответствующие диалектные различия могут быть использованы при характеристике диалектных типов. При этом звуковое изменение может осуществляться и в других словах, но там его результаты не образуют изоглоссу. Так, например, в нижнелужицком диалектном языке распространено изменение *s* > *š*. Муке видит его причину в немецком влиянии, хотя в некоторых случаях очевидна и ассимиляция соседним шипящим⁵. Результаты этого изменения образуют изоглоссу в словах: *styři* (основные нижнелужицкие диалекты); *štyři* (пограничные диалекты); *šoča* (основные нижнелужицкие диалекты); *soča* (пограничные диалекты); *skórka* // *skyérka* (пограничные диалекты и диалект к западу от Котбуса⁶) : *škórka* // *škyérka* (остальные диалекты). В то же время можно привести гораздо большее количество примеров, в которых выбор согласного *s* или *š* является особенностью частной диалектной системы и не может быть связан с диалектным типом. Ср.: *jaškolicka* (Грожище, Лишков, Мышин); *jaškolicka* (Рогов, Бабов, Ус, Заброд), *jaškořicka* (Блунь); *skobřeňk* (Бабов), *skobřoňk* (Рогозна); *škobřyek* (Барбук, Заброд, Мост); *skražk* (Нова Яс, Лишков); *škražk* (Барбук); *sprosk* (Ус, Бабов) : *šprošk* (Грожище), *špyérsk* (Мост); *sníčka* (Мышин, Лишков) : *sníčka* (Барбук, Рогов); *sntca* // *sníčka* (Заброд); *spliska* (Барбук) : *špliška* (Мост); *smuška* (Барбук, Рогов,

⁵ См. об этом: K. E. M u c k e. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache, Leipzig, 1891, стр. 184, 186.

⁶ Ср. карту распространения *skóra* // *škóra*, *škyéra* на севере Нижней Лужицы (H. F a b k e. Указ. соч., карта № 55).

Нова Яс) : *šmuška* (Рогов, Ус), *smuška* // *šmuška* (Лишков); *lan sušyš* (Заброд) : *tvarošk šušyš* (Ус), *sušyš* // *šušyš* (Лишков); *sydřešk* (Мышин) : *sydřiški* (Лишков).

Вставка согласного *r* образует изоглоссу в слове *murski* (основные нижнелужицкие диалекты) : *muski* (пограничные диалекты), но в словах *karščik* (Мост, Лишков), *šešerńica* (Грожище), *žvyrт* (Лишков, Ус), *suržłok* (Мышин) вставка согласного *r* является особенностью частных диалектных систем. Вставка согласного *w(ŋ)* в словах *šeštuo*, *tintua* образуют изоглоссу⁷, наличие же *w* в слове *młatwel* — это особенность говора дер. Рогов.

Другие примеры изоглосс, образованных различиями в фонемном составе отдельных слов: *bôrk* (пограничный диалект) : *zbôrk* // *zbyrk* (основные нижнелужицкие диалекты); *nyka* (пограничный диалект) : *knyka* (основные нижнелужицкие диалекты); *ćmel* (вероятно, главным образом пограничные диалекты) : *šmel* (основные нижнелужицкие диалекты); *ńac* (пограничные диалекты) : *Ńac* (основные нижнелужицкие диалекты); *ńacki* (пограничные диалекты, ср. Бяздов, Блунь) : *ńacki* (основные нижнелужицкие диалекты, ср. Бабов, Мышин); *saňak*, *sańica* (пограничные диалекты) : *samák*, *samicka* (основные нижнелужицкие диалекты); *sva(i)žba* (основные нижнелужицкие диалекты) : *svařba* (Яблоньц).

Перечисленные диалектные различия в фонемном составе отдельных слов независимо от того, образуют они изоглоссу или нет, порождены звуковыми изменениями, которые являются осуществлением тенденций, проявляющихся или в компактных группах говоров, или в диалектном языке в целом, но с разной степенью интенсивности в частных диалектных системах.

Однако в нижнелужицком диалектном языке большое количество диалектных различий в фонемном составе отдельных слов вызвано такими звуковыми изменениями, логика которых может быть прослежена только в пределах конкретного слова. Так, диссимилияцией по способу и месту образования вызвано диалектное различие *gwošeze* (Бяздов) : *gwotēze* (Блунь), *ryžykne* (Грожище) : *ryžytny* (Мышин): сближением по месту образования — *romkerar* (Рогов, Мышин) : *roykerař* (Бабов); *překńica* (Парцов) : *přatńica* (Терпе); метатезой — *slobro* (Мышин) : *sr'oblo*.

7 H. Faßke. Указ. соч., карта № 70 (*šeštuo* // *šesto*).

(Рогов), *kauđunu* (Барбук) : *kadañu* (Парцов), *śpřošk* (Грожище) : *śpȳrsk* (Мост).

В ряде случаев звуковое изменение в слове может быть объяснено лишь забвением исходной словоформы. Таковы *ťeſens* (Рогов) : в других говорах *ťeſez* // *ŕeſaz*; *ńeńeřitka* (Рогозна) : *łerebicka* (Блунь) : в других говорах *ńeńeřicka*; *spaň* (Грожище) : *sparn* (Лишков), *sparn* (Ус); *zgaga pal'i* (Ус) : *žgaga* (Мышин) : *gaga* (Грожище) : *žaga* (Терпе); *šužoñk* (Ус) : *šužoñk* (Бабов); *ta súiña gnurli* (Бабов) : *gnurcy* (Грожище); *celać* (Бяздов) : *celaść* (Терпе); *zapartk* (Ус) : *zaparsk* (Бяздов) : *zapask* (Нова Яс) : *zaparstk* // *zaparsk* (Мышин); *kurwota* (Мост) : *kurota* (Мышин) : *kurdotu* (Нова Яс) : *kurotu* (Рогозна); *glozyñk* (Лишков), *glozoñk* (Терпе) : *glozoñki* // *blozoñki* (Заброд) и др.

Вследствие сочетания нескольких звуковых изменений в пределах одного слова возникают такие не образующие изоглосс ряды диалектных различий, как: *sužoñk* (Рогозна) : *suržłok* (Мышин) : *šužoñk* (Ус) : *cužoñk* (Нова Яс) : *šužoñk* (Бабов); *sřeſlo* (Барбук) : *sřosuo* (Ус) : *cřosuo* (Лишков) : *třosuo* (Грожище); *gřardo* (Барбук) : *giarduo* (Ус) : *gřaruo* (Нова Яс) : *gřadlo* (Рогов) : *gřarbo* (Бяздов); *šeršeń* (Мышин) : *šeršin* (Рогов) : *šeršel* (Бабов) : *šoršeńc* (Рогозна) : *čeršeń* (Терпе); *spřosk* (Ус) : *sprosk* (Лишков) : *spřostk* (Рогозна) : *śpřošk* (Грожище) : *śpȳrsk* (Мост); *spl'iška* (Барбук) : *spl'iška* (Терпе) : *špliška* (Рогов) : *śpriška* (Бабов) : *spliška* // *śpriška* (Мышин); *iąskolicka* // *iaškolicka* (Барбук) : *iąskol'icka* (Мост) : *iaškořicka* // *iaškolicka* (Заброд) : *iaškořicka* // *iaškol'nicka* (Терпе). Члены двух последних диалектных различий демонстрируют разные ступени ассимиляции по шипящему // vibrantному образованию: крайние точки *spliska* — *śpriška*, *iąskolicka* — *iaškořicka*; в последнем слове к звуковым различиям добавлены еще и словообразовательные; элемент словообразовательного различия внесен и в случае *šeršeń* : *šoršeńc*.

Можно было бы назвать и другие диалектные различия в фонемном составе отдельных слов такого типа. Ср. приводимые Мукой результаты звуковых изменений, которые он называет спорадическими⁸; многие из них порождают диалектные различия, при которых одно из соответственных явлений реализуется в одной или нескольких, но

8 К. Е. Мукк. Указ., соч., стр. 130, 233, 273.

территориально разрозненных частных диалектных системах.

Из сказанного можно сделать вывод, что спецификой нижнелужицкого диалектного языка является обилие (особенно разительное для столь небольшой территории распространения языка) диалектных различий, осуществляющихся на уровне фонемного состава отдельных слов. При этом большая часть этих различий вызвана нерегулярными звуковыми изменениями, т. е. осуществляющимися не во всех тех случаях, когда для этого представлены необходимые условия. Реже нерегулярное звуковое изменение осуществляет тенденцию, характерную для компактной группы говоров, чаще — проявляется лишь в пределах частной диалектной системы.

Обилие диалектных различий в фонемном составе отдельных слов, вызванных нерегулярными звуковыми изменениями, является следствием изолированного функционирования частных диалектных систем, характерного для нижнелужицкого диалектного языка. Территориальные, а часто генерационные ограничения, определяющие рамки функционирования частных диалектных систем, приводят к тому, что частные диалектные системы используются в очень небольших, изолированных друг от друга коллективах. В этих условиях нормирующая роль коллективного языкового сознания и опыта ослабляется и, напротив, приобретает некоторую свободу индивидуальный произносительный произвол. Разумеется, свобода эта ограничена условиями понятности. Тем не менее и в рамках этих условий облегчаются различные ассимилятивные, диссимилятивные, аналогические звуковые проявления. С одной стороны, они могут осуществляться в рамках закономерностей, вообще характерных для лужицкой артикуляции (вставка *r*, *w*(*u*) *x* > *k*, *s* > *š*) — в этом случае выбор слов определяет собою диалектное различие; с другой — аргументацию изменения можно найти лишь в пределах данного конкретного слова. Предпосылкой звуковых изменений второго рода является забвение исходной словоформы, — следствие как немецко-лужицкого двуязычия, так и сужения коллектива, использующего частную диалектную систему.

Характерное для нижнелужицкого диалектного языка отсутствие непрерывности функционирования включенных в него частных диалектных систем обусловило специфику,

нижнелужицкого изменения *e* > *o* после мягких согласных. Изменение *e* > *o* связано с оформлением корреляции мягкости и вытекающей из этого дефонологизацией противопоставления по ряду в пределах одного подъема⁹.

Нижнелужицкие говоры отличаются тем, что в рамках приблизительно определяемых условий¹⁰ результаты изменения *e* > *o* в каждой частной диалектной системе проявляются в составе слов (морфем), который в целом не может быть отождествлен с составом слов, охваченных тем же изменением в других частных диалектных системах. Ср., например, приводимые Фаске результаты изменения *e* > *o* в говорах отдельных деревень, входящих в диалект Ветшау. Даже в одинаковых позициях в одних словах представлен гласный *o*, в других — *e*: *cora* и *jacər*, *šorcu* и *c'erpu*, *scíréç* и *plócu*, *polo* и *zele*, *môro* и *ŕeče*, *kšyšo* и *šyše*¹¹. Мы считаем, что столь неунифицированное осуществление нижнелужицкого перехода *e* > *o* может быть объяснено следующим образом.

Изменение *e* > *o* возникло как фонетическая тенденция, осуществление которой было возможно, но не обязательно: ведь в фонологическом отношении изменение *e* > *o* ничего не меняло — как в сочетания *t'e* — *to*, так и в сочетания *t'o* — *to* была включена одна и та же гласная фонема среднего подъема (для периода до совпадения первоначальной замены *ъ с *e* и до изменения ё, возникшего в результате стяжения после утраты интервокального *j*, в *e*). Поэтому в частных диалектных системах изменение *e* > *o* в рамках определенных позиций осуществлялось в разном круге морфем, выбор которых был случаен.

Для того, чтобы тенденция изменения *e* > *o* генерализовалась и осуществилась в принципиально не ограниченном круге морфем, необходимо участие факторов, стоящих за пределами собственно фонемной системы. К числу

⁹ См.: Л. Э. Калинын. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961, стр. 32.

¹⁰ Ср., например, определение, даваемое Шустером-Шевцом: *e* изменяется в *o* перед твердыми согласными, преимущественно переднеязычными, и на конце слова после мягких. Изменение проводится непоследовательно — особенно перед губными и задненебными (H. Šewc. Stawizny hornjeje a delnjeje serbščiny. «Serbščina». Listowy studij za wucerjow. Maly Wielkow, б. г., стр. 1467).

¹¹ Н. Фаске. Указ. соч., стр. 90—91. См. также данные из дер. Жилов (Z. Stieberg. Указ. соч., стр. 13, 14).

таких факторов относится междиалектное смешение, распространение одних диалектных систем за счет других. В этих условиях в каждой частной диалектной системе увеличивается количество морфем с $o < e$ (морфемы с $o < e$ одного диалекта + морфемы с $o < e$ другого диалекта + . . .) вплоть до такого положения, когда $o < e$ оказывается представленным во всех или почти всех морфемах, содержащих необходимые для этого фонетические условия.

Как было показано выше, специфика функционирования нижнелужицкого диалектного языка никогда не создавала таких предпосылок для унификации результатов изменения $e > o$.¹²

Непоследовательное проведение характерно и для других звуковых инноваций позднего периода. Так, в виде различий в фонемном составе отдельных слов выступают результаты изменения $e > a$, после мягких согласных, осуществляющегося на грани между XVI и XVII вв.¹³ Изменение $dn > n$ на стыке морфем, известное почти всем говорам и отраженное в памятниках с XVII в.¹⁴, ни в одном из говоров не проведено последовательно.

Предпосылки для возникновения в нижнелужицком диалектном языке большого количества диалектных различий в фонемном составе отдельных слов создаются также слабым развитием и использованием нижнелужицкого литературного языка. Литературный язык, имеющий письменную фиксацию, по отношению к диалектам, существующим только в устной форме, обычно играет роль фактора, нивелирующего диалектные различия. Но в то же время литературный язык по отношению к диалектам может выполнять известную роль внешненормирующего фактора в части явлений, общих литературному языку и диалектам. Отсутствие этого внешненормирующего фактора в речевой практике носителей нижнелужицких говоров, также создает условия для свободы индивидуального, в частности, произносительного произвола.

¹² См. об этом также: Л. Э. Калинина. Из истории нижнелужицкого вокализма. — Сб. «Исследования по серболужицким языкам» (в печати).

¹³ Н. Sewc. Указ. соч., стр. 1469.

¹⁴ К. Е. Миске. Указ. соч., стр. 250.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В РАБОТЕ ТРАНСКРИБИРОВАННЫХ ПРИМЕРОВ

Русским переводом снабжаются примеры, взятые из ответов на «Программу», из магнитофонных записей, а также примеры, записанные нами в ходе личных наблюдений над некоторыми нижнелужицкими говорами.

В списке для перевода примеры даются в той же форме и в тех же словосочетаниях, что и в тексте работы.

Перевод раскрывает лишь те значения, которые слово имеет в говоре того населенного пункта, где слово записано.

Abo — или	arka — нож
aby — чтобы	astər — астра
adfič — полевая горчица	astma — астма
aјškaš — гладить, ласкать	aš — когда
aїnłodwaš — приглашать	
aїta-aїta — аппелиатив для кошки	Baba — бабушка; старая женщина
ak ja ma⁹uč būč — когда я ма-	bačo — боров
ленький был	bajxta — исповедь
ak šidu vōt tēje kul'i — как при- дут с вала (о нитях на ткац- ком станке)	bakšy's:əl — миска для теста
ale — но	ban'ja — тыква
ambos — наковальня	bant — лента
amče (местн.) — в учреждении	bałka — балка
ampo — кот	barba // barva — краска
amstraſ — хомяк	barbe (местн.) — краске
amt — учреждение	bardo — бердо
amzel — дрозд	barłog // bargłog — гайно, логово
ancaigočaš — давать показания	barvíš — красить
ancuk — костюм	bas — сирень
andlar — торговец	baska — лохань
andryški — крыжовник	basxíjk — лоханка
anglowaš — удить	batkař // břatkař — бондарь
antfeižer — ручная метелка	bazonjki (им. мн.) — цветы си- рени
antwal — полотенце	bədl'il'i su — жили
antwortowaš — отвечать	bəja // bəa — сука

bēs — сирень
 besk // bē'esk — молния
 betxer — бондарь
 beamtař — служащий
 belič — белить; чистить вареный картофель
 beršta — щетка
 bezwocu — лицо
 bez duха — без дыхания
 hexag — бокал
 běgaš sə — находится в состоянии течки (о коровах)
 běl'e štrumpy — белые чулки
 běl'iš — белить; чистить вареный картофель
 bělk // běd̄k — белок
 běl pěsk — белый песок
 bělce — белое
 běw̄i (мести. пад.) — белой
 běžy // běžy — бежит (вода)
 biadqo // běiadqo — набилки (в ткацком стане)
 bick — было цепа
 bít — быть
 bís — быть
 bíce — белое
 bícye — белый
 břacu — блеет
 břatkař — бондарь
 břaxar — бокал
 břome — травянистая лужайка
 břotko — долото
 břysk — молния
 bl'aíka — доска в заборе
 bl'ačka — лает
 bl'ed'y — бледный
 blejxčaš — белить холст
 blido — стол
 bl'ido utřeš — вытереть стол
 blitko — столик
 blotčaš — гладить
 boce byl'i — болит в боку
 bočon — аист
 bog — бог
 bogowę jabłuš'ki (им. мн.) — плоды шиповника
 bogouč — божий
 bok — бок, сторона
 bočko sə — находится в состоянии течки (о козе)
 bola — брус, бревно
 bolane — бревенчатые, брусковые

boř'i (3 ед.) — болит
 bom — дерево
 boříe — травянистая лужайка
 bona — железная дорога
 borša — подмастерье, подручный
 bosok gđle — босого ребенка
 bošco — долото
 bošan // bōšon — аист
 boško // blosko // botko — долото
 bôl — боль
 bôl'escé — рана
 bôlej — более
 bôliš — болеть
 bôna — боб
 bôrk — бадья
 bôsy — босой
 bôšen // bôšon — аист
 bôš:o — долото
 bôž:e spače — вознесение
 brać — брат
 braća — братья
 braći a šoći — братья и сестры
 bračko — братик
 brajna — рожа (болезнь свиней)
 brašpu — увечный
 bras — взять украдкой, украсть
 bratša (род.) — брата
 braux'ju — они нуждаются, им нужно
 brauχčač — нуждаться
 břak — берег
 břaska — дружка на свадьбе
 břaza — береза
 břazoč gríp — подберезовик
 břazočy — березовый
 břemé // břemo — ноша
 břitv'ej — бритва
 břuška // břušeo (им. ед.) — икра (на ноге)
 břúx — живот
 brotſana — сковорода
 brozda — бороэда
 brozye n — пар
 brožna — сарай
 brôzda — бороэда
 bruňík — гнедой конь
 brusčik — точильный камень (брюсок)
 bružníca — сарай
 brytwyš // brytvej — бритва
 bubeňki (им.) — крыжовник
 bublo — бутон
 bubl'in — пуговица

budźo (3 ед.) — будет
 buk — бук
 buo jo — было
 burski — крестьянский
 búrik — крестьянин
 butra — сливочное масло
 butraňka — пахтанье
 buzzna — шрам
 buç jo — был
 bzo — будет
 byck // bycко — бычок
 bydlar — житель
 bydlarski — жилой
 bydliš // bydliš — проживать
 byjaś se — бояться
 byk — бык
 bugrowax (местн.) — в дер. Борковах
 byšupočę šnobele — герань
 byšan — аист
 byuo jo — было
 bylda — картина
 byrgaiske — по-городскому
 byrkoprylc — подберезовик
 byek — бычок
 byedliš — проживать
 byek — бык
 byel'i — болит
 byegy — гудит, ворчит
 byesa — босая
 byesy — босой
 byes — быть
 byesan — аист
 byežy — божий.

Cajz·ink — чиж
 samperowal'i su — провожали
 масленицу
 cantnar — центнер
 carny — черный
 carnę kyn — вороной конь
 cart — черт
 cartuč (род.) — чертей
 casuč (род.) — времен
 casy — иногда
 cašeduo // cašyduo // cašyduo —
 пугало
 caulta — булка
 cazar — трубочист
 cejzařik // cejzařka — щедилка
 cejzeňočka larka — тряпка для
 процеживания молока
 cejzowa — щедильная

cela čoxa ix jo — их много (це-
 лая куча)
 celać // celaś // celaś — прислуha
 celažník — слуга
 celažny — слуги
 cerańi (тв.) — цепом
 cerpeltuxy — платки с кистями
 cerpataf // cerpataf — учитель
 seru (им.) — цеп
 cergene — красное
 cefene jagody — брусника
 cergenu — красный
 cergi (им.) — косяк (у дверей)
 cerk'ja // cerkva // cerkva // cerg-
 kva // cerkvej — церковь
 cerkwina wysada — церковная
 община, приход
 cergenepu kaç — красная капуста
 cervík — червяк
 cesak — гребень
 cesas — чесать (волосы)
 cesawa — гребень
 cesćiš — уважать, оказывать
 внимание; чистить
 cesneje (род. ед.) — честной
 cesta // ceysta — чистая
 cesć — честь
 cesćone ordzič (3 мн.) — им ока-
 зывается внимание, уважение
 cędu — целый
 cęhojč — женская форма фами-
 лии Цех
 cęxi // cyexi — чехлы на перину
 cęek — муж, мужчина
 cojgdaś — давать показания
 colkarña — пасека
 colkoč kaścič — улей
 cołn — лодка
 colo // colo — лоб
 coŋk — челнок
 cop — главный древесный ко-
 рень
 cora — вчера
 corvík — червяк
 cowaś se — дремать
 coŋp // coŋp — лодка
 coŋp'ik — челнок
 cōčkoč kopr — улей
 cęče (им.) — ботинки
 cęebaś — хлебать
 crenak // crenak — коренной зуб
 cřewa // cřowa — кишki
 cřop — осколок, черепок

číoso — предплужник
 cr̄.ovo — кишка
 cukér // cukor — сахар
 cukerowané (им. мн.) — сахарные, с сахаром
 ciuk̄očk kogr — улей
 cuzy — чужой
 cužník — резец
 cužočk — фитиль
 cvoňk — сустав пальца
 cybul'a — лук
 cyc — сосок
 cucus (им. мн.) — соски
 cygel — кирпич
 cygločná — кирпичный завод
 cyp'í (3 ед.) — делает
 cyp'k — желток
 cunkoč — комар
 cypamí (тв.) — цепом
 cyp'eltux — платок с кистями
 cypeltuxax (местн.) — в платках с кистями
 cyscóny — чипперный
 cysty — чистый
 cyščiš — чистить
 сузу — целый
 cyžbula — лук
 cyegl'oučnica — кирпичный завод
 cyšscíš — чистить
 cyžuki (им. мн.) — шпули

Čah — страх
 čohu — немного
 čuna — струна
 čužník — резец
 čumy (им.) — женская грудь

Čaška — троша
 čažník — дерни
 čax — страх
 čaži — страх
 čeče — всегда
 čedawa // tčedawa — продавщица
 čele — теленок
 čenčlaty — избалованный
 čeňik // čeňík — моток пряжи
 čeňjo (3 ед.) — тянет
 čepal'i su — трещали (лен)
 čepany — трепаный (лен)
 čerlica — трепало (сущ.)
 čeršeň — шершень
 česatę — студень
 českijaržyč — обвинять

čestań // tčestań — перестань
 često — тесто
 češi (им.) — чехи
 češtrajxować — зачеркивать
 česa zorta — третий сорт
 češć — трясти
 čévercónę mloko — снятое молоко, обрат
 čeha — крыша
 čelaś — стрелять
 često — тесто
 češke — тяжелое
 češi — третий
 čečo — тело
 čí // tčí — три
 čí tej — при этой
 číč — прийти
 tčidu — приду
 čikup — выкуп (за невесту)
 čina-čina — аппелятив для свиней
 čínjo — отстаивается (о сыре)
 čip-čip — аппелятив для кур
 čiprosna — супоросая
 čisnuš — бросить, кинуть
 čiše — тихо
 čiško — тяжело
 čišla jo — пришла
 čišny // čišnye cęek — тихий человек
 čitwar'jony — пристроенный
 čituačk — пристройка
 čižfeba — жеребая
 tčižašco — тридцать
 čízo (3 ед.) — придет
 čix kóňoč — трех коней
 čixaś — чихать
 čmel — шмель
 čmelníca — пастушья сумка (трава)
 čox (род.) — трех
 čohu — немного
 čučko — щенок
 čumaś — сосать грудь
 čumrać — качать колыбель
 čip, čipík — струп

Dać // das — дать
 dajſo — дайте
 daks — барсук
 dawaś — давать
 deal'i // dekal'i (su) — были должны (долженствовали)

dębzak — карман
 dei (3 ед.) — долженствует
 deš — долженствуешь
 dešć — дождь
 dešćowy — дождевой
 dekel — крышка
 demfaʃ // demfer — котел
 demfio se — парится
 demfowaś — парить (пищу)
 dено — желудок у скота
 der — развора (в телеге)
 der-e — очень
 dern — дерн
 deš // dešć // dejś // deš:ik —
 дождь
 dgać // dgaś — лгать
 dgař — лжец
 dlužko — долг
 dlužk — долг
 dlymoko — глубоко
 dňouči (род. дв.) — двух дней
 do brožňók — к сарайм
 do domuč — по домам, домой
 do dvanašćix — до двенадцати
 do gumna — в сад
 do jadnasćix — до одиннадцати
 do jagod — по ягоды
 do jamou — в ямы
 do kerstmу — в трактир
 do kusouč — наречие со значе-
 нием 'никуда не годно'
 do lub·eňja — в дер. Любен
 do nevěšćinego veza — в телегу
 невесты
 do pystole — в кровать
 do sletka^o hýs — возвращаться
 do spy — в комнату
 do suda — в бочку
 do svažbyfskego domu — в сва-
 дейный дом
 do škedydowa — в Шкодов
 do ucbye — на ученье
 do walikóu — в вязанки
 do wedy — в воду
 do wetaukou — в закрома
 do ýerbna — в дер. Вербно
 do wojny — на войну
 do wosoč — к волосам
 do woža — в постель
 do zymjogo — до зимы
 do žasešicx — до десяти часов
 do xyšebuza — в Котбус
 dobry — хороший

dobytk // dobyťk — скот
 dojć — доить
 dojšowy eim̄ar — подойник
 dojen·ie — дойка, доение
 dojiš // doiś — доить
 doiř // doi (3 ед.) — доит
 dojenočy // dojšowy — доильный
 dojšoč šamlík — скамейка для
 доения коров
 dojšpy — в комнату, в дом
 domačoč — домашние
 domej // domoř — домой
 domowinska gęc — родной язык
 dosć — достаточно
 dozoř — вниз
 dozoř pečaš — валить (деревья)
 dō pystoli — в кровать
 dōu — деревенский пруд
 drapaš — скрести, чесать
 drapo (3 ед.) — чешет
 drasta // drastua — одежда
 drasta jo wótnosena — платье
 изаношено
 dr'eane // dr'ejane — деревянное
 dreane // drejane tofle — дере-
 вянные туфли
 drejane akse — деревянные оси,
 drewo // dfevo // drewo — дрова,
 древесина
 drječo kroiš — колоть дрова
 drékiňnejšy — самый грязный
 dr'emaš — дремать
 dr'esl'ař — токарь
 dřeſ ſeſe — драть перо
 dřeuko — дрок
 dřeňe // dřiňe — ревматизм
 drobeńcka // drob'enska — кроши-
 ка
 drobeński // drob'eńske // dro-
 biński (им. мн.) — крошки
 drobiš — крошить
 drobijona — раскрошенная
 droga — дорога
 drogok mantla — дорогое
 пальто
 drosł — дроzd
 drozdźeje // drozdźeje // drožd-
 źeje — дрожжи
 drugé "ul'icyś — другое расска-
 зать
 drugégo — другого
 drušče (дат.) — дружке

družban — сват; дружка
dub — дуб
dužoŋki (им. мн.) — желуди
duć — дуть
duk — долг
dumajty (им. мн.) — шутки
dumé — глупо
dumoči — глубокий
dumšy — более глупый
dup·eňe — крещение
dupiš — крестить
dupnica — купель
dupony — крещеный
duxter — доктор
dva dny — два дня
dwaj — два
dvaj supa¹ // supaј — два столба
dvery^e (им. мн.) — дворы
dve aúse — две автомашины
dve bron'e — две бороны
dve góleši — два ребенка
dve grunze — два пескаря
dúe ūdnej — две красивые
dveju dnóu — двух дней
dwema celećma (тв. дв.) — двумя
телятами
dwé kul'catej — две круглые
dvé lëše — два лета
dvéju (род. дв.) — двух
dvi kycce — две кошки
dvi žeńsce // žeńskej (им.) — две
женщины
dvoje nažymo — две осени
dvyiće — дважды
dwyr — двор
dza — слеза
dyba⁰da — подножка на прылке
dybotaś — толкать, двигать
dybzak — карман
dyłmoče — глубокое
dym // dy^em — дым
dymníkař — трубочист
dymny — дымный
dyš· rano — когда утром
dyž — когда
dyh — дыхание
dyxaś — дышать
dytísc — дождь
dyrkotaś — дрожать

Dzak — благодарность
džaržal'i su — держали
džasno — десна

gžen· — день
džerki (им. мн.) — дырки
džeržańik — рукоять
džeúizna — дичь
džeža — дежа
džet — муж
džěwać — работать
džibawy — лихорадочный
džícel'in — клевер
džiwamy — мы дивимся
džiwy — дикий
džoúeo // džóúeo — девушка, де-
вочка

Ejdyša — гречиха
ekawa — икота
ela — ад
el'ejń — олень
endryška — крыжовник
eýgst // eýgšt — жеребец
eýki // eýki — подтяжки
erdbery // ərtbety (им.) — зем-
ляника
eżerować — сердиться
eżela (род.) — осла

Fajga — веялка
faigowaś — веять
fajnucki — тоненький
fam·il'iia — семья
famíl'iôu (род. мн.) — семей
farar — пастор
farafa (род.) — пастора
farańka — жена пастора
farar·ki (род.) — жены пастора
farańođu — пасторский
feršta — конек дома
f'ega — веялка
fejfa // fejfa — трубка
f'iber — лихорадка
f'idlař // f'irlař — скрипач
f'idle — скрипка
f'ilcowe — pantofle — меховые
туфли
f'il'nik — напильник
f'ingorot — наперсток
f'inj'k — зяблик
flak — часть вспаханного поля
flanca — растение
flastar — пластырь
flejšar — мясник
flinta — флейта
fort yś — уйти

fóter — отец
 frejénica // frejleńica — незамужняя
 fréx — нахальный
 frištíkuočaś — завтракать
 frišt'ik·dómu — мы завтракаем
 frištykowat — supin от «завтракать»
 fruxt — плод
 fryjar· — холостяк
 fryjna — незамужняя
 fryšna dojka — корова новодойка
 fryštukowaś — завтракать
 fuks — рыжий конь
 furman — кучер
 futrowaś // futruwać — кормить скот
 fylník — напильник

Gaga — изжога
 gak'erjo — крякает (утка)
 gałusku (вин.) — ветку
 galanda — гирлянда
 ganc skražu — совсем тихо
 gańaś — бегать
 gańik // gańik // gan·ik · — лесник
 gańja (3 ед.) — бегает
 gajk — коридор
 garba — тмин
 garło — горло
 garona — ворона
 gat — пруд; змея
 gaus — ветка
 gadlo — птичий з.
 gaga (3 ед.) — гогочет
 garsć // garsć: — горсть
 gartnar· — садовник
 gejubiom (тв.) — голубем
 gejup — голубь
 gęlc — мальчик
 gęlcu (им. мн.) — мальчики, ребята
 gęl'ku (вин. ед.) — лесок
 geln // geln — еда в поле, кусок хлеба
 geńiś — гнать
 gerść — горсть
 gejść — гость; гвоздь
 gerc — музыкант
 gercy — музыканты
 gercy⁶ grali su — музыканты играли

góbaś se — подниматься (о тесте);
 двигаться
 gib'el // gibl — фронтон
 góbo se — поднимается (тесто)
 gift — яд
 gimp'el — снегирь
 gízdzela — голень
 gigaś // gíagotaś — гоготать (о руце)
 góarbo // góardo — зоб
 giarduo — горло
 giargawa — горло; зоб
 giarnc — горшок
 góarsc // góarśc — горсть
 góargo — горло
 góaska — звезда
 góvézy — говяжий
 głujski — долгий
 gļup — свекла; кочерыжка
 gļuxi — глухой
 gļymoka vy^sda — глубокая вода
 glowac — головастик
 gluxy — глухой
 gļymēj — глубже
 gl'a — для
 gl'edaś — глядеть
 gl'ešy — более долгий
 glēdałko — зеркало
 gl'edańe — зрение
 glēdaūko — зрачок
 gl'icka — булавка
 gl'iniany — глиняный
 gl'inka — помещение за печью
 gl'inu (им.) — глинистая земля
 glozoňk // glozyňk — щиколотка
 gmejna — община
 gmejniski dajk — налог на общину
 gneźdo // gnezdó — гнездо
 gniły // gniwy — ленивый
 gnoj — навоз; гной
 gnojouj jaſfik — телега для навоза
 gnožica — навозная яма
 gnurcy — хрюкает (свинья)
 goli (местн.) — в лесу
 gos — голос
 gospy^tza — хозяйка
 govéžina — говядина
 poqu'eśe vaķi (им. мн.) — навозные жуки
 goždžik · — гвоздик
 gódoňny — рождественский

gôdy — рождество
 gólc — мальчик
 góle — ребенок
 góńic — гнать (на пастбище)
 góra — гора
 górejce — сверху
 góriš se — сердиться
 górká (им.) — огурец
 górkí — горький
 góspodař — хозяин
 góšć — гость; гвоздь
 gótiō (3 ед.) — делает
 gótiō špos — шутит
 gótowaś // gótdaś — делать что-то
 gótujo se lixa — освобождается
 grabaś — грести
 grabiśo // grabiš:o — рукоять граблей
 grabie — грабли
 grabiōwa gwočka — поперечная часть граблей
 gramny — злой, угрюмый
 grajnka // grajn'ka // grajka — гроздь
 graš — играть
 grében — требель
 grébło // grébço — кочерга
 gr'ešn'ik — грешник
 gréšyś — грешить
 gr'ex — грех
 grímaue — гром, гроза
 grímańowy — грозовой
 grísowa — рисовая
 gríwy (им.) — грива
 gríułaty — растрепанный
 gripa — грипп
 gr'joblo // gr'joblo — кочерга
 groć // gros — хлев
 gromadu — вместе
 gromadu zesiš:anę xromcyki — тесно поставленные (сдвинутые) домики
 gromaże — вместе
 grońis — говорить
 grunda — пескарь
 gryfy (им. мн.) — рукоятки плуга
 gryska (им. ее.) — удила
 gryzca (им. ед.) — ком земли (на пашне)
 gumno — плодовый сад
 gup — кочерыжка; свекла

gur'ejkoх — наверху
 gus — гусь
 guscijki — заросли; лесной питомник
 guseńica // guseńica — гусеница
 gusom (дат.) — гусям
 gusor — гусак
 gusty — густой
 guścina — лесной питомник; казник
 gúa — игла
 gvangliś — жевать жвачку
 gvod // gquot — голод
 gwok — шиповник
 gwolę — ребенок
 gwómeze — говяжье
 gworgny — голодный
 gwot lídaś — голодать
 gwóvedźna — говядина
 gwóveze móso — говяжье мясо
 gwéstka // gwéstka // gwéstka — звезда; сочельник
 gydy — рождество
 gyjup — голубь
 gyły — голый
 gyl // gylc — мальчик
 gyl'na sowa — лесная сова
 gyńeś — гнать
 gyrej yše — восход
 gyref — выше
 gyrk — горло
 gyspodař — хозяин
 gyzdź — гвоздь
 gyjic — врач
 gy'l'a — лес
 gy'l'esoju (дат.) — ребенку
 gy'r'e stupeńe — восход
 gy'rej — вверх
 gy'rki — горький
 gy'towal'i su — делали
 gy'towaś — делать
 gy'u — голый

hAdrik // hafrik — полевая горчица
 hajta — hajta — ашелятив для копек
 halsketa — ожерелье
 halster — недоуздок
 hamer — молот
 hamfík — молоток
 hamster — хомяк

harcōwal'i su — работали на добыче смолы
hauba — женский чепчик
heblōcaś // **h**eblowaś // heblō-was — строгать
heft — тетрадь
heida // **x**eida — гречиха
heydyša — гречиха
hekaćka // **h**ekaćka — икота
hela — ад
helen // **h**eleń — олень
hejgst // **h**engst — жеребец
her·ećicka — белка
hrébina // **h**éfećina — рябина
hibl'ik — рубанок
hica // **h**ica — жара
hić — идти
híčka — скамейка для ног
himpać — качать колыбель
hinac — иначе
hinjakać — хромать
hižno — уже
hobej — обе
hořet — обед
hobl'ico — лицо
hobmérzl'ina — гололедица
hobmywaś — обмывать
hobwařené — отварные
hobzećaś — совершить проступок
hodę — тряпье
hodlar — орел
hokno — окно
hol'ônicajo — доставил, привел
horyš — хвост
hotej łoże — в этой влаге
hoż — здесь, сюда
hożce (им. мн.) — овцы
hukní — учится
huknuś — учиться
hukranuś — украсить
humřeł jo — умер
humyty — вымытый
hupak — удод
huseta traídą — посев
husoki — высокий
huś — быть
húzdźimać — выжимать
huſa — жара
hyć // **h**yś — идти
hyfta — бедро
hkawa — икота
hukaćka — икра
humpaś — качать колыбель

hyš·i — еще
hyš:er možo — еще может
hytcia — жара
hyžno — уже
hykaćka — икота
Ja — я
ja bydlim **h**oż — я живу здесь
ja du sęć — я иду косить
ja se ęrgęciu — я сержусь
ja gyńim tujui króžu — я гоню мою корову
ja iš:e ušrońu (io) — я еще качался
ja kažom — я велю
ja myseym — я должен
ja námgu — не могу
ja praim — я говорю
ja se lańju — я лягу
ja se muim // **ja** se myeńu — я моюсь
ja se oblekam — я одеваюсь
ja se zökju — я благодарю
ja som jet — я ел
ja som myęgua — я могла
ja som plet — я плел
ja som pšet — я прял
ja som rat — я охотно (что-то делаю)
ja som roqno pôrla — я (нахожусь) как раз около
ja som šla futer olit — я пошла принести корм
ja som ſuha pŕact — я пила печь (хлеб)
ja sídu — я приду
ja tšešu — я трясусь
ja uju — я вою
ja wídzú — я вижу
ja zabydňom — я забуду
ja znaiu — я знаю
ja bábluko // **ja**buko — яблоко
ja braty vós — лестничная телега
jacę́fa // **ja**cę́ja — ужин
jacę́r'ju (вин.) — ужин
jacšíeł // **ja**cšíep — ячмень
jacmeń plaoż jo — полол ячмень
jacmeńiśco // **ja**cmeńiśco — ячменная стерня
jacmeńowę — ячменное
jacor — вечер
jacubel // **ja**cuber — ястреб
jaden klešć — клещ
jaden mišk — мешок

iaden šporн — шпора
 iadna ky^erabⁱa — ребро
 jagły // jagły // jagły^e (им.) —
 просо
 jagne — ягненок
 jagody — ягоды
 jaguovina — просняная солома
 jaiko — яйцо
 jaínski Kefer — светлячок
 jałotać — заикаться
 jałojca // jałojca // jawejca —
 телка
 jan čom — женская грудь
 jan kopion — кошна
 jan piśc — пьяница
 jan rask — персик
 jan serbia — серб (лужичанин)
 jana kiśca — метелка овса, проса
 jana mroj — муравей
 jaŋgliś — гнусавить
 jano oso — метелка овса
 janšojsax (местн. пад.) — в дер.
 Яшойцех
 jańzel // janżel — ангел
 jarp — боров
 jałe — очень
 jańska — яровые хлеба
 jarmar^k — ярмарка
 jarobiña — рябина
 jasel'e — веселье
 jaskol'icka — ласточка
 jasoły // jasoły // jaseły — веселый
 jasoły — веселые
 Jason // jasyn — ячмень
 jasoły — веселье
 lastvo — тюрьма
 jaścer // jaścer // jaścer·ica —
 ящерица
 jaścerp // jaścer // jaćubef —
 истреб
 jaćoñym (тв.) — пасхальным
 jaćsy — пасха
 jaćoñica — пасхальное воскресенье
 jaćfeńc — можжевельник
 jaža — сени
 jažbū (род.) — сеней
 jegla — вязальная спица
 jeno dźasno — десна
 jer·ebińka — рябина
 jerknuś — метать икру
 ješnica — колбаса

jes // jeś — есть (essen)
 jedzíš // jezdziś — ездить
 jezdzo — ездит
 ježo // ježo (3 ед.) — едет
 ježom (1 ед.) — ем; еду
 jedarńik — песчаная почва
 jēdu — еда, пища
 jèleń — олень
 jěpó // iěpó — боров
 jěs — ехать
 jěsc // jesé — есть (essen)
 jěscó — ешьте!
 jěs — еж
 jězo (3 ед.) — ест; едет
 jězope — страдательное при-
 частие от essen (есть)
 jo — есть (3 л. ед. ч.)
 jo bęczo ćandlowane — было при-
 готвлено, организовано
 jo getowou — делал что-то
 jo kšęco — хотел
 jo męc spŕeusku — в нем
 (хлебе) был недопек
 jo ordowou — стал
 jo porowaou — приводил
 jo pśigl'edowou — наблюдал
 jo pśišeū akle — только пришел
 jo se im spôdobało — понрави-
 лось им
 jo se uſescy^ecowa⁰u — укреп-
 ился
 jo ułegnu — убежал
 jo ugledaou — выглядело
 jo uetpl'eū — уплыл
 jo uorał — пахал
 jo uubežel — убежал
 logua — игла; хвоя
 lopka — кофта
 luška — бульон
 lúxa — навозная жижа

Inacej — иначе
 i'nakše spíwańe — другая песня
 iše ras — еще раз

Kognoju — к огню
 k sešu — к севу
 k večeři — к ужину
 kadauny (им.) — потроха
 kaf'ejei ajnlodwaš — пригла-
 шать на кофе
 kařarńica — ткачиха

kał // kal — капуста
 kalc — ткач
 kalduny (им.) — потроха
 kamień // kam'ěn — камень
 kapalca — сыворотка
 kapsa — карман
 karkoš — шишка
 karníkəl — кролик
 karona — ворона
 kařśc — гроб
 kartaś — возить тачкой
 kastan'ija — каштан (дерево)
 kašel — кашель
 kašlōwaś // kašluwaś — кашлять
 kaścik // karścik // kaścik —
 ящик
 kaų — капуста
 kaūdyny — потроха
 kazan'e — приглашение
 kazňa // kazn'a — заповедь
 kaž by — как бы
 kaxlej'k // kaxlińk — печной
 котел для воды
 kaxlowa — печная
 kal' — парень
 Karcmařka — трактирщица
 Karmuša — престольный празд-
 ник
 keńimi (тв.) — конями
 kerbíkońmi (тв.) — корзинами
 keu — кол
 kečorotne — вертячка (у овец)
 kečozéi — колесник
 keza zmiejo tħoduy — коза объяг-
 нится
 kezol'nik — стропила
 k'erbus — тыква
 kerliš — церковная песня
 kerlušy (мн.) — церковные песни
 ket — куст
 kerk // ker'k — кустик
 kēfxoħ // ķegħor — кладбище
 kiby (им. мн.) — мотовило
 kij — палка
 Kijańca // Kijańce — часть белье-
 вого катка
 Kimb'ery // Kimb'ery — крестины
 kiml — тмин
 kisałc // kisalc — щавель
 kisałš — более кислое
 kisaż kaų — кислая капуста
 kisaż — кислый
 kišo — киснет
 k'abər — кабан

k'agać // Kiągotaś — гоготать
 Kiąkotas — болтать задор
 kiąndros — кабан
 Kiąrmęna svíňa — откормленная
 свинья
 k'jarm'eńc // k'jarmeńca — поро-
 сенок на откорм
 Kiarxor — кладбище
 Kiąuħbas — колбаса
 Kiąuħċaś — плакать
 klobyķ — шляпа
 klocyś — нажимать на подножку
 прялки
 kłodniča — стойка (у телеги)
 kłos — колос
 kłoski — колосья
 kłud // kłup — бедро
 kłusty — толстый
 kły (им. мн.) — ростки
 kł'apac — молоток
 klapaś — отбивать косу
 klapnul'i su — ударили
 klapotaś — стучать, громыхать
 kł'apom (1 ед.) — отбиваю косу
 kł'asnuś — ударить
 klebna zира — хлебная по-
 хлебка
 kł'eio (3 ед.) — прорастает
 klejs:iki — вилки на веретене
 в самопрялке
 kł'er — хлеб
 klepać // klepaś — отбивать косу
 klepan'owy — для отбивания
 косы (молоток)
 klepc // kleps — камень для от-
 бивания косы
 kl'ěboča — хлебная
 klęp krać — хлеб резать
 klęp jakl'i (su) — пекли хлеб
 klęs:iki — вилки на веретене
 в самопрялке
 klęu — хлев
 kloćowaś — болтать
 kl'uś — ключ
 kmętš // kmötš // kmutš — крест-
 ный, кум
 kpapl'e (мн.) — картофель
 kpaplōwy — картофельный
 kpexcik — палка, приводящая
 в движение колесо само-
 прялки
 kpexsi (вин. мн.) — работников
 knext — работник

kńež // kńeš — господин	kđíńcočać — убивать
kńigły (им.) — книга	kđolasaf — колесник
knoblox — чеснок	kđlasko — самопрялка
knox·i (им. мн.) — кости	kđlebaś — качать
knyka — затылок	kđlenjekōwać — стоять на коленях
kobolk — чеснок	kđlńja — сарай
kobyťua // kobyča — кобыла	kđón — конь
kojnica — стойка (у телеги)	kđónik (bogowy) — стрекоза
kojś — колоть (древа)	kđrábję // kurabję (им. мн.) — ребра
kokoš — курица	kđórc — мера зерна
kokoš gákoco — курица кудахчет	kđóreń // kđfeń — корень
kokošargna — курятник	kđryto // kuryto — корыто
kokot — петух	kđsyšćo — окосье
kolandař // kolander — календарь	kđšla — рубашка
kolapka — колыбель	kđšul'a — юбка
kol'asko — самопрялка	kđtka — ручка косы
koltař — старый деревянный плуг	kđza — коза
koncoj (дат.) — концу	kđzyšćo — веник
korjk — бабка для отбивания косы	kđwale (им. мн.) — кузнецы
koporej // kopoře — конопля	krabňom — царапну
konzum — потребительский кооператив	krabnuš — царапнуть
koraŋki (им. мн.) — черепица на конъке	kradnuš // kranuš — красть
korćowy (им.) — крапива	krajaś — резать хлеб
korćica // kor·ica — копна	kralik — крапивник (птица)
korćickowaś — копнить	krajc — портной
korjō (3 ед.) — лягнет, лягает копытом	krajcōca — портниха
korpo — лягнет копытом	kraujník — чистотел (трава)
kopyto // kopyťto — копыто	kravícka — портниха
korňíkel // korn·íkel — кролик	kravíš — кровоточить
korp — корзина	křac̄hen — персик
kortáča — гадалка	křej — кровь
korty (им. мн.) — карты	křejowa — кровяная
kosk — колос	kře — (им. мн.) — кусты
kosou bom — окосье	křic̄ki (им. мн.) — кустики
kosyš:o — окосье	kromícka — горбушка хлеба
košídua (им. мн.) — длинные перья у петуха	krona — корона дерева
košony — битый, ломаный (о лыне)	krop — кипяток
koval — кузнец	kropić — поливать (цветы, огород)
kovalná — кузница	krošony bějar — боров
kowalski — кузнический	krošoū (род.) — грошей
kovaś — ковать	krotkē — короткие
koz'ina — двоюродная сестра	kroža — корова
koxće (им. мн.) — ости	krowa na doše — дойная корова
kđscor // kđscōg — кот	krupna — крупяная
kđcoú — котел	krupník — крупяная колбаса
kđjńc — конец	krupy (им.) — град

krydnuš // krynuš — получить
 krymař — культиватор
 kryncé — получить
 kryno (3 ед.) — получит
 krynuli // kryṇuli su — полу-
 чили
 krysbor — рождественская
 елка
 krysbrut — рождественский пи-
 рог
 kryšc // kryśc // kryśc — кровель-
 щик
 kryšo // kryše — крыша
 kryž — кровь
 kšaiaš — резать хлеб
 kšaižu — потихоньку
 kšavili smy — мы кровоточили
 kšavíš — кровоточить
 kšej — кровь
 kšeſćian — христианин
 kšet — крот
 kšocen // kšocené — шаг
 kšomicka — горбушка
 kšupy — град
 kšuška — груша
 kšyš — крыть (крышу)
 kšyčo — крыша
 kšyčo kšyš — крыть крышу
 kšylc — кровельщик
 kšeſčiat — спина
 ksel'š su — хотели
 kšeſćian — христианин
 kšeſčianu — христиане
 kšen — хрень
 kšica — крестец
 kšida — сито
 kšiwe — кривое
 kšíuko — крыло
 kšiwy (им.) — кривой
 kšízowy puš — перекресток
 kšuišo — кнутовище
 kšut — кнут
 kto — кто
 ku pęſcerańu — для черпания
 ku tom snowańu — для снования
 ku žran·ju — для корма
 ku végočańu — к венчанию
 kub — бедро
 kubaýki (им. мн.) — сорт груш
 kubđo — приданое
 kucák // kucák — кучер
 kufl'ik — ковш
 kul'a — шар

kular' — служитель магистрата
 kulaso — колесо
 kul'ka — картошка
 kulkí (им.) — картофель
 kul'ki uvyčovaňeju ruk — плуг
 для выкапывания картошки
 kulkouj sajzoňk — семенной кар-
 тофель
 kul'tivatér — культиватор
 kultivirowaš — окапывать (кар-
 тофель)
 kuluwata — круглая
 kumoda — комод
 kumpaný — приятели, това-
 рищи
 kuna — куница
 kuntéraš — комар
 kupa — куча
 kups // kups — купец
 kurić — купить
 kur'ača — туман
 kur'e — цыплёнок
 kúfey glēdam — гляжу куря
 kújia (род.) — пыли
 kurju (мест.) — в пыли
 kurota — куропатка
 kurwajda — тмин
 kurwota // kurwota — куропатка
 kus — кусок; немного
 kus ynačej — немного иначе
 kutra — которая
 kuzol — козел
 kuzdy — каждый
 kuž žeń — каждый день
 kužefaty — курчавый
 kuxárka — повариха
 kuxna — кухня
 kuaćaca — болтунья
 kuaćkōp — болтун
 kvácl'ata žeńska — болтунья
 kwaćuo — болтает
 kwak'erio — крякает (утка)
 kwas // kwas — кислое тесто; за-
 кваска
 kwaśc sено — копнить сено
 kwobyk // kwybuk // kwybuk —
 щипца
 kwois // kwoš — колоть дрова
 kwońca // kwońica — стойка (у те-
 леги)
 kuosk — колос
 kvedlaúka / kvérlawa / kvírlaua —
 мутовка

květ̄k̄i su zeskňety — цветы за-
 сохли
 kvíšeńko — цветение; цветочек
 kvíśina — клевер
 kvíśinka // kvíśiny (им.) — цве-
 тение
 kvíšon̄ki (им. мн.) — цветы
 kvíś — цветсти
 kvíšo (3 ед.) — цветет
 kył — кол
 kyłorot — вертчака (у овец)
 kyl'aska (им. мн.) — самопрялки
 kyl'asko — самопрялка
 kyleńkowaś — вставать на ко-
 лени
 kyńeńc — конюшня
 kyc — мера зерна
 kycraś — скрипеть
 kyrk//kyrk — кадык
 kysmy (им. мн.) — волосы (у жи-
 вотных)
 kyścęnc — василек
 kytra — которая
 kyuožij // kyžožej — колесник
 kyza // kyža — коза
 kyzdū / kyzdō — козел
 kyžyščo — веник
 kyńc — конец
 kyńpuç // kyńnōç (род. мн.) —
 коней
 kyłasa (им. мн.) — колеса
 kyłgr — корзина
 kyłska — козленок
 kyłsyścо — окосье
 kyłsule (им. мн.) — юбки
 kyłtk — щиколотка
 kyłç — палка, кол
 kyłack — палочка

Lam̄jom // lam̄jom — я ломаю
 lanoça — льняная, для льна
 lapú (3 мн.) — ловят рыбу
 łaçka — лавка
 l'armoñaē — шум
 l'apa — платок
 lasycka — ласка (животное)
 lašju (1 ед.) — гашу
 lašvan̄k̄j (дат.) — для гаше-
 ния, для заливания огня
 l'aše — ливень
 lautštuma — громкий голос
 l'aç — лев
 l'azowaś — читать

l'ažaś — лежать
 l'aže — лежит
 l'eguo — логово, гайно
 leiše — летит
 lejšeś — лететь
 lem̄as — перекладина на лест-
 нице
 leńk // l'en·k — сустав
 l'epej // l'epej — лучше
 lesčo — ползите!
 leś: čínoyu kef — орешник
 leše — лето
 l'etny — летний
 l'eto — год
 letsa // leca // l'ëca — в прош-
 лом году
 l'ëúicaf — левша
 lezo (3 ед.) — ползет
 lezom (1 ед.) — ползу
 lëče — лето
 lëm̄jas — перекладина на лест-
 нице
 l'ënk // èénk — сустав
 lëšć — ползти
 l'ešoma (тв. дв.) — двумя ле-
 тами
 l'ët (род. мн.) — лет
 l'ëto — год
 l'ëwy — левый
 l'ëzo — ползет
 lidju (1 ед.) — страдаю, терплю
 l'idôwaś // lidvás — терпеть, стра-
 дать
 l'in̄eñeju (дат.) — для ошпары-
 вания
 l'iscik — письмено
 l'ist — письмо
 l'išawa // l'išavica — лишай
 liškojska — из дер. Лишков
 l'iwý — левый
 lixy — свободный
 ɬoga — влага
 ɬoi — говяжье сало
 ɬojs — ловить рыбу
 ɬokoćina — желтоголов (трава)
 ɬokš // lokš — локоть
 ɬónske // ɬónské — прошлогод-
 нее
 ɬopata — лопата
 ɬópeno // ɬor·en·ko — лист
 ɬosy — волосы
 ɬosy* rězać — волосы стричь

Iožyšćo // žožyš:o // žužyš:o — пе- рина	matny — слабый
žužuca — ложка	mazańc — пирог
l'ot — лед	mazańeji (дат.) — для смазыва- ния
l'owy — левый	mazqo — колесная мазь
žuka — луг	mańzelstqo — брак
župiny (им. мн.) — очистки	maugot — пассада
lubok fotera (род.) — дорогого отца	maukē gyl'e — маленький ребе- нок
l'ubówane (им. мн.) — страда- тельное причастие от lubowás 'ухаживать, дарить внима- нием'	máac // májac — меч
l'uby — милый, дорогой	máacki (им.) — корыто для те- ста
l'udny — человеческий	máakoso (3 ед.) — блеет
l'umpru (им. мн.) — тряпки, рвань	máakosica kuya — блеющая коза
l'urce (дат.) — возлюбленной	makotaś — блеять
l'urka — возлюбленная	máza — межа
l'urkowoj jo — ухаживал (за девушками)	mej džémej (1 л. дв. ч.) — мы идем (вдвоем)
l'uršy — более дорогой, милый	mej pan — мой отец
l'uš — человек	mej žomej (1 л. дв. ч.) — мы двою идем
l'uścina — скорлупа	męcne // myęcne — сильные
l'uštna — веселая	męcnejsy — более сильный
l'utk — гном	merdar — убийца
l'užom — людям	merski — морской
lysočko — лучина	merxiny (им. мн.) — сказки
Maćerka — мать	merxocha góra — топоним
magę — желудок	merxódej — морковь
makoja — цветок мака	mest — мост
makowa — маковая	meržiś — убить
mała píčka — немного	mek — мох
małki uxas — маленький заяц	me — имя
małksa — р. Малкса	mekę — мягкое
mały // mały // maly — малый	mekoso — блеет
mamce (дат.) — мачехе	meldzaś — доносить
mamka — мачеха	mel'i su — имели
mandle (им. мн.) — кладки сно- пов	menšy — меньший
mandlowaś // manglowaś // man- dlowaś — катать белье	men'ej — меньше
manželski štand — супруже- ство	meňk — налим
mařanika — божья коровка	meniū (местн.) — в имени
marjana — женское имя	merfiś // m'erfiś — мерить
mark // mařk — базар	merknus — метать икрю
markowaś — замечать, понимать	merma zemá — хорошая пашня
marzno (3 ед.) — мерзнет	m'ergva — мятая солома
marznuś — мерзнутъ	merzniō — мерзнет
marxej // marx'i // marxv'ej — морковь	m'esć // m'eść — мести
marxejoišćo — поле, засеянное морковью	metvěj — мята
	metujowa šupka — совок для со- ра
	mé — имя
	médvěze (им. мн.) — медведи
	měki — мягкий
	m'ěr — мир (Frieden)

měrkçać // měrkçaś — замечать,	соображать
męso — мясо	
męsto — город	
měšk — мешок	
mětel' — мотылек	
měx — мешок	
měха (род.) — мешка	
měxi(им. мн.) — мешки	
mí nejprawē — мне дурно	
mí ruka byl'i — у меня болит	
рука	
mīca — шапка	
mīcu staic — надеть шапку	
mīr — мир	
mījac — меч	
mīacki (им.) — корыто для теста	
mēdvetk // mīadvētk — медведка	
(насекомое)	
mīadvēz — медведь	
mīasć // mēsc — мести	
mīasēc — месяц	
mīaso — мясо	
mīatvel // mīatvel' — бабочка	
mīaucy — мяучит	
mīot — мед	
mīotłka — чистотел (трава)	
mīodyju (тв. дв.) — молодыми	
mīogi // mlogi // mlogi ras —	
иногда	
młōsiś — молотить	
młotšy — более молодой	
mlyn — мельница	
mlyn·ik — мельник	
mlaś // mlać — молоть	
mliac // mlinć — блин	
mlińcođ kamēń — сковорода для	
блинов	
moćone — молочное	
moda — молодая	
modeita — молитва	
modſity // modſity (им. мн.) —	
молитвы	
mody — молодой	
mokry — мокрый	
mordowaś — убивать	
mořo — море	
morzung — мозги	
moxel (им.) — сморчок	
moxiny (им.) — сморчки	
moš — личинка пчелы	
moś // moś — молотильщик	
mośik — мостик	
mośis — молотить	
moteiduo // moteiduo — мотовило	
možo — может	
možica — молодая курица	
možina — молодежь	
moxše lēta — дождливые годы	
mōcnejšy — более сильный	
mōcne — сильно	
mōdrac — василек	
mōje ramēnje — мои плечи	
mōjej uše — мои уши	
mōjo bezwocys — мое лицо	
mōtaś — мотать	
môteiduo // môteiduo // mōtovid-	
lo — мотовило	
mōzale (им.) — мозоли	
mōzgi (им.) — мозг	
mroišco // mrojníš:o — муравьи-	
ная куча	
mrok — облако, туча	
mros — мороз	
mrozowate (им. ед.) — иной	
mudry — умный	
mudrejšy — более умный	
mujinsk — borša — подмастерье	
мельника	
mufarski gęzala — подмастерье	
каменщика	
mur·lowaś — возводить стены,	
строить	
mufka — помещение за печью	
murski — мужчина	
mug·hel'e (им.' мн.) — смор-	
чки	
musl'e (им. мн.) — мысли	
mustfix — горчица	
muš — куриная трава	
muž·e (3 мн.) — могут	
muxoranki (им.) — мухоморы	
muxofas — мухомор	
muxy // muži (им. мн.) — мухи	
muody — молодой	
muošk — молотильщик	
muozina — молодость	
my // my — мы	
my comy ys — мы хотим идти	
my fřišt·ik domu — мы завтра-	
каем	
my smy byli — мы были	
my smy děli antwortowaś — мы	
должны были отвечать	
my smy najezony — мы сыты	
my smy 'wumětl'i — мы вымели	

my smy zdźwal'i — мы удивлялись
my smy xudy^e — мы бедные
my svéšimy — мы празднуем
my žrejomy — мы жрем
mydrak — василек
myj — мой
myðafíica — обрывающая по-
койников
myjarska — тряпка для мытья
myrō — море
mydrak — василек
myfо — море
myś se — мыться
myścańska — прилагательное от
названия дер. Мост
mytanę — мотано (причастие)
myżotejⁱ (3 л. дв. ч.) — могут
(двоев)
my^e smy^e — 1 л. мн. ч. от быть
my^ecne — сильные
my^edlitvy (род. ед.) — молит-
вы
my^edry — синий
my^ej пуп — мой отец
my^e oby^e zomu^e — мы оба идем
my^eřlō — море
my^erzgi — мозги
my^eš — мышь
my^etajduo — мотовило
my^etaš — мотать
my^ežo (3 ед.) — может

Na bałce — на балке
na boce — на боку
na braću — на брате
na bázbeń — на будний день
na by^ekoх — на быках
na cécí žen — на третий день
na drúgim — на другом
na dveře — на дворе
na dvý^er — на двор
na galgen poweseny — повешен-
ный на виселицу
na ḡiarś:e — на горсти
na graicę — на грозди виногра-
да
na ḡwozdu — на голову
na ḡugu — на гору
na ḡugu ḡugu^e — вверх на гору
na kaxlax — на печи
na k'ím — на ком (местоимение)
na kopicu — в кучу

na kôlējkaх — на коленях
na lúcy^e — на лугу
na lanže — на селе, в сельской
местности
na l'ěwym — на левом
na lunze — на легком (анат.)
na měru^e býs — призываться в ар-
мии
na maſk — на базар
na meřju — на море
na mío — на меня
na 'murze — за печкой
na myjim dvuſtu — на моем дво-
ре
na n'ejzelu — на воскресенье
na nímske — по-немецки
na n̄lom — на нем
na obyma — на обоих
na ogňu — на огне
na oxlicu (вин.) — на лъноче-
салку
na pastwé // na pastvu — на
пастбище
na p̄ceču — в помещении над
гумном
na p̄eše — на пятке
na poč źečešiχ — половина де-
ятого
na růcoče — на заборе
na ryžetk — на полдник
na raméni — на плечи
na rej // reži — на танцах
na smérkax — в сумерки
na svéše — на свете
na šoūče // na šoūše — на старо-
стие
na te stašiwy — на ткацкий стан
na teſe — на тебе
na tej deſcy^e — на потолке
na tej uſe — на лугу
na torče — на башне
na trof'e — на водосточном же-
лобе
na tvardyx^wukax — на жестких
лугах
na tym boce — на этой стороне
na uku — на луг
na wér·xu — на потолке
na víki — на базар
na víteče — на пруте
nabezac // nábezac // nábozas //
nabyzac // nabužzac — бурав
nabyjnu — гордый

nać//naś — ботва
nafryštykowali su — позавтра-
кали
nafejfowanę — навито на цевки
(о пряже)
nagek (род.) — нагого
naiedl'i su — они наелись
nafezena som ja — я сыта
nafezony — сыты
naigl'ej — наиболее долго
naigubeńšy — самый плохой,
никуда не годный
najfēn'se — самое красивое
najniżej — наиболее низко
najspa — чердак
najtumše — наиболее глупо
najzbōl'ej — больше всего
naletna trajda — яровые хлеба
naletne — весеннее
nalxen — гвоздика
naměšane — намешано
namozac — бурав
namšarske spíwańe — церковная
песня, пение
namšu hić // uś — идти к цер-
ковной службе
namšu xejzař — посещающий
церковную службу
nap — отец
naobedōwanę su — они пообеда-
ли
naolujo — наносит
napadało jo se — прошел дождь
naparić — напарить
napręsc — напрясть
napraſ — приготовить
napity — пьяный
napowaſ//napōwaſ — поить ско-
тины
napreki — напротив
narba — шрам
narézaſ — нарезать
narosćony (им.) — выросший
narot — рождение; роды
nasypaſ — насыпать
naś — ботва
ńas — меч
ńacki (им.) — корыто для теста
ńamozac // ńabezacs — бурав
ńaſć — нести
naſe vyeſeńske — наши деревенские
natpas — чересседельник
naucęne (им. мн.) — научены

nauceńś — научить
navežeña — жених
navefik'eńki — азиатины глазки
nawite — навито
naul'ac // naul'asc — надеть
naulaceńe — одежда
nauoj — навой (в ткацком стане)
nawożeńa // nawožeńia // nawo-
żeńa // navoženar // nauyěžel'ny —
жених
nazymski — осенний
nažr'ety — пьяный
ne bujo jo — не было
ne deſiąj jo — не должен был
neibölej — наиболее
neilubej — наиболее охотно
neiperej / pererej — прежде всего
n'eirēdnei — красивее всего
nejspryžnej — более поздно
nejspréj — раньше, сначала
nejsredneiſy — самый красивый
nejsvec — наиболее
nejuſcei — наиболее узко
nejzgyrkſe — наигорчайшее
nejzela — воскресенье
nejzo // n'ejzo — не получается,
не годится, не подходит
nep // por — череп
nebjaska — небесная
nebjo — небо
nebejzazne — смелые
ńecesć — стыд, позор
nedoryg // nedoryg'f — летучая
мышь
nedušne — нехорошо
neidało — не было, не имелось
(es gibt nicht)
n'ej níic žečař — ничего не ра-
ботал
n'ej smy — мы не есть (1 л. мн. ч.
от быть)
n'egluka — несчастье
n'e gotio — не делает
neknicomna — никчемная, не-
пригодная
nefat — сорняки
nefeſna — грязная, неопрятная
nefeszny — неопрятный
n'erki (им.) — почки
nesejzečeſt ſtej (3 л. дв. ч.) —
они (двою) не сидели
nešykçanu — неловкий

ſeścerne (su ordowali) — не вы-
 терпели
 ſeſeňony — холостой
 ſeſericka — белка
 ſeſesta // ſeſesta — невеста
 ſeſidbny — слепой
 ſeſ mogu — не могу
 ſeſ moš — не можешь
 ſeſ motej (2, 3 л. дв. ч.) — не
 можете, не могут (вдвоем)
 ſeſt // ſeſt — теперь
 ſeſto — что-то, что-нибудь
 ſeſel' u (местн.) — в воскресенье
 ſico — ничего
 ſiſka // ſimka — мелкая
 ſimy // ſimy — немой
 ſis — нить
 ſiſe (им. мн.) — нитки на ткац-
 ком стане
 ſitka — нитка
 ſitkate měſo — плохое, старое
 мясо
 ſitkane — нитяные
 ſiſka — мелкая
 ſiſej — ниже
 ſiſyna — равнина, долина
 ſiſelu (вин.) — воскресенье
 ſixte — племянник
 ſiac — меч
 ſiacou (род.) — мечей
 ſiasc — нести
 ſioxam — не хочу
 nos — ночь
 nogi (им. мн.) — ноги
 nogoza — ножная
 noks — ноготь
 nos — нос
 nosočka — рукоятка плуга
 noš — нож
 nowa — новая
 nowe leto — новый год
 nowy // nowy — новый
 poxč — ноготь
 puć — внутрь
 pućko — внутри
 nyčkar // nyčka — кастратор
 nyka — затылок
 nyksa — ведьма
 nyep — череп

Obę̄ druſce — обе дружки
 obęſyš // obęſyš se // obęſyš se —
 повеситься

obglowa — недоуздок
 obgytowany — обложенный
 obiadność — брак
 objezdziš — объездить
 obloj — недоуздок
 obl'ac — надеть
 obl'akawa // oblekariča — обря-
 жающая покойников
 obl'akla // obl'ekwa jo — надела
 obletowali su — отлетали (юбки
 во время танца)
 obl'ewal'i su — шпарили, поли-
 вали
 obl'ico — лицо
 obliňs — шарить
 obmywarska (им. ж. р.) — для
 мытья
 obraſamy — вертим
 obražowaſ — одаривать (к пра-
 зднику)
 obrezoſaſ — чистить картофель
 obrupk — обшивка
 obryc // obryc — обруч
 obwafone — отварные
 obvíš — обвить (гирляндой)
 obwoj — недоуздок
 obvógańeju(дат.) — для перепа-
 хивания
 obwogowaſ // obwygowaſ — пере-
 пахивать
 obvoguane — перепаханные
 obzernuš — мять лен
 obyſeńc — удавленник
 obýs — обуть
 obyžřeńc — пьяница
 ogan // ogyep // ogoń — хвост
 ogeń — огонь
 oj — говяжье сало
 ois — ловить рыбу
 okaſina // okaſyna — желтоголов
 około // okolo // oko — около
 około se vérgaſ — валяться
 okopowaſ — окапывать
 okšomk — горбушка хлеба
 okš — локоть
 olowou som — я принес
 o:ne mēna — без имени
 one smugy — без полосы
 opask — блуза
 opatka — лопатка
 opresany — вычесанный (лен)
 opklep // woklep — ряд неразвяз-
 анных, не до конца обмо-
 лоченных спонов

opklepiš — обмолотить первый раз (не развязывая снопы)
 opslépony — слепой
 opsuabniš — ослабнуть
 opšegejo (3 ед.) — поседеет
 opštalowaš // opštulowaš — приглашать (на кофе)
 opšudník — обманщик
 opširowaš — мыть помещение, убирать
 opšušíš — обмануть
 opsegno — отстаивается (о сыре)
 optreš — вытереть
 optuařk — усадьба (дом с постройками)
 orukníony — опухший
 orxožóna drasta — изношенная одежда
 orxyžone — изношенное
 ordowař xytacu — был брошен
 orunze (местн.) — в порядке
 óu hunas — здесь у нас
 ovsnína — овсяная солома
 ovsníščo — овсяная стерня
 ožyščo — перина
 ožeríone (te gwočki doqoi) — обдерганны (головки льна)
 oxl'ica — льночесалка

Padla (им.) — бусина
 padňony // paňony vyčiak — павший солдат
 padnuš // parnuš // panuč — упаст; пасть
 pakosny // pakostny — привередливый
 palc — палец
 palenc // paleńc // palejnc — водка
 pamruk // pamruх — оладья, пончик
 pańio jo — пал; упал
 papažeństo — тюрьма
 pargeńce — пряник
 paproš — напоротник
 par'eca voda — кипяток
 paríć — парить
 parlatyž kety — бусы
 parle — бусы
 parño — упадет
 paróna — пареная
 paruata — грязная, болотная
 pas — пояс

pasć — пасти
 pas·irowaš — случиться, произойти
 pasmo — пасмо
 pasom — я пасу
 pastwé (местн.) — на пастбище
 pastyř — пастух
 pastyřka — пастушка
 pasqua som — я пасла
 paščo — пасите!
 račka — бубен
 račkać — стирать
 račkańoř (дат.) — для стирки
 račkońiš:o — паутина
 račne — полное
 paždžeře // paždžeře // paždžeře — костра (льняная)
 raxorka — трубка для окуривания пчел
 paxtowaš — арендовать
 pac/přiac — печь для выпечки хлеба; печь (inf.)
 řakař // řekař — пекарь
 řakarňa — пекарня
 řakařoř borša — подмастерье пекаря
 řas — собака
 řcočkar — пчеловод
 řeácel — друг
 řeácele — друзья
 řesęgařa — ведро для черпания воды
 ředlidouaš smy dali — мы должны были терпеть
 ředýeski — подвязки
 ředzamk — нижняя часть срубленного дерева
 řeđdu — пойдут
 řeđedař jo — говорил
 řejsy — по деревне
 řeliča — поставец
 řelka — белье
 řełkaňořa — для стирки
 řelneňe — колбасная начинка
 řen — потом
 řeščoř — подарок на крестины
 řešegňone — пасмурное
 řežytny — жадный
 řeždeřeřa štunda — более поздний час
 řeć // řeś — пять
 řegaty // řegatyž — веснушчатый
 řelc — мекс

pе́ньз€ // p'е́ньз€ — деньги
 p'е́нк — пень
 pе́рер — перец
 pе́ре — перья
 pе́реj // p'е́реj — раньше, сначала
 pе́рина — домашняя птица
 pе́рнатy // p'е́рнатy dobytk — до-
 машняя птица
 pе́рко // p'ero — перо
 pе́роу — перовой
 p'е́рсéен // p'е́рсéен // p'е́рсéен //
 p'е́рсéен — перстень; кольцо
 косы
 pе́ршk — окунь
 pе́ск — кулак
 pе́шy — пеший
 pе́шci (тв.) — кулаком
 pе́тка — пятка
 peterzyl'iа — петрушка
 pе́тк // p'е́тк — пятница
 pе́с — собака
 pе́сc — печь (инф.)
 pе́ск — песок
 pе́скowaty — песчаный
 pе́шy — пеший
 pе́со — пять
 pе́s:jaset — пятьдесят
 pе́та — пятка
 pianca — пиявка
 picański — из г. Пицны
 pick — пьяница
 pićku — немного
 pijańc — пиявка
 pila — пила
 pil'ny — прилежный
 pisané — писание
 pisany — цветастый, пестрый
 pisaś — писать
 piskoń — вьюн
 pismo — написаное
 piś'o — пишет
 pišom (1 ед.) — пишу
 písc // písc — пьяница
 píse — питье
 piżnica — подвал
 pívo — пиво
 p'јас — печь (сущ. и инф.)
 piaſeń — жаркое
 piaſeńce (им. мн.) — печенья
 piaſeńowa — для жаркого
 piaſone — печеное
 piaſacyk // p'јасacyk — камин
 piać — пять

piačakar· // p'јакар· // p'јакар — пе-
 карь
 piačaknica — булочница
 piačora — бумага
 piaś ujo — собака воет
 piaś // p'јasć — печь (инф.)
 piaſk — песок
 piaſtak — пятница
 piaſtarloū (род. мн.) — фамилия
 piaſat — холст
 piaſta // plaxta — простыня
 piaſlńc — яблоко-дичок
 piaſmę // plom'je — пламя
 piaſot — забор
 piaſuk — плуг
 piaſac — полоть
 piaſ'any — полотый (причастие)
 piaſ'aś — полоть
 piaſ'elagńicu (род. мн.) — но-
 польщиц
 piaſi (3 мн.) — полот
 plesnívy — заплесневелый
 plesć // plesć — плести
 plesćo — плетите
 plesom — плету
 piaſince (им. мн.) — блины
 piaſowy — мягина
 plumpa — колодец с насосом
 piaſuwaś — плевать
 po kermuše — после престоль-
 ного праздника
 po očeze — после обеда
 pobrąćka // pobrąška // pobrā-
 ška — сват
 pobrąška 'olozač ĥo — сват вы-
 водил (невесту)
 pojedźomęj (1 л. дв. ч.) — по-
 едем (вдвоем)
 pojózomu (1 мн.) — пойдем
 pokryta // pokyta — буханка
 хлеба
 połka — белье
 połkańoza — для стирки
 połku połkaś — стирать белье
 połneńe — колбасная начинка
 połny — полный
 połoiča — половина
 połon — полынь
 połožys tē puřasla — наклады-
 вать свясла
 polak — поляк
 polo — поле

- polo gnoić — унаваживать поле
 polske luže — поляки
 polske žědo — полевая работа
 pomačkím — понемногу, медленно
 pómazaś — смазать
 pomocy (род.) — помощи
 pomogařnica — помощница
 pomé — пламя
 pomlošili su — помолотили
 pomygaf — помощник
 pon — потом
 popańšo — хватайте
 popařeňstvó — тюрьма
 ropeł // ropoč // ropeč — зола, пепел
 pop'er — перец
 potožíš — родить
 postfojč // postrojč (им. ед.) — постромка
 pošelesu krówa — отелившаяся корова
 pošica — плотица
 pot — забор
 pojdňa (род.) — полдня
 počejca // ročejca — половина
 powesys se — повеситься
 pouguba — половина кочерыжки
 počkaś // pełkaś — стирать
 poúłoka — наволока
 poúl'ista — полписьма
 poúneňe — колбасная начинка
 poúncu — полный
 poúcoň — полынь
 poúsnora — полснона
 poúterník — моток пряжи
 pow'itka — вьюнок
 poxryta — буханка
 pô tom mótańju — после мотания
 pô žnox — после жатвы
 pôbedny — параличный
 pôčańče — пасмурное
 pôd vušćexom — под застreichой
 pôdžazak // pôdvesk (им. ед.) — подвязка
 pójedańk — полдник
 pônižnosć — понижение
 pôfastuo — свяслло
 pôsat — ряд снопов, положенных на гумно для обмолота
 pôskać — слушать
- pôstawa — основа на (ткацком стане)
 pôstola — кровать
 pôšeletna krowa — корова после отела, новодойка
 pôšeńce — пасмурное
 pôtkowa — подкова
 pôtpas — нижняя подпруга
 pôčkugca (род.) — мера зерна
 pôčoka — наволока
 pôž.erč — глотка
 pôžycyś — дать взаймы
 praili // praili su — говорили
 prajimy // praimy — мы говорим
 prajis — говорить
 praskac — дрозд
 pratija — календарь
 prava — правая
 pravy bok — правая сторона
 pfratkarňa — церковная кафедра
 pfratnica — поперечная борозда
 prec — прочь
 prec zyťc mîci — снять шапку
 pfedny // pfedny // pfeny — первый; передний
 prækí — поперек
 pfeknica — поперечная борозда
 prena kara — передок телеги
 pfet mlodyju — перед новобрачной
 pret težju — перед этой
 prog // prok — порог
 projš — пороть
 promje — пучок соломы
 pror — пробка
 prosaf // prosar — нищий
 prosę — поросенок
 prosty — парализованный, онемевший (от холода)
 prosýs — просить
 prozny — пустой
 prôlowaś — хвастать
 prut // pšut — ивовая ветка
 pruty^č (им. мн.) — прутья
 psyk // psyk — собака
 pšasl'énk — кольцо на прялке
 pša°šal'i su — спрашивали
 pšawa — правая
 pšažda — правда
 pšec — прочь
 pšec hys — уйти
 pšeca — комар

pšeńica — ишеница
 pšeńicuš:o — стерня пшеницы
 pšoso —просо
 pšosyš — просить
 pšowic — белладонна
 pšut — ивовый прут
 pšyca — комар
 pšakuy — бешеный
 pšaseda // pšesada — рассада
 pšaslica — кудельная палка на
 самопрялке
 pšaxody — топоним
 pšeextany som byu — я подозревал
 pšecorajskím — позавчера
 pšed gđamí — перед рождеством
 pšedawař — продавец
 pšedawafka — продавщица
 pšedníca // pšelníca // pšerñica — пряха
 pšeňeš — переехать
 pšemarznuš — замерзнуть
 pšerpùnica — полудница
 pšeypyraš — растратить
 pšeskjaržyš — обвинить
 pšeskyçyl'i su — перескочили
 pšestań — перестань
 pšestryxowař — зачеркивать
 pšeć // pšeć — прясть
 pšećerali su — стелили лен
 pšešiwo — против
 pšetcerajsym — позавчера
 pševezafí su — перевязали
 pšeř — через
 pšeza — супрядки
 pšezeno — пряжа
 pšezone — страдательное причастие от pšesc
 pšedníca — пряха
 pši — при
 pši obeže — во время обеда
 pši pišu — во время питья
 pši pòrožowańu — во время ровдов
 pši tym mšeńiu — во время подметания
 pši tym tkańu — во время тканья
 pšidu na° ma°rk — идут на рынок
 pšiajæsel — друг
 pšiajæselníca — подруга
 pšinasc — принести
 pšiníć — прийти

pšíprosna — супоросая
 pšíšeu kšajžu — пришел тихо
 pšísl'i su — пришли
 pšíš — прийти
 pšitvařeňe — пристройка
 pšíwyrane — вспахано ноперек
 у концов пашни
 pšízrebna — жеребая
 pšízeno — пряжа
 pšickouč ker — терновый куст
 puć — дорога
 pudrańc — нижняя юбка
 pudryš — окопать (сад)
 pugowa — плуговая (от плюз)
 pukel — горб
 pup — пунок
 puš — дорога
 pušcaduo — творило (в плотине)
 pušcaś // puš:aś dřewo — валить лес
 pušcina — пар (с.-х.)
 ruxoř — волдырь
 rúašili su — платили
 rúat — холст
 rúaxta — простыня
 rúos — водяное растение (?)
 rúot — забор
 rúotoč pal — столб в заборе
 rxa — блоха
 rxy // rxi (им. мн.) — блохи
 ry jačy — после пасхи
 rycaglouč — для черпания воды
 pydla nas — около нас
 pydlože (им.) — подкова плуга
 pydržba — сват
 pydzamik — нижняя часть срубленного дерева
 pyjzdé — позже
 pylo — поле
 pyun — потом
 pyř // pyře — пырей
 pysk // pyšsk — свиное рыло
 pytatej (3 л. дв. ч.) — ищут (вдвоем)
 pytporta — подпорка (в телеге)
 pytšauč — отава
 pyžtynu — скупой
 pyzdé — позже
 pyčeřal'i su — черпали
 pyčeřař — черпать
 pydomk — домашняя утварь
 pydvigrowař — нахать плоско
 pyel'a — около

py^ełacka — полька
py^elak — поляк-
py^ełski — полевой
py^en — потом
py^erożiś — родить
py^estawa — основа (на ткацком
стане)
py^estola — кровать
py^eściołk — подарок на крестины
py^eśleśu — после отела
py^etaś — искатъ
py^etatej (3 л. дв. ч.) — ищут
(вдвоем)
py^etpas — нижняя подпру́га
py^etpaźu — под мышкой
py^ezyku — скопой

Radiszeń — редиска
rajnšy — более красивый
rak — рак
ram^je — плечо
rampa // rampica — свиноматки
ranejsz — утреннее
raps — рапс
raśc — церковный совет
ratza — крыса
razirwaś // raz'irowaś — брить
rażony — удачный
raxnōwać // raxnozaś — считать
fączen — персик
fądny — красивый, хороший
fap — хребет
fask — персик
rečeńica — уж
reja — танец
rejibar — рыбак
rejowal'i // rejowal'i su — танце-
вали
rejouník — танцор
rejowanska — танцевальная
rejōwat — супин от танцевать
rejtku — бердо
remiąz — перекладина на лест-
нице
reśen·c — веретено
reznus — резануть
fęćnik // g·ećnik // fecník ---
судья; адвокат
fednek zbeža^o (род.) — хорошего
скота
fednućka — хорошенькая
r·eka — река
r·eki (им. мн.) — реки

r·er — хребет
r·epiśca — топоним
fēpłajki — молочные зубы
r·epka — репа
fēsaz // fēsez // fēsens — цепь
fēsenca — уж
fēza (род. ед.) — опилок
r·ezak — лесопилка
fēzarńa // fēzarńa — помещение,
где готовят сечку для скота
rezaś — пилить
fēznič — мясник
fēcnič — судья; адвокат
fēdny — красивый, хороший
fēp — хребет
rēra // r·ěra — брюква; репа;
свекла
fēpka — репа
fēs (им. ед.) — опилки
rētka — бердо
r·ēzanie — сечка (корм скоту)
fēzafna — помещение для при-
готовления сечки
fēzaś // r·ezas — пилить
fīcaś — орать
fīdny^e // r·idny^e mantl — краси-
вое пальто
fīgotaś — ржать
r·ińe zanka (им. мн.) — мелкое
верно
fījk — кольцо
fīn·ki (им. мн.) — кольца
fīoco — ржет
fīxtar — судья
fīzgotaś — ржать
r·iaczen — персик
fīadne — красиво
r·iap // fīap — хребет
fīaszenk — персик
fēsaz — цепь
rob·el — воробей
rogatu larpu (вин.) — платок с ро-
гами (углами)
rogí (им. мн.) — рога; углы
rogoińska — из дер. Рогов
rogové (местн.) — в дер. Рогове
rogóž // gogoža — камыш
roi — рой
rok — рог, угол
rola — пашня
romķerař // roŋķerař — трубочист
ropkatu ūrkpu (вин.) — сборча-
тую кофту

rosa — роса
 roscesquak // roscy^esouquak — гре-
 бень
 roscenuš — растянуть
 roskidju (1 ед.) — разбрасываю
 roskidquac // roskidowaš — разбра-
 сывать
 roskorník — омела
 roskquadune (им. ед.) — рассте-
 лен (лен на лугу)
 rospóraš — расточить, раstra-
 тить
 rospraić — рассказывать
 rostquocena — раздавленная
 rosxytowaš // rosxy^etwaš // rosxy-
 tuač — разбрасывать
 rošk — уголок
 rošćegany — растянутый
 rošćešć — растисти
 rošćo — растет
 rotno — воротный створ, полу-
 вина ворот
 rou — могила
 rounek dvura — ровного двора
 rouno — ровно, гладко
 rozbogašiš — разбогатеть
 rozbiš — разбить
 rozdajaš se — надрываться, кри-
 чать
 rozduto — раздутое
 rozdze — хворост
 rozepnuš — расстегнуть
 rozgřel'i su — разогрели
 rozmēda — закваска
 rozmudženy (kwas) — заквашено
 rozmúzone (šesto) — заквашено
 (о тесте)
 rozmieć — понять
 rozmela som — я поняла
 rovězany — развязанный
 rozymny — умный
 rozyę — зёв в нитях основы
 rożony — рожденный
 rożowe — розовое
 rós — вереск
 řot — нарыв, чирей
 rôu — могила
 rôupo — ровно
 rôupu — ровный
 rub // rup — скатерть
 rubak — лесоруб
 rubaki — лесорубы

rubaš — рубить
 ruhišćo // ruhišćo — скатерть
 ruka — рука
 ryba // ryba — рыба
 rybne jagu — рыбья икра
 ryborak — чайка
 ryboū gat — рыбный пруд
 ryby simaš // šimaš — ловить
 рыбу
 ryraŋki // ry^eraŋki (им. мн.) —
 молочные зубы
 ryš // ry^eš // re^yš — дергать лен
 ry^ejny — слабый, мелкий
 ry^eišy — более мелкий, слабый
 ry^etowaš — ехать верхом

S cęrami — цепами
 s kijom — палкой
 s kn^eblom — палкой
 s péšu — пятыю
 s ryjesyŋy^eū głowu — с пове-
 шенной головой
 s te^yje — с этой
 s tym l'anom — этим льном
 s tymi ogynom — хвостом
 s tym vy^ezom — телегой
 s tuma vęcuma zbr'in'ka — мор-
 гают глазами
 s ty^emí — этими
 same zumpalíš:a — одни болота
 sad // sat — фрукты
 sadło // sadlišćo — свиное нутря-
 ное сало
 saidžańim (тв.) — посадкой
 ſažoŋk — семенной картофель
 same — настоящее
 samica — самка
 sam^eak // san^ejak — самец
 samy^esetk — простокваша
 sancyna (им.) — полоз саней
 saŋki (им.) — сани
 sarňa // sarn^eja — серна
 sarňik — самец серны
 scyńim (1 ед.) — положу
 scyńiš — положить
 sčákdu — бешеный
 sčaška — тропа
 sčelaš — стрелять
 sčelna — стельная
 sčen — хрен
 sčešiny (им.) — щетина
 stčigaš — стричь

ſcélanę ordozaço — стреляли
 scéna — стена
 scína // scína — тростник
 scíxo — тихо
 se bę́jal'i su — боялись
 se b̄laka — блеет
 se bojaś — бояться
 se byjaś — бояться
 se cesaś — причесываться
 se cíño — отстаивается (сыр)
 se drc̄ — кричать, орать
 se dymis̄ — дымиться
 se gańla — находится в состоянии течки (о свинье)
 se gibaś — двигаться
 se gniliś — лениться
 se gól'ic̄ — бриться
 se hōbesyś — повеситься
 se ieći (3 ед.) — гноится
 se lagnuś // se lanuć — ложиться
 se lubiło īo — нравилось
 se l'ubuwać — любить взаимно
 se ol̄esyś — повеситься
 se obl'ac — одеться
 se opśeguo — отстаивается (сыр)
 se r̄exowaś — мстить
 se roic̄ — роиться
 se rożzeli su — разделились
 se šeřić — седеть
 se šenjō (3 ед.) — тянеться
 se sm'aś — смеяться
 se sm'ejo (3 ед.) — смеется
 se šezemniua som — я простудилась
 se tr̄ef'iś — встретиться
 se utr̄eś — вытереться
 se uženjś — жениться
 se v̄ergaś — валиться
 se zl̄bějyo — свертывается (о молоке)
 se zeleni — зеленеет
 se zl'uibil'i (su) — обручились
 se zmakać — встретиться
 se zr̄ejo (3 ед.) — зреет
 se zuosciś — мстить
 se žȳvíś — пытаться
 sek — коец
 sedlo // sedzo — седло
 sedymix (род.) — семи
 sejześ — сидеть
 sejzim (1 ед.) — сижу
 sekańe — сечка (корм скоту)
 sekli su — косили

sekera — топор
 sekerc — плотницкий топор
 sel'i su — сеяли
 sel'išco — топоним
 sem rejowa°u — я танцевал
 sem'e // semjo — семя
 seno — сено
 seńska žefś — жердь для сена
 serp — серпи
 serski — сербский
 seše — сев
 sešoqa mašyna — сеялка
 setk // seštk — кислое молоко, простокваша
 sładzeń — праздник
 sjaty — рай
 skazena // skazona — испортившаяся (еда)
 som najezena — я сыта
 skecy (3 ед.) — прыгает
 skeše // skôše — скотина
 skiba — ломоть хлеба
 sknuś — сохнуть
 skobrjejik // skobr'ejik — жаворонок
 skokaś — скакать
 skop — холощенный баран
 skopēce m̄eso // skop'ece m̄eso — баранина
 skōcesu ḡcoqu (вин.) — голову рогатого скота
 skôše — одна голова рогатого скота
 skósetoū — род. мн. от skôše
 skrauk — горбыль
 skficka — искра
 skuhaś — оципывать птицу
 skułotej (3 л. дв. ч.) — оципывают (вдвоем)
 skułju // skuļu (1 ед.) — оципывают птицу
 skvańcana slička — раздавленная слива
 skorlonj — жаворонок
 słabueki — слабенький
 słoma — солома
 słomjany // słomány — соломенные
 słóncko — боязь коровка
 słotcejšy — более сладкий
 słotki — сладкий
 słowo // slowo — слово

słup — столб
 słyńco — солнце
 ślepik // ślepík — слепень
 slédny // slénny — последний
 slédy — сзади
 slépy — слепой
 sl'ińco — солнце
 sl'ińik — улитка
 sl'iny^e (им.) — слюна
 sl'ińka — слива
 smarcaś — храпеть
 smarkaś — сморкать
 smazyć — ровнять (запахивать)
 нашню
 smę — 1 л. мн. ч. от byś // być
 smertny // sm'ertny — умерший,
 покойный
 smoča — смола
 smrók — сосна
 smugi (им. мн.) — полосы
 smy byli píane — мы были пьяны
 smy se ryxtowali — мы готови-
 лись
 smy šli pen gyfēj — мышли
 потом наверх
 smy ut'ixtowal'i — мы стара-
 лись
 smy tēu zapust' and'l'ōwal'i —
 мы приглашали гостей на
 масленицу
 smy^erže (им. мн.) — сморчки
 smérś // sm'eřś — смерть
 smérzeńe // smerzeńe — вонь,
 смрад
 smerži — воняет
 sn·eš // sňeč — головня (в пше-
 нице)
 snědańe // sn·ědańe // sn·idańe —
 завтрак
 sňégula — снегирь
 sňék // sňék[·] // sňík // sn·ěk —
 снег
 sníca — синица
 snop — сноп
 snopk — снопик
 snowadqo — сновало
 snowaś — сновать пряжу
 snuval'i su — сновали пряжу
 sobeta // sobytä — суббота
 sobetu (вин.) — в субботу
 soća — сестра
 soćejsy — более сладкий
 sońicka — солонка
 sol // sol' — соль

solóću — для соли
 som — 1 л. ед. ч. от byś // być
 som ordoqoç — я стал
 som wy^estaća — я осталась
 som xyjíz̄u — я ходил
 som se umro^au — я качался
 soma — солома
 sotki — сладкий
 sowa — сова
 spa — комната
 spadnuła jo — упала
 spań — пар
 spańe (им. ед.) — высок
 spar[·] // sparn // sparń — пар
 spaś — спать
 spědobańe — удача
 spělezi (дат.) — исповеди
 spělco — стебель
 spěwa // spíwa (3 ед.) — поет
 sp'i (3 ед.) — спит
 spíwańe // sp'iwańe — песня, пе-
 ние
 spo — стебель
 splécen·eny — заплесневевший
 spl'ejo (им. ед.) — стерня
 spliska — трясогузка
 spo — стебель
 spotk — низ, обратная сторона
 spoqeść // spy^ejeź — исповедь
 spozy // spôz̄e — внизу, снизу
 spôdný // spôrný — нижний
 spôdobało jo — нравилось
 spôrowaś — копить
 spôtki rządoce (им.) — холще-
 вая, нижняя часть перинного
 чехла
 spôz̄e — внизу
 správicka — недопек в хлебе
 sprosk // spforsk — малиновка
 sproxnéły — трухлявый
 spšegaś — защрягать
 spšek // spšek — сбруя, упряжь
 spudnica — нижняя юбка
 spydny — нижний
 spy^edny^e zec — кальсоны
 spyzy — внизу
 sr'ebaś — хлебать
 sředa // sřoda — среда
 sr'edne želo — средней толщины
 пряжа
 sr'edn·ej (местн. пад.) — сред-
 ней
 sr'eško — посередине

sŕézny // srězny — средний
 sŕeslo — предплюжник
 sŕobl'o — серебро
 sroka — сорока
 srokóška — сорокопут
 sromaš se — стыдиться
 srometa // sromota // sronyta —
 позор, стыд
 sŕosuo — предплюжник
 stacídlo — ткацкий стан
 staili smy — мы ставили
 staiš — ставить
 starē baby l'še — бабье лето
 staíš // staiš — ставить
 starka — бабушка
 starkego (род.) — дедушки
 staroś // staroś — страдание;
 забота
 stary — старый
 stašowy // stašiw (им.) — ткац-
 кий стан
 stčigas — стричь
 stel̄ gęjðaçej (3 л. дв. ч.) —
 танцевали (вдвоем)
 stergi (им.) — очесы льна, пакля
 sterix (род.) — четырех
 stoeeca // stojeaca vôda — стоячая
 вода
 stogoúiséo — подставка для стога
 stoe (3 мн.) — стоят
 stolc — стул
 stolcyk — стульчик
 stoupa — стопа
 stôu — стул
 strowosc — здоровье
 stroušy // strôušy — более здор-
 вый
 strowy // strowy — здоровый
 strov'e — здоровье
 strus — цветок
 strusy ugyś — рвать (выдерги-
 вать) цветы
 struvjośc — здоровье
 studná // sturnja — колодец
 stucocý // stucocý — раздавить
 stvôrtk — четверг
 styfi — четыре
 su — 3 л. мн. ч. от byś // być
 su droge — дорогие
 su pŕeoblacone — переодеты
 su rejowal'i — танцевали
 su ukvítl'i — отцвели

su xýjíl'i — ходили
 suk — сук
 sukadło — сукало
 sukaty — сучковатый
 sukňa // sukn'a — юбка
 suknecę kȳšul'e (им. мн.) — су-
 конная юбка
 suržiok — фитиль
 suset // susot — сосед
 susézi — соседи
 susotka — соседка
 sušȳs — сушить
 suxe dřewo — сухое дерево
 suxe leto — сухой год
 suxeg dřeča — сухого дерева
 suxešy — более сухой
 suxogo — сухого
 suxšy — более сухой
 sušiny (им.) — пах (у лошади)
 svacyna — второй завтрак
 svajdžba — свадьба
 svajžbarjamí — свадебными го-
 стями
 suaňe — подстилка скоту
 svafba — свадьба
 suarbarski — свадебный
 swar'eç ðo — ругал
 svařic — ругать
 suapšy — более слабый
 svěceňe — керосин
 súefbi // sv'erbi — зудит
 sút // svót — свет
 súetkoúica — троицын день
 sv'etlo — свет (освещение)
 súezeň // svézeň // svézeň — празд-
 ник
 svěrny — верный
 svétki — праздник троицы
 svétkowaś — свидетельствовать
 svína — свинья
 svíńko — подсолнух
 svíńco // svín'co — солнце, под-
 солнечник
 svín'eca — свиная
 svíńeca groś — свинарник
 svíńecy šmalc — свиное сало
 svíńeć — свинарник
 svítane — рассвет
 suocedžy — более сладкий
 suoma brauxčana ðo vórgoðaçaca —
 солома была использована
 suomjane — соломенные
 suónčko — божья коровка

sъoçom — словом
 suotcejšy — более сладкий
 svôjdžba — родня
 sъuzobník — подмастерье, рабочий
 svyjo — свое
 sъuýco — солнце
 svy'jzba — родня
 sxojdžona (drasta) — изношенное (платье)
 sxowaś — спрятать
 sxyfes // sxyg'es — заболеть
 syek — косец
 sye — сев
 sydfiška butra — масло с хлопьями свернувшегося молока
 sykam (1 ед.) — кошку
 sykańe // sy'kańe — сечка
 sykańjoj (дат.) — косьбе; для косьбы
 sylza — слеза
 syn // sy'en — сын
 syno // sy'no — сено
 syńc — сесть
 syńco — сядьте
 sypaś — засыпать лошадям
 syty — откормленный, жирный
 sъuoj — соловей
 sy'ć — сеять
 sy'korki (род.) — синицы
 sy'nuś — сесть
 sy'pal'i su — сыпали
 sy'pnuc — сыпнуть
 sy'se — камыш
 sy'ta — жирная
 sy'ta traídja — посевяное зерно, посев
 sy'tuo — сев

Saēg·lu (3 мн.) — трут, отмывают
 šaké ged'ix·ty — разные истории
 šampaflojk // šampin·junks // šamp·ionjk — шампиньон
 šanda — лямка (у тачки)
 šanšík — платочек
 Šant — платок
 Šar·en·e — пугало
 Šaq — шов
 Šcipaś — щипать
 Šcipjeū — щука
 Šejc — сапожник

Šējoś — шесть
 Šējkowaś — дарить
 Šerake (им. мн.) — всякие
 Šeríć se — седеть
 Šerš·en // Šeršēn — шершень
 Šesnasc — шестнадцать
 Šeška — шишка
 Šešć — шесть
 Šēu — шов
 Šēu haš do — шел вплоть до . . .
 Škeręc — скворец
 Škerne — сапоги
 Škerpiny — скорлупа
 Škaryc — кудахчет (курица)
 Škl'a — миска
 Šklicka — блюдце
 Škobřiojk // Škobřijk — жаворонок
 Škorop — низкий горшок
 Škorec // Škórc — скворец
 Škorka // Škórk — корка
 Skôrn·e (им. мн.) — сапоги
 Škôr·pina — скорлупа
 Škrabać — чистить (морковь)
 Škrabak — лемех
 Škrabal'i su — чистили, скребли
 Škretouňišo — кротовая нора
 Škretę knydle (им. мн.) — жареный картофель
 Škficka — искра
 Škr·jacy (3 ед.) — квакает
 Škrodača — жаба
 Škrok — ель
 Škrüzene vesy — курчавые волосы
 Škurpina — скорлупа
 Škwačka — шкварка
 Škyrodýja — сковорода для блинов
 Šlabak — чех
 Šlaxtowal'i su — резали скот
 Šlextnejšy — более плохой
 Šl'i tej rei —шли на танцы
 Šlimn·ej — хуже
 Šlin·ka — мера длины вытканного холста
 Šlitēchuy (им.) — коинки
 Šlodačka — швея
 Šl'odafski — портновский
 Šl'orgaś — хлебать
 Šmalc // Šmaic — свиное сало
 Šmaracki (им. мн.) — спички
 Šmek·jo // Šmekđo — имеет вкус

- šmél // š'mél' — шмель; хмель
 šmorža (им. ед.) — сморчок
 šmoх — трут (для окушивания пчел)
 šmfok — ель
 šmuška — полоска; пробор
 šmyržę (им. мн.) — сморчки
 šnaterjō — крякает (утка)
 šnaucbort — усы
 šnob'el — клюв
 šnica — сница (в телеге)
 šni'tlaux — зеленый лук
 šołta // šołta — староста
 šonunga — заказник
 šorc // šorcga // šorguch — фартук
 šotša — сестра
 šou — шов
 spa — комната
 špeńc // šp'eńc // šp'en·c — за-
 ноза
 špintebal — танцы по случаю окончания супрядок
 špoda // špôda — лопата
 spos — шутка
 šposarski // šposařski — шутли-
 вый
 špróšk — малиновка
 špundočaíne — пол
 špryc — отвал плуга
 šrot — мука грубого помола
 (корм для скота)
 štyít — шаг
 štaigowała jo — прибывала
 (вода)
 štafić — жалить
 štafo (3 ед.) — жалит, колет
 štelowańe — лемех
 št·ifgôle — приемный ребенок
 št·ifmeñterxiny — азиаты глаз-
 ки
 št·ifnan — отчим
 št·ifsyn — пасынок
 št·ikôwaś — вышивать
 štiřca // štyřca — крышка
 štoterjō (3 ед.) — заикается
 štrajtjomęj (1 л. дв. ч.) — спо-
 рим (вдвое)
 štraitjō (3 ед.) — спорит
 štraixxolcħiny (им. мн.) —
 спички
 štreitäfski luš — спорщик
 štr·iknodla — спица
 šrumé — болотный луг, топъ
 štrumpty — чулки
- štryceł // štryčeł — коврижка
 štryck — шнурок
 štryki — шнурки
 štrykować // štykuać — вязать
 (из ниток)
 študl'ica // šturl'ica — трепаль-
 ные козлы
 štufa — ступень
 štunda — час
 štyr'jō — четыре
 štyr'i byki // štyři byki — че-
 тыре быка
 šul'a — школа
 šul'ag — учитель
 šulařka — учительница
 šupka — лопата
 šuruwaś — чистить, убирать по-
 мещение
 šusterka — жена сапожника
 šušejšy — более сухой
 šuwařnica — швейная игла
 šužoňk — фитиль
 šuabřík — спичка
 švagər — свояк
 šwarne — красиво, хорошо
 šverc — сверчок
 šv·egeřnica — свояченица
 šwěj stej (3 л. дв. ч.) —шли
 (вдвое)
 švērm·iū (3 мн.) — роятся
 švēroçać — присягать
 švíc — пож
 šwicowaś // švíewaś — потеть
 švígersyn — зять
 šužobu (им.) — тараканы
 šwoger // šuogor — свояк
 šwođernica — некровная род-
 ственница
 švon — лебедь
 švýgruś — швырнуть
 šy·bazny — остроумный, шут-
 ник
 šybeńca — коромысло
 šyčke paduňi (им. мн.) — все
 воры
 šycko // šyčko — все
 šyf // šyfa — корабль
 šyja — шея
 šyjarńica // šyjarńica // šy·jar-
 ńica — швея
 šykuny — ловкий
 šylaw·i — косит (глазами)
 šymel — белая лошадь
 šygę // šy·ge ŷosy — седые волосы*

šyfeć // šy^eg·eš — седеть
 šyše — шитье
 šyu^o јо — шил
 šy^e(им. мн.) — все
 šy^ebazny — остроумный
 šy^eć — шить
 šy^edfiški — хлопья свернувшепе-
 гося молока
 šy^eja — шея
 šy^eńka — трактир
 šy^eg· — ширина
 šy^ega garona — серая ворона
 šy^ege — заплесневелое; серое;
 седое
 šy^erejo (3 ед.) — седеет
 šy^eroki — широкий
 šy^eška — шишка
 šy^esim — шитьем

Sa (вин.) — тебя
 řanki // řánki — тонкий
 řanki mōtk — моток тонкой
 пряжи
 řanućki — тоненький
 řacakly // řacakuy — бешеный
 řacakuoś — бешенство
 řaćaska — тропинка
 řćeđat — спина
 řćejkac — сверчок
 řcena — спина
 řćeńe — крестины
 řcera // řćera // ř:era — щепа
 řcepis // řćepis — прививать (де-
 ревья)

řcerbaty kosk — неполный колос
 řcerkotawa — бабий лен (трава)
 řcernowe jagody — черника
 řcerpny — терпеливый
 řčešk — крапивник
 řčeśiny // řćeśiny — щетина
 řčežyk — крапивник
 řčen — хрен
 řcena — стена
 řcēpk — привой
 řcēš — крапивник
 řćić — крестить
 řcida — сито
 řcipaś — щипать
 řcipđoū — щука
 řciš — крестец
 řcišak — рыболовная счастье
 řciuka — смычок
 řciuko — крыло

řciwy — кривой
 řcogno — ляжка
 řcokał ѡо — ругал
 řcokaś — ругать
 řce — всегда
 ředaś — продать
 ředawa — продавщица
 řegnuś — тянуть
 řegnarski ky^en — тянувший конь
 řelc — молодой вол
 řele // řelko — теленок
 řemfres — умереть
 řenuś — тянуть
 řeporaś — растратить
 řeporjo (3 ед.) — растратит
 řerlica — трепало
 řerlikaś — ломать, тереть лен
 после сушки
 řerńowę jagody — ежевика
 řerńowy — ежевичный
 řerpęś — страдать, терпеть
 řesķaržyś — обвинять
 řeške — тяжелое.
 řeškok (род.) — тяжелого
 řešeńica // řeſerńica — двоюрод-
 ная сестра
 řeško — двоюродный брат
 řeňeny kuń — тянувший конь
 řenjo (3 ед.) — тянет
 ři cesańu — во время чесания
 ři písu — при питье
 řisnuś — отодвинуть
 ři šyśu — во время питья
 ři tux — при этих
 ři žewé — во время работы
 řigledóqarjoū (род. мн.) — зри-
 телей
 řileřeny — приклеенный
 řipot ѡо — доставляет
 řipka — ягненок
 řiprosna — супоросая
 řišuo ѡо — пришло
 řiś — прийти
 řívezanę — привязано
 řixy — тихий
 řizo (3 ед.) — придет
 řma — тьма
 řmatę — темное
 řoplośc — тепло
 řopy — теплый
 řota — тетя
 řpa — комната
 řtšełaś — стрелять

- ſ:epa — щепа
 ſ:iduo — крыло
 ſ:iuk̄o — крылышко
 ſ:otkowę uk̄i — луга, трудные
 для сенокоса
- Ta** — эта
 ta jež — еда
 ta kyc̄ka skusyca jo — кошка
 прыгнула
 ta mухa zumujo — муха жужжит
 ta pejča — кнут
 ta pôtpaža — подмышка
 ta psesada — капустная рассада
 ta rebjia — канава
 ta r'ez — лезвие косы
 ta riŋjka — кольцо косы
 tas rajk̄io — она (свинья) трется
 ta se žek̄jo — она благодарит
 ta svetjba — родня
 ta súiňa gnurl'i — свинья хрю-
 кает
- ta sytva — посев
 ta špraxa — язык (Sprache)
 ta utera — уторы (в бочке)
 ta užba — учеба
 ta víšyca — вишня
 ta wopac — весло
 ta žerža — жердь
 ta zesyyna — десна
 ta xfastva — кочерышка
 ta xyjí klačujc̄y — она ходит,
 болтая
- tajki (им. ед.) — такой
 tajki art měcha — такая разно-
 видность мешка
- taká — такая
 taká narska baba — такая вздор-
 ная баба
- talar'óč (род. мн.) — тарелок
 taški (им. мн.) — птицы
- tauk // taug — гной
- tceštreyxować — перечеркивать
- tcić — прийти
- te (им. мн.) — эти
- te boki (им.) — женская грудь
- te bomy to kšydo žarže — эти
 брюши держат крышу
- te buřa — крестьяне
- te cařsi (им. мн.) — черти
- te coük̄i svérgmíjdu — пчелы
 роятся
- te cuyki (им. мн.) — шпули
- te 'cumy — женская грудь
- te gl'inye — глинистая земля
- te gylcy // gȳlc̄y (им. мн.) —
 парни
- te gyrk̄i — огурцы
- te jetša // te jéča — печень
- te kl'iše — клещи
- te knępl'e — картофель, кар-
 тошка
- te kričgél'i (им. мн.) — крен-
 деля
- te kulki urostuje — картошка
 прорастает
- te kuł'ki wuzberane — картошка
 собрана
- te lapy (вин. мн.) — платки
- te l'utki — гномы
- te l'uże maju želaš — эти люди
 должны работать
- te mȳše (им. мн.) — мыши
- te nožȳce — ножницы
- te pantoxle — туфли
- te pedružbařa (им. мн.) —
 дружки на свадьбе
- te saňka (им.) — сани
- te se bejč — они боятся
- te se myju — они моются
- te se roe — они (пчелы) роятся
- te stafejše — родители
- te staže // stažu — члены тела;
 тело
- te styřo — эти четверо
- te su řidne — красивые, хорошие
- te škfony — челюсти
- te šy (им. мн.) — вши
- te ščéry (им. мн.) — щеки
- te s'ěny — клопы
- te tla (им.) — гумно
- te ugory (им. мн.) — угри
- te walkwańca (им.) — бельевой
 каток
- te vežze (им. мн.) — телеги
- te woſe (им. мн.) — осы
- te zeliš:a (вин. мн.) — расте-
 ния
- te zvuny kl'ińce — колокола зво-
 нят
- te zȳlzy — слезы
- te ž — чай
- tej stęd dwójníkař — они двой-
 нишки
- tej 'staręjšej — родители
- tej tóuqar'išaj (им. дв.) — два
 дружки (на свадьбе)

te ⁱ a (род.) — чай	tka ^s — ткать
ten b ^e amter — служащий	to by ^e kuždy žeň — это бы каждый день
ten braš'ka — сват	to n̄eb ^o īo posegñon // pyšeño-pe — пасмурное небо
ten cajizing — чиж	to samsnē // samskē — то же самое
ten dejl̄sc byl̄by nutny — дождь был бы нужен	to se c̄mí — темнеет
ten duxouṇy ^e — священник	to se glim'jo — тлеет
ten ebl̄ik — рубанок	to se grímíjo — гремит гром
ten ge ^b // gouk — голубь	to se kuří — дымится, пылит
ten gēšyr īo suxý ^e — посуда су-хая	to se lej̄o — льет (дождь)
ten īo mēty — он мел	to se v·ečí — гноится
ten īo puščił — он ушел, убе-жал	to skešé — одна голова рогатого скота
ten īo šy ^s ršy — этот болееширокий	to směří — это воняет
ten īo wopity — он пьяный	to su je ^t ca — печень
ten kyū īo uslekū — лошадь окончала	to su koxé (им. мн.) — ости (колося)
ten ma bl'aķi — на нем пятна	to su r̄učica (tvardē) — это пе-чень
ten p̄jas víkoco s tym ogupom — собака вертит хвостом	to weče // wotče — острие
ten pobrać — сват	tomu īanomu bomoju (дат.) — одному дереву
ten radio — радио	topiš — топить печь
ten r̄asheń — персик	topofiš:o // topuyfičo — топорище
ten skjaržník — истец	touzynsty — тысячный
ten spař — спящий	toxta — фитиль
ten š ^a g — предплужник	trajda — урожай, зерно
ten xorej̄k — начало	trajō (3 л. ед. ч.) — продол-жается
ten xočuł — плуг	tratra — лестница
ten zapust andl̄ówal'i — праздно-вали масленицу	tfexíć se — встретиться
ten žy ^t — еврей	tročki // trodyle // trodynu (им.) — петли, к которым прикреп-ляется основа на ткацком стане
teoretik — теоретически	tropy — капли (лекарства)
tepar — гончар	tfosqo — предплужник
teparíšco — топорище	truna — сундук
teptan ^e — подножка у прялки	truton — индюк
teptaš (inf.) — нажимать на под-ножку прялки	tr·efiš se — встретиться
tergaś — дергать	tréty — третий
ternućki (им. мн.) — сорт сливы	tribus — сковорода на ножках
terpetin — скипидар	trixtař // trixtar — воронка
terpík // terp'ik // terpič — упряж-ный валок для постремок (в телеге)	tšax — страх
ti ezel — ты осел	tšubiš — трубить
ti škrodača — ты жаба	tšubjone — страдательное при-частие от tšubiš
ti woł — ты вол	tšuga — ручей
tiġel — горшок на ножках	tšuk — стручек
tiṁjan — тимьян	tšuki (им. мн.) — стручки
tinta // tintu — чернила	tšuna — струна
tkajarnica — ткачиха	
tkane — тканье, ткачество	

tſeſe // tſeco — всегда	uſegaſ — убегать
tſeſat̄ — студень	uſeňo (3 ед.) — убежит
tſelaſ — стрелять	ubiſ — убить
tſi — три	ucabník — учитель
tſi krówy — три коровы	ucba — учение
tſi kuxnič — три кухни	ucyš — учить
tſigotučač — приготовить	ucyukо — лучина
tſmel — шмель	ucyšcne — вычищенное
tu ſpu uceſciš — убрать комнату	uda — удочка
tucne — свиное сало	udojč — вдовец
tuk — сало, жир	udova — вдова
tumneiſe — более глупое	udra — выдра
tuna — бочка	udžečač ſečas — сделал цепь
tunka — рыболовная снасть	ufpasóčaš — быть вниматель-
tunſe — дешевле	ным, наблюдать
tusta — толстая	ugibanye јo bičo — поднялось
tvarc — плотник	(тесто)
tvarcojska — плотницкая	ugle (им.) — угли
tvardy luš — упрямец	ugnana krowa — выгнанная ко-
twaſeňe — строение	рова
tvarog // tvarok — творог	ugor — угорь
tvarogóuy — творожный	ugrabaſ — ограбить граблями
tvarošk oſenuš — приготовить	ugyějš — вылечить
сыр	ugyěn — топоним
tvarošk ſe ciňjo — сыр отстаи-	uka — луг
вается	ukazane bičo — было указано
tvaroški (им. мн.) — сыры	ukazaš — велеть, приказать
tvarožny — творожный	uknuš — учиться
tv'ełka — полотенце	ukník — ученик
tv'eřjona — строена, построена	ukoručaſ — выкапывать
tuſocuš — нажимать на под-	ul'icowanе — рассказало
ножку самопрялки	ul'icowač јo — рассказывал
tvor // twôr — хорь	umarkódał'i su — заметили
ty — ты	um'e — вымя
ty dejš biš — ты должен идти	umán'k // um'en'k — жилая при-
ty žeňoš — ты бежишь	стройка
tykać — толкать, тыкать	uměńkojska — относящаяся к
tykańc // tykańc // tykańc — пи-	жилой пристройке
рог	uměsc // uměsc // uměš: — вы-
тым lešom (тв.) — этим летом	мести
tyu — затылок	umetliny (им.) — сор
tyžen // tyžén — неделя	umíel јo — умер
tyžeňa (род.) — недели	umfeš — умереть
tyžeňu (местн.) — в неделе	umfety — умерший
tyx potpoč — холстов	umyš — вымыть
tye knígę — книга	umyte — вымытое
tye gęl — горшок на ножках	upras — удод
tye ke // tye k' — также	upračkuču — выполоскан (о
tye n šyťu — этот шов	льне)

U nas vèle ukuč — у нас много лугов

uplašoŋk // uprašonk — приданое	uxytovaš — бить задом (о лошади)
uprajt — дед Мороз	vałma // vaçma — овечья шерсть
uspsegaś — выпрягать	valkvańc (им.) — каток для белья
upšeńus — выпрячь	vafłona — вареная
upšeńceranye — стеленый (лён)	vašbreł — стиральная доска
upuścić jo — выпустил	ve apryle — в апреле
uryś strusy — вырывать цветы	ve rowe — в могиле
ufezaś — кастрировать	ve tej smušce — в полоске
urixtodaś — приготовить, устроить	ve tom groxe — в городе
usćeń — ужে	ve tym bufu — в крестьянине
uske a šeroke — узко и широко	ve tym liśce — в письме
uski — узкий	vedy (род.) — воды
usknuś — высохнуть	vej hobej śízotei boę — вы оба придите сюда
usl'eką jo — сдохла околела	vej wóstej (2 л. дв. ч.) — вы знаете
usnuś — уснуть	vejakbę (род.) — солдат
usocko // usoko — высоко	veica — овца
uspíwanie smy mel'i — мы спели (кончили петь)	vel'ma — шерсть овечья
ustrowiś — вылечить, лечить	vel'tork — вторник
usyna // *usyna — лоб	ven — он
uścina — скролупа	ven gónoła — угнанная
uše tçoę — закрома	vena — она
ušej — выше	veńcęńc — овечий хлеб
uše kulkoę — выше щиколотки	veńi — они
uš'ko — ушко	vertylko // vertylkoę — буфет
ušk'fety — растопленный	vézali su — вязали
ušowanę banty — вышитые ленты	vézéš — знать
ušy — более высокий	véxa — путевая веха
ušywaś — вышивать	véřséś — вертеть
utk — уток (на ткацком стане)	veršk — верхушка дерева
utfeś — вытереть	veršňa — вишня
utšaxnuś — убежать	veršňouč bom — вишневое дерево
utšoba — сердце	veršta — колбаса
utyařil'i su — настроили	vérх // čeřx — вершина дерева
uvařone — вареное	véscę (местн.) — в деревне
uworwal'i su — конали плугом (картофель)	větš — ветер
uzagrabycal'i su — загребали граблями	věxć/věk's — соломенное помело
uzda — узда	vézaś — вязать снопы
už — змен	věcęj — больше
užęńc — червяк	věrovańeju // věrōcańi (дат.) — венчанию
užba — учеба	věřsó — верьте
užimaś — выжимать	věstail'i šykno stoęcy (mysmy) — мы все остались стоящим
uxac — заяц	věstańda jo — оставила
uxadaś — исчезать, отмирать	vesy (вин.) — волосы
uxajca — уховертка	veśc — ость
uxo — ухо	vět beje — от суки
uxowas — спрятать	vět drogék — от дорогоого
uxiçana jo biça — была спрятана	vět get — от рождества

vět luží (род.) — от людей
 větčíski (им. мн.) — мозоли
 větpleu (jo) — отплыл
 většegnus — отянуть
 větchoždóna — изношенная
 (одежда)
 větchýsių te rota (som) — распах-
 нул ворота
 větal'ñica (им. ед.) — закрома
 vezete gél'e — взятый ребенок
 vezho (3 ед.) — возьмет
 veznuš — взять
 vezmú (3 л. мн. ч.) — возьмут
 v'ečej — больше
 v'ecor — вечер
 věc — ветер
 vědro — погода
 věks — соломенное помело; пу-
 тевая веха
 věle — много
 věle bydlafióu — много жителей
 věle dr·eva — много дров
 věle gulubé — много голубей
 věle inacej — много иначе
 věle pěñes — много денег
 věle tyzeňu — много недель
 vělka uca — большая жара
 věnask — веночек
 věńc // věńk // věńjk — венок
 věrba — верба
 věrgas se — валиться
 v'ermut — полынь
 vězazáš — вязать (сноши)
 vícej — больше
 vídłowišco // vídlišco // víd-
 lis:o — рукоятка вил
 vídły // vídly — вилы
 vídlicki — вилка
 vika — вика
 vínakšy — другой
 víník — враг
 vino — виноград
 vínowa — виноградная
 vínšowal'i su — поздравляли
 vínzlujo — скулит, визжит (со-
 бака)
 vísň'a — вишня
 vísňouy — вишневый
 vísňowy bom — вишневое де-
 рево
 vís — вить венок
 vítce // vítse — завтра

vísłaty — кудрявый
 vixar — буря
 vobesyc se — повеситься
 vo tom l'išče — в письме
 voispe — в комнате
 volojomu (1 мн.) — носим
 vordjo (3 ед.) — станет
 vor·exowy — ореховый
 vot škurňóu — от сапог
 votapeš — отстегнуть
 votfezual'i su — отрезали
 vozymu — мы возим
 vójnaš — воевать
 vó pësku — в песке
 vódberal'i su — складывали
 сноши
 vóset — осот
 vo tērpíu — в дер. Терпе
 vóják — солдат
 vólsa // vólsa — ольха
 vón šylavýje gleda — он глядит
 кося
 vórdjo (3 ед.) — станет
 vórex — орех
 vóš — телега
 vósec (им. ед.) — осина
 vósfedny — средний
 vót beza — от сирени
 vót drogék — от дорогого
 vót got — с рождества
 vót marxvýje — от моркови
 vót mój — от меня
 vót rycotowek sypa — от забор-
 ного столба
 vót sadu — от фруктов
 vót tucnek (род. ед.) — от сала
 vót tuny — от навозной бочки
 vótcyní // vótcyníš — открыть
 vótcíski (им. мн.) — мозоли
 vótjezdony — отошедший
 поезд
 vótmolować — фотографировать
 vótpisane — написанное
 vótprosowaś — произносить на
 свадьбе предусмотренную об-
 рядом речь (просить проще-
 ния)
 vótfézacz — отпилить
 vótfézcali — отшлифовали
 vótšy — острый
 vótzamk — ствол дерева
 vucešuaš — вычесывать
 vučepás — трепать лен

vug'el — уголь (древесный)	warić — варить
vugaś — выгнать	we gífcé — в яде
vukn'otei (3 л. дв. ч.) — учатся (вдвоем)	we sȳńce — в трактире
vuśeraś — трепать лен	wetixaś — уехать
vy tym kfu — в кусту	wěra — вера
vy zem'ie — в земле	wěfey — верующий
vuccuń — открои!	wěfk — потолок
vubiby — отруби	wistei (2 л. дв. ч.) — знаете (вы двою)
vyda — вода	wiaś — веять (зерно)
vydouy — для воды, водяной	wo tom nazymiu (местн.) — в осени
vydzernuli smy — мы обдергали лен	woldžergić — мять лен
vujník — нашильник (часть сбруи)	"obdzeać — обработать
vylša — ольха	wobdzeapę — обработано
vyfexou bow — орешина	wob·edzić — обедать
vys — телега, воз	wob·elone — очищенные (варе- ние картошки)
vyseś // dyseś (им.) — всходы	wobet — обед
vystańšo — останьтесь!	wobgolić — обрить
vysuony (им. мн.) — щепки	wobgródzenu — огороженный
vysepali su — трепали (лен)	woblac — надеть
vyt kysyś — от косы	woblekaś — надевать
vytćisk — мозоль	wobmywać // wobmywaś — вы- мыть
vytkane — выткано	wobnosena — изношенная
vytmolowaś — фотографировать	wobraćali su — вертели; пере- ворачивали
vytpisanę — написанное	wobřezuć — чистить картофель (сырой)
vytřaśbouč ūo — спрашивал	wobtfewaś — вытирать
vytrubaś — отрубить	wobwocu — брови
vytšuby (им.) — отруби	wobwor — картофелекопатель
vytšy — острый	wobyc // wobys — обуть
vyzyś (им. мн.) — телеги	wocenę (им. ед.) — боронено
vy — вы	wocyc // wocys // dociś — боро- нить
vyeras — пахать	woći — острый
vysemix — в восемь часов	wogęń // woġen // wogen — огонь
vystaili smy — мы оставили	wodęsu su — их ловили (бука. они были ловимы)
vyšeprapę — вытрапанный (лен)	wojka — вика, мышиный горох
vytapęś — отстегнуть	wokleńce — неразвязанные и не полностью обмолоченные снопы (на корм лошадям)
vytčuby (им.) — отруби	wokno — окно
vytgetovane jagę — пшено (ободранное просо)	wokoło — около
vytšy poś — острый нож	womośeny — обмолоченный
vytšuby (им.) — отруби	wopsegnić — обтянуть
vyzom (тв.) — телегой	"opakí yęś — идти обратно
Wabuq stuu — сотовая рама	wopity — пьяный
waclować // vačlować — перева- ливаться с боку на бок (об утке)	wopšetenu — заплесневелый
wałtora — вторник	woptendlone gđe — избалован- ный ребенок
wal'ick // wal'ik — вязанка, пу- чок	
waŋka — лоханка	

woptfēś — вытереть
 wopyš // wopyeš — хвост
 woprhowaś — держать; сохранять
 "orana — вспахана
 woraś — пахал
 woset — чертополох
 wosy — волосы
 wot gessējka — от подарка
 wotawine žni — уборка оставы
 wou // ćou — вол
 wous — овес
 woł'ica — чесалка для льна
 wô kuždom — в каждом
 wô n'jom — в нем
 wô tei žisce — в деже
 wôbfewzaš — чистить картофель
 wôckí (им.) — вожжи
 wôdgotoas — заправлять (еду)
 wôdnik — птичья манта
 wógen — огонь
 wônik // vônik — напильник
 (часть сбруи)
 wôklepu — не до конца выбитые
 снопы
 wôl'ej — растительное масло
 wôn — он
 wôn jo tumny — он глупый
 wôna (3 ед.) — пахнет
 wônańe — запах
 wôn'jaś — пахнуть
 wôsepică // vospicę — коры
 wôsk — воск
 wôstańo jo — осталось
 wôsym — восемь
 wôt boma — от дерева
 wôt groxa — от гороха
 wôt kujńca — от конца
 wôt muskix — от мужчин
 wôt spotka — снизу
 wot wowôu — от волов
 wôt zym'ja — от зимы
 wôtamknus — отомкнуть
 wôtcubę (им.) — отруби
 wôtgotwas ze śpiakom — заправ-
 лять салом
 wôtnietuaś — отбрасывать, веять
 wôtmyć — отмыть
 wôtpus:eny — спущенный
 wôtstojana — отстоявшаяся
 wôtxoidzena (drasta) изношен-
 ное (платье)
 wu nas — у нас
 "ułegas — убегать

wućapal'i su — трепали лен
 wućerany — вытрапанный (лен)
 wućoba — сердце
 wudojona krowa — корова, даю-
 щая мало молока (перед оте-
 лом)
 wugnata krowa — выгнанная ко-
 рова
 "ui // ui — дядя
 wujdza — учеба
 wukn'o — учится
 wule'ses — вылететь
 "umie — вымя
 wuméńkarski dom — жилая при-
 стройка
 wumetl'iny (им.) — сор
 wun'iaś — пахнуть
 wur'ezany — холощёный
 wuryć — вырывать, выдерги-
 вать
 "uspéwal'i // uspéwali smy — мы
 спели
 "usyna — лоб
 "us — быть
 wut domowiny — от Домовины
 wutćobník — ученик
 wutšobny — сердечный
 wutšuby (им.) — отруби
 wusebny luś — серьезный, важ-
 ный человек
 "usknuś — высохнуть
 wuzda — узда
 wużenć — червяк
 wuxajca — уховертка
 "uxo — ухо
 wy seo dum — вы глупы
 wyio — оглобля, дышло
 wył // vył — вол
 wypcę — снаружи
 wyńe (3 мн.) — пахнут
 wyrdowańa jo — стала
 wyśepany — трепанный (лен)
 wytberadnica//vyteberagnica —
 женщина, складывающая сно-
 пы
 wylomany — отломанный
 wytprosowaś — произносить на
 свадьбе предусмотренную об-
 рядом речь (просить проще-
 ния)
 wyedgotowany jagły — пшено
 (ободранное просо)

wy^ejníki (мн.) — нашильник
 (часть сбруи)
 wy^ejôwaś — воевать
 wy^esa // vy^esa — оса
 wy^eseš // uy^esesé — всходы
 wy^eset — чертополох
 wy^esk — восток
 wy^estaś se — оставаться
 wy^etmłosić — отмолотить
 wy^etreglowas — открывать за-
 сов

ɿamaś // ɿamaś — ломать (дерево)
 ɿaini (1 л. ед. ч.) — я ломаю
 ɿasy^ecka — ласка (животное)
 ɿauka — лавка
 ɿerⁱašk — вершина дерева
 ɿešu žumaś — выжимать белье
 ɿeteřeraś — складывать снопы
 ɿetšaplonę pantoſle — растоп-
 танные туфли
 ɿeześ — возить
 ɿežtar — сторож
 ɿel'^e rožoč — много роз
 ɿežta — вера
 ɿeqanę — венчание
 ɿeriš — верить
 ɿefso // ɿefso mē — верьте мне
 ɿeselę — веселье
 ɿiał som — я веял
 ɿo moim ɿeļku — в моем вен-
 ке
 ɿobeda — лебеда
 ɿobej — обуй; обе
 ɿobuzny — злобный
 ɿostry — острый
 ɿostojana ɿoda — отстоявшаяся
 вода
 ɿoga — влага
 ɿoi — говяжье сало
 ɿojsca — овца
 ɿojs — ловить (рыбу)
 uokš — локоть
 ɿońi // ɿon'i — в прошлом году
 ɿonko — охапка
 ɿonské // ɿońske leto — прош-
 лый год
 uoraki — наоборот
 ɿoréńko // ɿoréńko — лист
 ɿožyśco // ɿožyś: o — перина
 ɿoxć — локоть
 ɿón se, zaek̄:o — он заикается

ɿôtprosowańe — обрядовая речь,
 произносимая на свадьбе сва-
 том
 ɿucanić — вытянуть
 ɿme — вымя
 ɿušy^e — выше
 ɿusćeja // wušćejiša — более уз-
 кая
 ɿuternić — выдернуть, выдрать
 ɿutroba — сердце
 ɿusuk — лучина
 ɿjowaś — воевать
 ɿuscexa — водосточный желоб
 ɿyć — ость
 ɿytge^ytoqas — заправить (пищу)
 ɿyměřiš — отмерить
 ɿy tyu^eim — в твоем
 ɿytježony cuk — отошедший
 поезд
 ɿyšcexa — водосточный желоб
 ɿyťšo — острье
 ɿyťzeliňido įo — отгеленело
 (поле)

Z metkyu kopo^anę — мотыгой
 копаное
 z grabl'ami hugrabane įo vôr-
 dozaço — было собрано граб-
 лями
 z vejl'ijom (тв.) — маслом
 za futrom — за кормом
 za nekog znank bys — быть сви-
 детелем у кого-то
 za harmowanę — запруженено
 (о воде)
 zabýséju (дат.) — забвению (для
 забвения)
 zadymonę — дымное
 zaeka (3 ед.) — заикается
 zagasęś // zgâsy^eś — погасить
 zagasjowat — supin от zagasjó-
 wać (погасить)
 zagasju — я погашу
 zagļužk — подушка
 zagon — полоса вспаханного
 поля
 zagojk — грядка
 zagrabować — сгребать
 zagrośce (местн.) — в саду
 zagužuk — подушка
 zaiazać — завязать
 zaķełkowaty — клеклый
 zaķečka — недочек в хлебе

zakopowańe — погребение
 zalaś — залить (огонь)
 zal'ba — мазь (лекарство)
 zamęcył'i su — замочили
 zamki (им. мн.) — замки
 zamknięty — закрытый
 zamknus — замкнуть
 zamofione jaiko — яйцо с мертвым зародышем
 zamfeta nežela — день поминования умерших
 zamfety — покойный
 zameſeny — замешаный
 zanan — посаженный отец
 zapask // zaparsk // zaparstk — яйцо-болтун
 zapiejedańe — церковное оглашение вступающих в брак
 zapēs — застегнуть
 zaplašone ordoało — было заплачено
 zaprajíš se — отказаться
 zapražona — не дающая молока (корова)
 zapścag — упряжь, сбруя
 zapuknóna — опухшая
 zapust — канун великого поста (масляница)
 zarosćena — заросшая
 zary^{wal'i} su — зарывали
 zarzaś — заржаветь
 zarzawę^{lo} — заржавеет
 zarzawy — ржавый
 zasej — опять
 zasecone (им. мн.) — скошены
 zaslaś // zaslaś — сталь подстилку скоту
 zasluž'il'i su — заработали
 zaſćeuańe — подстилка скоту
 zaſćelaś — сталь подстилку скоту
 zaſćelk — подстилка скоту
 zatyk·elc // zatyk'elc — начало ткани на ткацком стане
 zauze (им.) — сап (болезнь лошадей)
 zav'e conę — нагноившееся
 zawijawa — сверток
 zaſtroiś — повернуть
 zaſerflo (3 ед.) — закричит
 zaſernuli su — скручивали (разорванные волокна)
 zaxoróňk // zaxor'jónk — начало

zaxoróić // zaxoríš — начать
 zberk // zberk // zburk — ведро
 zberás — собирать
 zberániem (тв.) — собиранием
 zberás — собирать
 zbrašyś — искалечить, изувечить
 zbyžo // zby^{še}žo — скот
 zby^ežny — набожный
 zdexnuś — сдохнуть
 zdr'aly // zdr'ały — спелый, созревший
 zdreś — зреть
 zdrobna — раскрошенная
 zdźimać // zdźimaś — выжимать
 ze mnoū — со мною
 ze scíwymí — кривыми
 ze sleukamí — сливами
 ze šp'jakom — салом
 zez mōimí gusymí — с моими гусями
 ze zry^wačkamí — копалками
 zežer — часы
 zegibaś se — согнуться, горбиться
 zegibnuś se — согнуться
 zelgraś — проиграть
 zežma — земля
 zežipa — мыло
 zežpōwa — мыльная
 zekxiny — носки
 zeldgany — лживый
 zel'azny — железный
 zelazo // zelezo — железо
 zel'e (им.) — сорняки
 zel'ený — зеленый
 zelenki — вид грибов
 zel'išćo — сорняк
 zeliś:a (им. мн.) — сорняки
 zepšećerali smy — мы стелили (лен)
 zergno — зерно
 zes cym — с чем
 zes čajíkej — с тонкой
 ze scíwymí — с кривыми
 zes tucny^m — с салом
 zescynaiu (3 мн.) — складывают
 zestajal^{hi} — мы составляли (споны льна)
 zešy^wfeny — заплесневелый
 zešyše — сшитое, шов
 zeug'ejo — свернулось (о молоке)

zəufreš — свернуться (о молоке)	zrubы — сруб колодца
zəz maš'inamı — машинами	zrudoba — печаль, траур
zəz "obworakom "obworgal'i — окапывателем окапывали	zryxtuat — supin от zryxtowaś (приготовить)
zəzberane — собрано	zumōwaś — жужжать
zgaga pal'i — изжога жжет	zumpaliś:a (им. мн.) — лужи грязи
zgasnuš — погаснуть	zup — зуб
zgniš — сгнить	zvada — скора
zgr'ešyç jo — согрели	zwaſi — сварит
zgubiš — потерять	zvet — колодец-журавль
zguþou — потерянный	zveno — колесный обод
zgu — рубаха	zv'eře — зверь
z'ilo — силос	zv'eřešim — зверем
złamaś — сломать (деревья)	zv'eřeny vesy — завитые волосы
złość — злоба	zv'eřešoma (дат., тв., местн. дв.) — зверям, зверями, зверях
złoto — золото	zv'erxa // zv'erxu — сверху, поверх
zły — злой	zv'eščujo — предсказывает
z'l'odowoc som — я отнес	zvezany ^e x — связанных
z'l'uþona — обрученная	zvezaś — завязать
z'l'uþony — обрученный, обручальный	zv'eře — зверь
zl'up — обручение	zv'igańe — торжество в честь возведения крыши на строящемся доме
zmarzónony // zmarzneṇy — замерзший	zvigaś — возводить дом
zmarzónony ^e nos — замерзший нос	zuošník — преступник
zmeje (3 ед.) — родит (о животных)	zuość — месть
zmerkańe // zmerki — сумерки	zvótł'odqal'i su — сгребали
zmerzneṇy — замерзший	zuto — золото
zmetlizny — кор	zuoži // zuoži ^l — вор
zmetqa — метель	zwy // zuy // zuy ^e — злой; плохой
zmetana — сливка	zwy ^e n // zvy ^e n — колокол
zniđa // zm'i ^{ka} // zm'ia — медяка; гадюка	zvy ^e t // zvy ^e rt — колодец-журавль
zmjatañoğ gárgac — горшок для сливок	zyju — я возьму
zniđatana — сливки	zyma — холодно
zmušona // zmušona vy ^e da — мутная вода	zymeđy — более холодный
znajom — анаю	zymny — холодный
znam ^e // znamjo — родника	zumska traïda — озимые хлеба
zgol' — шум	zy ^e s — взять
zgol'iš — шуметь	zy ^e te — взятое
zoki — носки	zy ^e u — зёб в нитях основы
zor'ka // zorja — заря	Žaba — лягушка
zraíeny — раненый	žaga — изжога
zrańis — ранить	žagańca — крапива
zrézać — разрезать	žaićnejša namša — заутрення
zrixtouçājō — приготовил, сделал	žaićnejša gvestka — утренняя звезда
zrowatka — пахтанье	žaića // žajča — утром

žałba — мазь
žałosny — печальный, грустный
żeca — ложка
żelańska//żełęska aра — серп
żeń // žeń — женитьба, супружество; ботва
żenęe (род.) — никакой
żenęem — я бегу, гоню
żenío // žen·jo (3 ед.) — бежит
żenone — женатые, замужние
żenony — женатый
żeñaka — женщина
żerś — жердь
żerłka — жердочка
żes — жать
żewica — смола
żgaga — изжога
żlob — деревянное корыто для пойла скоту
żn·i — жата
żnuta tšawa — жатая трава
żołć — желчь
żoltę — желтое
żoluża (им. ед.) — желудь
żona — жена
żoły — желтый
żożę (им. мн.) — желуди
żózck — желчь
żóztk — желток
żran·e — корм
żr·eb·e — жеребенок
żfeck — пьяница
żr·edqo // žfidlo — источник
żr·eś — пьяниствовать
żr·eśc — пьяница
żudla — хлебный амбар
žuię (3 ед.) — жует
żurawa — журавль
žvak žus — жевать жвачку
žvało — волна
žvēki žviš // žviki žviš // žviki
ž·uš — жевать жвачку
žuđor — ясли; деревянное корыто для пойла скоту
žycia // žy·ca — ложка
žydočka — еврейка
žyla // žyda // žy·da — жила
žyśco // žyś:o — стерня
žyś:a (род.) — стерни
žytny — ржаной
žyto // žyto // žy·to — рожь
žyto jaś — веять рожь
žyto seł'i su — сеяли рожь

žylívica — смола
žyvēne — жизнь
župność — хозяйство
žyžany — шелковый
žyžio (3 ед.) — заживает
žyžneje vyedy — никакой воды
žyžvica — смола

Žaržańik // žeržańik — рукоять
žaržaś — держать
žasęs // žesaś — десять
žasęs mark pfemie — 10 марок премии
žaś — вязать
žaśoły kyūk — спица
ždžecimí — беременная
ždžol'ba — подарок, который получают свадебные гости
ždžimaś — выжимать
žek — благодарность
žekju — благодарю
žekozaś — благодарить
želabny (żeń) — будний день
želaśar — рабочий
žerki (им. мн.) — дырки
žerńik — трепало (для обработки льна)
žerńony — мятый (лен)
žerguś — мять лен
žeřo (3 ед.) — орет
žeržaś // džeřaś — держать
žesna — десна
žesi — дети
žet — муж
žeuapřeň — будничный день
žewali su — работали
žeuarski cočki — рабочие пчелы
žeueś — девять
žody — мужья
želabny žeń — рабочий день
žek — благодарность
žokozaś — благодарить
želaś // žedaś — работать
žen // žen· — день
žensa // žensa — сегодня
žesyna — десна
žoška — дежа
žewař'i su — работали
žewaſer'jou (род. мн.) — рабочих
žewo // žedo — работа
ževiš — девять
žežisko — мужичонка

žěža — дежа
žibaty — лихорадочный
žinsa — сегодня
žirka nosowa — ноздря
žiselsc — дятел
žiwal'i su — работали
žiwaś — работать
žiwina — дичь
žiūjak — дикая груша
žiwy — дикий
žiasęś — десять
žo — идет
žoučis:o — девчонка
žoučo — девушка
ždúka — дочь
žur'ja (им.) — двери
žufka — дверка
žučco // žučko — девушка
žuňka — дочь

Xápo (3 л. ед. ч.) — начнет
xejna // xujna — сосна
xədota — ведьма
xleu // xlēu // xl'oū — хлев
xmel — хмель
xojna — сосна
xopinaś — начинать
xop'inj.k — начало
xopim (1 ед.) — начинаю
xopis — начинать
xopjo (3 л. ед. ч.) — начинает
xotk // xhotk — тень
xədota — ведьма
xôdžyęśco — веник
xōi — плуг
xōiacka — сосенка
xōjzecy — ходя (деепричастие)
xōjziś — ходить
xôlowy // xólowy — штаны
xōt — плуг
xōgu — больной
xošyśco // xôžyśco — веник
xôsc — хвощ
xgarcka — капля
xgaroso (3 ед.) — капает
xgarotaś — моросить

xgomcsuk — домик
xgomoc (род. мн.) — домов
xgomoc gibel' — фронтон дома
xroxaś — храпеть
xto — кто
xudy — бедный
xurość — болезнь
xutšy — более бедный
xval'ba — похвала
xval'iś — хвалить
xvataś — хватать
xuodność — холод
xuotk — тень
xýco — быстро
xydotaca — ведьма
xujca // xujna — сосна
xujzil'i su — ходили
xujzis — ходить
xyla // xyl'ka — короткий про-
межуток времени
xugość — болезнь
xysəbus — Котбус
xutać // xutaś — бросать
xuçoj — плуг
xužyśco — веник
xydota — ведьма
xy'l'a // xy'la — небольшой отре-
зок времени
xu'gu — больной
xu'esiś — бросить

Yca — жара
ydfiškate mloko — свернувшееся
молоко
ykaś — икать
ykawa // ykava // y'kaça — икота
ympaś — качать колыбель
ymraça — колыбель
ymro&u sę jo — качался
upacęj — иначе
ynakšy — иной, другой
y'nezel — остров
yś — идти
yś na 'fatcu — готовиться к кон-
фирмации
ys:e — еще

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Введение	3
Список населенных пунктов, говоры которых отражены в исследовании, с указанием на источники сведений о них	17
Диалектные различия в составе вокализма	20
§ 1. Фонема [i]	20
§ 2. Фонема [e]	26
§ 3. Гласный <i>y</i> и его место в фонемной системе	39
§ 4. Гласный <i>ё</i> и его место в фонемной системе	52
§ 5. Фонема [a]	55
§ 6. Фонема [o]	56
§ 7. Гласный <i>ö</i> и его место в фонемной системе	61
§ 8. Фонема [u]	70
§ 9. Сочетания гласных	72
§ 10. Чередования гласных фонем	73
§ 11. Общий характер организации вокализма в нижнелужицком диалектном языке	74
§ 12. Ударение	78
Диалектные различия в составе консонантизма	84
§ 1. Фонема [j]	85
§ 2. Фонемы [t], [d]	89
§ 3. Согласные <i>t</i> , <i>d</i> , <i>s</i> , <i>z</i> перед <i>i</i>	89
§ 4. Фонемы [n], [r]	91
§ 5. Фонема [ń]	92
§ 6. Фонема [ŕ]	96
§ 7. Фонема [l] — [l'], [l]	99
§ 8. Общая характеристика группы зубных взрывных и сonorных фонем	102

§ 9. Фонемы [s], [z], [c]	103
§ 10. Фонемы [š], [ž]	103
§ 11. Диалектные различия, связанные с изменением <i>tr</i> , <i>pr</i> , <i>kr</i> > <i>tš</i> , <i>pš</i> , <i>kš</i>	105
§ 12. Согласный <i>š</i> в основных нижнелужицких диалектах	109
§ 13. Согласный <i>ć</i> в основных нижнелужицких диалектах	112
§ 14. Согласные <i>ž</i> , <i>dž</i> в основных нижнелужицких диалектах	114
§ 15. Коррелятивные пары [š]—[ś], [ž]—[ź]	116
§ 16. Общая характеристика группы зубных невзвешивых фонем в основных нижнелужицких диалектах	118
§ 17. Согласные <i>ś</i> и <i>ć</i> в пограничных диалектах	118
§ 18. Согласные <i>ž</i> и <i>dž</i> в пограничных диалектах	123
§ 19. Фонемная интерпретация <i>ć</i> и <i>dž</i> в пограничных диалектах	123
§ 20. Общая характеристика группы фонем, реализованных зубными фрикативными и аффрикатами в пограничных диалектах	125
§ 21. Диалектные различия в фонемном составе отдельных слов (морфем), связанные с употреблением мягких губных фрикативных в пограничных диалектах	126
§ 22. Согласные <i>ć</i> и <i>ś</i> в пограничных говорах деревень Парцов и Бяздов	126
§ 23. Согласные <i>ž</i> , <i>dž</i> в пограничных говорах деревень Парцов и Бяздов	127
§ 24. Общая характеристика группы фонем, реализованных зубными фрикативными и аффрикативными согласными, в пограничных говорах деревень Парцов и Бяздов	128
§ 25. Фонемы, реализованные зубными фрикативными и аффрикативными согласными в слепянском и мужаковском диалектах	128
§ 26. Позиции различения фонем [t]—[t'], [d]—[d'] . .	130
§ 27. Диалектные различия в фонемном составе отдельных слов (морфем), связанные с употреблением зубных невзвешивых фонем	130
§ 28. Общая характеристика системы фонем, реализованных зубными фрикативными и аффрикатами в нижнелужицких диалектах	131
§ 29. Губные твердые согласные фонемы	132

§ 30. Губные мягкие фонемы перед передними гласными	135
§ 31. Губные мягкие фонемы перед непередними гласными	136
§ 32. Позиции различения твердых и мягких губных согласных фонем	138
§ 33. Различия в частоте употребления мягких губных согласных фонем	138
§ 34. Фонема [f]	140
§ 35. Диалектные различия в фонемном составе отдельных слов (морфем), связанные с употреблением губных согласных фонем	140
§ 36. Общая характеристика группы губных согласных фонем	140
§ 37. Фонемы [k], [g], [x]	141
§ 38. Фонемы [k̚], [g̚], [x̚] перед гласными переднего ряда	144
§ 39. Мягкие задненебные перед непередними гласными	146
§ 40. Мягкие задненебные перед согласными	148
§ 41. Мягкие задненебные на конце слова	148
§ 42. Общая характеристика группы задненебных фонем	149
§ 43. Коррелятивные отношения по мягкости	149
§ 44. Коррелятивные отношения по участию голоса	156
§ 45. Место фонем [v]—[f] в ряду фонем, коррелятивных по участию голоса	160
§ 46. Чередования согласных фонем	161
§ 47. Общие принципы сочетаемости согласных в нижнелужицком диалектном языке	164
§ 48. Сочетание сонорных с последующими согласными	166
§ 49. Сочетания шумных фрикативных с последующими согласными	173
§ 50. Сочетания шумных варывных с последующими согласными	177
§ 51. Схема сочетаемости согласных в пределах морфемы	181
§ 52. Схема сочетаемости согласных на стыке морфем	186
§ 53. Общий характер организации консонантизма в нижнелужицком диалектном языке	188
Заключение	194
Русский перевод использованных в работе транскрибированных примеров	205

86 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА

